

**ИНСТИТУТ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

Комитет по культуре Санкт-Петербурга
Институт культурных программ
Санкт-Петербургский институт истории РАН
Фонд имени Д.С. Лихачева

Институт Петра Великого

Дмитрий Гузевич

СОВЕТ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Е.В. Анисимов, научный руководитель Института Петра Великого, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

В.Е. Багно, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Г.В. Вилинбахов, заместитель директора Государственного Эрмитажа

Д.А. Гранин, председатель Правления Фонда имени Д.С. Лихачева

Д.Ю. Гузевич, сотрудник Школы высших социальных исследований, Париж

Е.Я. Кальницкая, генеральный директор Государственного музея-заповедника «Петергоф»

А.В. Кобак, заместитель директора Института культурных программ

А.Н. Колякин, директор Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Н.Л. Корсакова, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

О.Л. Лейкинд, заместитель директора Фонда имени Д.С. Лихачева

В.П. Леонов, директор Библиотеки Российской академии наук

М.Б. Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа

В.Н. Плешков, директор Санкт-Петербургского института истории РАН

А.Р. Соколов, директор Российского государственного исторического архива

Ю.К. Чистов, директор Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

ЗАХОРОНЕНИЯ ЛЕФОРТА И ГОРДОНА: МОГИЛЫ, КЛАДБИЩА, ЦЕРКВИ

♦

Мифы и реалии

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2013

Книга посвящена истории погребения старших друзей и наставников Петра I — Франсуа Лефорта и Патрика Гордона, а также дальнейшим судьбам их захоронений. Изучаемые вопросы вписаны в широкий контекст: рассмотрены история кладбищ, где Лефорт и Гордон были похоронены (или, по легенде, перезахоронены), история церковных зданий, где их отпевали, траурные процессии и их появление в России. Определен персонаж, который был перезахоронен в 1877 г. на Введенском кладбище в Москве, и чей памятник до сих пор будоражит фантазию любителей истории. Обнаружена чугунная мемориальная доска 1694 г., посвященная бургомистру Амстердама Николаасу Витсену и существующая до сих пор. Попутно решен ряд вопросов, касающихся истории Немецкой слободы в Москве и ее зданий. В приложении дана фундаментально дополненная на основе новых архивных документов статья, посвященная истории болезни и смерти Лефорта.

Дмитрий Гузевич. Захоронения Лефорта и Гордона: могилы, кладбища, церкви: мифы и реалии. — Санкт-Петербург — Издательство «Европейский Дом» — 2013 — ??? стр., илл.

На обложке: Как мыши кота погребают. Фрагмент раскрашенной гравюры на меди. «Зимний» вариант — кот лежит в санях. Эта версия гравюры конца XVIII века была широко распространена в XIX веке.

ISBN 978-5-8015-0305-9

© Д. Гузевич, 2013

© Издательство «Европейский Дом», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Вполне академическое вступление	11
Неакадемический пролог	17
КЛАДБИЩА	23
Кладбища Немецкой слободы	23
Марьино роццо	25
ГЕНЕРАЛ И АДМИРАЛ ФРАНСУА ЛЕФОРТ	33
Смерть и похороны	33
Церковь	40
<i>Появление лютеранских храмов</i>	40
<i>Появление кальвинистских храмов</i>	41
<i>Протестантские церкви в Немецкой слободе</i>	42
<i>Судьбы инославных храмов Немецкой слободы в XIX–XX вв.</i>	50
Место погребения и само захоронение	53
<i>Погребальная процессия</i>	55
Памятник	59
Эпитафия	59
Судьба захоронения	67
ГЕНЕРАЛ И КОНТР-АДМИРАЛ ПАТРИК ГОРДОН	74
Смерть и дата похорон	74
Погребение Гордона	76
Эпитафия	79

Католическая церковь	80
<i>Предыстория</i>	80
<i>Первая католическая миссия (1684–1689)</i>	84
<i>Появление католического храма</i>	95
<i>Первые церковные здания</i>	97
<i>Католическая община в Немецкой</i> <i>слободе в 1689–1698 гг.</i>	99
<i>Вопрос о храме</i>	102
<i>О фамильном склепе и часовне</i>	103
<i>О деревянной церкви. Начало</i>	106
<i>План 1699 г.</i>	108
<i>О деревянной церкви. Завершение</i>	113
<i>Предыстория строительства каменного храма</i>	115
<i>Новый храм</i>	116
<i>Дальнейшая судьба храма</i>	123
Судьба участка	135
Нынешнее захоронение на Введенском кладбище	138
Гордоны в России	140
Дом Гордонов в Немецкой слободе	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	150
Дискуссионная глава	154
Сожаление о несбывшихся возможностях	162
Приложение: Краткая хронология. Реформатская и католическая церкви в Немецкой слободе	164
<i>Реформатская кирха</i>	164
<i>Католический костел</i>	165
Дополнительная глава	170
Предисловие	170
<i>Гузевич Д., Гузевич И., Виноградова Ю. «Мы не от старости</i> <i>умрем — от старых ран умрем». Болезнь</i> <i>и смерть Франсуа Лефорта</i>	172
Вступление	172
Ранения	173
Въезд в Москву 30 сентября / 10 октября 1696 г.	175

Лечение	175
Весенние осложнения	178
Лефорт и вино	179
Последний вечер перед финалом	182
Дата и время смерти	187
Приложение 1: Хроника болезни	189
1694	189
1695	189
1696	190
1697	192
1698	193
1699	194
Приложение 2: Рецепты лекарств, которыми лечили Лефорта	197
Приложение 3: Медицинские заключения о смерти Лефорта	198
<i>I заключение</i>	198
<i>II заключение</i>	199
<i>III заключение: Медицинское заключение о болезни</i> <i>и смерти F. Lefort'a</i>	200
<i>IV заключение: История болезни Лефорта</i> <i>и ее анализ</i>	202
Примечания	211
Источники	271
Именной указатель	310

ПРЕДИСЛОВИЕ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Книга Дмитрия Гузевича «Захоронения Лефорта и Гордона» подготовлена Институтом Петра Великого к двустороннему году дружбы «Россия — Голландия / Nederland — Rusland».

Она посвящена двум старшим друзьям и наставникам Петра Первого — Францу Лефорту и Патрику Гордону. И первый из них, женевец Лефорт, сыграл удивительную роль в распространении голландской культуры в России.

Начнем с того, что в русскую коронную службу он перешел из голландской. Именно он привил молодому Петру любовь к Вильгельму III, принцу Оранскому, под чьим командованием воевал в Голландии против Франции. Позднее, во время Великого посольства, Лефорт повезет Петра в Голландию, на встречу с кумиром своей юности. Впрочем, и сама мысль о посольстве, как и идея обучения Петра в Голландии, принадлежат Лефорту. По-видимому, он сыграл немалую роль в том, что первым иностранным языком, на котором научился говорить молодой царь, оказался голландский язык. Среди личных друзей Лефорта — Николаас Витсен, дипломат, ученый, бургомистр Амстердама.

В целом это вещи известные. Значительно меньше обращают внимание на то, что Лефорт оказался одним из «столпов» голландской общины в Немецкой слободе (как Гордон — католической). Дело в том, что в Европе было лишь два государства, основной религией которых являлся кальвинизм (реформатская ветвь протестантства). Это — Женевская и Голландская республики. Поэтому неудивительно, что в Московии выходцы из этих республик составили единую общину. В книге рассказывается о Голландской церкви в Немецкой слободе, где прощались с Лефортом, о ее пасторах, о роли Витсена в ее строительстве и о роли Лефорта в ее поддержке.

Автору книги удалось «вычислить» местонахождение в Москве чугунной мемориальной доски, отлитой в 1694 году и посвя-

щенной амстердамскому бургомистру — старейший из сохранившихся мемориальных знаков России. Саму же забытую доску, в точности на предсказанном месте, обнаружил Александр Кобак. Если повезет, она будет открыта для обозрения в 2013 — русско-голландском году.

Посвящается памяти моего учителя
Бориса Игоревича Козлова,
погибшего в Москве 8 августа 2010 года,
в дни, когда писалась эта книга

ВПОЛНЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ¹

Настоящая книга — одна из наших работ, касающихся Петровского мифа.² Точнее, не самого ствола мифа, а ветвей этого развесистого дерева: мифов Гордона, Лефорта, Брюса.

Сразу, во избежание упреков в излишнем ригоризме, оговоримся: все мифы в истории можно разделить на две большие группы и с известной долей условности охарактеризовать как фольклорные и историографические. Первые — неотъемлемая часть цивилизации, отражение тех либо иных образов и событий в народной памяти, фактически, один из первоисточников, хотя и очень тяжелых для анализа. Мифы этой группы нередко предстают в виде легенд, исторических анекдотов и слухов. Их надо изучать и использовать.

Иное дело историографический миф — прямое порождение исследовательской ошибки, опухоль, выросшая из обычного артефакта. Бездумно повторяемый во множестве сочинений, подобный артефакт постепенно обрастает подробностями той же фантастической природы, что и он сам. Увеличение же потока околонаучной литературы приводит как к повторению уже произведенных артефактов, легализуя их в качестве «всем известных фактов», так и к созданию новых.

Это и произошло с «петровским мифом» за два десятилетия празднования «300-летних юбилеев» — от флота до Петербурга, от Великого посольства до Полтавской победы, что отнюдь не безобидно. Именно поэтому мы столько внимания уделяем вопросам корректировки циркулируемых в литературе сведений. Чтобы не перегружать основной текст книги, критические замечания вынесены, как правило, в примечания.

Что касается самого исследования, то оно началось предельно скромно — с попытки понять, чьи останки лежат под намогильным

камнем с именами полковника Гордона, Лефорта и Петра Великого на Введенском кладбище в Москве. Вокруг этого захоронения циркулирует множество легенд, о которых мы расскажем в «Неакадемическом предисловии».

Уже сама эпитафия на камне вызывала глубокое недоумение. Решение вопроса распадалось на две части. С одной стороны, надо было выяснить, где покоились останки генералов Патрика Гордона и Франсуа Лефорта и не были ли они захоронены или перезахоронены на Введенском кладбище. С другой, требовалось установить личность полковника Гордона, «жившего в эпоху Петра Великого и Лефорта», который мог быть перезахоронен в 1877 г. на Введенском кладбище.

По мере погружения в материал недоумение возрастало. «Поплыли» все факты и даты. Стало понятно, что в этой истории нет, практически, ни одного точно установленного факта, ни одной бесспорной даты, ни одного события с однозначной локализацией.

Впрочем, мы несколько преувеличиваем. Четыре позиции (три события и один год) фиксируются совершенно однозначно:

- Патрик Гордон и Франсуа Лефорт умерли.
- Они были похоронены.
- Похороны прошли с пышными церемониями.
- Произошло это в 1699 г.

Информация об остальном — от деталей до ключевых позиций — колеблется в пределах от нескольких версий, каждая из которых выдается за истину, до честного признания: «Данных нет» или «Судьба неизвестна».

Попробуем составить список главных вопросов, которые пришлось решать (большая часть из них возникла в ходе исследования):

1. Когда был похоронен Патрик Гордон? (С датой погребения Лефорта ситуация более ясная).

2. Насколько можно верить описаниям погребальных церемоний, особенно появившимся в голландских и швейцарских газетах? Как они туда попали?

3. Были ли похороны Лефорта первыми светскими церемониальными похоронами в России?

4. В церкви какой протестантской деноминации прощались с Лефортом: реформатской или лютеранской?

5. Как выглядела церковь, в которой прощались с Лефортом? Была ли она деревянной или каменной?

6. Был ли Лефорт похоронен в церкви? Около нее? Если да, о какой церкви идет речь: протестантской или католической?

7. Если Лефорт был похоронен на отдельном кладбище, то на каком?

8. На кладбище Немецкой слободы? Если да, где оно находилось?

9. На иноверческом кладбище в Марьиной роще? Когда оно возникло? Не позже ли захоронения Лефорта? Могла ли огромная траурная процессия успеть дойти за время церемонии из Немецкой слободы до Марьиной рощи?

10. На нынешнем Немецком (Введенском) кладбище?

11. Что представляло собой его захоронение: могила в земле? склеп?

12. Был ли ему поставлен памятник, или ограничились намогильной плитой?

13. Каков и на каком языке был оригинальный текст знаменитой эпитафии Лефорту, повторяемой во множестве вариантов?

14. Была ли она выбита на камне? Если да, то когда?

15. Почему и когда исчезла могила Лефорта?

16. Что представлял собой католический храм, в котором прощались с Гордоном?

17. Когда он возник?

18. Где был похоронен Гордон: у стен костела? в его крипте?

19. Если в самом храме, то была ли это та же церковь, где его отпевали?

20. Какова ее судьба? Когда она была окончательно разрушена?

21. Перезахоранивали ли Франсуа Лефорта и Патрика Гордона после вскрытия их могил в XIX в.? Или только собирались?

22. Сохранялись ли где-либо элементы их захоронений, в том числе намогильные плиты, после вскрытия могил?

23. Ну и, наконец, сакраментальный вопрос, с которого мы начали: кто покоится под знаменитым «гордоновским» камнем на Введенском кладбище?

Мы не указывали здесь вопросы «вторичного» характера, которые с неизбежностью приходилось решать для полноты исследования: от выяснения имен лиц, погребенных в той же крипте, что и Патрик Гордон, до истории его дома; от предыстории церквей до выяснения судьбы чугунной мемориальной доски с гербом Витсена. На этом пути нас ждали настоящие открытия, пусть и локального характера. Даже если исследование ограничилось бы только ими, оно уже было бы оправданным.

Из вышесказанного очевидно, что автору пришлось рассматривать не только захоронения главных героев и их историю, но и связанные с этими погребениями церемонии, кладбища и церкви.

Отдельный вопрос — источниковая база исследования.³

В русской историографии XVII в. чрезвычайно велик удельный вес нарративных источников: записок иностранцев, дневников путешественников, писем, донесений. Для этой эпохи их уже достаточно

много, публиковались они с XVII в., хотя изданы далеко не все, тем более в русском переводе. Не касаясь проблем критики этой группы источников, заметим лишь, что «пристрастное изложение фактов», в котором часто обвиняют иностранцев (напр., [228, с.29]) — авторов записок и их информаторов, — не что иное, как взгляд на происходившие события этой группы свидетелей. Если факты подтверждаются, их «пристрастная» точка зрения имеет столько же оснований, сколько и противоположная ей.

Что касается архивных документов, имеющих отношение к нашему исследованию, то значительный их массив обработан и частично опубликован еще в конце XIX в., в первую очередь, в трудах Д. Цветаева.⁴ Мы использовали также богатый газетный материал 1699-го и 1870-го годов — соответственно, периодов похорон Лефорта и разрушения католического храма.

За последние 20–25 лет, когда ослабло, а затем исчезло идеологическое давление, препятствовавшее изучению деятельности иностранцев в России, многие историки обратили внимание на московскую Немецкую слободу — фактически почти «непаханное» исследовательское поле. Самой слободе уделялось очень мало внимания в дореволюционной историографии, немного — в рамках москвоведения⁵, где выделяется работа В.В. Нечаева [404], и, косвенно, при рассказах об иностранцах и иностранном влиянии в Московии.⁶ Исключение составляют работы по истории инославных культов в России и их взаимоотношении с православием, где исследовалась не столько слобода, сколько церкви на ее территории — именно то, что представляет для нас прямой интерес. До революции таковых сочинений вышло довольно много. К сожалению, среди них крайне мало трудов «отстраненного» характера, как, например, И.М. Снегирева, А. Лебедева, П. Верховского.⁷ Почти все остальные в разной степени ангажированы в сторону православия (гр. Д.А. Толстой, И. Соколов, Д. Извеков, М. Красножен, Л.П. Рушинский и др.⁸). Просто в некоторых случаях, как, скажем, у Д. Цветаева, научная добросовестность преобладает над идеологическими посылами.

Особняком стоят работы историографов инославных конфессий: Ф.И. Тастевена, Л. Готье, А. Толлена, Г. Дальтона⁹, А.В. Фехнера и др. [29; 35; 80; 544]. Но если работы Готье и Толлена были опубликованы в малодоступном издании (впрочем, ныне выведенном в Интернет) и потому часто проходят мимо российских исследователей, то, скажем, хроника Фехнера или работа Дальтона слабо используются в российской историографии не только из-за немецкого языка, но и из-за готического шрифта.

В советскую эпоху, в частности, до войны, тему «забыли». Редкие исключения — посмертные публикации перед самой войной

первых томов труда М. Богословского «Петр I» [136; 139] и статей архитектурного и градостроительного характера, где материалы для нашего исследования отсутствовали. Интерес к теме возвратился, когда с 1944 по 1947 г. были опубликованы сразу три работы — С.К. Богоявленского, Е. Звягинцева, В. Снегирева [143; 255; 524], а в 1948 г. появилась диссертация Н.Г. Вершининой «Иноземцы и иноземные слободы в Москве» [228, с.16].

Впрочем, от самого понятия «Немецкая слобода» постарались избавиться. В двух изданиях *Большой советской энциклопедии* и в *Советской исторической энциклопедии* его использовали лишь для отсылки к основной статье, которая шла под заголовком «Иноземные слободы» [266; 400].

В последние десятилетия вопросы пребывания в Московии XVII в. представителей христианских инославных конфессий детально рассматривались Т.А. Опариной и С.П. Орленко. Их работы, основанные на архивных документах¹⁰, поднимают малоизученный пласт межконфессиональных отношений.

Таким образом, автор столкнулся с двумя явлениями: множеством опубликованных источников, исследовательских и публицистических текстов, с одной стороны, и крайней скудостью фактологического материала, с другой. Разбросанную по этим работам косвенную информацию пришлось собирать буквально по крупицам.

В такой ситуации, прежде чем окунаться в архив, необходимо провести ревизию того, что наработано. Тогда станет понятно, что еще надо искать. Необходимо наметить стратегию продуктивного архивного поиска.

Вышесказанное повлияло на выбор представления результатов: по каждому из встающих вопросов мы приводили весь выявленный комплекс свидетельств современников, цитат из опубликованных документов и соответствующих исследовательских работ.

На первый взгляд может показаться, что текст изобилует повторами. В действительности же перед нами — свидетельства и исследовательские заключения, отличающиеся нюансами и датами, сравнительный комплексный анализ которых неоднократно позволял решать в рамках настоящего исследования ранее нерешенные вопросы.

Что касается стратегии дальнейшего поиска, соответствующие рекомендации даны нами в заключении.

Автор исходит из того, что история — наука точная, ибо каждое событие имеет географическую привязку, дату и время; каждый объект — авторство, размеры, химический состав, физические и художественные характеристики, место хранения (если это недвижимый объект — местоположение); каждый субъект — имя, даты жизни, причину смерти, место упокоения и т.д. Конечно, далеко не все из этого нам известно, но получение недостающих данных как

раз и является целью исторического исследования, точнее, того его подраздела, который получил название микроистории — базы для любых макроисторических построений. Этим принципом автор и руководствовался, уточняя даты и размеры, имена и топографию. Именно поэтому в работе столь большое внимание уделяется исторической метрологии и точности датировок по различным календарям. Подобное сопоставление и выстраивание дат известных событий, нередко привязанных к церковным праздникам, позволило датировать освящение первого католического храма в Московии и похороны Гордона.

Лучшее свидетельство адекватности нашей методики — обнаружение доныне скрытой от глаз чугунной мемориальной доски в честь Витсена, в основу поиска которой легли исторический анекдот XVII в. и свидетельское показание XIX века.

Отдельным приложением к книге опубликована расширенная версия уже публиковавшейся статьи двух авторов «Болезнь и смерть Франсуа Лефорта» [215]. За восемь лет, прошедших с момента первой публикации, возникли новые материалы, позволившие значительно ее дополнить. Кроме того, у статьи появился третий соавтор, Ю.Е. Виноградова. Как нам кажется, это исследование еще больше, чем основной текст книги, подтверждает справедливость тезиса об истории как точной науке.

НЕАКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЛОГ

Проблемы, связанные с захоронениями сподвижников, друзей и учителей молодого Петра I — Франсуа Лефорта и Патрика Гордона, до сих пор не решены, а посему продолжают будоражить фантазию любителей истории, порождать и множить артефакты и мифы.

Так, 5 августа 2007 г. в Интернете появилась очередная сенсация: «Найдена могила Лефорта?» с подзаголовком: «Сенсационное открытие на Введенском кладбище». В ней говорилось следующее: «На днях в одной из 8 полуразрушенных часовен нашли надгробную плиту с полустертыми надписями на немецком и русском языках. По некоторым данным, под ней покоятся останки легендарного сподвижника Петра I Франца Лефорта, скончавшегося 308 лет назад! <...> Письма с просьбой прояснить судьбу подданного Швейцарии Франца Лефорта¹¹ уже направлены в посольство этой страны в Москве, а также в диппредставительства Германии и Австрии. Вовлечь в поиски планируют и российских историков. Те, однако, настроены весьма скептически. “Могила Лефорта на Введенском кладбище ищут давно, — говорит директор Российского государственного архива древних актов Михаил Рыженков. <...>, но — никаких зацепок”. — “В России нет архивных данных касательно места захоронения Лефорта, — вторит ему заместитель директора Российского государственного военно-исторического архива Александр Приютов. — Боюсь, что могила Лефорта безвозвратно утеряна”».¹²

В марте 2010 г. автор процитированной статьи Екатерина Свешникова любезно дала нам следующие комментарии: «По работе я сотрудничаю с ГУП “Ритуал”. Сотрудники этой организации в свое время и проводили поисковые работы на Введенском кладбище. Захоронение Лефорта так и не удалось найти. Но надежду они не теряют. Сейчас в Москве на всех кладбищах проводится перепись бесхозных, заброшенных захоронений. Возможно, где-то и всплывут хоть какие-нибудь данные про Лефорта. Кстати, “Ритуал” выпустил даже фильм-путеводитель, посвященный поискам этой могилы. Он так и называется “В поисках утраченного Лефорта”» [518].

Фильма мы, к сожалению, не видели. Но все сказанное М. Рыженковым, А. Прикутовым и Е. Свешниковой приводит к однозначному заключению: могила Лефорта исчезла навсегда. Однако разумные мысли, высказанные компетентными людьми, «энтузиастов» как не убеждали ранее, так не убеждают и ныне.

Вот пример из современного фольклора, зафиксированный И.В. Кувшинской: «У меня есть троюродная сестра, Марина Львовна Бартельс, чьи родные похоронены на Введенском кладбище. Она очень интересуется всем, что связано с историей немецкой колонии в Москве, посещает вечера и встречи в Немецком доме на Пироговке. Ее приятельница, Юлия Николаевна Соловьева, автор двух небольших брошюр о склепах и надгробиях Введенского кладбища [390; 497], передает следующий рассказ. Ее покойный знакомый, Феликс Робертович Штильмарк, в детстве, в возрасте 9–10 лет, еще до войны, присутствовал на похоронах своего деда, который погребен на 14 участке, то есть там, где входишь на кладбище со стороны трамвайных путей. Этот пожилой человек вспоминал, как его отец, Роберт Александрович Штильмарк, показывал ему памятник Лефорта на Немецком кладбище. Он вспоминает скамейки и статую, и убежден, что это был именно памятник Лефорту, но не его могила. Он описывает несколько чугунных скамеек, чугунные же цепи, которые окружали памятник на постаменте. Представляя, какого роста был мальчик, Ю.Н. Соловьева пыталась понять, где мог стоять тот памятник и найти это “заколдованное место”. И почти нашла. Эта часть кладбища, прилегающая к стене, обращенной к бывшей улице Новая Дорога, где идут трамвайные пути (в советское время остановка у кладбища так и называлась “Новая дорога”, что вызывало море шуток у выходящих на ней), в предвоенное время была свободна от захоронений (действительно, старых могил там мало) и представляла собой род небольшого сквера. Там и стоял памятник — слева от входа. Он был окружен чугунными цепями, прикрепленным к невысоким столбикам, также чугунным. Потом их растащили. Юлия Николаевна выявила несколько однотипных чугунных скамеек на разных частных владениях на той стороне, где стоял предполагаемый памятник, нашла и нечто, напоминающее основание — большую каменную плиту. Да и я сама видела описанные столбики в разных местах. Старинные скамейки также стоят на разных участках. Приблизительное место и основание плиты сестра мне показывала осенью. О памятнике помнили, якобы, пожилые собеседники Юлии Николаевны, уже давно умершие. Она хочет восстановить то памятное место — и добиться того, чтобы собрали старые столбики, скамейки и поставили обелиск с именем Лефорта. Она искренне верит в эту историю. Таких рассказов, я думаю, в Москве немало».¹³

Возьмем вышедшие в 1993 и 1995 г. книги М. Артамонова [107; 108], вторая из которых носит скромное название «Московский некрополь», что предполагает научный уровень, как минимум, сопоставимый с известным уже более столетия одноименным трудом В.И. Саитова [385]. Автор пишет о похороненных на Введенском кладбище: «Среди них сподвижник Петра I генерал-адмирал П. Гордон». Несколько далее: на участке 11 этого кладбища похоронен «Гордон Патрик (Петр Иванович) (1635–1699) — генерал и контр-адмирал, соратник Петра I». И чуть дальше: «Лефорт Франц Яковлевич (1656–1699) — адмирал». Здесь номер участка уже не стоит. В книге «Введенские горы» указано, что его «могила не сохранилась» (то есть, предполагалось, что она на Введенском кладбище была).¹⁴ Любопытна аргументация этого утверждения: «Не найдены могилы многих известных людей, похороненных на Введенских горах: соратника Петра I адмирала Ф. Лефорта (его именем называлась местность, прилегающая к кладбищу)» [107, с.7]. Другими словами, факт захоронения подменяется фактом близости исторического района Лефортово. Перед нами один из источников, поддерживающих живучесть мифа «лефортовской могилы».

Обратим внимание на год смерти обоих персонажей и сравним его с датой основания Введенского кладбища (оно же Немецкое или Кладбище на Введенских горах; сокращенно: «Введенские горы»), указанной как в той же книге, так и в энциклопедии «Москва»: 1771 год, во время эпидемии чумы¹⁵, через 72 года после смерти Лефорта и Гордона. Таким образом, похоронить их на этом кладбище было никак не возможно, речь могла идти разве что о перезахоронении, а это требует особых оговорок.

Однако утверждение о том, что Ф. Лефорт и П. Гордон похоронены (в лучшем случае, перезахоронены) на Введенском (Немецком) кладбище, уже пошло «гулять» по литературе.¹⁶ А. Шишов: «Прах <...> генерала Петра Ивановича Гордона еще в XIX веке был с почестями перенесен на московское Введенское кладбище» [605, с.448]. Это же утверждение попало в фундаментальную монографию М. Логуновой [342, с.61].

Из справочной литературы приведем текст в энциклопедии «Москва» 1980 года издания: «Введенское кладбище <...> (Наличная ул. 1) <...>. Сюда в 19 в. перенесены из Немецкой слободы останки ген. Ф. Лефорта и П. Гордона»; «Гордон Патрик <...>, генерал и контр-адмирал <...> первоначально похоронен на кладб. Немецкой слободы, перезахоронен на Введенском кладб.»; «Лефорт Франц Яковлевич <...> был похоронен близ своего дворца, в 19 в. прах перенесен на Введенское кладб.» [161; 201; 336]. Опять-таки ни одно из утверждений (о захоронении Гордона на кладбище Немецкой слободы, а Лефорта близ его дворца и перезахоронении

обоих на Введенском кладбище) не соответствует реалиям. Но хотя бы, в отличие от Артамонова, не путаются чины: «генерал и контр-адмирал» не превращается в «генерал-адмирала» (каковым Гордон, как и Лефорт, никогда не был). В издании 1998 г. статья о кладбище остается неизменной, но в статьях о Гордоне и Лефорте мотив «перезахоронения» исчезает, и авторы уже прямо погребают их на Введенских горах: «Гордон <...> Похоронен на Введенском кладбище», «Лефорт <...> Похоронен на Введенском кладбище» [162; 202; 337].

И, наконец, в самой основательной энциклопедической статье о Гордоне, подготовленной переводчиком его дневника Д.Г. Федосовым: «Пётр I присутствовал при смерти Г<ордона> и сам закрыл ему глаза, устроил пышное погребение в основанной Г<ордоном> церкви (позднее прах перенесли на Введенское кладбище)» [208, с.429].

А вот Интернет, Википедия: «В XIX веке на Введенское кладбище из Немецкой слободы перенесены останки генералов Ф. Лефорта и П. Гордона». Сходные тексты на десятках других сайтов.¹⁷

Косвенно поддерживает эту легенду и С.К. Романюк в вышедшей в 2007 г. основательной краеведческой работе «Москва за Садовым кольцом» и в предшествовавшей ей статье «Немецкая слобода»: «<...> старое церковное здание в Кирочном переулке в 1870 г. разобрали, останки там похороненных перенесли на Введенское кладбище, а надгробную плиту генерала Гордона передали в Румянцевский музей».¹⁸ Иначе говоря, что Гордон был захоронен в этой церкви и перезахоронен на Введенском кладбище.

Однако сразу подчеркнем: на кладбище отсутствуют надгробные плиты или памятники с указанием, что под ними покоятся останки Франсуа Лефорта или Патрика Гордона. В августе 2007 г. заведывавший Введенским кладбищем Эдуард Ашуров категорически заявлял: «Мы больше, чем кто-либо, были бы заинтересованы в нахождении могилы Лефорта на территории Введенского кладбища, раньше называвшегося Немецким», но при этом подтверждал, что могила Лефорта на кладбище отсутствует и что он не знает документальных свидетельств того, что прах Лефорта был перенесен на Введенское кладбище с места его первоначального захоронения [376].

Так на чем же базируется легенда?

Во-первых, на нескольких публикациях XIX в., утверждавших, что останки Лефорта и Гордона то ли перезахоронили, то ли *предположили* перезахоронить на Немецком кладбище: в одних случаях называется Введенское, в других — Лазаревское у Марьиной Рощи.¹⁹ Так, «Русские ведомости» писали в августе 1870 г. о католической церкви в Кирочном переулке: «Ломка церкви, по распоряжению начальства, на время приостановлена, пока бранные останки упомянутых лиц <Гордона, Брюса, гр. Рабушинского и о. Шеена —

см. далее. — Д.Г.> не будут перенесены на католическое кладбище, что на Введенских горах» [182]. Из сказанного еще не следует, что сие благое желание было осуществлено: более того, в отношении Франсуа Лефорта этого явно не было сделано и, скорее всего, не было сделано в отношении Патрика Гордона.

Во-вторых, воображение любителей истории будоражит один памятник на кладбище, к которому и восходят все версии мифа. Это третья от угла могила на участке № 11, в той части, где он граничит с участками № 9 и № 15.²⁰

Памятник, поставленный в 1877 г., представляет собой грубо обработанный камень неправильной формы, скорее всего, вулканическую брекцию. Возможно, это октемберянский серо-черный туф (он плотнее других туфов, добывается в Армении).²¹ Камень установлен на невысоком, квадратном в плане цоколе из красноватого, грубо отшлифованного гранита. Цоколь, в свою очередь, покоится на квадратном же в плане фундаменте из светлого камня. Сам участок, ограниченный блоками из розоватого гранита, имеет форму прямоугольной трапеции. На отшлифованном участке памятника рельефная надпись на немецком языке: «Hier ruhen die Gebeine des Obersten Gordon / zeitgenossen Peters des Grossen / und Leforts im Jahre 1877 hierher / überführt aus seinem ehemaligen / Hause nahe der Deutschen Strasse», которая может иметь двойкий перевод. Или, высоким штилем: «Здесь покоятся останки полковника Гордона, современника Петра Великого и Лефорта, *перенесенные сюда в 1877 году с прежнего места упокоения рядом с Немецкой улицей*». Или, более прозаически: «Здесь покоятся останки полковника Гордона, современника Петра Великого и Лефорта, *которые были перенесены сюда в 1877 году от его тогдашнего дома близ Немецкой улицы*».²²

Попробуем проверить оба варианта. Впрочем, для рождения мифа тонкости перевода не важны, равно как и чин полковника вместо генерала. Вполне достаточно того, чтобы не знающий немецкого человек увидел на камне имена Гордона и Лефорта.²³

В.Н. Алексеев, Е.П. Миклашевская, М.С. Цепляева вроде бы понимают проблему временной дистанции между годами создания кладбища и захоронения Лефорта и Гордона, оговаривают ее и вдохновенно, хотя и не совсем точно, переводят эпитафию с этого камня: «Здесь покоится прах полковника Гордона, современника Петра Великого и Лефорта, *в году 1877 сюда перенесенный из его захоронения на Немецкой улице*». И далее: «Перевод текста позволяет с удовлетворением отметить, что в XIX в. при реконструкции Москвы прах усопших уважительно переносился на места новых захоронений: ...». — Вашими бы устами, господа! — не можем мы не воскликнуть, но продолжим цитирование: «... останки Патрика Гордона, сподвижника Петра I и Франца Лефорта, покоящиеся на

Немецкой улице, были перезахоронены на новом месте в январе 1877 г. Московские краеведы сходятся во мнении, что в те же времена, при реконструкции Немецкой слободы, сопровождавшейся ликвидацией погостов, на Немецком кладбище был перезахоронен и Франц Лефорт, скончавшийся в одном году с Гордоном. К сожалению, до сегодняшнего дня место этого перезахоронения обнаружить не удалось». Ну, а чуть далее — фотография захоронения с подписью: «Надгробие П. Гордона» [94, с.258–259, 262].

Как видим, все перемешано и приправлено буйной фантазией: от указания (без ссылок) на неких «московских краеведов», якобы считающих, что Лефорт был перезахоронен «в те же времена», то есть в 1870-е гг., до неизвестно откуда взявшегося утверждения, что перезахоронение произошло в январе (оно отсутствует в эпитафии и противоречит логике ведения земляных работ). Ну, а на понижение в звании генерала Патрика Гордона до полковника авторы просто не обращают внимания. Правда, в вышедшей через три года книге, в утверждениях о перезахоронении Лефорта они более осторожны: «могила Лефорта не сохранилась. Уже в XIX в. по какой-то причине его решили перезахоронить на Немецком кладбище в Лефортово. Тут начинаются загадки: мы не знаем, состоялось ли новое погребение» [371, с.48]. Однако осторожность искупается удивительным количеством ошибок (вплоть до ложных ссылок), сконцентрированных на четырех страницах статьи о Лефорте.²⁴

Самое корректное утверждение о Лефорте и Введенском кладбище дает С.Н. Малинин в статье «Загадки старого дворца»: «На Немецком (ныне Введенском) кладбище могила Лефорта не найдена. Имя “Лефорт” встречается только в эпитафии на надгробии его старшего друга Патрика Гордона, перезахороненного здесь в 1877 году» [356]. В [342, с.61] приведена фотография захоронения с указанием, что это могила Патрика Гордона.

Надо сказать, что, увидев этот памятник впервые в декабре 2001 г. и поняв, что под ним не могут покоиться останки этих двух сподвижников Петра I, мы решили, что перед нами, скорее всего, «символическая могила Лефорта и Гордона (1877)» [220, с.99]. Отчасти, так оно и есть: могила *стала* символической. Захоронение, тем не менее, вполне реальное, вот только другого человека.²⁵

КЛАДБИЩА

КЛАДБИЩА НЕМЕЦКОЙ СЛОБОДЫ

Начнем с информации о кладбищах Ново-Немецкой слободы на конец XVII в., исключив при этом не совсем ясную историю старых иноверческих кладбищ, которые окончательно были закрыты с переселением иностранцев в 1652 г. в эту слободу, как не имеющую отношения к нашему исследованию.²⁶

Запись из дневника очевидца событий Корба от 6 августа 1698 г. (н. ст.): «В Слободе для всех иностранцев, без различия их веры, имеется только одно кладбище».²⁷ Это же подтверждается письмом миссионера Геральда а Санта Кроче (Франциска Эмилиана)²⁸, посланным из Москвы 23 сентября (н. ст.) 1698 г. иезуиту отцу Франциску Дубскому об иезуите отце Альберте Бойе, умершем в Немецкой слободе в 1685 г.: «Каждый раз, когда я прохожу по кладбищу, на котором он погребен (между абиссинским купцом и полковником-католиком и на могиле его положен камень с надписью), я воздаю ему поклонение» [465, с.7–8, 216].

Обратим внимание на последнюю цитату: рядом, среди протестантов, лежали католик и православный эфиоп (в ту эпоху Эфиопская православная церковь являлась частью Коптской церкви. Для Москвы и те, и другие — «неполноценные» православные). Другими словами, кладбище Немецкой слободы не имело деления на конфессиональные участки, каковое будет характерно для более поздних иноверческих кладбищ в России.²⁹

О том же 20/30 апреля 1659 г. писал Андрей Роде — секретарь при датском посланнике в Московии Гансе Ольделанде, описывая кончину датского агента, голландца Давида Рютца: «повезли его на кладбище при нашей церкви, где хоронят без различия вероисповедания всех немцев. <...> затем с кладбища все опять поехали в кальвинистскую церковь <...>. Выслушав проповедь, мы опять поехали на кладбище, где тело еще находилось над землей. Здесь снова было сказано слово о бренности людской, после чего покойника опустили в могилу» [499, с.29]. Роде был датчанин, а значит,

лютеранин, т.е. выражение «кладбище при нашей церкви» означает кладбище при лютеранской церкви св. Михаила. А вот погребаемый был голландцем, и потому проповедь произносилась (пастором Кравинкелем) в реформатской церкви, находившейся дальше от кладбища. Как видим, все описания совпадают друг с другом.

Адам Олаарий (1599–1671), в эту же эпоху, о Немецкой слободе: «Теперь <...> лютеране огородили большое кладбище, на котором они и кальвинисты погребают своих покойников. Обе религии здесь уживаются мирно друг с другом, и ради веры не бывает неприятностей».³⁰

Иржи Давид писал в 1690 г.: «Лютеране имеют два собора: один каменный, очень большой, расположенный среди обширного кладбища, где хоронят всех иностранцев, другой деревянный» [18, с.62; 223, с.126]. Д. Цветаев: «Слободское кладбище было общим для протестантов всех исповеданий».³¹

Согласно информации, встречающейся в литературе, самые ранние захоронения на этом кладбище датировались 1653 г. [587, с.109; 591, с.120–121].

А вот что пишет знаток Немецкой слободы В.А. Ковригина: «За время царствования Петра I в Немецкой слободе появились новые две церкви — католическая и англиканская (английская). Первая, в 1698–1699 гг. построенная из дерева, после пожара 1705 г. была заменена каменной. Скрамная же английская кирха, открытая в 1703 г., оставалась деревянной».³² Возле них были отведены небольшие места под католическое и английское кладбища. Однако прежнее, общее для всех жителей Немецкой слободы кладбище, существовавшее с 1652 г. рядом с церковью Старой лютеранской общины, получившее название “старого” или “протестантского”, по-прежнему оставалось основным местом погребения иностранцев всех вероисповеданий» [295, с.30–31].

Она же в другой работе: «К концу <XVII> столетия слобода украсилась тремя каменными храмами — голландским (реформатским) и двумя лютеранскими, заменившими собой обветшавшие деревянные постройки, а также первой католической деревянной киркой».³³ Рядом с храмом Старой лютеранской общины располагалось общее для всех жителей слободы кладбище». И далее: «С 1705 г., когда появилось каменное здание католического храма и было отведено при нем место под католическое кладбище, Старое слободское кладбище стало протестантским».³⁴ Думается, это слишком сильное утверждение. Территория кладбища при церкви была чрезвычайно мала, оно никак не могло вместить всех уходивших из жизни католиков Немецкой слободы, и потому Старое кладбище должно было продолжать действовать в прежнем режиме.

Если посмотреть на позднейшие карты, то можно представить, что кладбище это, начинаясь от стен лютеранской церкви св. Миха-

ила, простиралось за Вознесенскую улицу (ныне ул. Радио), которая пересекала кладбище. Таким образом, оно занимало часть территории, на которой позднее возникло Елизаветинское училище (ныне — Российская академия предпринимательства и Российская гильдия риэлторов <так!>) и был разбит парк. С востока кладбище могло быть ограничено Салтыковской улицей, а могло простираться за нее в сторону Яузы.

МАРЬИНА РОЩА

Встречается упоминание еще об Иноверческом кладбище у Марьиной рощи. Например, в предисловии Посселя к дневнику Гордона: «Если мы обратимся к могилам этих людей <знаменитых иностранцев, служивших и скончавшихся в России — Д.Г.>, то и здесь не найдем никакой надписи, которая бы напомнила нам об их замечательной жизни. Если мы не можем найти камня, положенного по приказанию Петра Великого на могилу его любимца Лефорта с длинной к счастью сохранившейся надписью, то чего можем ожидать от других надгробных плит?». И в сноске: «Какая счастливая участь в этом отношении выпала Гордону, об этом мы скажем ниже. В Москве общее кладбище для последователей евангелическо-лютеранской и католической церковей находилось в то время вне города, в так называемой Марьиной роще. С тех пор, как оно во второй половине прошлого столетия было заменено другим кладбищем, в совершенно другой местности, оно было оставлено без всякого присмотра, так что в последнее время едва походило на кладбище. Надгробные камни частью исчезли, частью валялись посреди дороги, по которой ежедневно проезжали многочисленные экипажи. Когда теперешние общины, наконец, соединились для принятия мер против осквернения могил и сохранения немногих оставшихся надгробных камней с надписями, частью еще доступными для прочтения, то пришлось с сожалением заметить потерю памятников многих замечательных лиц, которые были там погребены» [198–1, с.8]. В книге о Лефорте тот же Посселя варьирует эту информацию: «Существовали два кладбища для иноверцев: одно, старое, находилось в так-называемой Марьиной роще, вне городской черты; другое, новое, за немецкою Слободою, на восток, следовательно недалеко от дома Лефорта».³⁵ Пишет о кладбище в Марьиной роще и Снегирев, утверждая, что там «погребались прихожане лютеранской и евангелической церковей, с половины XVII до половины XVIII века, как показывают уцелевшие на камнях надписи латинские, голландские, шведские и немецкие» [526; 527, с.49]. Все эти строки впервые были опубликованы в середине XIX в.

Ныне утверждение переключалось в Интернет.³⁶ Версию конца XX в. дает С.Л. Малафеева: «На рубеже XVII—XVIII вв. иноверцев погребали или на старом кладбище в Марьиной роще или на новом — в Немецкой слободе недалеко от кирхи Св. Михаила» [354, с.77].

Похоже, что верное, но не совсем четкое описание Посселята послужило для зеркального искажения ситуации в позднейшей литературе. Посселят старым считает кладбище в Марьиной роще. О кладбище в Немецкой слободе у кирхи св. Михаила он должен был бы тогда говорить как о «сверхстаром», но он его не упоминает вовсе. Под кладбищем же, возникшим во 2-й половине «прошлого», то есть XVIII в. (оно же — на востоке от Немецкой слободы), с неизбежностью должно пониматься Немецкое (Введенское). Другими словами, описанная им ситуация верна на конец XVIII в. (см. далее), но отсутствие дат в его тексте приводит к тому, что действие переносится в XVII в., старым оказывается тогда еще не существовавшее иноверческое кладбище в Марьиной роще, а новым по отношению к нему — возникшее во 2-й половине XVII в. кладбище в самой Немецкой слободе.

С.М. Любецкий (1808(10?)—1881) писал в 1877 г. про Марьину рощу: «там отведено было лютеранам кладбище; надгробные памятники на тамошних могилах существуют и донныне. Между схороненными там иностранцами находится могила пастора Глюка» [345, с.3, 417]. К началу XX в. от Иноверческого кладбища у Марьиной рощи, иногда называвшегося Лазаревским (иноверческим, немецким, лютеранским), по всей видимости, не осталось и следа (хотя находившееся неподалеку православное Лазаревское кладбище было уничтожено лишь в 1936 г. [502, с.176—178]), ибо его не упоминает в списках кладбищ «Московский некрополь», хотя и ссылается на него с опорой на литературные источники.³⁷

И.К. Кондратьев (1849—1904) в 1893 г. писал: «Остатки этого кладбища в виде нескольких надгробных камней видны в Марьиной роще и до селе. Между прочими тут был похоронен и пастор Глюк, наставник Екатерины» [304, с.454].

По-видимому, последнее описание немецкого кладбища у Марьиной рощи оставил в 1910 г. Ф. Тастевен: «Лазаревское кладбище, расположенное на Северо-востоке Москвы в Марьиной роще, в некотором разстоянии от Камер-коллежского вала, на земле графа Шереметева, ясно обозначается находящимися там до сих пор надгробными камнями, которые повреждены людьми, временем и непогодой, но сохранили еще надписи. Это кладбище занимает площадь около тысячи сажень³⁸ земли и образует лужайку, окруженную ровом, наполовину осыпавшимся и застроенную деревянными домиками. Деревья, дававшие ему тень, несколько лет тому назад срублены. Оно служит теперь местом гулянья обитателям квартала, рабо-

чим и скромным горожанам, которые пользуются надгробными камнями как скамейками. Камни эти украшены в Немецком вкусе надписями на Немецком и Латинском языках, и числа восходят с половины XVII века до 1760 года приблизительно. Там нашел я одно Французское имя: «Карл де Кроа», но ни следа имени Жана-Баптиста Тверные, присутствие останков которого на этом кладбище засвидетельствовано историком Карамзиным» [544, с.638—639].

Однако Марьиная роща находится достаточно далеко от Немецкой слободы, на северо-западо-запад. Даже если иноверческое кладбище действовало там в самом конце XVII в., то Корб, как мы видели, о нем еще ничего не знает; не упоминается оно и в письмах иезуитов. И основным все-таки являлось кладбище у самой слободы.

Во второй половине XVII в. Марьиная роща служила местом отдыха и увеселений жителям Немецкой слободы, что не очень-то вяжется с понятием кладбища (хотя мог же простой люд гулять на могилах камнях в начале XX века!). Андрей Роде записал под 1/11 мая 1659 г.: «Чтобы отпраздновать первый день мая, все живущие здесь англичане, согласно установившемуся у них обычаю, поехали сегодня в Марьину рощу (которая, говорят, весьма красива), несмотря на то, что погода стояла дождливая и что роща еще не покрылась зеленью». ³⁹ И далее, 15/25 мая: «15-го мы после богослужения <в Немецкой слободе — Д.Г.> поехали верхом в Марьину рощу, расположенную по крайней мере в полумиле от слободы». ⁴⁰ Туда ведет хорошая ровная дорога <...>. Когда мы доехали до рощи, г-н полковник <Бауман — Д.Г.> встретил посланника <...>. Полковник угощал нас под шатром, в котором вместо стола весьма красиво было вырезано в земле сердцеобразное место, за которым могли сидеть более 30 лиц <...>. Вечером мы возвращались в город». ⁴¹

Впрочем, отдыхали там в XVII в. и московские жители. Бальтазар Койет (Balthasar Coyet), дворянин при голландском посольстве Кунраада фан Кленка (Coenraedt van Klenk) в Московию в 1675—1676 гг., записал под 22 апреля (н. ст.) 1676 г.: посол «снова поехал на охоту на зайцев <...>. Затем мы через Марьину рощу поехали обратно и застали в ней служителей Артемона Сергеевича <Матвеева — Д.Г.>, пришедших с бахматами». ⁴² Некоторые из нас бежали в запуски с ними, не уступив им при этом нисколько. После этого состязания в беге принесли стрелы и луки, при помощи которых русские, стоя, стреляли в известную цель, а также умели очень хорошо стрелять и при быстром беге» [267, с.377; 470, с.482].

С.М. Любецкий: «Во время так называемых Троицких походов царей на богомолье, к преподобному Сергию, в Марьиной роще было первое становище; там тщательно расчищались места для ставки шатров, в которых цари со всей многочисленной свитой, отрядом стрельцов и обозом, отдыхали» [345, с.418].

Роша служила определенной границей. Тот же Койэт 20 июня (н. ст.) 1676 г. описывал отъезд посольства: «Господин Виниус и немецкие купцы оставались с его превосходством <послом — Д.Г.> до Марьиной роши (в доброй полумиле⁴³ от Москвы), где к нам присоединился и датский резидент с несколькими девицами. Здесь для прощания осушили несколько рюмок вина».⁴⁴

Об увеселениях в Марьиной роше писал и Николаас Витсен (дневниковая запись от 24.3/3.4.1665): «Я ездил в Марьину рошу — владение князя Якова [Черкасского], которая служит немцам в Москве увеселительным парком, там есть беседки, стоят столы и скамьи из глины» [175, с.151].

Имя ближнего боярина и воеводы князя Якова Куденетовича Черкасского⁴⁵ в русских документах появляется с 1625 г. (тогда он был стольником). Он — из кабардинских князей, до крещения носил имя Урускан-мурзы. В войнах 50-х гг. показал себя выдающимся полководцем. Под Москвой ему принадлежали село Останкино («Осташково на суходоле») с деревней Марьиной (или Марьиной рошей), она же Княжая роша, она же Княжая слобода, «в которых на 1646 г. числилось 112 дворов крестьянских и 36 дворов людских и других непашенных».⁴⁶ Наследовал он их от своего двоюродного брата, бездетного князя Ивана Борисовича Черкасского, в первый раз упоминаемого в качестве стольника в 1598 г. и умершего в апреле 1642 г. Первое известие об этом селе и о деревне относится к XVI в. Князьям Черкасским они принадлежали с начала XVII в. до 1743 г., когда перешли к П.Б. Шереметеву после женитьбы на В.А. Черкасской. Как следует из книги И. Кондратьева и записок Ф. Тастевена, территория принадлежала Шереметевым вплоть до революции.⁴⁷

У нас есть сомнение, что князь Яков Куденетович, один из богатейших людей своего времени, предоставил свой увеселительный парк при деревне и место царских походных становищ под иноверческое кладбище. Впрочем, он умер 8/18 июля 1666 г., и ему наследовал сын Михаил (ум. 28.6/9.7.1712), о богатстве которого (в совокупности с редкой для своей эпохи честностью) также ходили легенды. Допускаем, что какие-то изменения в судьбе Марьиной роши могли быть связаны с отъездом Михаила Яковлевича из Москвы осенью 1697 г. на воеводство в Тобольск, где он пробыл до 1710 г.⁴⁸

Но раз была деревня, то был и православный деревенский погост. Однако, от него до иноверческого кладбища — дистанция огромного размера. В любом случае, первоначально в XVII в. должно было возникнуть православное кладбище (будущее Лазаревское), и лишь потом — иноверческое, по всей видимости, на рубеже веков или с первых лет XVIII в. Именно в эти годы Немецкая слобода перестала быть замкнутым гетто, и условия жизни иностранцев в России несколько либерализовались.

Попробуем высказать гипотезу: иноверческое кладбище в Марьиной роше если не возникло, то получило развитие благодаря Северной войне, и произойти это могло лишь по царской воле. В отчете католической миссии в Немецкой слободе [465, с.179–190, 357–365] приводится количество умиравших и погребенных католиков. В 1698 г. — 7 человек; в 1699 г. — 6 человек. В 1700 г. первый скачок — около 40 погребенных. Не тогда ли и родилось новое иноверческое кладбище вне Слободы, ибо эти умершие были недавно (могли быть и пленными), вряд ли имели недвижимость в Слободе и не могли считаться ее полноправными жителями? В 1700 г. было погребено 5 человек, в 1702 и 1703 гг. — по 6 человек, в 1704 г. — 9, в 1705 г. — 7, в 1706 г. — почти в три раза больше, 18 человек. Затем, в 1707 г. второй, ранее немыслимый скачок: «умерших, преимущественно из пленников, было 500 человек». На следующий, 1708 г., «умерло вообще, считая тут пленников, 96». И это только католики, по всей видимости, поляки. Протестантов должно быть много больше, ибо с 1700 по 1721 г. война шла с лютеранской Швецией, тогда как конфликт в Польше с поддерживавшими Станислава Лещинского силами носил локальный и ограниченный во времени характер (1704–1709/11). Пленные шведы начали появляться в Москве с 1702 г., причем не только военные, но и жители захваченных русскими прибалтийских территорий. Напомним, что и пастор Глюк попал в Москву в качестве пленного. Пленные нижние чины, количество которых исчислялось многими тысячами, находились в очень тяжелых условиях, среди них, как и среди офицеров, имелись люди с ранениями, и смертность среди них была с неизбежностью высокой. Старое кладбище Немецкой слободы должно было просто «захлебнуться». Православные кладбища были не для них, и, по всей видимости, этих людей, как и пленного пастора Глюка, хоронили уже в Марьино.⁴⁹ Вспомним, что часть надписей там была на шведском языке. Вероятно, по этой же причине — наличию пленных, но уже католиков, в 1707 г. возникло еще одно маленькое католическое кладбище — у вновь построенного каменного католического храма Пресвятой Троицы.

Вряд ли случайно, что встречающиеся в литературе копии эпитафий с могил в Марьиной роше относятся уже к XVIII в.⁵⁰ Самая ранняя встретившаяся нам запись связана с пастором Глюком, погребенным в Марьиной роше в 1705 г.; его надгробие сохранялось еще в первой половине XIX в.⁵¹ Все это подтверждает гипотезу возникновения Иноверческого кладбища в Марьиной роше на рубеже веков и его резкого расширения в 1706–1708 гг.

Однако вернемся к Немецкой слободе.

Замечание у Д. Цветаева: «по указу (1748 г.) Елизаветы Петровны кладбище <Немецкой слободы — Д.Г.> переведено за город, к

Марьиной роше» [587, с.106]. Заметим, что из этой фразы еще не следует, что Иноверческое кладбище в Марьиной роше не существовало ранее и что там не погребали жителей Немецкой слободы.

Впрочем, указ Елизаветы Петровны от 2 июля 1748 г. столь важен для нашего исследования, что позволим себе его процитировать: «Понеже Наш Дворец в Москве на Яузе реке близ Немецкой слободы имеется, в котором Мы, в Наше присутствие в Москве, всегда пребываем, а в Немецкой слободе и близ оной при церквах, кои при самых проезжих улицах имеются, кладбища мертвых тел⁵², особливо же в слободе в склепах незасыпанные землею, кои хотя прежде и дозволены были, но тогда оная слобода была в отдалении от жилья в крае в пустых местах, а ныне между Нашим Дворцом в середине быть стала, и для того погребению мертвых тел весьма тут быть неприлично да и опасно; и того ради Повелеваем: как при Немецкой слободе, так и близ оной при церквах, кои на проезжих больших улицах имеются, от сего времени мертвых не погребать и старые все могилы заровнять и склепы незасыпанные землею засыпать, а впредь тех приходов обывателям мертвых своих погребать в поле, и для того отвести удобные места за Мещанскою слободою, где имеются убогие дома в стороне от проезжих больших дорог и в отдалении от жилья по рассмотрению, а для Русских, где отведется, построить церковь небольшую на Наш кошт, чтоб не в поле, но при церкви по Христианской должности оные погребения были».⁵³

Указ быстро начали приводить в действие. Так, в РГАДА хранится чертеж архитектора Д.В. Ухтомского (1719–1774) под названием «План местности между Мещанской улицей и Марьиной рошей в Москве с проектом устройства кладбищ — православного возле Трифионовской церкви в Напрудной и католического в Марьиной роше». Дата: «1748 г. августа 22».⁵⁴ Другими словами, через месяц и 20 дней местность уже была распланирована и составлен проект кладбищ.

«Убогие дома», упоминаемые в указе, — своеобразные городские морги.⁵⁵ В указе Елизаветы речь идет о таком доме, устроенном вроде бы еще в XVII в. за Мещанской слободой (своеобразный аналог Немецкой слободы, где жили поляки и белорусы, плененные в ходе русско-польских войн в эпоху Алексея Михайловича). Там находилась церковь Иоанна Воина на углу Божedomки (позднее — Старой Божedomки; с 1927 г. — ул. Дурова) и Самарского переулка недалеко от будущей Екатерининской площади (после 1807 г.; в 1932–94 — площади Коммуны, ныне — Суворовской). Это как раз и есть район Марьиной роши. В 1732 г. «амбар для хранения мертвых» (убогий дом) от церкви Иоанна Воина был перенесен в поле уже к самой Марьиной роше, хотя и остался в ведении того же приходского попа. В это же время все остальные убогие дома в

Москве были уничтожены. В 1734 г. амбар у Марьиной роши был перестроен и просуществовал до весны 1763 г., когда и его ликвидировали [304, с.393]. У нового кладбища, созданного по указу Елизаветы Петровны на Сушевском валу, близ Марьиной роши⁵⁶, Д.В. Ухтомским была возведена деревянная церковь во имя св. Лазаря Четверодневного (освящена 21 декабря 1750 г.). Позднее, в 1784–87 гг., она была заменена на каменный храм Сошествия Святого Духа на Апостолов с приделом Воскрешения Лазаря (проект Е.С. Назарова). Это здание сохранилось и находится ныне на территории детского Фестивального парка (название — с 1957 г., ранее — парк им. Ф.Э. Дзержинского), разбитого в 1936 г. на месте уничтоженного в 1934 г. Лазаревского кладбища.⁵⁷

В отношении Немецкой слободы указ требовал: а) перестать хоронить на территории слободы; б) уничтожить существующие там кладбища; в) засыпать землей склепы; г) заровнять могилы.

Как известно, в России строгости законов смягчались необязательностью их исполнения. Так, указ «О непогребении мертвых кроме знатных персон, внутрь городов и об отвозе оных в монастыри и к приходским церквям за город» Петр I издал еще 10 октября 1723 г.⁵⁸, но он мало что поменял в Москве.

Впрочем, и указ Елизаветы 1748 года действовал недолго — 14 лет. По-видимому, он сильно задевал интересы жителей Слободы. Профессор Московского университета И.Г. Рейхель писал академику Г.Ф. Миллеру 24 декабря 1761 г. (ст. ст.): «Здесь немецкие общины более не имеют позволения покойников в Москве хоронить <...>. Нынешнее кладбище в Марьиной роше, в трех или четырех верстах от города, привлекает взоры продолговатыми четвероугольными камнями, но они без надписи и побуждают посетителей сего пристанища необходимое домысливать» [192; 428, n° 227, с.172].

Эти строки были написаны за сутки до смерти императрицы, своим указом закрывшей кладбища в Немецкой слободе. Пройдет всего лишь пять с половиной месяцев, и ее племянник, Петр III, 11/22 июня 1762 г., за две с половиной недели до своего свержения, издаст новый указ: «Его Императорское Величество Всемилостивейший Государь Всевысочайше, по челобитной Московскаго Лютерскаго Пастора Минау указать соизволил: Католицкое, Лютерское и Реформатское в Москве в Немецкой слободе кладбища в прежних при церквах их имеющихся местах строить, и мертвых тех законов людей на тех кладбищах погребать дозволить» [486]. Таким образом, жизнь кладбища при кирхе св. Михаила (которое, хотя и было общим, но принадлежало этой церкви) продлилась на 9 лет. Из указа также видно, что какое-то небольшое кладбище имелось около Реформатской кирхи, а, возможно, и около второй лютеранской, «Новой обедни».

Сколько-нибудь решительные изменения произошли лишь после морового поветрия в «черном» 1771 году, когда погибло не менее четверти московского населения. Тогда Екатерина II указом от 11 ноября 1771 г. строжайше указала: «Понеже <...> прилипчивость сей болезни столь велика, что и по прошествии нескольких лет прикосновением к зараженным телам, или вещам и в земле состоящим, может произвести оное действие заражением вновь прикасающимся, то <...> приказать Губернаторам, чтоб по городам при церквях никого не хоронили, а отвели бы для того особые кладбища за городом на выгонных землях, где способнее, и построив при оных на первый случай, хотя небольшие деревянные церкви, огородили кладбище забором или плетнем, а тех мест, где уже доньше люди паче же в заразительной болезни хоронены, отнюдь и ни под каким видом не разрывали, но оставили бы их так, как оныя теперь есть, насыпав, буде можно, еще более землею, чтоб в вешнее и летнее время меньше паров из земли выходило» [487, с.371]. В Москве новые кладбища (Введенское, Преображенское, Калитниковское, Миюское, Рогожское единовещерское и др.) в 1771 г. были учреждены за городской чертой, за Камер-Коллежским валом.⁵⁹

Итак, для кладбища у лютеранской церкви св. Михаила указ 1748 г. оказался поворотным пунктом: новые захоронения не производились, а часть могил (и особенно склепов) с неизбежностью оказались присыпанными землей. Впрочем, не забудем и шесть московских пожаров в мае 1748 г., то есть за полтора-два месяца до указа Елизаветы. Немецкая слобода оказалась среди пострадавших [272, с.338, 457], ее кладбище вполне могло быть повреждено. Более того, вид этого довольно обширного кладбища со сгоревшими деревьями, поврежденными надгробиями и просевшими могилами, мимо которого Елизавета проезжала в свой дворец, вполне мог вызвать к жизни и указ 1748 г. о его закрытии. После указа 1762 г. наступило некоторое оживление, но указ 1771 г. полностью закрыл кладбища Немецкой слободы. Вполне возможно, что тогда могилы дополнительно засыпали землей. Ну, а пожар сентября 1812 г. лишь завершил уничтожение старых и заброшенных погостов.

А теперь перейдем к Лефорту, как первому из двух наставников Петра I, ушедшему из жизни.

ГЕНЕРАЛ И АДМИРАЛ ФРАНСУА ЛЕФОРТ

СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ

Франсуа Лефорт родился в Женеве 2/12 января 1656 г.⁶⁰ Прибыл в Московию (в Архангельск) в сентябре 1675 г. В России — Франц Яковлевич. Генерал и адмирал русской службы. Скончался в Немецкой слободе под Москвой 2/12 марта 1699 г. в 2 часа утра от старых ран, полученных еще при возвращении из первого Азовского похода осенью 1695 г.⁶¹ В Приложении мы даем существенно дополненную версию нашей работы «Болезнь и смерть Франсуа Лефорта» [215], где проанализированы эти вопросы.

Петр I при его кончине не присутствовал, но уже утром 8/18 марта примчался в Москву из Воронежа с удивительной для той эпохи скоростью и сам организовал пышный церемониал похорон [220, с.49]. «Это были чуть ли не первые в истории России церемониальные похороны, когда главная роль отводилась не столько церковному обряду, сколько военным и гражданским почестям» [510]. Они состоялись 11/21 марта 1699 г.⁶² А.И. Степанов совершенно справедливо замечает, что «таких почестей на чужбине не был удостоен ни один швейцарец» [539, с.128].

Однако надо сказать, что этот «светский» церемониал родился не на пустом месте. Из письма Ф.Я. Лефорта брату Ами от 9/19 октября 1696 г.: «Позавчера я похоронил кузена Лекта и господина Моло⁶³, инженера, уроженца Берна. Он был при мне с прошлого года. Его Царское Величество сопровождал [кортеж], чем оказал им честь. Было прикомандировано шесть рот, стреляли троекратно. Давно не было такого величественного погребения. Все князья и бояре были одеты в траурные одежды — большие плащи, траурные повязки. Приблизительно около ста человек были в трауре. После церемоний они милостиво пожаловали ко мне обедать, главным образом Его Царское Величество».⁶⁴

Совершенно очевидно, что разрабатывал церемониал похорон этих двух лиц, погибших при осаде Азова, сам царь (иначе не было

бы столько русской знати в трауре). Однако в Европу он еще не ездил и все знания о европейских пышных церемониях мог получить или из книг, или от сведущих близких людей. Так не Лефорт ли был этим консультантом, тем более, что хоронили его близкого родственника? Похороны Лекта и Моло входили в комплекс торжеств по поводу взятия Азова, составляя их коммеморативную часть, призванную показать, во-первых, какие жертвы были принесены на алтарь победы, и, во-вторых, что эти жертвы не будут забыты. 30 сентября состоялся триумфальный въезд в Москву, через неделю, 7/17 октября, — похороны Лекта и Моло, 1/11 ноября — празднество с фейерверком у Лефорта (оно должно было состояться раньше, но задержалось из-за болезни адмирала).

Чтобы понять, чем отличались похороны Лекта, Моло, а затем Лефорта и Гордона от церемоний более раннего периода (и чем походили на них), приведем несколько описаний похорон, состоявшихся в Немецкой слободе в предыдущие три десятилетия. А. Роде о похоронах Давида Рютца (запись датируется 20/30 апреля 1659 г.): «Повесили тело, покрытое по нашему обыкновению черным сукном, между двух лошадей и повезли его на кладбище при нашей церкви, где хоронят без различия вероисповедания всех немцев. За телом следовали верхом все присутствовавшие без соблюдения особого порядка» [499, с.29].

А вот запись Н. Витсена от 24.4/4.5.1665 о похоронах Хендрика де Конинга — гофмейстера голландского посольства Якоба Борейля. Запись: «После полудня мы все под тихий барабанный бой поехали в слободу, где находилось тело нашего гофмейстера, чтобы похоронить его. Гроб, на котором лежала его шпага, несли капитаны и майоры. Впереди шли наши литаврщики, одетые в черное, за ними печально следовали трубачи, исполнявшие под сурдинку траурную мелодию. Позади них ехал посол в карете, перед которой шли слуги, а рядом паж. За каретой, пешком и верхом, следовало множество военных разных рангов, шли почти все наши соотечественники, но было много и местных жителей. При похоронах здесь не соблюдают определенный порядок следования, едут сами по себе. Пока несли гроб, несколько раз по указанию генерал-лейтенанта [Баумана] стреляли из пушек; и так его похоронили без обычных здесь похоронных церемоний. После похорон все пошло пешком к дому Арденуа <где до этого находился гроб — Д.Г.>. Носильщиков угостили щедрым обедом, гости выпили за него одну круговую. Здесь не принято носить траурную одежду, т.е. одеваться в черное, достаточно надеть черную повязку, как это сделали носильщики и многие из нас. Но как необузданно здесь пьют!» [175, с.172].

Итак, что общего? Траурные повязки и черное сукно; музыканты в первых рядах; оружие погребаемого в качестве подтверждения

его доблести и достоинства; длинные процессии; стрельба из пушек; поминки. В чем отличие? В детальной структурированности погребальных процессий, отсутствие которой подчеркивают и Роде, и Витсен, привыкшие к значительно более запротоколированному церемониалу, если оба в своих записках обращают внимание на свободный порядок следования за гробом.

С другой стороны, Витсен бросает загадочное и, в переводе, двусмысленное замечание про похоронные церемонии. Оно может означать и то, что де Конинга «похоронили без <...> похоронных церемоний», что здесь (в Немецкой слободе) обычно. А может иметь и прямо противоположный смысл (что скорее): его похоронили без церемоний, обычных здесь. В последнем случае речь может идти о прощальной проповеди в церкви или о надгробном слове у могилы, обычных в отношении благочестивого прихожанина, а кальвинист де Конинг не входил в голландскую общину Немецкой слободы, и его похороны организовывало само посольство. Ну, а жители Слободы приняли участие в церемонии, внося в нее элемент неразберихи.

Несколько отличается описание похорон Акемы, данное Бальтазаром Койэтом (запись от 12 февраля (н. ст.) 1676 г.): «Перед погребением нас угостили печеньем, сладостями, вином. Около 11 часов носильщикам было сказано, что пора двигаться. Гроб был забит гвоздями <...>. Гроб сначала был покрыт белым, затем черным сукном и поставлен на носилки, которые неслись двумя лошадьми, одну спереди, другую сзади, в то время как носильщики шли по сторонам. Все затем сели в сани и отправились в Слободу в церковь, где проповедник Крайвинкель перед громадной массой народа, наполнявшего церковь, произнес надгробную речь, в которой изобразил рождение, жизнь и занятия покойного. После проповеди гроб был поднят и отнесен на кладбище. За телом шли несколько пар в длинных плащах — так называемые траурщики. Затем следовали мы и все немецкие офицеры, а за нами женщины. Когда тело было похоронено, пастор сказал еще небольшую речь. Затем пропели из 103 псалма восьмой стих «Как трава и сено», а после молитвы проповедник поблагодарил от имени вдовы друзей, пришедших на похороны, и затем каждый пошел своею дорогою, кроме тех, кого после похорон пригласили к обеду <...>. Женщины были посажены в особой комнате за столом, а в соседнем помещении стояли два других стола, один для друзей, другой для носильщиков. Кушанья были великолепные <...>» [470, с.435–436].

Ф. Акема не был военным, регалий не имел, из пушек при погребении не стреляли, но порядок действий в целом тот же: пришедшие собираются в доме покойного, где их угощают. Далее все движется в церковь, где читается проповедь. Затем — на кладбище, где пастор говорит небольшую речь. И наконец — поминальный обед.

Таким образом, если мы выстроим цепочку: Лект + Моло → Лефорт → Гордон (о последнем будем говорить далее), то увидим, что «печальные церемонии» Петр начал организовывать в Немецкой слободе для погребения лиц неправославных вероисповеданий (протестантов и католиков), *опираясь на существовавшие традиции, но структурируя церемониал, придавая ему масштабность и насыщая каждый его элемент символическим значением*. И лишь затем, при погребении Ф.А. Головина (1706), эта уже сложившаяся традиция вышла из гетто Слободы.

Пользуясь случаем, обратим внимание еще на один элемент церемониальных похорон, также родившийся в Немецкой слободе. Это — шутовской, карнавальный аспект, а то и придание такового характера всей церемонии. Первые известные нам церемонии шутовского типа связаны с французом, «царем самоедов» и царским шутом Вимени (Wimēni; Вименеем). Здесь немалые аналогии с комплексом церемоний триумфального шествия после взятия Азова и с похоронами Лекта и Моло. Так, 21.12.1709/1.1.1710, во время триумфального шествия в честь Полтавской победы, за Семеновским полком в запряженных оленями санях ехал Самоедский⁶⁵ царь с самоедом на запятках, а за ним еще 19 саней с самоедами.⁶⁶ А через месяц, 20/31 января Вимени, «опившись во время “славы”, скончался», и ему была устроена пышная «самоедская» похоронная церемония, в которой, помимо царя, участвовали присутствовавшие на тот момент в Москве представители знати, одетые в траурные плащи. Вимени отпевали иезуиты в той же католической церкви, где в крипте покоились останки Патрика Гордона. Юст Юль завершил свой рассказ об этих похоронах отнюдь не траурной фразой: «Трудно описать, до чего был смешон этот похоронный поезд, как на пути в церковь, так и обратно» [613, с.51–52, 67]. История повторилась 20.11/1.12.1714, когда умер поляк, коронованный Самоедским князем после Вимени. Правда, события происходили уже в Петербурге, о них кратко рассказал Вебер.⁶⁷

Э. Зицер сообщает о проходивших в Петербурге 30 декабря 1713 г. (ст. ст.) шутовских похоронах князя Ю.Ф. Шаховского (род. ок. 1671) — царского шута и «рыцаря ордена Иуды».⁶⁸ Однако эти процессии как элемент «священной пародии», на удивление, так и не стали объектами его изучения, хотя шутовским свадьбам он придает большое значение и тщательно их описывает.

М. Логунова рассказала о похоронах «любимого карлика царя», который умер в 1724 г., и справедливо отметила «карнавальным характер действия» [342, с.66–67], но мимо ее внимания прошли аналогичные похороны другого карлика, умершего 28.12.1714/8.1.1715, о которых также поведал Вебер.⁶⁹ Эти два описания удивительно похожи.

Другими словами, к концу царствования Петра сложился ритуал не только «печальных церемоний», но и «шутовских печальных

церемоний», где грусть и траур по поводу смерти сочетались с элементами пародии и карнавала. Вряд ли можно адекватно понять появление одной группы церемоний, игнорируя другую.

Однако вернемся к Лефорту. Почти все известные сообщения о его погребальной церемонии⁷⁰ восходят к двум текстам: дневнику Корба⁷¹ и франко-швейцарской биографии Лефорта, принадлежащей перу Бассвиля и впервые опубликованной в 1784 г., с переизданием через два года [11, с.136–149]. Рассказ о похоронной процессии Бассвиль, по собственному утверждению, взял из публикации в «Gazette des Etats de Hollande & de West-Frise» от 30 апреля 1699 г.⁷², хотя книгу Корба знал и на нее ссылается.⁷³ Изредка встречаются работы, авторы которых, как и Бассвиль, пользовались газетными публикациями эпохи (например, А. Ле Форт [51, с.161–164]). Информация в голландских газетах, по всей видимости, идет от Витсена, который очень быстро получил известие о смерти Лефорта и сообщил об этом в Женеву. Сохранились его письма к брату покойного, Ами, и к издателю указанной газеты⁷⁴ Дюбрлю.⁷⁵ В результате, извещение о смерти Лефорта появилось уже в номере от 23 апреля (н. ст.) 1699 г.⁷⁶ Заключительная фраза сообщения, что для похорон ожидают возвращения Его Величества из Воронежа, свидетельствует о том, что информация в Голландию была послана до прибытия царя в Москву. В газете оно датируется 18 марта. А это — независимое подтверждение того, что Петр появился в столице не 7/17, а 8/18 марта 1699 г. (см. примечание 72), и агент, отправлявший письмо в Голландию с утренней почтой, еще не знал о приезде царя.

Через неделю там же — описание похоронной церемонии (присланное, скорее всего, Витсену кем-то из очевидцев) [51, с.161–165; 60; 66], а 10/20 мая — в бернской газете [64], вполне возможно, переданное туда Ами Лефортом, братом покойного. У Ами было еще, как минимум, два источника информации: амстердамский негодант Жан Туртон (J. Tourton), писавший в Женеву о смерти Франца Лефорта [471–78, с.27–28], и собственный сын Пьер Лефорт. Во всяком случае, сохранилось и было опубликовано письмо последнего к отцу о смерти дядюшки, написанное в Москве 8/18 марта 1699 г., т.е. до погребения [8, с.57–59]. В голландской газете описание церемонии позднее и нашел Бассвиль. А вот откуда у него другие сведения, мы сказать пока не можем.

Начнем со свидетельств Корба, дающего уникальную информацию об отпевании Лефорта. Под 4/14 марта 1698 г. (т.е. до возвращения Петра I из Воронежа) он записал: «В главном московском храме отслужены лития и панихида по усопшем, при этом находились знатнейшие из духовенства».⁷⁷ Других упоминаний об отпевании в православном храме кальвиниста Лефорта мы не видели.

11/21 марта 1699 г. из дворца Лефорта с «церемонией тело было внесено в реформатскую церковь, где пастор Штумпф произнес короткую речь». А оттуда пошли на кладбище. «Каждый из присутствовавших в печальной одежде при погребении получил золотое кольцо, на котором были вырезаны день кончины генерала и изображение смерти».⁷⁸

Нам не встречалось информации о наличии этих колец в фондах каких-либо музеев. Не «всплыли» они и на юбилейных выставках, организованных в период празднований 300-летия Великого посольства и 350-летия Лефорта. Допускаем, тем не менее, что экземпляры погребальных лефортовских колец существуют, но не идентифицированы, ибо, как видно из записи Корба, имени Лефорта на них не стоит.

Дадим слово Голикову: «Гроб принесен был сперва в Реформатскую церковь, в которой по погребальном обряде говорил надгробную проповедь тоя церкви Священник и Духовник его Г. Штумф на Немецком языке, с котория перевод приложен мною в конце Истории сея, чего она по истинне и достойна.⁷⁹ По окончании проповеди гроб сопровожден был тем же порядком до места погребения. Но порядок в шествии сем несколько однако же был помешен. Некоторые из Бояр (говорит Бассевиль) досадуя, что иностранные Резиденты и Коммисары шли пред ними, заступили их места. Печальный Монарх сие приметив, прогневался, но удержался от изъяснения Боярам тем гнева Своего, дабы тем не помешать больше порядок. По принесении гроба к могиле, пред опусканием его в землю, государь, проливая слезы, повелел остановиться и открыть гроб, да еще раз облобызает тело друга Своего. При опущении онаго в землю выстрелено из 101 пушки, и от поставленнаго вокруг могилы строем войска трикратно из ружей беглым огнем. Вся сия печальная церемония продолжалася от начала 10 часа утра по второй по полудни».⁸⁰

Близкое, но менее подробное описание — у Виноградова. У него нет анекдотов о боярах, и он (впрочем, как и Голиков) ничего не говорит о втором слове пастора, хотя называет его имя — Стумпфиус.⁸¹ Эти подробности есть у Посселя: панихида проходила в Реформатской церкви; надгробное слово произносил на голландском языке пастор Стумпфиус, позднее оно, по приказанию Петра I, было опубликовано (в немецком переводе).⁸² «По произнесении надгробного слова, тело было отнесено на немецкое кладбище и опущено в склеп⁸³, при громе выстрелов из сорока полевых орудий, батального огня всех присутствовавших войск и при звуках печальной музыки. Здесь пастор Стумпфиус опять произнес краткую речь, после чего опять сделаны были два залпа; затем знатнейшие из участников в процессии отправились в дом покой-

ного, где, по русскому обычаю, были угощены; но царь не принимал участия в поминках».⁸⁴

На этом рассказ о панихиде не заканчивается. Совсем недавно, в 2012 г., появилась статья А.Н. Андреева, где автор пишет о святителе Димитрии Ростовском, который «выражал большую обеспокоенность несоблюдением постов в русской армии» при Петре I. И далее почти сенсационное известие: «Однако такая позиция не помешала святителю на похоронах Ф. Лефорта вместе с реформаторским пастором Штумпфом выступить с похвальной речью иностранцу. Впрочем, митрополит говорил о покойном не по своей воле, а по приказанию царя. Последнее обстоятельство ясно показывает, что в истории РПЦ укрепление союзнических отношений с протестантством становилось объективным явлением» [98, с.85].

В принципе, описана совершенно нереальная ситуация. С одной стороны, невозможно себе представить, чтобы православный московский иерарх в XVII в., пусть и по приказанию царя, вошел в протестантский храм и прочел там проповедь (надгробное поучение). Значит, произнести он ее мог только вне помещения, то есть уже не «вместе с реформаторским пастором». Однако, если бы такая речь была, все голландские и швейцарские газеты, а также современники в своих мемуарах при описании похорон Лефорта захлебывались бы об этой сенсации. Несмотря на обилие источников, мы нигде не находим ни слова о выступлении Димитрия Ростовского во время похорон и, тем более, в кирхе.

Но какое-то выступление, тем не менее, было, ибо сохранился текст речи. По словам И.М. Снегирева: «В оглавлении изданных в печать слов Св. Димитрия Митрополита Ростовского, означено: “Поучение надгробное генерал-адмиралу Францу (Лефорту), под № 63м. в Собрании писменных материалов для Истории Русс<кой> словесности М. Енгения”». Это прикритичное примечание к пассажи: «<...> погребен Лефорт, орошенный слезами великого Петра и, вероятно, по его желанию, прославленный надгробным словом С. Димитрия Ростовского» [526, с.280]. Но Андреев брал информацию не отсюда, а из работы Дальтона по истории реформатской церкви в России, опубликованной в Готе в 1865 г. [17, с.129].

Дальтон пишет: «Русский источник сообщает об этих похоронах, что великолепная церемония проходила в присутствии императора в реформатской церкви. Присутствовали три лютеранских и два реформатских проповедника, пастор Штумпф держал похоронную речь. Неизвестно, в церкви ли — по воле императора несколько слов сказал прелат Дмитрий Ростовский <...>. Из церкви, вся процессия двинулась к могиле. Там император хотел еще раз попрощаться с другом. Поэтому он приказал открыть гроб и с плачем бросился на тело и поцеловал его» [17, с.129].

Хотя Дальтон не дает ссылок, информация о Димитрии Ростовском попала к нему, скорее всего, из статьи Снегирева, которая была издана в 1843 г. и в которой есть и о воле Петра, и о самом поучении (проповеди). При этом Дальтон достаточно осторожен и не настаивает на том, что проповедь православного иерарха имела место в протестантском храме, хотя и сделал из царя императора.

С каким же все-таки богослужением связано «Слово» Димитрия Ростовского? Вспомним о службе в Успенском соборе («главном московском храме») — литии и панихиде по усопшему рабу божию Францу, которая имела место 4/14 марта 1698 г. и была зафиксирована Корбом [308, с.132; 332, с.489]. Как ни удивительна эта служба, но, в отличие от описанной Г. Дальтоном и А.Н. Андреевым, она реальна. Да и волю Петра для объяснения неувязок не надо притягивать: служба в Москве была в тот самый день, когда царь в Воронеже узнал о смерти Лефортова и еще никакие его указания до Москвы не могли прийти.

ЦЕРКОВЬ⁸⁵

Речь идет о Голландской Реформатской (Реформаторской) церкви, в которой происходило прощание с Лефортом. Некоторую путаницу создает тот факт, что в 1694/95 гг. в Немецкой слободе с разрешения, а то и при личном участии Петра I были заложены три каменные церкви: Голландская реформатская (в Голландском переулке, ныне часть Денисовского), Лютеранская («Новая обедня») на углу Кирочного (ныне Старокирочного) пер. и нынешней Лефортовской площади⁸⁶ и католическая Пресвятой Троицы в Кирочном (Старокирочном) пер.

Появление лютеранских храмов

В Немецкой слободе существовала, также перестроенная в 1684–86 гг. в камне, Лютеранская церковь св. Михаила (она же «Старая обедня», она же «Купеческая») на участке между Вознесенской улицей и Кирочным (Ново-Кирочным, не путать со Старо-Кирочным, где стоял костел) пер.⁸⁷ В литературе даются различные годы ее постройки. По всей видимости, это связано с тем, что ее (а иногда «Новую обедню») считают прямой наследницей церкви, существовавшей в Старо-Немецкой слободе, построенной в дереве в конце 1575 или начале 1576 г., разрушенной в 1580 или 1581 г. и восстановленной в 1601 г., в том числе на деньги Бориса Годунова. Она имела деревянную колокольню с тремя колоколами. Другие источники утверждают, что церковь была перестроена в камне в 1603 или

1604 г. Но, скорее всего, речь идет о том, что под алтарем был выведен каменный свод над могилой похороненного там в конце 1602 г. герцога Иоанна Датского. Лютеранский храм был сожжен поляками и литовцами в 1610 г. (по другим источникам — в августе-сентябре 1611 г.).⁸⁸

Не менее запутана и история московских протестантских церквей в 1620-е — 40-е гг. После Смутного времени первая лютеранская кирха в Москве (св. Михаила) возникает ок. 1619 г. (первое упоминание в описи датируется 1621 г.) между Маросейкою и Златоустинским переулком, недалеко от Златоустовского монастыря. Ее пасторы были связаны преемством с кирхой старой Немецкой слободы. Вторая кирха (св. Николая) возникает в 1626 г. в Белом городе. Известно, что одна из них подчинялась управлению лютеранской церкви Гамбурга. В 1626 г. кирха св. Михаила сгорела, и новая была воздвигнута в «Скородоме», близ стен Белого города и вне Фроловских ворот (на позднейшей Мясницкой площади, она же площадь Мясницких ворот; другой вариант адреса — Огородная слобода, около русской церкви Харитона). В 1632 г. кирха св. Михаила, как и другие протестантские храмы в Москве, была снесена по приказу патриарха Филарета.⁸⁹

Появление кальвинистских храмов

Таинства в лютеранских кирхах были вынуждены совершать протестанты всех конфессий, пока в Москве в 1626 г. не появилась первая реформатская церковь. С 1627 г. она являлась конгрегацией Амстердамского совета реформатских церквей.⁹⁰ По другим источникам, церковь возникла лишь в 1629 г., а Ф. Тастевен утверждает, что в этом году было дано разрешение на ее строительство (в Белом городе, недалеко от Покровки, близ Поганого пруда).⁹¹ Допускаем, что речь может идти как о двух разных, сменявших друг друга зданиях, так и о «явочном», позднее узаконенном строительстве. Первоначально это была деревянная часовня, которая, по всей видимости, в 1632 г. была перенесена (разрушена и отстроена на новом месте). Скорее всего к этому году относится рассказ Олеария: «Кальвинисты также внутри Белой стены стали, рядом со своей деревянной часовнею, строить красивую каменную церковь и довели ее почти до крыши. Так как, однако, патриарх и великий князь не разрешили постройки, а лишь смотрели на нее сквозь пальцы, то патриарху как-то пришло в голову приказать разрушить эту церковь, а заодно упразднить и часовню, находившуюся близ нея. После этого кальвинисты некоторое время для слушания проповеди ходили в церковь к лютеранам, пока они, наконец, не получили собственной церкви».⁹²

Ситуация начала 1620-х гг. повторилась в 1643 г., когда русские духовные власти спровоцировали подачу священниками одиннадцати московских приходов челобитной о недопустимом соседстве православных и протестантских храмов. По приказу патриарха Иосифа в центре города были снесены «ропаты, которые на немецких дворах»: кальвинистская кирха (церковный староста — Петр Марселис) и лютеранская кирха «новых немец» — св. Николая.⁹³ Через шесть лет, в 1649 г., формулировки из этого указа, оглашенного не позднее 2 марта 1643 г. (ст. ст.)⁹⁴, вошли в основной закон тех лет — Соборное уложение Алексея Михайловича: «А на которых Немецких дворах поставлены Немецкия кирки: и те кирки сломати, и вперед в Китае и в Белом и в Земляном городе на немецких дворах киркам не быти; а быти им за городом за Земляным, от церквей Божиих в дальних местах».⁹⁵

Какое-то время (в 1643/44 г.?), до появления нового реформатского храма, лютеранская кирха св. Михаила опять служила и для лютеран, и для кальвинистов.⁹⁶ По всей видимости, такое «перетекание» прихожан из одного храма в другой было возможно из-за того, что не все три церкви были разрушены и восстановлены одновременно. Тастевен: после закрытия протестантских церквей и часовен в центре Москвы в 1643 г. «Лютеране получили дозволение построить новую церковь между Флоровскими и Покровскими воротами, вне вала Белого города и на значительном расстоянии от православных церквей, на земле, принадлежавшей некоему Никите Зюзину. Эта церковь <...> стояла, вероятно, <...> на пол-пути между Красными воротами и Земляным валом. Посвящена она была Св. Михаилу».⁹⁷ Ну, а Марселис построил новую реформатскую кирху [416, с.45, 68, 107]. Опарина: «Протестантские церкви были вынесены за границы Москвы, за Земляной вал, на необжитую территорию между Покровскими и Флоровскими воротами».⁹⁸

Протестантские церкви в Немецкой слободе

В октябре—ноябре 1652 г. иностранцев, не пожелавших принять православие, по настоянию патриарха Никона переселили в Ново-Немецкую слободу.⁹⁹ Тогда же была разрушена вторая кирха Марселиса.¹⁰⁰ Ее прямой наследницей в слободе стала реформатская кирха, построенная по разрешению от 1653 г., данному голландскому (по другим данным, немецкому) пастору (предиканту) Якову Кравинкину (1619(20?) — 1677).¹⁰¹

В целом, при переезде в Ново-Немецкую слободу протестантам были дарованы обширные участки: «первому Лютеранскому приходу 40 сажень длины и 19 ширины близ Немецкого кладбища; церковь, стоящая на владении Никиты Зюзина, была перенесена

туда. Второму Лютеранскому приходу — 30 сажень длины и 22 ширины. Кальвинистам — 40 на 20».¹⁰² Однако, надо представлять, что эти участки давались не церквям и не общинам, а конкретным людям — пасторам, на участках которых церкви строились уже по специально получаемым разрешениям (первоначальной идеей было «вытеснение богослужения из храмов в частные дома»).¹⁰³ Другими словами, разрешая протестантам публичные богослужения, русское правительство не признавало за религиозными объединениями лиц инославных конфессий никаких юридических прав.

Ситуацию, имевшую место через десятилетие, в 1661—1662 гг., описал барон Мейерберг¹⁰⁴: «Перед Покровскими Воротами в разстоянии двух ружейных выстрелов от города к востоку, лежит Немецкая “слобода” <...>, на реке Яузе или Ягузе. Оно совсем открыто наподобие рыночного места и разделено правильными улицами. Здесь проживают вместе немцы, англичане, голландцы и иные иностранцы в деревянных домах и дворах. У евангелистов там две, а у кальвинистов одна церковь, где они могут производить богослужение по их вероисповеданию, публично и безпрепятственно».¹⁰⁵

В 1672 г. в Слободе побывал болонский путешественник Эрколи Зани (Ерколе Цани; Ercole Zani), который в 1690 г. опубликовал следующие строки о Москве: «Между предместьями главное Кукуй; дома в нем деревянные, но красивы, точно игрушки; оно предоставлено немцам. У лютеран там три кирки; у кальвинистов — голландцев и англичан две; все без колоколов».¹⁰⁶ Явно речь идет не об англичанах-англиканах, чья деревянная кирха была построена в 1703 г. [295, с.30], а об англичанах-кальвинистах. Можно было бы подумать, что они в это время имели какой-то молитвенный дом, так официально и не ставший храмом. Однако больно уж эта фраза напоминает текст Олеария: «Теперь у лютеран здесь <в Немецкой слободе — Д.Г.> две немецкие церкви, а у кальвинистов — голландская и английская».¹⁰⁷ Судя по тому, что события с жалобой попов в 1643 г. были, по утверждению Олеария, «уже 15 и более лет» назад, речь идет не о первом издании его книги 1647 года (впрочем, тогда и Немецкой слободы еще не было), а о втором, 1656 года. Издания 1661, 1663 и 1671 годов, которыми также мог пользоваться Зани, повторяли полностью второе издание, вплоть до опечаток [414, с.I—II, 345—346]. Другими словами, это строки о событиях, которые произошли через много лет после того как Олеарий покинул Москву и которые писались им на основании сторонней информации. Вероятность ошибки здесь чрезвычайно велика. Но, ошибочно воспринимаясь как свидетельство очевидца, они послужили для второго сомнительных данных в качестве зафиксированного факта.

Через два года после визита Зани свое описание дал швед Кильбургер в книге, изданной в январе 1674 г.: в Немецкой слободе «три

лютеранских кирки, покровителем коих состоит ныне здравствующий герцог готский, учредивший для их поддержания ежегодные взносы и переписывающийся с причтом. У реформатов одна кирка, где пастор поучает по-голландски. Все четыре деревянные, без колоколов и органов; в каждой большая кафельная печь». И далее: «Лютеране и реформаты отправляют свое богослужение столь же свободно, как и во всяком другом месте в свете; но католикам публичное богослужение запрещено».¹⁰⁸

Только что прибывший в Слободу Франц Лефорт в письме к братьям от 5/15 сентября 1676 г.: «Иноземцам отведено особенное место жительства, в получасе от города, как бы в деревне, и отсюда пишу я к вам. Место это Слобода, оно очень обширно; тут живут немцы, англичане, шотландцы; французов нет, кроме трех прибывших с нами; нет и швейцарцев, кроме одного, золотых дел мастера его величества, базельского уроженца, по имени Густав <...>. Есть здесь и реформатская церковь с достойнейшим проповедником; но нас, реформатов, очень мало, вдесятеро меньше лютеран».¹⁰⁹

Бальтазар Койэт сообщил перед отъездом, в июне 1676 г.: «За городом, если перейти через речку Кокуй, находится Немецкая слобода, другой своей стороною примыкающая к реке Язуе. В этом месте живут лишь немцы, как голландские, так и лифляндские. Слобода пересекается многими красивыми улицами и приблизительно так же велика, как город Мейден. Здесь имеются четыре церкви, три лютеранские и одна реформатская» [470, с.524]. Автор знал, о чем писал, ибо регулярно фиксировал в своем дневнике визиты в Немецкую слободу в первой половине 1676 г. и посещения голландской церкви.¹¹⁰

Из лютеранских церквей кирха св. Михаила («Старая обедня»; Michael-Kirche, Михаэлькирхе, «старая церковь» (кирха), «купеческая церковь») явилась прямой наследницей первой московской лютеранской кирхи эпохи Романовых, построенной ок. 1619 г. Некоторую путаницу с датами ее перестройки вносят статья «О надписях на гробовых камнях в Марьиной роще» и повторяющий ее сведения И. Снегирев.¹¹¹ Из этих текстов следует, что первая лютеранская церковь Ново-немецкой слободы, построенная у кладбища в 1655 г., существовала на момент перестройки в камне «Старой обедни» в 1690 г. В.А. Ковригина датирует эту перестройку 1690-ми годами, а И.К. Кондратьев и, вслед за ним, С.К. Романюк — 1683 годом.¹¹² Все три даты неверны. Впрочем, последняя является ошибкой не Кондратьева и Романюка, а пастора начала XVIII в., на чье прошение он ссылается. Ф.-Д. Лиштенан, по-видимому, чувствуя неувязки, дату перестройки протестантской церкви в камне дала более осторожно: 1680-е гг. [54, с.96–97]. Ситуация проясняется в

работе Д. Цветаева: первая кирха Михайловской общины («Старая обедня»), еще деревянная, была построена у Немецкого кладбища на участке лютеранского пастора Вальтасара Фадемрехта (Balthasar Fademrecht), который стоял во главе прихода с 1633 по 1677 г.¹¹³, и находилась напротив Нижнего рынка Немецкой слободы [294, с.14]. В 1684 г. начата строительством, а к концу января 1686 г. завершена и освящена каменная кирха, которая находилась в непосредственной близости от старой деревянной и заменила ее. Была под патронажем городского совета Гамбурга. В XVIII в. трижды горела в пожарах 1729, 1737 и 1748 годов. В 1764 г. одна из прихожанок, Маргарита Гржибовская, передала общине в дар участок земли. В настоящее время это участок по ул. Радио, д. 17. Церковь была в очередной раз перестроена, и 5 октября (ст. ст.?) того же года после окончания строительства состоялось освящение кирхи. Во время пожара 1812 г. церковь св. Михаила не пострадала, но здания школы и пастората сгорели [346].

М. Красножен: «В “Новой иноземной слободе” немцы имели уже 4 церкви — одну реформатскую и три лютеранских» [310, с.88]. То же повторяет М.Я. Волков [178, с.262]. Л.П. Рушинский о XVII в.: «<...> во времена Вармунда¹¹⁴, Евангелики имели в Слободе 3 церкви, а Таннер¹¹⁵ о своем времени замечает, что Лютеране имели две кирки, Кальвинисты же одну <...>. При Рейтенфельсе в этой Слободе было 3 Лютеранских и 2 Кальвинистских церкви.¹¹⁶ В юридическом и административном отношении Лютеранские и Реформатские церкви были подчинены Придворным Приказам, а духовная власть не вмешивалась непосредственно в их дела <...>. Протестанты не только пользовались религиозной свободой, но даже их Пасторы содержались за счет казны».¹¹⁷ Сам Таннер о 1678 г.: «<...> немцы; из них весьма много лютеран, у коих при двух храмах два пастора; кальвинистов меньше; эти при одном своем храме имеют и одного наставника в вере» [267, с.398; 542, с.69].

В.О. Ключевский: «В версте от Скородома, за Покровскими воротами, находилось другое предместье <...>, называвшееся Немецкою слободой, или Кукуем. Эта слобода отделялась от Скородома небольшим полем <...>. Население Немецкой слободы представляло довольно пеструю смесь наций и вероисповеданий. Больше всего было немцев-лютеран <...>. Они пользовались свободой богослужения и имели два храма. Были также кальвинисты разных наций; у них был один храм».¹¹⁸

С.П. Орленко: «Из трех протестантских церквей, существовавших в Немецкой слободе до 80-х гг., две были лютеранские (аугсбургского исповедания) и одна реформатская или голландская».¹¹⁹

Георг Адам Шлейссингер (Schleussinger), находившийся в России в 1684–1686 гг., писал в 1687: «Лютеране имеют две церкви

в [Немецкой] слободе. Раньше у них была церковь и в городе <...>. У кальвинистов одна церковь, она в слободе» [327, с.103; 607, с.113].

Как видим, в 1670-е гг. число лютеранских церквей уменьшилось с трех до двух, ибо исчезла кирха на дворе генерала Баумана в Госпитальном переулке близ Яузы. Эта запутаннейшая история детально разобрана Д. Цветаевым.¹²⁰ Что касается утверждения историка Рушинского о двух кальвинистских храмах, то речь может идти лишь о каком-то недолго существовавшем неофициальном молитвенном доме.

Позднее соотношение числа лютеранских и кальвинистских церквей и, соответственно, пользовавшихся автономией церковно-приходских общин, в целом сохранялось. Адам Брандт о 1692–1694 гг.: «лютеранам <...>, как и кальвинистам, дозволено свободно отправлять богослужение. Первые в Немецкой слободе имеют две прекрасных каменных кирки, вторые — одну, тоже прекрасную <...>. Нынешний царь Петр Алексеич лютеранам подарил камню на новую церковь, позволил соорудить и колокольню» (цит. по [542, с.69]). Де Бруин о Немецкой слободе в 1702 г.: «Число проживающих здесь Реформаторов считается теперь до 200 человек. Лютеран же гораздо здесь больше, и эти последние имеют две церкви, тогда как другие первые имеют в Слободе только одну церковь» [148, с.116; 149, с.109].

Так продолжалось в течение всего XVIII столетия: по различным поводам в 1748 и 1775 г. в Немецкой слободе было зафиксировано две лютеранские церкви, одна реформатская и одна римско-католическая.¹²¹

Возвратимся, однако, к реформатской церкви. Первая кирха была сосновой; обогревалась двумя изразцовыми печами конусообразной формы¹²², но со временем обветшала. На строительство новой у общины денег не было, и их решили собрать в Голландии, откуда традиционно привлекались пасторы, доставлялись богослужебные и богословские книги. Туда весной 1694 г. специально ездил пастор Шондервурт.¹²³

Первоначально хотели обратиться за помощью к Генеральным штатам, но, в конечном счете, деньги на строительство дал амстердамский бургомистр Николаас Витсен (Витзен; Witsen). Сам кальвинист, он должен был хорошо знать и старую церковь, и ее старого пастора, Кравинкеля, ибо зимой-весной 1665 г., находясь в Москве в свите голландского посольства Якова Борейля, неоднократно бывал в Слободе, посещал свадьбы и похороны.¹²⁴

В память дара Витсена в новой церкви над папертью была повешена чугунная доска с гербом жертвователя, содержавшим латинское изречение: «Labor omnia vincit» («Труд все побеждает») и с обвитой лавровым венком надписью, которую Д. Цветаев воспроизводит как: «Primum. ad. Senatum. Holl. a. D. D. Ordin. Deputatus.

post. D. D. Ord. General. Delegatus» («Сначала депутат господ сословий к Голландскому сенату, затем посланник господ Генеральных Штатов»). Внизу год «1694».¹²⁵

Мы использовали эту надпись в нашей статье [221], хотя она вызывала некоторое недоумение: мемориальная доска должна содержать не только герб рода Витсенов, но и хотя бы инициалы (если не полное имя) того члена рода, которому она посвящена. Так и есть. В книге Г. Дальтона надписи предшествуют инициалы: «N. W.» [17, с.119].

В 1886 г. Д. Цветаев писал: «Доску с гербом и цифру 1694 можно видеть в настоящей Реформатской кирке, на передней стене за алтарным столом» [587, с.259]. Речь явно идет о Реформатской церкви в Малом Трехсвятительском переулке. К вопросу о доске мы еще вернемся.

Новое кирпичное здание длиной 8 саж., шириной 5,5 саж.¹²⁶, со сводчатыми перекрытиями, на 200 сидячих мест было закончено в том же году. Возводилось оно, похоже, без предварительного разрешения правительства, в явном расчете на своего прихожанина Лефорта¹²⁷, который был в состоянии защитить незаконную постройку. После завершения строительства каменного здания находившееся рядом деревянное было разобрано. Церковь попытались назвать Петровской, на что Петр I вроде бы соизволения не дал.¹²⁸

С этой версией, которая нам кажется основательной, расходится строчка из сочинения Иржи Давида 1690 г.: «Кальвинисты тоже имеют одну каменную церковь, скорее похожую на школу, чем на храм, и одного священника, которого содержат на свои средства, и еще учителя, который обучает их юношество голландской грамоте».¹²⁹ У нас нет данных, чтобы объяснить это расхождение с датой постройки каменной кирхи в 1694 г. иначе как информацией, содержащейся в пассаже самого Давида. Может быть, он прав, и речь, действительно, идет о каменной школе, где из-за ветхости деревянной церкви могли проходить богослужения и которую Давид принял за церковь, но «скорее похожую на школу»? И тогда перед нами косвенное подтверждение того, что старый кальвинистский храм в конце 1680-х гг., действительно, пришел в ветхость настолько, что богослужения в нем прерывались, и что найти денег на постройку нового много лет не могли.

Открытым остается вопрос, когда церковь получила колокольню. Некоторую путаницу вносит Ковригина. Описав Новую лютеранскую кирху и Лефорта как ее прихожанина (хотя повторяем: он был в Реформатском приходе), она заключает: «При участии Фр. Лефорта Новая Кирка украсилась каменной колокольней. В его честь как ее покровителя в церкви была помещена эмблема Фр. Лефорта» [294, с.14]. Но либо Лефорт здесь ни при чем, либо речь идет о другой церкви. Возможно, возник гибрид: колокольня Новой обед-

ни совмещена с эмблемой из Голландской церкви.¹³⁰ О последней в 1865 г. писал Дальтон: «В 1689 г., друг и любимец Петра Великого, генерал Лефорт подумал о том, чтобы за свой счет возвести колокольню и увеличить церковь. Дело затянулось, и смерть Лефорта в 1699 г. помешала исполнению этого. В знак признания заслуг Лефорта перед общиной церкви было принято решение об установлении ему памятника в церкви. Памятник состоял в том, что впереди справа от кафедры были размещены два скрученных флага. На них обоих на передней стороне размещена следующая надпись, на одном золотыми, а на другом серебряными: “Franciscus Le fort Sacrae Czarae Majestatis exercituum Praefectus Talassiarcho Magni ducatus Novogardiae < ? Novogradiae ? — Д.Г. > locum tenens nec non Legatus extraordinarius et plenipotentarius apud varios Principes Europae. Mortuus 2. Mart. 1699. Fortiter et fideliter”». («Франциск Ле форт Священного Царского Величества войска Главнокомандующий, Адмирал, наместник области Великого Новгорода, а также чрезвычайный и облеченный всеми полномочиями Посол при различных Правителях Европы. Умер 2 марта 1699. Храбро и преданно»).¹³¹

Идея вполне могла возникнуть уже в 1689 г., но тогда Лефорт не был еще любимцем Петра и ни о каких колокольнях для иноверческих храмов в те годы речь идти не могла. Допускаем, что она была построена вскоре после смерти Лефорта, в том числе и на деньги, подаренные им, ежели таковые были. Вполне возможно, что устройство памятного знака (фактически мемориальной доски с эпитафией) как-то связано со строительством колокольни.

Внешний вид кирхи нам неизвестен. Существует рисунок 1661 г. из альбома Мейерберга, изображающий Немецкую слободу при въезде в нее с востока и выполненный, скорее всего, рисовальщиком Иоганном Рудольфом Сторном.¹³² Но там однозначно вычленишь церкви не представляется возможным.

Имеется лишь слишком маленькое и схематичное изображение голландской кирхи на гравюре Шхонебека среди других зданий Немецкой слободы (см. об этом далее). В. Ковригина в одной из статей приводит рисунок с подписью: «Вид московской кирхи. Конец XVII—начало XVIII в.» [297, с.36]. К сожалению, она ничего не сообщает ни о происхождении рисунка (скорее всего, это выкопировка из какого-то более общего изображения), ни о типе изображенного здания, ни о его топографическом расположении, что могло бы помочь идентифицировать храм. Попробуем этот рисунок проанализировать.

Во-первых, очевидно, что речь идет не о «московской кирхе» (таковых на рубеже XVII—XVIII вв. просто не было)¹³³, а об одной из трех, существовавших в Немецкой слободе (которая Москвой тогда не являлась).

Изображенное здание вытянуто в длину: 6 окон по фасаду плюс окно апсиды, хорошо видимое на рисунке. Общая длина здания превышает ширину не менее чем в два раза. Голландская же церковь имела размер в плане 5,5 x 8 сажений, т.е. соотношение ширины и длины было как 1 : 1,45. С другой стороны, если соотнести размер дверного проема (с простым порталом) с торцом здания (1 : 4,7), то очевидно, что последний не превышает 7-8 метров, но никак не 12 метров (5,5 сажений), как у голландской церкви. В этом здании явно не поместятся 200 сидячих мест, на которые была рассчитана реформатская церковь. Другими словами, это не она, а одна из двух лютеранских кирх. На гравюре Шхонебека дано изображение Новолютеранской кирхи, как она выглядела в 1705 г. (см. далее). Несмотря на предельный схематизм рисунка, очевидно, что изображенное Шхонебеком здание отличалось от рассмотренного выше. Таким образом, перед нами, скорее всего, изображение более архаичного здания «Старой обедни» — Евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила на нынешнем Ново-Кирочном переулке до ее перестройки в XVIII в.

13/23 июня 1699 г. о. Франциск Эмилиан писал из Москвы: «<...> последователи лютеранского вероисповедания. Они имеют два каменных, довольно больших и красивых храма и трех проповедников <...>. Второе исповедание — кальвинское. У них один каменный храм и два проповедника» [465, с.23].

Юст Юль отметил в дневнике 9 марта 1710 г. (н. ст.): «В Москве две Лютеранских Немецких церкви; обе каменные, хорошей постройки <...>, крыты тесом. <...> Обе церкви построены много лет тому назад. Снабжены они большими каменными печами, которые обыкновенно топят перед началом службы, так что, даже в самую суровую зиму, на богослужении не испытываешь холода. Одна из церквей называется старою, другая новою» [613, с.321]. И далее идет рассказ о священниках обеих общин и о склоках внутри них.

Исследователь Москвы С. Романюк: «Весь квартал по Немецкой улице между Аптекарским и Денисовским переулками был занят одной большой усадьбой, образовавшейся в начале XIX века из двух: графини Е.В. Литты (ближе к Аптекарскому) и генерал-майора М.Я. Ламакина (на углу с Денисовским переулком). Значительно раньше — в конце XVII века — на последнем участке стояла голландская реформатская церковь, отчего часть Денисовского переулка долгое время называлась Голландским переулком (между Демидовским переулком и Немецкой улицей). Голландцы составляли немалую часть населения Ново-Немецкой слободы, и в 1694 году им было позволено построить свою церковь, каменное здание которой вмещало около 200 человек. Есть сведения, что в ней был похоронен Франц Лефорт».¹³⁴ По Кирочному (Старокирочному)

переулку «Еще далее к востоку, на углу с площадью перед Лефортовским дворцом, на месте убогих нынешних пятиэтажек, когда-то стояла лютеранская кирха, называвшаяся “Новой обедней” в отличие от “Старой”, как называли москвичи лютеранскую церковь на Вознесенской улице. Новую кирху построили слободские лютеране, в основном военные, переселившиеся в Россию уже во второй половине XVII века. Часть средств на ее постройку по-жаловал сам царь Петр Алексеевич, он же в 1694 году положил и первый камень в ее основание».¹³⁵

Описание участка Голландской реформатской церкви приводит Снегирев, цитируя справку о находящихся в Москве кирхах, подготовленную в 1748 г. по заказу Св. Синода: «Голландская обедня, или кирка за Покровскими воротами Земляного города в Немецкой слободе на белой земле, в межах по одну сторону обер-егеря Осипа Мевриля, а по другую — проезжий переулок; мера двору 40 саж., поперешинику 20 саж.».¹³⁶ Заметим, что это величина стандартного участка, из тех, что предоставлялись по указу в 1652/7161 г. для служилых немцев «по первой статье» (то есть, самые большие) [477].

В том же 1748 г. церковь очень сильно пострадала от пожара [35, с.8].

Судьбы инославных храмов

Немецкой слободы в XIX–XX вв.

О дальнейшей судьбе Голландской церкви, в которой прощались с Лефортом, рассказывает С. Романюк: «В 1812 году церковь сгорела, участок и ее обгоревшее здание были проданы генерал-майору М.Я. Ламакину. На Немецкой улице оба участка (Литты и Ламакина) в 1830-х годах приобретает купец В.И. Шапов, прикупает к ним еще землю по переулку и заводит здесь текстильную фабрику. В 1897 году архитектор Г.А. Кайзер возводит по Денисовскому переулку большой краснокирпичный фабричный корпус, а для самого владельца на углу с Немецкой улицей Ф.О. Шехтель строит особняк (№ 58).¹³⁷ После революции фабрика Шаповых стала называться “бумаготкацкой фабрикой имени героя труда Осипа Звонкова”, а сейчас это фабрика “Красная швея”». ¹³⁸ Мы обследовали эти участки дважды — в сентябре 2010 и в июне 2012 г. Все дома с внутренними флигелями, некогда принадлежавшие Шаповым, имели один и тот же номер 25/58 по Денисовскому пер. / Бауманской ул., но множество строений. Угловой дом имеет номер «25/58 (стр<оеение> 12)». В краснокирпичном окрашенном здании, на котором номера обнаружить не удалось (по карте это дом № 25/58, стр. 14), находится Центральная университетская научная библиотека имени Н.А. Некрасова. По-видимому, Голландская церковь стояла именно на этом месте.¹³⁹ А за зданием библиотеки, если идти от

Бауманской ул. и пройти двор и двухэтажный особняк без номера, находится следующий по нумерции дом № 23 (по карте: 23, стр. 1) по Денисовскому переулку.

В отличие от двух других протестантских церквей Немецкой слободы, Голландская реформатская церковь в путеводителях по Москве 1830–40-х гг. не упоминается вовсе [383; 410; 504]. Возможно, она сильнее других пострадала от пожара, была разобрана раньше «Новой обедни», и память о ней исчезла быстрее. Сама же община перебралась ближе к центру города.

К тому же после войны 1812 г. ее сотрясала внутренняя война: столкнулись две группировки — английская и франко-немецкая. В декабре 1813 г. российское правительство выделило около 41 тыс. руб. на восстановление реформатской церкви. Контроль над этими средствами получила английская группа во главе с негоциантом Гавесом (Hawes). На выделенные деньги в 1816 г. купили участок земли, после чего дело остановилось. Во главе франко-германской группы встал французский пастор Ж.А.А.Ф. Майор (Jean-Alexandre-André-François Mayor; 1771–1837). Началась тяжба. В марте 1822 г. Гавеса и К° приговорили к возврату незаконно удержанных сумм. В 1825 г. община окончательно раскололась на две части. В апреле 1829 г. решение, принятое семью годами ранее, было подтверждено, но деньги возвращены лишь в марте 1831 г. Наконец, в ноябре 1834 г. удалось продать старый участок на Голландском переулке. Все это позволило в том же 1834 г. Московской евангелическо-реформатской (кальвинистской) церкви купить у подпоручика Воейкова дом и все придомовые службы в Мясницкой части по адресу: Малый Трехсвятительский переулок, дом 3. Здесь же был оборудован молитвенный зал (по встречающимся в Интернете сведениям, община пользовалась этим залом уже в 1820-е гг.). В 1865 г. архитектором Г. фон Ниссенем дом был перестроен — появился второй этаж, изменен фасад, со двора сделана большая пристройка с молельным залом на 800 мест. Сюда же была перенесена и посвященная Витсену чугунная доска с Голландской реформатской церкви в Немецкой слободе. Где она находилась до перестройки, мы сказать не можем, скорее всего, что в том же здании. В 1898 г. был установлен 38-регистровый орган фирмы «Ernst Rover». 23 апреля 1917 г. в этом помещении состоялось открытие молитвенного дома евангельских христиан-баптистов. Реформатская церковь к тому времени объединяла всего 20 верующих, но их богослужения продолжались вплоть до 1920 г. В советскую эпоху эта церковь оставалась единственным в Москве местом для протестантских богослужений. Так, в 1928 г. она приютила лютеранскую общину св. Михаила (вплоть до ее ликвидации в 1933), как за 300 лет до этого та же самая лютеранская Михайловская община приютила

кальвинистов. С 1940 г. храм делили Община евангелистов седьмого дня и Московская община христиан-баптистов. В 1993 г. последняя получила на дом полные права, и здесь разместилась Центральная баптистская церковь.¹⁴⁰

В декабре 2010 г. мы попросили Р. Рахматуллина и А. Кобака обследовать это здание. Однако без любезной помощи пастора церкви Михаила Викторовича Фаина поиски закончились бы ничем. Приводим рассказ А. Кобака, которому удалось разрешить загадку: «Доска существует, но увидеть ее невозможно. Она прикреплена в центральной части алтаря, ниже окна, на котором написано “Бог есть любовь”. Ясно, что у реформатов алтарная ниша была чуть выше пола (солея), и доску приделали в самом почетном месте — на стене за алтарем. Там она и висит до сих пор. Однако в советскую эпоху там выстроили подобие сцены-кафедры. И чугунная доска оказалась под ее полом. Баптисты совершенно не понимали, что это за предмет и что там написано. Были очень рады получить все объяснения, и сейчас встал вопрос о том, чтобы ее “раскрыть” либо перевесить, дав соответствующие пояснения для посетителей» [291].

Ну что ж, значит, обнаружен еще один памятник петровской эпохи — мемориальная доска в честь Николая Витсена, друга Петра I, — свидетель прощания с Франсуа Лефортом.¹⁴¹

С. Романюк о Лютеранской церкви («Новой обедне»): «В пожар 1812 года кирха сгорела, и на архивном плане 1819 года она уже не показана; к 1825 году весь большой участок принадлежал статской советнице М.С. Шумлянкой, а позднее он был распродан по частям нескольким покупателям».¹⁴² Согласно утверждению М. Рудольфа, церковное здание было разобрано в 1824 г. Но уже 13 июля 1818 г. в Москве, в Мясницкой части, на Маросейке, «по Космодемьянскому проулку» «против Петровершского переулка и подворья Саровской пустыни» была заложена новая лютеранская евангелическая церковь Во имя свв. апостолов Петра и Павла. Среди лиц, присутствовавших при закладке, находились прусский король Фридрих Вильгельм III, кронпринц Фридрих Вильгельм и великий герцог Карл Мекленбург-Стрелицкий.¹⁴³

Если мы добавим информацию о двух католических церковных зданиях, которые существовали в Немецкой слободе на начало XIX в.,¹⁴⁴ то поймем, что пожар 1812 г. не просто изменил облик бывшей слободы, но создал принципиально новую топографическую и культурно-историческую ситуацию.¹⁴⁵ Уничтожив вместе с объектами (зданиями, церквами, захоронениями) целые пласты культурной памяти, он оборвал очень многие нити наследования и традиционные связи.

Конечно, они не исчезли полностью, протянувшись в другие места Москвы, в первую очередь на москворецкий склон Сретенского хол-

ма. Вот как это описывает Р. Рахматуллин: «Лютеранская кирха Петра и Павла, соседствовавшая на старом месте с легендарным домом Анны Монс, на новом месте (Старосадский переулок, 7) соседствует со столь же легендарными палатами Мазепы. Реформатская церковь, прихожанином которой на старом месте был Лефорт, перешла в Малый Трехсвятительский переулок (№ 3). Петропавловский костел, основанный на Яузе петровским генералом шотландцем Патриком Гордоном, перешел, теперь как польский, почти на вершину Сретенского холма (Милютинский переулок, 18)». Но автор не случайно указывает, что все инославные церкви на своих новых местах «выглядят экстерриториями, а не центрами приходов» [492, с.161]. Они были органичны лишь на своих старых местах, в Немецкой слободе. Потому мы и утверждаем: нити наследования оборваны. Реконструкции и разрушения советской эпохи лишь довершили этот процесс.

Последняя иновещерская церковь Немецкой слободы, «Старая обедня», она же кирха св. Михаила, была уничтожена по требованию располагавшегося рядом Центрального аэродинамического государственного института (ЦАГИ). Он начал атаку на церковное здание еще в 1925 г. В январе 1928 г. по ходатайству ЦАГИ Моссовет постановил закрыть церковь. Несмотря на отчаянную борьбу прихожан, 7 мая 1928 г. Президиум ВЦИК своим решением передал церковь в распоряжение ЦАГИ. В конце 1928 г. или в самом начале 1929 г. церковь была снесена. «Последний переулок перед перекрестком Немецкой улицы с Вознесенской — Новокирочный, который проходит позади производственных строений ЦАГИ <...>, обосновавшегося в 1920-х годах на территории старой лютеранской кирхи. От многочисленных строений, окружавших ее, осталось лишь здание реального училища, выходящее на переулок».¹⁴⁶

К счастью, изображение лютеранской церкви св. Михаила сохранилось на нескольких дореволюционных открытках. Оттуда оно попало в книги, начиная с самиздатовских, переизданных «тамиздатом», например, в «Москву златоглавую» [384, n° 344, с.161]. Там же можно найти изображения и других инославных христианских церквей в Москве.

МЕСТО ПОГРЕБЕНИЯ И САМО ЗАХОРОНЕНИЕ

Что представляло собой захоронение Лефорта? Была ли это обычная могила, и гроб опустили в землю? А если склеп, то на кладбище или внутри церкви, в крипте?

Поселить: «О месте погребения Лефорта было писано много <...>. Между тем, произведенные в разное время исследования о том, где

именно был погребен Франц Яковлевич, не привели к положительным выводам. Существовали два кладбища для иноверцев: одно старое, находилось в так называемой Марьиной Роше, вне городской черты; другое, новое, за Немецкою Слободою, на восток, следовательно недалеко от дома Лефорта. Погребения его в Марьиной Роше нельзя допустить потому, что, в таком случае, процессия должна была бы совершить весьма длинный путь назад, и это, конечно, не осталось бы незамеченным, так как уже шествие от дома до церкви, при малом, сравнительно, расстоянии, потребовало много времени. Но и на новом кладбище, как и на старом, не было найдено следов места погребения, и это могло случиться тем легче, что, по преданию, могила была покрыта большим камнем, с глубоко-вырезанною на нем надписью».¹⁴⁷

Это же подтверждает и некий «старец» (в пересказе «купеческого прикащика А.Н.»), свидетель вскрытия гроба в первой половине XIX в., по словам которого, останки перенесли на Лазаревское немецкое кладбище «близ Марьиной Роши».¹⁴⁸ Достоверность сего утверждения вызвала глубокое сомнение у Посселята, в 1870 г. (скорее всего, таковы были лишь намерения), но из него со всей очевидностью следует, что найдено захоронение было не у Марьиной роши.

Обратим внимание на дополнительную информацию Посселята о втором слове пастора при опускании гроба.¹⁴⁹ Мы видим в ней лишний аргумент против встречающихся утверждений, что Лефорт был похоронен в Реформатской церкви.¹⁵⁰ Будь это так, возникает вопрос: зачем пастору Стумпфиусу (Штумфу) понадобилось произносить в одном и том же здании две речи? В случае же погребения Лефорта на кладбище недалеко от церкви, ситуация вполне логична: длинная проповедь — в самой церкви и короткое слово — при погребении.

В описании церемонии и Корб, и Бассвиль, а вслед за ними Голиков и Виноградов ясно указывают, что от Реформатской церкви, после надгробной проповеди, опять была процессия к месту захоронения и что «на кладбище и по большой дороге <по которой двигалась погребальная процессия — Д.Г.> были поставлены сорок орудий»¹⁵¹, чего не могло бы быть, производись захоронение в самой церкви. А в пользу того, что описание отражает реалии, говорит любопытный и очень живой штрих о боярах, которые, досадуя, что поставлены в процессии за иностранными посланниками, вылезли вперед (кроме Шереметева). Или такой эпизод, описанный Корбом: во время салюта на кладбище и по дороге к нему: «Один из тех, кто обязан был класть заряд в дуло, стоял, по глупости, перед отверстием орудия в то время, как должен был последовать выстрел, почему ядром и оторвало

ему голову».¹⁵² У Корба также встречаем: «Когда пришли на кладбище, на котором следовало хоронить покойника...» [308, с.134; 332, с.490]. То есть до кладбища надо было идти, и Корб явно был непосредственным участником событий.

Погребальная процессия

Чтобы представить ее длину, дадим по Корбу описание ее в том виде, как она двигалась от дворца Лефорта к Реформатской церкви: «1. В голове всего ехал полковник фон Блюмберг на лошади со сбруей, блестящей от золота, которым она была выложена. 2. Полк, называемый Преображенским, шел впереди, как это постоянно водится, при унылых звуках музыки, соответственной печальному событию; первую роту вел сам царь, одетый в печальное платье; горе выражалось на лице государя. 3. Семеновский полк. 4. Полк покойного генерала Лефорта. 5. Какой-то капитан в латах на лошади, богато убранной, держа в руках обнаженную саблю с обращенным книзу острием. 6. Трубачи и барабанщики, извлекая из своих инструментов печальные звуки. 7. Два трубача покойного генерала в печальной одежде. 8. Три знаменщика, в такой же одежде, несли знамена. 9. Две лошади, весьма богато убранные. 10. Лошадь, покрытая черным чепраком. 11. Пять человек в печальном платье несли на пяти шелковых подушках некоторые драгоценные вещи, как то: золотые шпоры, пистолеты, обнаженную шпагу с лежащими рядом с ней ножнами, жезл и шишак. 12. Тело в гробе, покрытом черной тканью из чистого шелка с золотыми каймами. 13. Все домашние в печальной одежде. 14. Маршал, полковник де Дюит шел во главе провожавших тело. 15. Родственник покойника¹⁵³ с посланниками императорским и бранденбургским, к коим присоединился Шереметев; это дало русским повод к насмешкам; они, порицая его, спрашивали друг у друга: “А этот не посланник ли Мальтийского ордена?” За ним шли те, которые были ближе к покойнику по родству. 16. Все бояре, думные, дьяки и многие другие чиновники в порядке, определенном по достоинству их звания. 17. Иностранцы, которые желали изъявить свое расположение к покойнику. 18. Вдова, в сопровождении маршала, и другие женщины, проливавшие слезы».¹⁵⁴

Описание Голикова отличается от того, что дает Корб, и является скорее вольным переводом Бассвиля, ну а последний, как мы уже говорили, повторяет текст из голландской газеты от 30 апреля 1699 г.¹⁵⁵ с минимальной редакторской правкой: «1. Три полка морских, или служивших во флоте солдат, состоявших каждой из 2500, и один выборной Его полк, шли по 6 человек в шеренге. Пред каждую роту и тех и другого пехоты же Офицеры их с алебардами,

обвитыми черным флером и с таковыми же шарфами; а пред каждым полком по десяти полковых музыкантов, игравших печальные арии <...>. 2. Большое знамя, или Государственной штандарт <...>, несенное двумя Штаб-Офицерами. 3. Монарх, шествовавший в глубоком троуре <...>. 4. Полковник на лошади, покрытой черным сукном, с Начальничьим жезлом; за ним верьхами же два литавщика, два гобоиста и 4 трубача <...> 5. Две покойниковы парадные лошади, веденные конюшими под черным сукном, на коем блистали золотом вышитые гербы его. 6. Генерал-Маиор пеший, представлявший покойникова дворецкого; за ним развевались два знамя, одно как бы фамильное Лефортов, с изображением на нем их же золотого в красном поле герба, другое Генерал-Адмиральское¹⁵⁶ <...>. Первое несли два Офицера полку его, а другое два же морские Капитана. 7. Семь Офицеров, несших на черных бархатных с серебряными галунами подушках покойниковы шарф, золотые шпоры, перчатки, шпагу, шишак, латы, щит и трость. 8. Любимая его полевая лошадь под черным сукном, веденная главным его конюшим; за нею несен был Офицером полевой его штандарт <...>. 9. Латник в полном вооружении с обнаженным мечем. 10. Четыре Генерал-Майора в ряд; за ними четыре же Полковника его дивизии <...>. 11. Все ученики морской Академии¹⁵⁷ и других публичных яко им же заведенных школах, с их начальниками и учителями <...>. 12. Три Реформатские и два Лютеранские Пасторы. 13. Гроб с телом покойного, обитый красным бархатом, украшенный золотыми гасами, серебрянными кованными гербами его и скобами. Одр, на коем онный стоял, покрыт был черным бархатом с золотыми гасами, кистями и бахромою. Его несли на плечах с переменою 28 Полковников. 14. Племянник покойного Петр Лефорт в глубоком троуре и в длинной черной епанче; за ним четыре Пажа скончавшагося, в троуре тоже. 15. Чрезвычайные Послы Цесарской и Бранденбургской, а за ними Резиденты и Коммисары Шведской, Датской и Бранденбургской <...>. 16. Адмиральша, вдова покойного, в самом глубоком троуре, веденная под руки двумя Генералами, и сопровождаемая двадцатью четырьмя знатнейшими дамами, поддерживаемыми разными чиновниками <...>. 17. Двадцать четыре Боярина, и все Генералы Шведские, по старшинству по двое в ряд <...>. 18. Морские и сухопутные Штаб- и Обер Офицеры и чиновники <...>. 19. Шествие заключали Адмиральского дома служители <...>. Порядок в шествии наблюдали четыре Церемониймейстера. Церемонию сию сопровождали великое множество всякого звания жителей Столицы».¹⁵⁸

Текст Голикова, выстроенный иначе, чем текст Корба, подтверждает нашу гипотезу, что человек, который шел перед представителями дипкорпуса, был Пьер Лефорт.

Имеется достаточно материалов, чтобы назвать пасторов, участвовавших в процессии. Из реформатов это французский гугенот Луи Л'Анфан (Ланфан) из Парижа, который, похоже, приехал с Великим посольством и подвизался в Немецкой слободе в 1698—1701 гг., а затем перебрался в Данциг.¹⁵⁹ Затем пастор Стумпфиус, о котором уже упоминалось, и пастор Кугепавен, о котором несколько слов скажем ниже. Что касается лютеранских проповедников, то, по всей видимости, одним из них был прибывший из Гамбурга в 1684 г. Бартольд Фагетий (L. Bartholdus Vegetius, 1654, Гамбург — 1724, Москва), который являлся пастором немецкой общины св. Михаила почти 20 лет — с 1689 по 1718 г. Вторым, по логике, должен был быть пастор другой лютеранской кирхи — «Новой обедни», скорее всего Ф.Л. Шрадер (Franc. Laur. Schrader).¹⁶⁰

Не беремся утверждать, что описанная выше огромная погребальная процессия была такой же длинной при выходе из церкви, как и при входе в нее, хотя Голиков, вслед за Бассвилем [11, с.141], и говорит, что «по окончании проповеди гроб сопровожден был *тем же порядком* до места погребения».¹⁶¹ Тем не менее, история с боярами и посланниками свидетельствует о том, что на пути от церкви к кладбищу размещение участников предполагалось таким же, но было нарушено.

Другими словами, тот факт, что во время похорон между церковью и кладбищем разместилась чрезвычайно внушительная процессия, которая следовала к месту погребения «по большой дороге», говорит о том, что последнее не находилось у самых стен Реформатской церкви, как иногда пишут в литературе.¹⁶² В противном случае процессия должна была двигаться вокруг церкви кругами, что нашло бы отражение в описаниях свидетелей. С другой стороны, траурная процессия такой длины с неизбежностью движется медленно и за короткое время не в состоянии пройти большую дистанцию. Это отметил еще Поссельт, утверждая, что Лефорт не мог быть похоронен на кладбище у Марьиной роши (см. выше), ибо вся церемония заняла около 3,5 часов (началась в 10 утра, а закончилась во втором полудни). Этого явно недостаточно, чтобы вынести гроб из дворца Лефорта, церемониальной процессии пройти до Голландской церкви, выслушать проповедь, и после нее той же процессии успеть добраться до Марьиной роши из Немецкой слободы. В таком случае остается единственное кладбище — за Немецкой слободою, размещавшееся недалеко от Реформатской церкви, но не вблизи ее стен.

Если мы примем, что искомым кладбищем является то, которое начиналось от стен Лютеранской кирхи св. Михаила, то все встает на свои места. «Большой дорогой» оказывается юго-западная часть Немецкой улицы (улица Немецкая слобода; с 1918 г. — Бауман-

ская) и, возможно, северная часть Салтыковской улицы.¹⁶³ Да и расстояние в этом случае процессия должна была пройти довольно большое, пересекая Гарднеров(-ский), Бригадирский, Кирочный (Ново-Кирочный) и его продолжение — Спиридонов (ныне — Технический) переулки, а также, возможно, Вознесенскую улицу, что на современной карте составляет около полукилометра.

Погребение Лефорта в склепе внутри церкви противоречило бы логике пышной публичной процессии с салютами и отдаванием чести, ибо при этом погребении могло присутствовать очень ограниченное число людей. История с Гордоном (см. ниже) принципиально иная: католическая часовня, где он нашел упокое, создавалась как часовня над фамильным склепом Гордонов, так что захоронение генерала в этой усыпальнице было запрограммировано изначально.

Важную деталь дает описание похорон Лефорта, которое помещено в *Gazette des États-généraux de la Hollande* за апрель 1699 г. и повторено Бассвилем: гроб Лефорта был установлен «dans un caveau voûté» — в сводчатом склепе.¹⁶⁴ То есть речь идет о серьезной капитальной конструкции.

Виноградов утверждал, что «гроб был опущен в могилу, выложенную камнем» [172, с.135]. О склепе внутри церкви так писать не будут.

Поссельт: «По произнесении надгробного слова, тело было отнесено на немецкое кладбище и опущено в склеп <...>. Что гроб был опущен в заранее приготовленный склеп, это положительно подтверждается показанием сына Франца Яковлевича. Возвратившись из Женевы в Москву, Андрей Лефорт писал дяде своему Ами (20-го апреля 1702 года): “Я ходил туда, где похоронен мой отец. Гроб его стоит в каменном склепе. Я приказал открыть гроб и видел отца: он сохранился так хорошо, как будто не лежал там и недели, а уже прошло три года; говорят, что в таком состоянии он сохранится более пятнадцати лет.”¹⁶⁵ Уверяю вас, я тотчас узнал его”».¹⁶⁶ Описание скорее соответствует большому пространству (кладбищу), где находился склеп, чем подвалу церкви, что, скорее всего, было бы оговорено.

Во французском оригинале письма, опубликованном в 1920 г., стоит: «la caisse est dans une voûte de pierre» = «гроб находится в каменном своде» [51, с.168]. Другими словами, подтверждается информация из *Gazette des États-généraux de la Hollande*, что помещение склепа имело сводчатое перекрытие.

ПАМЯТНИК

Был ли установлен памятник над захоронением Лефорта?

Слово Поссельту: «Вскоре после смерти Франца Яковлевича, этот племянник его <Петр Лефорт — Д.Г.> стал помышлять о надгробном памятнике; но ни на упомянутом иноверческом кладбище, ни в реформатской церкви монумента поставлено не было. Петр Великий намеревался, впрочем, соорудить памятник своему другу».¹⁶⁷

То, что не поставил памятника Пьер Лефорт, вполне объяснимо: уже в следующем, 1700 г., он попал под Нарвой в плен, где и находился до 1706 г. [160, с.467]. Если он что-то и затевал до войны, то плен прервал начинания. После возвращения была уже другая эпоха, другие заботы. А через какое-то время, по-видимому, и царь вмешался, имея в виду совсем иные проекты.

Однако и здесь в наше время начали произрастать мифы. Вот фантастический изыск В. Васильева: «После пышных похорон Франца на территории его дворцовой усадьбы — на берегу Яузы — был поставлен белокаменный обелиск, на котором высекли слова эпитафии, вероятно, написанной самим Петром: “Прохожий, остановись! Здесь лежит <... идет известная эпитафия, см. ниже — Д.Г.>. Берегись наступить на камень сей, он омочен слезами величайшего монарха... Отступи”» [159, с.94]. В целом, даже само утверждение алогично: если надпись сделана на стеле, то при чем здесь опасение наступить на камень? У Голикова речь идет именно о надгробном камне. Да и информации об этой стеле в литературе не встречается.

Скорее всего, была каменная плита над склепом, возможно, с обширной эпитафией.

Допускаем, что одним из источников легенд как о памятнике, так и о захоронении Лефорта в Голландской церкви явилась посвященная ему мемориальная доска с флагами и эпитафией, поставленная прихожанами вскоре после его смерти. Во всяком случае, Дальтон называл эту доску памятником [17, с.119].

ЭПИТАФИЯ

Это один из самых загадочных моментов, связанных с захоронением Лефорта.

Известны несколько версий эпитафии. Начнем с французской, которая была впервые опубликована в апреле 1699 г. в Голландии, в *Gazette des États-généraux de la Hollande*, при описании погребальной церемонии и с утверждением, что текст уже выгравирован на камне:

«Arrête-toi passant: ici gît un Guerrier qui brava tous les écueils de la Cour; ce Guerrier était François Le Fort, Citoyen de Genève. Sa qualité d'étranger, la différence de sa religion ne l'empêchèrent point de s'élever au faite des honneurs; et l'Empire de Russie, voulant récompenser sa bravoure et sa prudence, le fit Amiral, Général de toutes ses troupes de terre, Vice-Roi du grand duché de Novgorod et Président de tout ses Conseils. Utile à son prince pendant la paix comme pendant la Guerre, il joignit la valeur intrépide de Zopyre à la politique du sage Cyneas. Il fut le mécène du Nord; et faisant honneur à son prince de tout ce qu'il avait fait pour sa gloire, il vécut comblé de faveurs sans exciter l'envie des courtisans: sa modestie d'ailleurs donnait un nouveau lustre à ses vertus. Confident et ami de son souverain, admis à la plus grande familiarité sans lui être incommode, il fut chéri de ce nouvel Alexandre comme l'avait été autrefois Ephestion. Il disciplina et polica les Russes en leur donnant l'exemple de tout ce qu'il exigeait d'eux. Tout le monde connaît l'importance des services qu'il a rendus à l'Empire: la renommée les a publiés, le souvenir ne peut s'en éteindre; ils sont gravés dans tous les coeurs, son nom et sa gloire survivront à tous les siècles. Il termina sa carrière le 2 mars de l'an 1699. Passant, garde-toi de fouler au pied le marbre qui couvre son corps; ce marbre à été arrosé par les larmes du plus grand des Rois. Poursuis ta marche».¹⁶⁸

Через 85 лет, в 1784 г., его почти в точности повторит Бассвиль¹⁶⁹ и одновременно даст латинский текст эпитафии, о происхождении которого не сообщает. Воспроизводим его так, как он дан в книге [11, с.143–146]:

«SISTE VIATOR GRADUM: / HIC JACET / FRANCISCUS-JACOBUS / **LE FORT**, / GENEVEN-SIS, / QUI / IN AULÆ CULMINE LUBRICO / FORTITER STETIT, / ET CUI / PEREGRINITAS PATRIÆ, / DIVERSITAS RELIGIONS, / HAUD OBSTITIT / QUOMINUS / VIRTUTE DUCE, / PRUDENTIA COMITE, / AD MULTIPLICES ENITERETUR IN / RUSSIA HONORES, / AC EVADERET / SACRÆ TZARÆ / MA-JESTATIS / ARCHITALASSUS; / PRÆFECTUS MILITIÆ GENERALIS, / GUBERNATOR NOVOGARDIÆ, / OMNIUMQUE CONCILIORUM / ARBITER, / UT TOGA SIC SAGO¹⁷⁰ INCLUTUS, / IN PACE ET BELLO MAGNUS, / DOMI ZOPYRUS, / FORIS CYNEAS, / UBIQUE MECENATIS GLORIAM / ADEPTUS EST; / DUM / OMNIA FELICITER GESTA / AD DOMINUM / UT MINISTER / RETULIT, / EXTRA INVIDIAM / NEC EXTRA GLORIAM / FUIT / QUAM / SIMPLICI VIRTUTE MERUIT, / DISSIMULATIONE AUXIT / PRINCIPI / FUIT / FAMILIARIS ET ASSIDUUS, / NON GRAVIS TAMEN, / NEQUE ULLO ASSIDUITATIS FASTI- / DIO; /

HUIC ENIM UNI ILLE MAXIME / INDULSIT, / NEQUE EUM SECUS DILEXIT / AC ALEXAN-
DER EPHESTIONEM. / QUICQUID / RUSSOS / RECTE, COMITER, FORTITER / FACERE / FACIENDO DOCUIT, / NON EST OBSCURUM / NEQUE OBLIVIONI TRADITUM; / SED MANET / IN ANIMIS HOMINUM, / IN ÆTERNITATE TEMPORUM, / IN FAMA RERUM: / ITAQUE / HUIUS VIRI¹⁷¹ / HONOS, NOMEN ET LAUDES / SEMPER MANEBUNT. / ОБИИТ Д. ИИ МАРТИИ А. Р. С. / М. ДС. ХСІХ. / ТУ ВЕРО САСЕ, / ВІАТОР, / НЕ САСЕС НОС САСУМ; / ЛАСРІМІС ЕНІМ / МАХІМІ ПРИНЦИПІС / ЕСТ / ІРІГАТУМ... / АБІ».

Если эпитафия на камне действительно существовала, то, на наш взгляд, выбита она была именно в латинской форме (это еще не значит, что она изначально была составлена на латыни).

Близкие латинские надписи воспроизведены, во-первых, Поссельтом, во-вторых, в *Московском некрополе*¹⁷², — со ссылкой на Поссельта и, в конечном счете, восходят к тому же Бассвилю. Помимо соотношения прописных и строчных букв, они отличаются знаками препинания; вместо знака «;» стоит «ae». Отличия в орфографии мы оговорили в примечаниях. Уже в XX в. ее воспроизвел А. Ле Форт [51, с.165–167], но и он ничего не сообщает о происхождении информации.

Откуда взял этот текст Бассвиль? В Публичной и университетской библиотеке Женевы хранится рукопись «Частные сведения о жизни Генерала Ле Форты» («Particularités sur la vie du Général Le Fort» [67]) — одна из трех рукописей, касающихся биографии Франсуа Лефорты и составленных в семье Лефортов на основе переписки и других документов.¹⁷³ Первая датируется 1732 г. [52], остальные, скорее всего, с ней связанные, написаны примерно тогда же. Так вот, в указанной рукописи [67, с.53–56] приведена все та же латинская эпитафия, которую воспроизвел Бассвиль. Вероятно, он ее оттуда и взял¹⁷⁴, и уж явно оттуда взял ее Анри Ле Форт, опубликовавший в 1920 г. в Женеве книгу о семействе Ле Фортов [51]. Но само происхождение латинской версии эпитафии, тем не менее, остается пока неизвестным, и автор рукописи явно не копировал ее с надгробного камня в Москве.

Впервые русский перевод (без указания на то, что это перевод) дал Голиков в 1791 г. [189, с.304–305], затем повторил его, с некоторыми изменениями, в 1800 г.¹⁷⁵: «Прохожій! остановись. Здесь лежит Францискъ-Іяковъ Лефортъ, Женевецъ, который на опасной высоте придворнаго щастія стоялъ непоколебимо, и которому различіе отечества и Религіи¹⁷⁶ не могло воспрепятствовать *подъ руководствомъ мужества и мудрости, взойти на высокія степени честей, и удостоиться*¹⁷⁷ быть Его Царскаго Величества Всероссійскаго¹⁷⁸ Генераль-Адмираломъ, Главнымъ Начальникомъ отборныхъ¹⁷⁹ су-

хопутныхъ войскъ, Наместникомъ Великаго Нова-города и Президентомъ въ Царскихъ¹⁸⁰ советахъ. Онъ былъ знаменитый и тонкій Министръ и Полководецъ, велик¹⁸¹ въ мире и войне, въ отечестве Зопиръ, въ посольствахъ Циніосъ. Наукъ Покровитель и ученыхъ Меценатъ. Онъ умножилъ славу своего Государя, не подвергшись зависти, украшенъ высокими честями, заслуженными безпритворною добродетелью и скромностію¹⁸²; другъ своего Государя, при которомъ безотлучно находяся, никогда не былъ Ему въ тягость и не нанесъ скуки¹⁸³ своимъ присутствіемъ. Напротивъ Монархъ на него одного наиболее полагаясь¹⁸⁴, любилъ его, какъ Александръ Ефестіона. — Все то, чему онъ наставилъ Россіянъ примеромъ добродетельныя своя жизни, бдительности и мужества, останется незагладимо на сердцахъ ихъ, и имя Лефорта къ чести и славе его пребудетъ незабвеннымъ вовеки¹⁸⁵. Скончался Марта 12, 186 1699. Ты же, прохожій! берегись наступить на камень; онъ омоченъ слезами Величайшаго Монарха¹⁸⁷. ... Отступи».

Мы повторили надпись, как она приведена Голиковым в биографии Лефорта.¹⁸⁸ Переводы Голикова, скорее всего, восходят к французской версии эпитафии. Русский текст как равноправный приведен в *Московском некрополе* после латинской версии, со ссылкой на *Дополнение к деяниям Петра Великого* [385-2, с.170]. Однако, в несколько другой, модернизированной орфографии.¹⁸⁹

Голиков напрямую не оговаривает авторства эпитафии, но явно приписывает его Петру I, ибо сразу после ее воспроизведения пишет в первом случае: «Такое-то свидетельство оставил о нем потомству Монарх», и в другом: «Такое-то свидетельство Монарх оставил любви и признательности своея».¹⁹⁰ За него это утверждение сделали уже современные авторы.¹⁹¹

Ну, и третья версия русского, уже современного и «подправленного», перевода дана на двух последних страницах романа И. Прута и Е. Черняк «Франсуа Лефорт»: «Остановись, прохожий! Здесь покоится Воин, одолевший все сложности Дворца. Этот Воин — Франсуа Лефорт, гражданин Женевы. / Отличия иностранца и разница в религии не помешали ему подняться до самых высоких почестей. / Царь России, желая вознаградить за храбрость и мудрость, сделал его своим адмиралом, генералом всех наземных войск, воеводой Новгородским и председателем всех своих Советов. / Полезность Государю как в мирное, так и в военное время он соединил со смелостью Зопира и политикой мудрого Синеаса. / Он был Меценатом Севера, честно служа во славу своего Государя. / Он прожил, облагодетельствованный, не вызывая зависть царедворцев. Присущая ему скромность придавала новый блеск его добродетелям. / Наперсник и друг своего Государя, допущенный к его самым личным делам, он был дорог этому новому Александру, как некогда Эфестион. / Он дисциплинировал и приобщал русских к культуре,

давая им пример всего того, что требовал от них. Всем известно значение услуг, которые он оказал Империи. Молва возвестила о них. / Воспоминания о нем не исчезнут. / Они запечатлены во всех сердцах. / Его имя и его слава переживут века. / Он завершил свое жизненное поприще / 12 марта года 1699-го. / Прохожий! Остерегись прикоснуться ногами к мрамору, прикрывающему его тело! Этот мрамор окроплен слезами величайшего из царей. / Продолжай свой путь...» [475, с.211–212].

Как видим, авторы перешли на григорианский стиль, хотя в России использовался юлианский, да и в первых публикациях эпитафии (французской и латинской) дата смерти дана по юлианскому календарю. Но все бы ничего, если бы эту версию из кинотелеромана не начали цитировать в научной литературе в качестве источника [539, с.128].

Четвертый вариант русского перевода, утверждая, что именно он был выбит на мраморном камне, представили в 2007 г. Е.П. Миклашевская и М.С. Цепляева со ссылкой на собственное предыдущее издание 1996 г. [371, с.48]. В действительности их текст представляет собой несколько модернизированную версию перевода, опубликованного Голиковым в 1800 г. [190, с.175].

И наконец, еще одну, современную версию французского перевода, сделанную профессором Полем Олтрамаром (Paul Oltramare), в 1920 г. опубликовал А. Ле Форт [51, с.168].

Итак, что же здесь неясного? Практически все: от авторства до достоверности самого текста, от точности переводов до вопроса: а была ли когда-либо выбита на камне эта эпитафия удивительной длины? К тому же, ни один из известных нам авторов не утверждает, что видел ее лично и скопировал с камня.

Начнем с русских версий, опубликованных Голиковым. Они явно позднего происхождения, когда уже забылось, что Лефорт не мог быть генерал-адмиралом, ибо этого звания на момент его смерти в России не существовало (оно появилось лишь в декабре 1708 г., что хорошо знали современники); датировка смерти Лефорта — по григорианскому стилю; ошибочное приписывание Лефорту второго имени «Jacobus» («Ияков»), которого у него в действительности не было (эта ошибка отсутствует во французской версии, но присутствует в латинской, почему мы и считаем эту версию второй); странное титулование Петра: «...Царскаго Величества Всероссійскаго». Французский текст фактологических ошибок не содержит, но не намного скромнее.

Петр I, будь он автором этого текста, вряд ли назвал бы себя в 1699 г. «величайшим из царей»: в эти годы он испытывал явный пиетет перед римским императором как монархом более высокого ранга. Да и не стал бы он тогда именовать себя открыто императором, а страну — империей. Это будет несколько позже.¹⁹² А вот кто-

то из близких родственников Лефорта — мог. Цель эпитафии — возвеличить умершего и, тем самым, себя как его родственника. Ну, а лучше всего это сделать, возвеличив монарха, которому он служил. И вот здесь-то все эти множественные преувеличения барочного панегирика, вполне допустимые в художественном жанре эпитафии, могли быть сделаны без каких-либо опасений, тем более, что термины «империя» и «император» в отношении России и Петра уже употребляли европейские газеты, желавшие подчеркнуть размер территории Московии.

По всей видимости, эти неувязки прекрасно чувствовал академик Г.Ф. Миллер. Не случайно в немецком издании Посселята имеется следующее примечание (в русской версии оно опущено): «Странно, что в 1761 году русский историограф Миллер предпринял исследования об эпитафии Лефорта, но ничего конкретного не успел выяснить. Об этом сохранилась в Архиве Коллегии иностранных дел переписка между ним (академиком в Санкт-Петербурге) и профессором Ростом (Rost) и неким г-ном Рейхелем (Reichel) в Москве. Там есть непонятные вещи» [37-2, с.562].

Речь идет о двух профессорах Московского университета. Первый — Иван Акимович (Юрьевич, он же Иоганн-Иоахим-Юлиус) Рост (1726—1791), получивший место профессора благодаря самому Миллеру и женатый на его двоюродной сестре. Второй — Иоганн-Готфрид Рейхель (1727—1778).¹⁹³

Скорее всего, Миллер просил их сходить на кладбище и скопировать эпитафию (сам он переселился в Москву лишь в марте 1765 г. [264, с.15]), но для выяснения того, что было сделано, необходимо найти эти письма. По всей видимости, они хранятся в РГАДА и, по мнению сотрудника архива А.А. Голубинского, речь идет о фонде 199 (оп. 2): «Ученая, личная и служебная переписка Г.Ф. Миллера» [192].

В немецком издании Посселята есть еще одна любопытная фраза, также отсутствующая в русском переводе ([471-78, с.39]; выделена нами): «Скоро после смерти нашего героя, его племянник Пьер задумался о том, чтобы поставить памятник. *Это без сомнения та самая надгробная плита с эпитафией о которой шла речь раньше*» [37-2, с.561].

Итак, Посселят связывает эпитафию с именем Пьера Лефорта, хотя в другой работе и утверждает, что камень с этой надписью был положен по приказанию Петра I [198-1, с.8]. Думаем, что в отношении Лефорта-племянника он прав: в интересах своей карьеры Пьер страстно возлюбил дядюшку после смерти, хотя при жизни терпеть его не мог. Впрочем, увязывание идей установки памятника и сооружения надгробной плиты требует некоторых комментариев. Мы уже говорили: текст эпитафии подсказывает, что она написана для плиты, которая лежит на земле или находится невысоко над ней, и на которую рискует наступить пешеход. Сразу вспоминаются захо-

ронения в европейских церквях, где надгробные плиты с эпитафиями вделывались в каменный пол в знак глубокого смирения даже очень знатных особ: прихожане, заходя в церковь, не могли не пройти по ним. Текст Пьера Лефорта явно апеллирует к этой традиции, но просит на камень не наступать. То есть плита находится не в церкви, и рядом есть свободный проход. Памятник же — это нечто объемное, на что просто так не наступишь. Другой вопрос, что молва могла превратить установку (или идею установки) плиты со столь основательной надписью в идею установки памятника. Но ведь эта идея осуществлена не была. Так касается она только памятника или плиты с эпитафией тоже?

Вернемся к голландским газетам и попробуем определить, кто мог информировать Витсена?

Первым приходит на ум имя его постоянного корреспондента (едва ли не агента) Андрея Виниуса, хотя, заметим, что в подробнейшей книге И.Н. Юркина об А.А. Виниусе [614] об этом эпизоде не сказано ни слова. С другой стороны, в 1696 г., после торжеств по случаю взятия Азова, Виниус сообщил «о них в Амстердам бургомистру Николаасу Витсену в так называемых “Записках о церемонии”» [512, с.17]. Другими словами, проходившие в России церемонии — один из традиционных сюжетов их переписки. Косвенным доводом в пользу Виниуса служит указание в [46, с.18; 51, с.161; 60] на расстояние, которое проехал Петр из Воронежа, и о времени, проведенном в пути, с точностью до часа: Виниус до 1701 г. стоял во главе почты, и подобной информацией мог располагать именно он. В случае если автором писем из России был Виниус, текст их был, скорее всего, на голландском, а перевод на французский делал либо Витсен, либо издатель газеты Дюбрёй. Но тогда в каких-то голландскоязычных газетах должен быть опубликован оригинальный текст Виниуса.

И вот, в голландскоязычной *Amsterdamse Donderdaegse Courant* от 2 мая 1699 г. находим описание похоронной процессии, в целом совпадающее с публикацией во франкоязычной швейцарской газете *Nouvelles de divers endroits (Gazette de Berne)* от 10/20 мая 1699 г.¹⁹⁴

Попробуем сопоставить числа, которыми датируются информация и ее публикации.

14/24 марта — в *Gazette d'Amsterdam* от 30 апреля 1699 г. и в ежемесячнике *Mercure historique et politique* за май 1699 г.¹⁹⁵

15/25 марта — в *Amsterdamse Donderdaegse Courant* от 2 мая 1699 г. [62].

18/28 марта — в швейцарской *Gazette de Berne* от 10/20 мая 1699 г. [64].

Отсюда очевидно, что информация из Московии отсылалась, как минимум, трижды. Текст в *Gazette d'Amsterdam* идентичен тому, который был опубликован в гаагской *Mercure historique et politique*. Публикация в *Gazette de Berne*, похоже, — сокращенная француз-

ская версия голландской статьи в *Amsterdamse Donderdaegse Courant*. Автор был явно голландцем, ибо первый, расширенный текст — на голландском языке. Вполне может быть, что статьи и в *Gazette d'Amsterdam / Mercure historique et politique*, и *Amsterdamse Donderdaegse Courant / Gazette de Berne* писал один и тот же человек. Тексты близки; варьируют первые абзацы; остальные отличия могут быть связаны с различными переводами, ибо оригинал писался на голландском. Как уже говорилось, статью в *Gazette d'Amsterdam / Mercure historique et politique* мы склонны приписывать Виниусу. Но тогда ему, скорее всего, принадлежат все четыре публикации.

В *Gazette d'Amsterdam* имеется приложение под заголовком «Nouvelles extraordinaires». В номере от 30 апреля 1699 г. там приводится дополнительная информация (панегирического содержания) о Лефорта, о его участии в Великом посольстве и, со ссылкой на письма из Москвы, о том, что его «наследником» оказался Ф. Головин, в свое время исполнявший роль второго великого посла [51, с.163—165; 66]. Кто писал письма из Москвы, мы с точностью сказать не можем, а вот текст дополнения вполне мог быть составлен Витсеном как некролог своему другу.¹⁹⁶

Теперь сравним текст в *Gazette d'Amsterdam* от 30 апреля 1699 г. с апрельской публикацией в *Gazette des États-généraux de la Hollande*, которую цитируют швейцарцы.¹⁹⁷ Первая часть обеих статей (описание процессии) совпадает дословно, а значит, корреспондентом газет был один и тот же человек, Витсен, и в основе — скорее всего, перевод послания Виниуса, который делался в Голландии Витсеном. Различия начинаются во второй части, и главное из них — наличие французского текста эпитафии в *Gazette des États-généraux de la Hollande*. В этом случае наиболее вероятным информатором Витсена оказывается Пьер Лефорт (они друг друга прекрасно знали: Пьер жил в Амстердаме в 1697—1698 гг. в составе Великого посольства). Это — второе доказательство инверсии языков после путаницы с именами: французский текст эпитафии — не перевод с латыни, а оригинал; латинский же текст — перевод с французского. Перед нами тот единственный случай, когда Витсен мог получить не реальный текст эпитафии, а лишь ее проект. Любопытно было бы увидеть оригинал письма Пьера Лефорта. Тогда станет понятно, утверждал ли племянник адмирала, что надпись уже выбита, либо перед нами лишь «протокол о намерениях». Во всяком случае, в газете эпитафия на французском представлена как уже выбитая, без оговорок, что на камне — текст по латыни.

В статье имеется еще несколько фраз, говорящих в пользу авторства Пьера Лефорта. После указания на надгробную речь Стумпфуса идет описание процессии, двинувшейся от реформатской церкви к кладбищу, и дан рассказ о боярах, оттеснивших от гроба по-

сланников. Петр запросил о причинах изменения порядка Пьера Лефорта, который, как мы помним, в процессии шел перед посланниками. Тот попытался отделаться поклоном, но, в конечном счете, был вынужден дать объяснения, а царь сказал: «се sont des chiens et non mes Boyards» («Это собаки, а не мои Бояре»)¹⁹⁸. Очень близкое описание у Корба, датированное 21 марта — днем похорон [308, с.134—135]. Уже у него брал Бассвиль [11, с.141—142], а у последнего — Голиков [190, с.174]. Похоже, что Корб, присутствуя на церемонии, отметил эту ситуацию сам, о деталях разговора узнал от Пьера Лефорта и в этот же вечер занес в дневник. Пьер также записал свой рассказ едва ли не в тот же вечер и отправил письмо Витсену. Можно, конечно, допустить, что историю услышал кто-то третий и сообщил в Амстердам. Но уж больно похожи тексты Корба и голландской газетной публикации: не стоит множить сущностей. Обратим также внимание: Корб не называет имени племянника и степени родства, просто пишет: «младший Лефорт», а в газете названо и то, и другое, что косвенно говорит в пользу нашей гипотезы: в основе второй части заметки — письмо Пьера Лефорта, прошедшее через Витсена.¹⁹⁹

Похоже, это письмо пришло в Амстердам позже письма Виниуса, и Витсен смог дать расширенный вариант статьи (скомпоновав ее из двух писем) лишь для одной из газет.

Наше заключение: если эта эпитафия и была выбита на камне, то в своей латинской версии, переведенной с французского, по заказу Пьера Лефорта и позже указанных событий, быть может, даже после смерти Петра I, когда племянник адмирала так и не дождался перенесения тела Франсуа Лефорта в «русский Пантеон» (см. далее). Подчеркиваем, что перевод осуществлял не сам Пьер, который вряд ли мог перепутать имя дядюшки, а по его заказу какой-то иностранец, не знакомый с системой русских именований, ибо отчество «Яковлевич» он превратил во второе имя.

СУДЬБА ЗАХОРОНЕНИЯ

Начнем с того, что через два дня после похорон была сделана попытка ограбить склеп. 13/23 марта 1699 г. Корб записал в дневнике: «Ходит слух, что около двенадцати²⁰⁰ русских пришли ночью на кладбище, где, как им было известно, погребен генерал Лефорт, и собирались, в надежде получить большую наживу, нарушить святость могилы, но соседи, встревоженные шумом, который производили воры, шепчась друг с другом, прибежали на место, где злодеи явились совершить столь неслыханное преступление, и удержали их от святотатства».²⁰¹

Если соседи могли слышать шум, то захоронение было, скорее всего, не в глубине кладбища, а недалеко от Вознесенской улицы, на которой стояли жилые дома.

Через полстолетия появится процитированный выше указ Елизаветы Петровны 1748 г. [485], требовавший засыпать склепы. Даже если он был выполнен лишь частично, доска склепа Лефорта, находившаяся вровень с уровнем грунта, могла быть засыпана или хотя бы присыпана землей. Ну, а памятника, который возвышался бы над плитой, как мы видели, не было. Это — первый шаг к забвению. Поиски академика Миллера в 1761 г. были обречены на неудачу. Мы бы не взялись утверждать, что на следующий год после указа Петра III жители Слободы бросились на расчистку старых кладбищ. Просто они продолжили на этих местах захоранивать умерших. Ну, а в силу указа Екатерины II 1771 года склеп Лефорта могли присыпать землей еще раз [487].

Прошло еще восемь десятилетий. Миф Лефорта не давал покоя любителям истории. Отмечались даже события, лишь косвенным образом связанные с его захоронением. В 1830 г. в «Вестнике Европы» появилась статья, подписанная инициалами «Л.С.» и посвященная эпитафиям, которые автор обнаружил на камнях разрушавшегося кладбища в Марьиной роще. Среди прочих он нашел захоронение голландца, пастора Кугепавена: «Hier leyt Kuhepaven ... Ecclesiae Reform. Past. Nat. 10 May 1644. Denatus 5 Octobr. 1705». И далее комментарий: «Может быть это <Так!> был единоверный клиент незабвенного Лефорта <...> ибо тело умершего Лефорта в 1699 году препровождено было к месту вечного упокоения между прочим и тремя реформатскими священниками <...>. И так Пастор Кугепавен, отпевши знаменитого единоверца своего в Москве, через пять лет и свои кости вверил недру земли гостеприимной».²⁰²

По словам Посселя, на могиле Лефорта «камень существовал еще в начале второго десятилетия нынешнего века <XIX — Д.Г.>, но на том месте, или по близости, где стояла прежняя реформатская церковь. В московской пожар 1812 года, эта церковь, с соседними зданиями, была разрушена вконец; нового храма малочисленная реформатская община себе не выстроила: она удовольствовалась молитвенным домом в центре города; местность же в Немецкой Слободе осталась пустырем, и только впоследствии здесь начали возникать дома, под которые был продан участок, принадлежавший церкви реформатов. Прежде чем это случилось, один любитель древностей видел на упомянутом месте плиту над могилою Лефорта, хотя, к сожалению, не произвел, или не мог произвести, дальнейших исследований».²⁰³

Прервав цитату. Сам Посселят дает следующий комментарий: «Это был сын лейб-медика Рихтера, автора “Истории медицины в Рос-

сии”».²⁰⁴ Отсутствие ссылок заставляет предполагать, что речь идет о кратком устном сообщении сына Рихтера, возможно, переданном через третьих лиц, ибо сам Посселят, как видим, не знает подробностей. Но при такой зыбкой информации утверждать что-либо о местонахождении самой могилы сложно. Ясно одно: захоронение существовало в начале XIX в. и было вскрыто уже после пожара Реформатской церкви. Поэтому ошибочна гипотеза Ю. Рябинина, предположившего, что «Могила его пропала еще до сноса церкви. Возможно, это произошло в 1812 году, когда Лефортovo выгорело. Возможно, еще раньше — при Елизавете Петровне, которая приказала упразднить все приходские погосты на пути ее следования из Кремля во дворец на Яузе, чтобы видом похорон и самих кладбищ не расстраивать чувства. А по Немецкой улице она как раз и проезжала» [511].

Как видно из текста указа 1748 г., Елизавета Петровна отнюдь не требовала разрушить склепы, но лишь засыпать их. Допускаем, что слой земли, наброшенный на камень (если указ был выполнен), за прошедшие годы исчез (смыт водой; ликвидирован в ходе расчистки после пожара и т.п.), местонахождение могилы проявилось, и она была идентифицирована сыном Рихтера.

Вернемся к прерванной цитате Посселята: «С тех пор исчез безследно и надгробный камень; все усилия попытаться, куда он девался, оставались напрасными. Только в 1862 году, в московской газете покойного Н.Ф. Павлова (“Наше Время” № 24-й)²⁰⁵, появилась пояснительная заметка. Один любознательный купец сообщил в ней интересные сведения о месте погребения Лефорта. По словам знакомого этому купцу церковного старосты, очевидца, недавно умершего, участок, где стояла реформатская церковь, был вновь застроен, вросшие же в землю надмогильные плиты вырыты, и тут вырос дом г. Ломакина²⁰⁶ (ныне Шапова). Когда была разрыта могила Лефорта, в гробу нашли сохранившийся хорошо мундир, который, однако, чрез несколько минут рассыпался. Гроб был перенесен на Лазаревское кладбище, вероятно, на немецкое, близ Марьиной Рощи. Данные эти наиболее согласны с немногими преданиями, чем и разрешается вопрос о месте погребения Лефорта».²⁰⁷ К словам «близ Марьиной Рощи» имеется комментарий самого Посселята: «Замечательно, что, в то время, ни жившие в Москве иностранцы, ни даже русские археологи (например, покойный профессор И.М. Снегирев) ничего не знали об этом событии, и исчезновение надгробной плиты становится, таким образом, понятным. Она вероятно, пошла под фундамент дома. Перевозка же гроба в Марьину Рощу весьма сомнительна, потому что тамошнее иноверческое кладбище упразднено уже лет сто, и по нем давно проложена дорога. Когда, в сороковых годах, найдена была могила пастора Глюка, предполагалось хорошо сохранившийся надгробный камень

и все, что отыскано в земле, перенести на новое кладбище; но предположение это не исполнилось».²⁰⁸

Эти, в целом известные, пассажи Посселята вызывают много вопросов. Для начала укажем, что в 1840-е гг. могила пастора Глюка была найдена, как минимум, второй раз. Ее видел еще Карамзин²⁰⁹, который, как известно, умер в мае 1826 г. Ну, а далее приведем газетный отрывок, на который ссылается Посселят: «Замечательная во многих отношениях статья г. Снегирева *О лютеранских и реформаторских церквях в Москве*, возбудила между прочим внимание одного любознательного купеческого прикащика А.Н.: он сообщил следующее любопытное сведение о месте погребения Лефорта. По словам одного известного ему старца, как очевидца (недавно умершего), место реформаторской церкви было застроено, камни засыпаны землей, на месте ее выстроен дом г. Ламакина, теперь Шапова. Когда разрыта была могила Лефорта, то нашли в гробе на трупе еще довольно хорошо сохранившийся мундир; но через несколько минут он разсыпался. Гроб перенесен на лазареву кладбище в марьиной роше».²¹⁰

Как видим, речь идет не о купце, а о «прикащике»; не о церковном старосте, а о некоем «старце». Утверждение же, что «надмогильные плиты вырыты», надо целиком отнести к фантазии Посселята, ибо информация, приводимая в заметке, носит скорее противоположный характер: там написано, что «камни засыпаны землей», причем не ясно, к чему имели отношение эти камни: к могилам или к разрушенной церкви и ее фундаменту. К тому же из текста никак не следует, что могила Лефорта находилась около разрушенной Реформатской церкви. Просто старец присутствовал и при разборке того, что осталось от церкви, и при вскрытии могил (с последующим их заравниванием землей), а эти участки могли находиться в некотором удалении друг от друга. Речь явно идет о второй половине 1810-х или о 1820-х гг., когда приводились в порядок территории Немецкой слободы, пострадавшие от пожара 1812 г. Напомним, что это не прямой (пусть и невнятный) рассказ очевидца, а пересказ его устных воспоминаний о событиях третьевековой давности, переданный другим лицом и записанный третьим — журналистом. Если уж ученый человек Посселят оказался не в состоянии без искажений пересказать статью, то чего ждать от непрофессионалов? Количество возможных неточностей в подобной ситуации резко возрастает.

Но, может быть, ключ находится в статье историка Москвы И.М. Снегирева, на которую в газете имеется глухая ссылка?

В 1862 г., незадолго до публикации приведенной нами заметки, в «Православном обозрении», действительно, вышла статья Снегирева с близким названием [527], где довольно подробно рассказывается об иноверческих церквях и кладбищах Москвы и, в первую

очередь, Немецкой слободы. Завершается она следующим пассажем: «Указом 1758—1762 г.²¹¹ дозволено иноверцам иметь при церквях своих кладбища. Знаменитые особы погребались в самих церквях, но прочие, по свидетельству Бассвиля, вне церкви» [527, с.49]. Но вот о Лефорте не говорится ни слова. Однако у Снегирева есть еще одна, уже упоминавшаяся нами статья под таким же названием, но вышедшая на 19 лет ранее, в 1843 г. [526]. Там нет некоторых данных, приведенных в версии 1862 г., но текст более развернут и завершается пассажем о Лефорте: «<...> Знаменитые особы погребались в самих церквях, но по свидетельству Бассвиля, вне церкви погребен Лефорт, орошенный слезами великого Петра и, вероятно, по его желанию, прославленный надгробным словом С. Дмитрия Ростовского, но могила наставника и любимца Петрова донныне еще не отыскана» [526, с.280].

Мы видим лишь одну гипотезу, непротиворечиво увязывающую все известные факты: «любознательный прикащик» знал публикацию 1843 г. и имел по ее поводу разговор (или разговоры) со старцем, свидетелем событий (по-видимому, задолго до 1862 г., что еще больше увеличивает возможности неточностей в его рассказе). А когда появилась статья 1862 г., он, не обнаружив там упоминаний о Лефорте, решил рассказать о том, что слышал.

Посселят справедливо сомневался в том, что Лефорт был похоронен или перезахоронен близ Марьиной роши. Плач о том, что могила Лефорта не известна, продолжает повторяться в дальнейшем. Например, Г. Дальтон в 1865 г.: «Ни могила Лефорта, ни мраморное надгробие, смоченное слезами Петра Великого, с надписью: “Берегись, прохожий! Не наступай на этот, смоченный слезами одного из величайших монархов мира, камень. Отойди!”», несмотря на многочисленные попытки, не найдены».²¹² Ф. Тастевен, в 1910 г.: «Великолепная мраморная гробница над останками знаменитого Лефорта исчезла без следа; неизвестно даже, где она первоначально находилась» [544, с.644]. Но встречается он и много ранее публикации текстов И.М. Снегирева. Вот запись 1833 г., в которой местом возможного захоронения Лефорта называется Введенское кладбище. Читая в «Новом путеводителе по Москве»: «Осмотрев достопамятности Лефортовской части, не излишним почитаем сводить наших читателей на Немецкое кладбище, находящееся близ Камер-коллежского вала за солдатскою Лефортовскою слободкою и речкою Синичкою, протекающею сквозь озеро <... Это описание Введенского кладбища — Д.Г.>. Здесь может быть покоится и прах Лефорта, но нет памятника и не лзя <Так!> точно определить места, где он похоронен. Какая нужда, где б ни тлели кости его: память его останется всегда в сердцах наших: он был любимцем Петра Великого» [410,

с.150–151]. В путеводителе 1831 г., послужившем основой для нового издания 1833 г., этих пассажей еще нет [383].

Однако и запись 1833 г. отнюдь не первая. Из известных на сегодня, сокрушение Н.М. Карамзина 1818 г., по-видимому, самое раннее: «Друг Петра Великого Лефорт погребен в Московской реформаторской церкви, но мы, к сожалению, не знаем его гроба».²¹³

Попробуем увязать все вышесказанное с записью в дневнике все того же И.М. Снегирева от 18 февраля 1839 г.: «<...> навесил В.А. Юни, которого просил сообщить мне его записки об улицах и домах Москвы. Обещано. От него слышал: 1) что гроб Лефорта находится в погребке, в доме Ямщикова, у гошпитал<ьного> дерев<анного> моста» [525, с.259].

Отсюда ясно, что информацией о гробе Лефорта владел историк Юни. Знания Снегирева по отношению к нему — вторичны, скорее всего, он эти сведения не проверял, что доказывает завершающий пассаж его статьи 1843 г.: «могила <...> доныне еще не отыскана» [526, с.280]. С другой стороны, очевидно, что первоначально намечавшееся перезахоронение Лефорта на Немецком кладбище так и не состоялось, и гроб поставил в подвал собственного дома некто Ямщиков, возможно, один из участников вскрытия могилы. Другими словами, если информация верна, то подвал его дома какое-то время играл роль склепа для останков Франсуа Лефорта.

Однако дом Ямщикова не упоминается даже в фундаментальных трудах по истории Москвы²¹⁴, а в Интернете это название встречается исключительно при цитировании дневника Снегирева, но в основном не по оригиналу, а по «Московскому некрополю».²¹⁵ По всей видимости, дом этот занимал какой-то участок на правом берегу Яузы близ Госпитального моста²¹⁶, по Госпитальному переулку, ограничивающему Немецкую слободу с северо-востока. На 1908 г. участки, на одном из которых некогда стоял дом Ямщикова, принадлежали: Ф.С. Сальникову, А.И. Курганову, купцу Трегубову (№№ 13, 15 и 15а), а по четной стороне переулка — В.К. Соколову, Я.Е. Николаеву, Е.И. Скворцовой (№№ 24–28).²¹⁷ Дом Ямщикова не упоминается в справочнике «Вся Москва» не только за 1908 г., но и в предыдущих, начиная, как минимум, с 1885 г. [89; 90; 91]. Для уточнения ситуации требуется изучение метрических и исповедных книг Богоявленского прихода [180, с.21].

Много путаницы в вопрос вносят «Записки бывшего архивиста» С. Малинина: «Похоронили Франца Яковлевича Лефорта по лютеранскому обряду недалеко от его дворца. Но вот тут и начинается загадочное. По какой-то причине уже в XIX веке его решили перезахоронить на Немецком кладбище. Как это происходило? Пока неясно. Последнее конкретное упоминание о гробе Лефорта встречается в дневнике историка И.М. Снегирева: “В 1839 году гроб его

находился в погребке, в доме Ямщикова у Госпитального деревянного моста в Лефортове”» [355-2, с.70]. И в следующем номере «Московского журнала»: «Вспомним, что в XIX веке гроб Лефорт решили перенести на Немецкое кладбище. Причина, побудившая к такому шагу, пока неизвестна. В 1870 году в “Калужских губернских ведомостях” появилось сообщение о склепе, случайно открытом в старой католической церкви в Лефортове, в Кирочном переулке. В нем обнаружили захоронения Брюса, Гордона, германского посла Рабушинского и других. Предполагали, что и Лефорт погребен тут же, однако надписи с его именем не нашли. Далее след теряется. На Немецком (ныне Введенское) кладбище и следов его могилы не осталось. Имя Лефорта есть только в эпитафии на надгробии его старшего друга Патрика Гордона, перезахороненного здесь в 1877 году» [355-3, с.44].

Заметим, что Лефорт был кальвинистом, а не лютеранином (посему прощальное слово было в Реформатской, а не в Лютеранской церкви, ну а поминки после похорон были уже вполне российскими), и причина предполагавшегося перезахоронения непонятна в основном автору текста (заброшенное кладбище, переходившее под застройку), и цитирует Малинин не дневник Снегирева (который, судя по всему, не видел), а *Московский некрополь* [385-2, с.170]), и *Калужские губернские ведомости* [412] здесь вторичны (информация шла из *Русских ведомостей* [182; 392], см. об этих публикациях далее), и протестант Брюс не мог быть захоронен в католической церкви (см. далее), да и надгробие на Введенском кладбище не Патрика Гордона...

Значительно более корректен Рыженков: «<...> прах перенесен, вероятно, на Немецкое (сегодня Введенское) кладбище, но документального подтверждения этому не обнаружено» [510]. Он же в августе 2007 г. описал очень важное (с поисковой точки зрения) событие: за несколько лет до этого (видимо, при подготовке сборника, посвященного Ф. Лефорту [332], то есть в 2005–2006 гг.) сотрудники РГАДА «изучили все записи в архивной книге некрополя, поднимали старые документы», но информации о перезахоронении Лефорта там не обнаружили [517].

Интерес к исчезнувшей могиле Лефорта, которая приобрела мистический оттенок, не уменьшается. Ее склонны видеть в любом вновь обнаруженном старом московском захоронении. Так было в XIX в. [412] (см. далее), так продолжается и в XXI в. [391; 517].

Впрочем, любовь к сенсационным находкам не исключает и серьезных изысканий. Так, поисками могил первых петровских адмиралов в середине 1990-х гг. занимался Н. Кондаков. Но и он должен был признать, что «о могиле Ф. Лефорта уже к началу XX-го столетия сохранились только воспоминания» [303].

К сожалению, он прав.

ГЕНЕРАЛ И КОНТР-АДМИРАЛ ПАТРИК ГОРДОН

СМЕРТЬ И ДАТА ПОХОРОН

Патрик Гордон родился около 3-х часов дня 31 марта / 10 апреля 1635 г.²¹⁸ в Шотландии (Auchleuchries, Aberdeen). В 1661 г. вступил на русскую службу. В 1683 г. был произведен в генерал-поручики, а 9/19 сентября 1687 г. — в полные генералы (точнее, в генерал-аншефы) с правом писаться с отчеством («вичем»). Отныне он окончательно стал Петром Ивановичем. Скончался Гордон в Немецкой слободе под Москвой 29 ноября / 9 декабря 1699 г. в 8 часов утра.²¹⁹

А вот какого числа были знаменитые похороны Гордона, неизвестно. Эта дата не указана ни у одного из авторов, описывавших траурную церемонию, — М. Богословского, А. Брикнера, М. Логуновой, Н. Устрялова.²²⁰

Попробуем выяснить. В конечном счете, все восходит к трем свидетельствам — Корба, отцов-иезуитов и Плейера.

Корб к этому времени уже покинул Московию и потому пишет с чужих слов: «Гордон, муж пожилых лет, после нашего выезда из Московии <...> благочестиво скончался 9 декабря 1699 года, в 8 часов утра», но даты похорон не дает [308, с.236]. Корб все записи датирует григорианским календарем.

Плейер доносит из Москвы Леопольду I в письме от 10 декабря 1699 г.: «На прошлой неделе скончался г-н генерал Гордон, о чем сожалеют цари <Так!> и все вельможи из-за его службы и из-за его военного опыта, но особенно из-за его знания этой страны и народа» [561, с.646].

Дату похорон Плейер тоже не дает, хотя описывает их далее. Для начала выясним, каким стилем датировано его письмо. С одной стороны, Плейер — католик из Австрии и должен, вроде бы, пользоваться григорианским календарем. Но он уже 7 лет к тому времени жил в России и вполне мог перейти на старый стиль, тем более что им пользовались «московские католики». 10 декабря 1699 г. по гри-

горианскому календарю приходилось на четверг, а день смерти Гордона, 29 ноября / 9 декабря, оказывался средой. Поэтому очевидно, что если бы Плейер датировал письмо новым стилем, он должен был бы написать не «на прошлой неделе...», а «вчера...», и похороны бы еще не успели состояться. Если же датировка письма дана по юлианскому календарю (то есть оно написано 10/20 декабря 1699 г.), то это — воскресенье, а Гордон умер в среду на предыдущей неделе. Все сходится. Отсюда следует, что похороны должны были состояться не позже, чем накануне, то есть 9/19 декабря, а скорее всего еще на пару дней раньше. Дело в том, что события, которые произошли «вчера» или «позавчера», автор письма так и склонен датировать. И вероятность этой датировки снижается по мере отдаления события от его описания. Поэтому дата 7/17 декабря нам кажется более вероятной, во всяком случае, в качестве верхней границы.

У о. Франциска Эмилиана смерть и погребение Гордона описаны в письме от 15 декабря 1699 г., но и он не дал даты печальной церемонии, указав лишь, что был сильнейший мороз: «наш столп, господин генерал Гордон, простился с этим миром 29 ноября старого стиля. Я был при нем до последней минуты <...>. Над надгробной речью я проработал вместе с другими почти восемь дней, извлекая содержание из целых томов рукописи, в которых сам благочестиво скончавшийся описал свою жизнь. Но труд мой оказался напрасным. Некоторые змеи-еретики, боясь, что наш генерал получит какое-либо большое прославление, чем Лефорт, так устроили у царя, что накануне похорон к ночи пришло приказание, чтобы надгробная речь была по польски. Отец Иоанн превосходнейшим образом это выполнил, насколько мог» [465, с.45, 48]. Логично считать, что Эмилиан сел за подготовку речи в день смерти, тем более, что она наступила в 8 утра, тогда «почти 8 дней» заканчиваются 6/16 декабря, вечером. Ну, а похороны попадают на 7/17 декабря и не могли произойти раньше. Отсюда следует, что иезуит о. Франциск Эмилиан мог датировать свое письмо лишь юлианским календарем, то есть оно было написано 15/25 декабря 1699 г. К этой же мысли приводят и две даты, указанные в письме по юлианскому календарю: смерть Гордона и смерть врача Цопота («Цополь»), который «4 декабря старого стиля <...> испустил дух» [465, с.47].

Что касается даты смерти, то она представлена по двум разным календарям в двух независимых письмах. Эти даты совпадают и соответствуют третьему письму, что гарантирует их правильность.

Расчеты даты похорон, выполненные на основании информации, содержащейся в двух независимых письмах, также совпадают, причем сближаются «сверху» и «снизу»: Патрик Гордон был торжественно погребен 7/17 декабря 1699 г., в четверг.

ПОГРЕБЕНИЕ ГОРДОНА

Корб предельно кратко, с чужих слов, описывает церемонию погребения Гордона в сочинении «Главные события из внутреннего быта москвитян», приложенного к его дневнику: «Царь <...> назначил для его погребения такой же великолепный церемониал, как и тот, с которым хоронили Лефорта. Солдаты трех гвардейских полков с грустными лицами, при унылых звуках труб и барабанов, имея среди себя царя, занимавшего обычное место в своем полку, проводили гроб генерала; похороны сопровождалась выстрелами из двадцати четырех пушек большого размера, так что приходилось сомневаться, было ли это заявление печали или радости. По приказанию царя совершено было священнослужение, и императорский миссионер Иоанн Берула произнес надгробную речь; накануне царевич [Алексей] с Натальей, любимой сестрой государя, слушали церковную службу в католическом храме».²²¹

Из письма бывшего на погребении о. Франциска Эмилиана от 15 декабря 1699 г. (ст. ст.): «Царь <...> присутствовал при богослужении и проповеди, стоя то в самом храме, то в ризнице <...>. В день похорон царь позволил цесаревичу, т.е. своему маленькому сыну, придти к нам. Царевич с любопытством все осматривал и с большим благоговением воздавал честь нашему храму. Вскоре затем прибыла и сама царевна, его сестра Наталия и держала себя в храме со всею скромностию и благоприличием».²²²

Предельно краток ссылающийся на Корба Н. Устрялов: «Государь <...> был при кончине его <Гордона — Д.Г.> и сам закрыл ему глаза. Великолепные похороны, не уступавшие в пышности погребению Лефорта, свидетельствовали пред народом, как высоко ценил признательный Царь заслуги иноземца, посветившего большую часть жизни России» [332, с.345].

Краткое описание мы встречаем и у Александра Гордона, который не давал ссылок, но, скорее всего, сам был свидетелем описываемых событий. Для Ф. Лефорта он ограничивается пассажем: «The Czar <...> gave him a magnificent burial» («Царь <...> устроил ему пышные похороны»), и такой же — для П. Гордона: «<...> he was also buried in great state» («<...> он также был похоронен с большими почестями»)²²³.

Богословский, также цитирующий Корба, приводит обширные выдержки из писем о. Франциска Эмилиана, касающиеся смерти Гордона и прощальной службы в католическом храме во время похорон²²⁴, но собственно о погребении и процессии — ни слова.

Чуть более подробный рассказ помещен в предисловии к «Дневнику Гордона»: «Погребальная церемония была совершена в пер-

вом каменном храме римско-католической общины в Москве, основанном самим Гордоном; по окончании ее гроб был опущен в склеп под главным алтарем при троекратном залпе из пушек и ружей. Здесь на десять ступеней вниз находится прекрасный обширный свод, где простой камень с следующей надписью указывает на место, принявшее смертные остатки <Так!> человека, столь много послужившего России» [198-1, с.38]. Эта фраза требует комментария, ибо во время погребальной церемонии храм был еще деревянным, а вот находившаяся в десятке метров от него часовня над склепом — каменной. Храм с алтарем, находившимся именно на этом месте, появится позднее (см. далее).

Обратим внимание на последний анекдот Нартова о похоронах Гордона: «Потом, когда поставили гроб в могилу, то Государь, кинув туда земли, сказал к предстоящим: — я даю ему только горсть земли, а он дал мне целое Государство земли с Азовом» [398, n° 162, с.105]. «Горсть земли» в этом рассказе, скорее всего, артефакт, придуманный либо услышанный человеком, никогда не видевшим самой церемонии. Впрочем, допускаем, что, сохраняя традицию, царь мог бросить символическую горсть земли и в склеп.

Встречающееся утверждение, что Гордон «был похоронен у церковных стен» [361, с.78], может основываться на том, что часовня с его склепом действительно находилась около стены деревянной церкви.

В этом плане интересно свидетельство участника погребальной церемонии, Плейера, в письме от 10/20 декабря 1699 г.: «Царь находился в нашей католической церкви во время всей службы и проповеди. После ее окончания и погребения <Гордона — Д.Г.> в могиле (которую генерал 8 лет назад построил для себя и для своей семьи на кладбище рядом с церковью) царь вернулся в свой полк и повелел этому полку и еще двум другим, с 25 пушками, находившимися перед церковью, три раза дать огонь, и затем ушел вместе с полками».²²⁵ Другими словами, для Плейера одиноко стоящая часовня, где похоронен Гордон — это уже кладбище. Не эта ли позиция послужила основой последующего мифа? Ведь миф не предусматривал, что вскоре эта часовня превратилась в каменную церковь.

А вот как миф развивался дальше, видно из пассажей П.О. Бобровского, посвященных погребению Гордона: «Церемониальное шествие от римско-католической церкви, до Миссионерского кладбища совершалось в следующем порядке <...>», и перечисляется состав длинной процессии [134, с.45]. Это в принципе невозможно, ибо Миссионерское кладбище вплотную примыкало к стенам храма, так что процессия выстраивалась не от храма к кладбищу, а от дома к храму.

Захоронение в крипте часовни, хотя и было подготовлено самим Гордоном при жизни, имело еще одну вполне земную подоплеку.

Как писал о. Франциск Эмилиан, «в то время был такой жесточайший мороз, какого здесь не запомнят от двадцати лет» [465, с.48, 249]. Мы не знаем, сыграла ли эта причина какую-либо роль, но очевидные проблемы устройства могилы в промерзшем грунте на кладбище должны были способствовать согласию на тот вариант, который и был принят.

Продолжим цитирование. Во время чрезвычайно пышной похоронной церемонии, устроенной Петром I, в которой, помимо вдовы, сыновей и дочерей покойного, участвовал весь генералитет, бояре, дипломатический корпус, войска, несли «гроб, обитый красным бархатом и украшенный золотой парчей и серебряными гербами и ручками. Носилки, на которых стоял гроб, были покрыты черным бархатом с золотой парчей, золотыми кистями и бахромой. Гроб попеременно несли на плечах 28 полковников».²²⁶

Практически такое же описание гроба дано Голиковым (восходит к Бассвилю, а через него к голландской газете [11, с.137–140; 60]) при рассказе о похоронной процессии Лефортова [190, с.172]: либо одно из них списано с другого, либо в погребальном обряде Гордона эта деталь была повторена, как и сам состав процессии, с той лишь разницей, что вместо трех реформатских и двух лютеранских пасторов шло «духовенство римско-католической церкви» [198-1, с.38]. На последнюю версию указывают и строки Голикова про Гордона: «Великий Государь <...> устроил телу погребение, не уступающее в великолепии и пышности Лефортову, шел Сам за гробом, и в Его же присутствии предано оное земле при гrome тоекратного от всего войска беглого из ружей огня» [190, с.291]. Впрочем, в их основе лежит текст Корба: «Царь, хорошо понимая, как много он потерял с кончиной столь знаменитого мужа, назначил для его погребения такой же великолепный церемониал, как и тот, с которым хоронили Лефортова» [308, с.236].

Детальное описание на русском языке церемониального шествия (но без каких-либо ссылок) привел уже упоминавшийся нами П.О. Бобровский [134, с.45–46]. Оно подозрительнейшим образом напоминает описание шествия при похоронах Лефортова, данное Голиковым [190, с.170–173], с той разницей, что вместо трех морских полков выступает Бутырский, вместо «трех реформатских и двух лютеранских пасторов» — «духовенство римско-католической церкви, в которой Гордон был ктиторм» и т.п.

Церемонии, разработанные Петром I при похоронах вначале Лекта — Моло, а затем Лефортова и Гордона, легли в основу многих последующих «печальных церемоний», в частности, при погребении генералов Ф.А. Головина (1706), Ф.М. Кантакузена и П.М. Голицына (1722), а позднее и самих императоров.²²⁷ В книге «Описание погребения блаженной памяти Императора Николая I-го...»

есть даже глава «Европейский церемониал введенный Петром Великим при похоронах Гордона и Лефортова», где среди прочего подробно описана церемония похорон Гордона.²²⁸ Шествие было таким же длинным, как и при погребении Лефортова.

Впрочем, две эти процессии имели серьезное различие: процессия с гробом Гордона шла только от его дома до церкви (далее гроб был перенесен из одного здания в соседнее; никакой сколько-нибудь внушительной процессии на этом пространстве в десяток саженей просто не разместилось бы), в то время как гроб Лефортова провожали также от церкви до кладбища.

Сама пышность обеих церемоний реанимировала слухи, которые циркулировали ранее. В. Ключевский: «В Москве и Немецкой слободе много было толков о почестях, с которыми Петр в 1699 г. хоронил Гордона и Лефортова. Он ежедневно навешал большого Гордона <...> сам закрыл глаза покойнику и поцеловал его в лоб <...>. Еще с большей горестью хоронил Петр Лефортова: сам шел за его гробом, обливался слезами <...>. С Лефортовым он был связан еще личной дружбой <...>, готов был даже признать его начинателем своей военной реформы. “Он начал, а мы довершили”, — говорил о нем Петр впоследствии (зато и пошел в народе слух, что Петр был сын “Лаферта да немки беззаконной”, подкинутый царице Наталье)».²²⁹

ЭПИТАФИЯ

В предисловии к дневнику Гордона и в *Московском некрополе* зафиксирован следующий текст: «Sacrae Tzareae Majestatis / Militiae Generalis / Patricius Leopoldus / Gordon / Natus Anno Domini 1635 / die 31 Martii / Denatus Anno Domini / 1699 die 29 Novembris / Requiescat in pace» («Священного Царского Величества военный генерал Патрик Леопольд Гордон родившийся в 1635 году от Р.Х. в день 31 марта, умер в 1699 году от Р.Х. Упокойся в мире»). В «Московском некрополе» добавлен комментарий: «Под главным алтарем старой католической церкви, построенной в Немецкой Слободе в 1694 году», и дана ссылка на дневник Гордона²³⁰, что авторы «Московского некрополя» делали, когда самого захоронения не видели. На это указывает и звездочка в начале текста. Автор же предисловия к дневнику, Поссельт, копировал надпись явно с надгробного камня, ибо сохранил расположение строк, которые мы выделили косыми чертами (в «Московском некрополе» этого нет).

Обратим внимание на другую запись Поссельта в том же предисловии: «По надгробной надписи имя Гордона Патрик Леопольд; но второго имени мы больше нигде не находим: его не приводит ни

сам Гордон, ни кто-либо другой» [198-1, с.20]. Указание на второе имя как раз и подтверждает достоверность эпитафии.

Дело в том, что летом 1698 г. через Москву в Персию проезжал цесарский посол Петр-Павел Пальма д'Артуа, архиепископ Анкирский, из ордена кармелитов.²³¹ 5—6/15—16 июля 1698 г. он совершил в Немецкой слободе, с участием патеров, конфирмацию²³² 63 лиц²³³, которые ранее конфирмованы не были. Среди прочих обряд конфирмации прошло семейство Гордонов. Крестным отцом у Гордона и его жены был императорский посол Гвариент. Патрик Гордон получил при этом (то есть за 1,5 года до своей смерти) второе имя — Леопольд, а его сын Федор — имя Иосиф.²³⁴

Достоверность зафиксированной эпитафии подтверждается еще одним независимым источником. В фондах Оружейной палаты хранится так называемая «похоронная ложка». Она выставилась в 2003 г. и в каталоге описана следующим образом:

«Англия, 1680-е гг. Серебро; литье, гравировка, золочение. Дл. 20,5. Вес 88,7; 875° <...>. Ложка золоченая с овальной чашечкой, расширяющейся кверху ручкой с фигурным завершением на конце. Гладкие ложки с характерной деталью “крысиный хвост” (“rat tail”) на обороте чашечки изготавливали в Англии в последней трети XVII в. В московской Немецкой слободе конца XVII в. на похоронах известных или состоятельных особ почетным участникам погребальной церемонии раздавались памятные предметы, в том числе и серебряные ложки, на которых обозначались имя и звание усопшего, а также время его кончины. Такая надпись на латыни гравирована на оборотной стороне чашечки: PATRICI, LEOPOLD, DE GORDON, GENER, NAT AN. 1635. DI. 31 MART. DENAT AN 1699 DI 29 NO (Патрик Леопольд де Гордон генерал, родился 1635 г. от Р.Х. 31 марта, скончался 1699 г. от Р.Х. 29 ноября). <...>. В собрании Оружейной палаты хранится еще одна ложка с гравированной надписью о кончине 31 мая 1694 г. в Архангельске лейб-медика Петра I Захария Фандергульста» [503, с.97].

Как видим, надпись на ложке повторяет ту же информацию, и везде указывается, что усопший был генералом. Это указание нам еще понадобится. Вспомним также похоронное кольцо Лефорта.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Предыстория

Отличие от лютеран и кальвинистов, католики очень долго не имели ни храма, ни священников — одно строить не разрешали; других в Московию не допускали.

Д. Цветаев: «Построить костел вместо того, который изстари был у ганзейских купцов в Новгороде и к концу XIV века, с упадком торговли, прекратил свое существование, московское правительство, не смотря на все старания католиков, не позволяло нигде» [590, с.71].

Адам Олеарий и вслед за ним митрополит Макарий в «Истории русской церкви»: «В 1627 году король французский Людовик XIII прислал посла по имени Луи-де-Гэ к прежнему великому князю, с просьбою разрешить французской нации свободу торговли в России; при этом он сделал попытку добиться постройки для них католической церкви. Однако, в этом ему было отказано».²³⁵

М. Красножен: «В условиях договора, заключенного в 1634 г. с голштинцами о дозволении им вести торговлю через Россию с Персией <...> было сказано: “Костелов им своей веры в тех местах, которые им будут даны, и на торговых дворах, которые они купят <...> не ставить, пенье по своей вере совершать в домах, а не в костелах, и римской веры попов и учителей и никаких латинской веры людей с собой в Московское государство не привозить и тайно у себя не держать; а кто привезет и станет держать тайно, тех казнить смертию».²³⁶

В Московии зимой-летом 1664 г. находился английский посол граф Карлейль. К его реляциям приложено «Описание Московии», принадлежащее перу одного из членов его свиты.²³⁷ Учитывая тогдашнюю политическую обстановку в Англии, можно предполагать, что свита едва ли не исключительно состояла из лиц, принадлежавших к англиканской епископальной церкви (хотя могли быть представители и других протестантских деноминаций²³⁸) и являвшихся противниками католичества. Автор приложения писал о москвитях: «Хотя по внешности они сходятся больше с католиками, чем с протестантами, тем не менее к первым они чувствуют сильное отвращение, особенно по причине завладения папами римского престола. Вследствие этого Москвитяне питают такую к ним вражду, что почти не терпят их в своей стране. Но это, впрочем, несколько не мешает тому, что находятся некоторые из них (католиков), которые для личных выгод и для того, чтобы распространять там мало-по-малу скрытыми путями свою религию, живут там как incognito; так римский клир прилежен и ловок прикидываться маской между этими недругами, чтобы привить к их сердцу свое учение».²³⁹

В. Ключевский после рассказа о протестантских конфессиях: «Меньше было католиков, Итальянцев и Французов; они не пользовались правом публично отправлять свое богослужение и не имели храма» [290, с.232]. Это почти точный пересказ текста Таннера: «<...> немцы <..., из них> меньше всего — католиков <...>; храма и священника они не имеют. Кроме того, итальянцы, и даже францу-

зы» [267, с.398; 542, с.68–69]. Яков Рейтенфельс, описывая в 1680 г. свои впечатления от Московии 1671–1673 годов: «Одним лишь римским католикам до сих пор не разрешено иметь своего священника в Москве, хотя немало католиков всех подразделений <Так!> занимают у русских как военные, так и гражданские должности» [494, с.374].

Заклучим эти описания исследовательскими текстами XIX–XXI вв. В.Я. Уланов: «Хотя иноземцы и пользовались свободой вероисповедания, но не все: московское правительство было терпимо только к протестантам и кальвинистам. Первые имели в слободе два храма, вторые — один. Но в Москве <...> совершенно не терпели католиков».²⁴⁰ С.П. Орленко: «В отличие от протестантов, имевших в Москве и других городах свои храмы и духовенство, католики были лишены возможности богослужения. Власти препятствовали приезду в Московское государство священников “римского закону”, если они не являлись капелланами иностранных посольств <...>. Нетерпимость московского правительства к католическому духовенству и богослужению, особенно на фоне относительной свободы вероисповедания, которой пользовались в России протестанты, чрезвычайно уязвляла представителей католических государств, посещавших Москву в составе иностранных посольств».²⁴¹

Те же факты описаны С.К. Богоявленским в качестве примера веротерпимости: «<...> власти <...> не препятствовали лютеранам и кальвинистам совершать богослужение по своему обряду в особых церковных зданиях, проповедовать с церковной кафедры, организовывать церковные общины и приглашать пасторов из-за границы. Это было время, когда во всех западноевропейских странах царила религиозная нетерпимость <...>».²⁴² Только католики были несколько ограничены в своих правах, им было запрещено иметь постоянного священника и строить костелы, но когда в Москву приезжал иностранный посол католик и при нем был священнослужитель, то последнему не запрещалось богослужение в частном помещении и исправление церковных треб».²⁴³

Т.А. Опарина резюмирует свидетельства XVII в.: «Свобода вероисповедания католиков была ограниченной. Хотя в Российском государстве допускалось пребывание представителей католического вероисповедания, католические храмы и публичное католическое богослужение были категорически запрещены. Католики принуждены были или посещать протестантские храмы, или же удовлетворяться присутствием на службах капелланов, сопровождавших посольства католических стран».²⁴⁴

Службы эти проводились на Посольском дворе, о чем мы уже говорили в связи с протестантскими церквями. Приведем свидетельство Таннера, относящееся к 14/24 августа 1678 г., дню отъезда посольства из Москвы: «В день памяти св. Варфоломея, мы, желая

праздновать св. Апостолу <...>, чествовали его торжественным совершением миссы <так!>, с музыкой, в шатре, раскинутом посреди двора. По окончании миссы сказана была и польская проповедь». Кроме того, Таннер описал едва ли не анекдотичную ситуацию католического обряда приведения польских послов к присяге в одной из палат Московского Кремля (в Грановитой?), в присутствии бояр и московского духовенства, проводившего рядом аналогичную православную службу: «Наш капеллан доминиканец устроил алтарь на подобие католического и при двух державших светочи спальниках принял присягу послов, сидя альбе и столе. Так кончился обряд присяги у тех и других». И. Ивакин дополняет это описание цитатами из русских документов: «Два человека посольские ксендзы принесли в ответную палату распятие литое, на цке²⁴⁵ деревянной черной да образ пресв<ятой> Богородицы чстоховския и Евангелие польской печати и поставили на столе к западу, лицом против панихидных палаты, и перед образом пресв<ятой> Богородицы поставили Евангелие, разогнув, где напечатано: В начале бе Слово. А перед распятием и образом несли две свечи ярого воску в подсвечниках серебряных и поставили те свечи на столе с обеих сторон распятия и образа. А другия ярого воску две свечи долгия держали польские люди перед распятием и образом <...>».²⁴⁶

Л.П. Рушинский о той же эпохе: «Русские никогда не давали у себя Католикам свободы Вероисповедания. <...> Лютеране и Кальвинисты имели у нас свои кирки и школы²⁴⁷, а Католики ни того, ни другого. <...> Западные Католические Государи не раз делали попытки обезпечить своим единовѣрцам, проживавшим в России, права религиозной свободы, но эти попытки оставались безуспешными. <...> Таннер говорит о Католиках своего времени, что они не имели ни храма, ни священника. В 1678 году Послы Польского Правительства ходатайствовали пред Царем, чтобы он позволил Католикам содержать своего Священника на их же счет, но ходатайство это осталось без успеха <...>. В 1684 г. было Австрийское Посольство в России для заключения союза против Турок; члены этого Посольства: Бароны Блюменберг и Жировский, прибыли в Москву с двумя Езуитами, и, так как здесь проживало много Католиков, то они просили наше Правительство дозволить этим Езуитам остаться в России. Но они должны были действовать очень осторожно, по тому что, кроме обыкновенного предубеждения против Католиков, Русские подозревали их в тайных замыслах. <...> Только уже к концу XVII века Католики получили право совершать Богослужение в частном доме, который они приобрели, но и это право им было уступлено лишь под условием, чтобы ни один Езуит не смел являться в Россию и тут священнодействовать, иначе он подвергался немедленному изгнанию. Исбранд говорит, что такая

участь действительно постигла одного Езуита, который осмелился явиться в Москву²⁴⁸, а Таландер упоминает о таких же неудачах Доминиканцев и Езуитов, хотя не приводит самых данных; по его же словам, в 1695 году, Австрийский Император отправил при Посольстве двух Католических Священников в Москву, но и в это время они не смели совершать Богослужения открыто. <...> Все эти данные относятся к последнему десятилетию XVII века; право совершать Богослужение, хотя и в частном доме, было уступлено Католикам в 1691 году, а первая Католическая церковь явилась в Москве в 1696 году» [508, с.207–209].

Эти пассажи с неточными данными, основанные на записках Мейерберга²⁴⁹, уже упоминавшихся Таннера, Вармунда и долго жившего в Московии Исбранда, послужат отправной точкой для дальнейшего повествования.

Первая католическая миссия (1684–1689)

Если не считать демарша Людовика XIII, едва ли не впервые о разрешении построить костел в Немецкой слободе запросили императорские послы Аннибал Франциск де Ботони и Яган Карл Терлингерен де Гусман, приехавшие в Москву 25.8/4.9.1675 и покинувшие ее 28.10/7.11.1675. Им было в этом отказано [116, с.25–26].

Новую попытку сделал весной 1678 г. польский посол князь Михаил Черторыйский, о котором упоминает Рущинский. Таннер записал: «По просьбе католиков посол, мой князь, просил было царя позволить им содержать на свой счет католического священника; но схизматикам ненавистно имя папы — просьба не имела успеха». И далее, более конкретно о заседании послов 15/25 мая 1678 г., когда были изложены цели посольства: «<...> и наконец допущение католического богослужения. Насчет последней статьи <...> царь сказал, чтоб и помину не было. Они так привержены <так!> к католической истине, что не хотят о ней и слышать, тогда как богослужение иных исповеданий <...> допускают». И наконец, о заседании 13/23 июля: «О католической вере, ввиду успеха в прочем, князь-посол, дабы их <московитов — Д.Г.> не раздражать, не решился напоминать».²⁵⁰ Его дополняет переводчик И. Ивакин, цитируя архивные документы: «О костелах в 15-м ответе бояре напрямик сказали, что ни в Москве, ни по городам нигде их не бывало и ныне тому быть непристойно». Этот ответ был дан 26 июня / 6 июля 1678 г. К 20-му заседанию, 12/22 июля, удалось добиться лишь паллиативного решения: «греческой вере в стороне <польского> короля, а римской вере в стороне царя препятствий делаться не будет (царь без затруднения позволяет католикам ездить до ближайших костелов за границу молиться)» [542, с.79–80].

Такой же демарш повторили 31 мая / 10 июня 1684 г. другие императорские послы, бароны Иоганн Кристоф Жировский и Себастьян Блюмберг, прибывшие в Москву 14/24 того же мая. Согласно Д. Толстому, просьбу подал Гордон «конечно, по внушению иезуитов», а послы лишь подкрепили ее.²⁵¹ Думаем, что Толстой прав в отношении Гордона, но не иезуитов, ибо движущей силой был сам генерал. Д. Федосов совершенно справедливо утверждает, что «Основанием своего первого храма в России римско-католическая община во многом обязана влиянию и усилиям Патрика Гордона, который неустанно хлопотал об этом и первым подписал соответствующую челобитную».²⁵² В своем дневнике Гордон еще 31 января / 10 февраля 1684 г. записал: «На совещании с боярином Голицыным, когда я посетовал, что у нас, католиков, нет столь свободного религиозного служения, как у других, он сказал мне, что мы должны подать прошение Их Величествам, и сие будет даровано, так же как и грамота с привилегией» [197, с.12].

Толстой, Цветаев и Федосов приводят тексты челобитной московских католиков (две различающиеся версии русского текста и французский перевод), которую те подали до 3/13 марта 1684 г., а Цветаев еще и текст запроса цесарских послов.²⁵³ Официальный ответ гласил: «О строении католического костела и о пропуске ксензов изволяют великие государи, их царское величество, посоветоваться с отцом своим и с богомольцем святейшим Иоахимом патриархом». Это был тупик. Ибо, в отличие от патриарха Никона, который личной ксенофобией, похоже, не отличался, Иоаким был непримиримым врагом любых представителей западного христианства («немцев-еретиков»)²⁵⁴ Тем не менее, кн. В.В. Голицын соизволил устно пообещать дать свободу богослужения и допустить в Москву католических священников.²⁵⁵

Послы постарались срочно развить этот успех, ибо устное обещание вообще мало что значит, да и то лишь по горячим следам. В результате множества косвенных демаршей и уловок, детально разобранных Цветаевым, послам удалось, как бы случайно, при отъезде 24 июня / 4 июля 1684 г. оставить в Москве приехавшего с ними иезуита, патера Шмидта. Никаких официальных разрешений не давалось; правительство Софьи и Голицына просто закрыло на это глаза, желая расположить к себе цесаря, на активность которого имело свои виды: без его давления на Польшу заключить «вечный мир» с последней и оставить у себя Киев было бы невозможно. Похоже, согласие Голицына было дано в последний момент, едва ли не тайно, в любом случае неофициально и настолько неожиданно для самих послов, что они даже не успели при отъезде проститься с патером.²⁵⁶

По всей видимости, именно к этим обещаниям Голицына и к оставленному пастору относится запись Гордона от 11/21 августа 1684 г.²⁵⁷, когда он уже находился в Киеве: «Я написал <...> к милорду Грэму, касательно содержания наших священников в Москве, ибо по милости Их Величеств и при посредничестве послов Римского императора мы добились права возвести церковь и иметь священников; я приложил копию того, что каждый будет вносить ежегодно на содержание священников и другие нужды церкви, что в целом составляет 47 ½ рублей» [197, с.31]. Другими словами, в Киеве под ведением Гордона находилось определенное число офицеров-католиков, которые, поддерживая образующийся католический приход в Немецкой слободе, собрали указанную сумму, для той эпохи не малую.

5 февраля 1686 г. голландский резидент, барон Йохан Виллем ван Келлер, представлявшийся другом Гордона, но таковым отнюдь не являвшийся, писал про него из Москвы Генеральным штатам: «Говорят <...> что именно по его ходатайствам уже высланный было иезуит добился соизволения все же остаться здесь на некоторый срок и по-прежнему петь мессу» [197, с.287, 300]. Речь явно идет о патере Шмидте и о лете 1684 г.

О Гордоне, как о признанном главе католической общины не только в Москве, но и в Московии, говорит следующий факт. Гордон покинул Москву и направился к месту службы в Киев 6/16 марта 1684 г. Императорское посольство, в котором находился патер Шмидт, оставшийся позднее в России, прибыло в Москву два с лишним месяца спустя, 14/24 мая 1684 г. Тем не менее, связанные с католической общиной вопросы патер Шмидт, находящийся в Немецкой слободе, решает по переписке именно с Гордоном, пребывающим в Киеве, хотя друг друга они лично еще не знали. Это возможно лишь в том случае, если Гордон действительно признавался главой католического сообщества. Так, в его дневнике читаем записи, сделанные в Киеве 8/18 февраля 1685 г.: «Я получил также частные письма: <...> от п[атера] Шмидта, с известием, что шталмейстер прежнего посла Римского императора Куртц должен вскоре быть в Москве с грамотой от императора царям», и 19/29 июня 1685 г.: «Вечером получил письма от нашего с[вященника] и м-ра Гуаскони».²⁵⁸ Священник, который уже стал «нашим», — патер Шмидт.

Д. Цветаев: «<...> католическая церковь организовалась, и преимущественно с тех пор, как Гордон переселился на жительство в Москву» [587, с.366–367].

В.А. Ковригина считает, что католическая община образовалась там в 1682 г. [296, с.190]. К сожалению, автор никаких ссылок не дает, но эта дата похожа на достоверную.

Подчеркнем ключевой характер посольства Блюменберга и Жировского для обустройства дел католической общины и постройки костела в Немецкой слободе. Маршалом посольства являлся Игнатий фон-Гвариент, который в 1698–1699 гг. возглавит другое посольство в Москву, получившее известность благодаря запискам его секретаря Корба, а шталмейстером — Ян Игнатий Куртц (Яган Курц; Курцей; Kurtz). Последний в качестве императорского гонца вскоре вновь посетит Москву, где пробудет с 15/25 апреля по 16/26 июня 1685 г.²⁵⁹

Можно считать, что деятельность Куртца была следующим шагом после того, что сделали Блюменберг и Жировский, а можно, вслед за Цветаевым, утверждать, что он преуспел (хотя и тайно) больше них. Куртц не только незаметно водворил в Москве в качестве помощника Шмидта, приехавшего туда 12/22 мая 1685 г. из Оломоуца с «папезскими листами» иезуита отца Альберта де Бойе²⁶⁰, но и сумел купить в Немецкой слободе на цесарские деньги дом для иезуитов²⁶¹, записав его на имя «торгового иноземца» Франциска Гваскони²⁶², флорентийского купца, который проживал в Московии с 1668 г., торговал и одновременно выполнял функции тайного агента венецианского правительства — в Венецианских архивах хранятся его донесения.²⁶³ Это тот самый «м-р Гуаскони», с которым Патрик Гордон находился в постоянной переписке и во время своего пребывания в Киеве, и во время обоих Крымских походов, что очевидно из дневника генерала [197], а при личных встречах общался «по церковному делу». Позднее, проживая в Немецкой слободе, Гордон регулярно бывал у него дома [197, с.163, 185 и др.]. Был Гордон в контакте и с патером де Бойе. Последний оставил по себе в слободе очень хорошую память. Из письма Франциска Эмилиана от 13/23 июня 1699 г.: «<...> старушка, которая делала весьма много добра для наших отцов, особенно для мирно почившего отца Де-Бойе, во время его болезни (этого отца Де-Бойе вспоминают с величайшими похвалами)» [465, с.43, 244–245]. Он трижды упоминается в дневнике Гордона за 1685 г.: 4/14 июля Гордон, находившийся в Киеве, получил от де Бойе письмо из Москвы; 8/18 августа сам написал ему и патеру Шмидту, а 21.9/1.10.1685 через де Бойе Гордону были пересланы письма родственников, находившихся в Европе [197, с.72, 76, 78; 565, с.255]. Таким образом, Гордон, даже не присутствуя в Москве, должен был быть полностью в курсе дел.

Иржи Давид писал в 1690 г.: «Наиблагороднейший господин Иоанн Игнатий Курц <...> приобрел дом, чтобы с возможно большими удобствами мы могли совершать в нем наше служение, и обустроил все таким образом, чтобы дом этот равно мог послужить и нам и благочестию всех католиков. Средства и силы на то предоставил наиблагороднейший господин Франсиск Гваскони, итальян-

нец родом из Флоренции, ныне живущий здесь. Царившие тут мир и благодать настолько озарили всю округу, что через краткое время сюда стали приходить также многие из тех, кто не исповедовал католическую веру. Но столь счастливое начало прервала смерть, ибо вскоре жестокая лихорадка унесла о. Альберта, который скончался 3 ноября 1685 года, 40 лет от роду, на шестом месяце по приезде сюда, укрепленный всеми священными обрядами и подготовленный свершить путь в вечность. Он был погребен с подобающими нашей Церкви церемониями на общем для всех иностранцев кладбище, и гроб его сопровождали как видные, так и простые люди, католики и не-католики, оплакивавшие преждевременную кончину преславного Отца. Он родился в благородном семействе в Колонии Агриппины, изучал теологию в Риме и, заслуженно увенчанный лаврами теологии, снискал впоследствии столь высокие почести в Оломуцком каноникате, что стал членом Богемской провинции Ордена, в которой пребывал 6 лет, служа примером высочайшей добродетели. Отец сей отличался учтивыми манерами и благородной обходительностью, он владел многими языками и был известен в провинции; потому на могилу его трудами католической общины ныне возложен камень, дабы память о нем сохранялась среди потомков».²⁶⁴

Итак, де Бойе умер 24 октября / 3 ноября 1685 г. и был похоронен на общем для всех неправославных кладбище Немецкой слободы.

Гваскони же не купил дом и участок, а дал средства в долг на их покупку, которая была произведена на его имя. Позднее деньги были ему возвращены из цесарской казны. На этом основании Куртц, весной 1691 г. вновь посетивший Москву уже в ранге посланника, сделал попытку представить этот дом и двор в качестве собственности императора. Попытка не удалась, но в марте 1693 г. послужила Патрику Гордону аргументом при «обороне» дома от нападок православных и протестантов: боярин Т.Н. Стрешнев сделал попытку заставить продать участок, «где стоит католическая молельня», доктору фан-дер-Гульсту, владевшему соседним участком и якобы мечтавшему его расширить.²⁶⁵ Сами католические священники продолжали считать дом и двор собственностью императора и, не имея возможности закрепить этот факт юридически, зафиксировали его эмблематически и визуально. Из письма о. Иоанна Бауэра, написанного 4 марта (н. ст.) 1720 г. во Вратиславе (Vratislaviae; ныне Братислава) и касающегося приезда в Россию капучинов на место изгнанных иезуитов: «Если им назначат дом и церковь, принадлежавшие (австрийскому) императору (ибо на его деньги приобретена эта земля и выстроена большая часть здания и, вероятно, никакого другого патрона и владельца этого имения нет, как указывает на это императорский орел, прикрепленный на воро-

тах дома) <...>. Поэтому его священнейшему императорскому величеству оставляется полнейшее право распоряжаться по своей воле домом и церковью, построенною на его средства».²⁶⁶ Оставалась мелочь — признание этого права российским правительством, чего так и не произошло.

Несмотря на наличие у католической общины участка и дома на нем, еще в середине лета 1686 г. русское правительство сопротивлялось строительству отдельного церковного здания. Вот что написал дьяк Украинцев при подготовке большого посольства в Вену на цесарской грамоте от 10 апреля 1686 г., пришедшей в Москву 4/14 июня 1686 г.: «в строении костела отказать, а в дому Римляном по своей вере молитвы отправлять не заборонено» [587, с.346, XXIII].

А вот как в 1687 г. описывал ситуацию 1685–86 годов Шлейс-сингер: «Католикам и по сию пору не удалось добиться разрешения свободно отправлять свою службу, так как русские считают, что именно католики наносят им самый большой ущерб. Впрочем, теперь, когда в Москве побывали послы императора господин барон Блумберг и господин барон Сероффский, им удалось добиться того, что в Москве учрежден пост патера от Общества Иисуса (Иезуитов), и в скором времени ожидают прибытия одного из таковых, и в доме одного купца < Франциска Гваскони — Д.Г.> католики будут отправлять свое богослужение, пока не построят церковь».²⁶⁷

Следующий шаг — приезд в августе 1686 г. чешского иезуита Иржи Давида (26.6.1647–1713), заменившего де Бойе.²⁶⁸ В принципе это означает, что налаживается нормальная, спокойная жизнь общины: священники сменяют друг друга, хотя и не имеют права на постоянное пребывание в Москве. Они находятся здесь не «по праву», а «по особой царской милости, и от них всегда можно было освободиться».²⁶⁹

В дневнике Гордона под 5/15 мая 1687 г. имеется запись, иногда путающая историков: «В день Вознесения наш церковный шатер был освящен и в оном совершено богослужение; я позвал к обеду полковников, священника и других офицеров» [197, с.137]. По всей видимости, первым ошибся Д. Цветаев, который при описании католической церкви в Москве пересказал слова Гордона про «освящение церковной палатки» без каких-либо комментариев, с него — А.П. Доброклонский, а от них перешло к современным авторам.²⁷⁰ В действительности никакого отношения к церкви в Немецкой слободе эта запись Гордона не имеет. Автор в тот день находился на берегу р. Мерлы — небольшой реки, притока Ворсклы, что ныне относится к Харьковской области Украины. Дело происходит во время первого Крымского похода, что не сразу понятно из текста, ибо в дневнике отсутствуют листы за март–апрель 1687 г. Мы поддерживаем мнение комментатора, который пишет:

«По-видимому, речь идет о католической походной часовне» [197, с.301]. Другими словами, в своем войске Голицын не мешал служить католическим походным капелланам и устраивать походные иноверческие церкви — принципиальный шаг вперед, ибо раньше существовал лишь институт протестантских военных капелланов [415, с.72; 416, с.349]. Впрочем, в крымских походах участвовали и протестантские капелланы, в частности, во втором походе — лютеранский священник Александер Йонг [197, с.199].

Интересна дата записи. В 1687 г. день Вознесения у католиков приходился на 28 апреля / 8 мая, у православных — на 5/15 мая. Таким образом, освящение католического храма Гордон помечает в дневнике православным праздником. «Календарная» позиция Гордона была довольно сложной: как католик он праздновал католические церковные праздники, но как британец опирался на юлианский календарь, от которого католическая церковь отказалась за столетие до этих событий. Его постоянное проживание в Москве, где использовался юлианский календарь, способствовало консервации его «календарных привычек». Живи Гордон в католической стране, он и дневник бы вел по григорианскому стилю.

23.6/3.7.1688 г. патер Шмидт крестит в Слободе дочь Патрика Гордона, Джейн (Джоанну), а через два месяца, 22.8/1.9.1688, покидает Москву. В этот день Гордон фиксирует в дневнике: «Я <...> отправил 6 пар дорогих соборей с нашим п[атером] Иоганном Шмидтом, который уехал сегодня; мы проводили его за реку Москву до села Дорогомилово». ²⁷¹ Связь Шмидта с Гордоном сохранялась и в дальнейшем. Так, уже через 20 дней после отъезда патера, 11/21 сентября, Гордон получил от него письмо, переданное с оказией, а 3/13 октября, по-видимому, в качестве главы католической общины, «отправил ему свидетельство о его добром здесь поведении» [197, с.175, 177]. Позднее Гордон отошлет в Браунсбергскую иезуитскую коллегию (где когда-то обучался) под покровительство Шмидта своего сына Федора (см. далее).

Некоторое время у общины был лишь один священник, Иржи Давид. 11/21 ноября 1688 г. в дневнике Гордона появляется запись: «Мы получили весть из Германии, что сюда направляется доктор меди[цины], а также патер на место п. Шмидта» [197, с.175, 177].

С осени 1688 г. записи о посещении Гордоном церкви становятся довольно регулярными. 1/11 ноября: «Мы праздновали день Всех Святых с вокальной и инструментальной музыкой». 2/12 ноября: «Также и [праздник] Всех Душ тем же образом». Возможно, в домово́й церкви к этому времени уже установили орган. 30 ноября / 10 декабря: «День Св. Андрея, на богослужении». 2/12 февраля 1689 г.: «Я ходил в церковь, причастился». ²⁷²

2/12 марта 1689 г. из второго Крымского похода Гордон писал «п[атеру] Давиду» [197, с.188] — речь об Иржи Давиде. Между тем, в Немецкой слободе появился его помощник. 11/21 февраля 1689 г. в Посольский приказ представил свои рекомендательные грамоты от цесаря вновь приехавший иезуит Товий (Тобиаш) Тихавский или Тихановский (Тихоновский), который был принят очень милостиво. ²⁷³

С.П. Орленко: «В особенности раздражали <патриарха> Иоакима иезуиты, обосновавшиеся в Москве в 1684 году. Падение Софьи и ссылка Голицына развязали ему руки. И. Давид писал: “Патриарх... воспользовался случаем начать действия против нас, и никто ему не противился. Ведь Голицын был в ссылке. При нем он не решался что-либо предпринять, хотя пускал в ход все уловки, чтобы добиться указа против нас”» [422, с.155]. Де ла Невиль про Голицына: «Он уже принял в Москве иезуитов, с которыми часто беседовал; они были изгнаны на следующий же день после его опалы с объявлением Царей Императору и Польскому королю, которые их прислали, что они никогда не будут допущены в страну» [399, с.104, 165]. Автор несколько горячится, ибо указ о ссылке Голицына датируется 9/19 сентября, а указ о высылке иезуитов — через три с лишним недели, но в целом он прав.

В 1689 году Иоаким «со всем освященным собором» бил челом государям, говорил, “что они езуиты живучи на Москве, чинят много святой церкви и догматам противность... и чтоб государи им езуитом в Московском государстве жить не позволили”» [422, с.155-156]. Указ о высылке иезуитов был подготовлен 30 сентября / 10 октября и объявлен им 2/12 октября 1689 г. ²⁷⁴ Они известили Гордона, находившегося в это время в Лавре. Тот пытался за них заступиться, хлопотал перед боярами и перед Петром I, но безрезультатно, ибо патриарх и духовенство стояли на своем. Впрочем, иезуитам дали отсрочку до прибытия Петра в Москву из Лавры (откуда он выехал 6/16 октября 1689 г.) и решили отправить «с почетом, снабдив всем необходимым на дорогу». Однако Немецкую слободу им пришлось покинуть еще до приезда Петра, 5/15 октября 1689 г. ²⁷⁵ Иезуитов не спасло даже то, что они еще 1/11 июня 1689 г. своим заключением помогли патриарху Иоакиму осудить несчастных проповедника Квирина Кульмана и голландского купца Конрада Нордермана. В указе, касающемся казни Кульмана и опубликованном в Полном собрании законов [480], о заключении иезуитов нет ни слова. Однако это не указ о казни, а грамота князю Прозоровскому, в которой она упоминается как уже состоявшаяся. О самом приговоре Квирину и Нордерману пишет Иржи Давид: «Их книги принес нам на цензуру царский переводчик, и в последнем приговоре им было прочитано, что книги их осуждены как еретические и люте-

ранскими пасторами и иезуитами» [18, с.71; 223, с.130]. Давид явно скромничает как здесь, так и в посылавшихся с дороги письмах: его и Тихановского отзыв был чрезвычайно резким. Например: «И если б те пророчества и песни честь кому, и тот не токмо в соблазн впадает, но и христианские веры лишается и та книга поистинне есть злоплевелная и бунтовная малодушных людей противу веры истинной христианской». И далее о другом сочинении, изъятном у Кульмана: «И такая книга у цесаря сожжена многажды въявь на площади, для того, что бунтовная на государя своего под покровом веры», и т.д.²⁷⁶ Цветаев, опубликовавший полный текст отзыва [589, с.145–147], справедливо замечает, что, хотя вину за дело Кульмана переваливать с лютеранских пасторов на иезуитов нет никаких оснований, Тихановский и Давид постарались его максимально раздуть, радуясь склоке в протестантском лагере, а потом пытались скрыть свою роль. Но... не рой другому яму. Демонстрация лояльности к русским властям иезуитам не помогла и пошла на пользу лишь их противникам, затеявшим эту историю лютеранским пасторам Иоакиму Мейнке и Бартольду Фагедию. Как образно выразился Ю.М. Лотман, «в 1689 г. в Москве по настоянию пасторов Немецкой слободы был сожжен Квирин Кульман. Через окно в Европу <каковой была Немецкая слобода — Д.Г.> тянуло гарью» [343, с.649]. Еретики были сожжены 4/14 октября 1689 г., то есть в те самые дни, когда иезуитов изгоняли из Москвы.²⁷⁷ Однако требование патриарха в его духовной от 17 марта 1690 г. о разорении инославных храмов выполнено так и не было, хотя строить новые храмы долго не разрешали.²⁷⁸

Д. Цветаев считает, что высылка иезуитов была ответным ходом «старорусской партии, с патриархом Иоакимом»²⁷⁹ на резкое сближение Гордона и Петра I, вместе участвовавших в военных эскерциях в Александровской слободе 15–21 сентября (ст. ст.) 1689 г. [587, с.370–371]. Это предположение может иметь основания, хотя был и второй элемент: потеря власти Софьей и Голицыным, защищавшими иезуитов. Освобождение Петра I от опеки сестры ознаменовалось глухой церковной реакцией. Пострадали как католики, так и представители радикальных форм протестантизма, благо последние пророчествовали «о долгом и “и славном правлении Троицы” в России»: Ивана, Петра и Софьи [295, с.181]. Быстрая кончина Иоакима (17/27 марта 1690 г.) сыграла свою роль в том, что эта реакция оказалась кратковременной.

С определенной точки зрения высылка иезуитов в октябре 1689 г. — уже вторая, ибо первой можно считать высылку иезуитов Филиппа Авриля и Антуана де Боволье (Beauvillier) 31 января (н. ст.?) 1689 г.²⁸⁰, то есть еще правительством Софьи и Голицына. Аврил (De Aurill; 1654–1698), которого интересовал Китай и пути

через Московию, дважды приезжал в Россию. А выслали их не без участия бранденбургского посла Чаплича, убежденного протестанта. Официальным мотивом высылки было неправильное написание царского титула в королевском письме и плохой прием русского посла Долгорукого в 1687 г. в Париже. О своих путешествиях и злоключениях Аврил написал и в 1692 г. издал книгу, которая в 1693 г. была переиздана еще раз на французском и переведена на английский.²⁸¹ В отличие от Иржи Давида, эти иезуиты были французские, они пали жертвой дипломатических проблем с Францией как самой Московии, так и Пруссии.²⁸²

Что касается кн. В.В. Голицына, то ему негласное разрешение католического богослужения в слободе просто так с рук не сошло. Его религиозную толерантность, описываемую как покровительство иезуитам, в сочетании с государственным прагматизмом, обе противные стороны толковали как желание сеять зерна католицизма и перейти к унии, хотя и давали этому диаметрально противоположные оценки: Иржи Давид и де ла Невилль — с одной стороны, а православные иерархи и патриарх Иоаким — с другой. Так, Иоаким выводил причины неудач Крымских походов из слишком большой любви Голицына к иностранцам.²⁸³

На наш взгляд, обвинять Голицына в любви к католикам — ничуть не больше оснований, чем в любви к протестантам, ибо именно его правительство 21/31 января 1689 г. дало грамоту о предоставлении в России убежища гугенотам, бежавшим из Франции от притеснения католиками после отмены в 1685 г. нантского эдикта.²⁸⁴

А.С. Лавров: «Отнесем сюда и такую одиозную меру, как допущение в Россию иезуитов, которые немедленно развернули преподавательскую деятельность <...>. Допущение пропаганды инославных вероисповеданий, происшедшее с легкой руки Голицына, вызвало резкое сопротивление православных иерархов. В 1685 г. в церковной публицистике появляется “Слово на латин и люторов” — диалог анонимного вельможи с духовным лицом, от фигуры которого написано это произведение. Автор (предположительно Новоспасский архимандрит Игнатий Римский-Корсаков) выступает против покровительства некоего вельможи лютеранам и католикам, явно против Голицына».²⁸⁵

Пожалуй, самое объективное описание ситуации дал А.П. Богданов: в России «ограничения касались лишь католиков <...>, но и им Голицын разрешил богослужение в новом храме, возведенном с его согласия в Москве. Такой либерализм вызвал против князя целую волну церковных обличений. Даже близкий к Голицыну человек — архимандрит новоспасский Игнатий Римский-Корсаков советовал прекратить “бесовскую” политику, указывая на ее вред для православной веры и русской торговли. Церковь беспокоилась

напрасно. Голицын не склонен был способствовать католической экспансии и, допустив иезуитов в Немецкую слободу, воспретил им транзит через Российские земли на Восток. В Немецкой же слободе он создавал все условия для притока хороших специалистов, привлеченных с Запада не только длинным рублем, но и слухами о московской веротерпимости.²⁸⁶ Мы солидаризируемся с этой позицией и не исключаем, что среди причин, почему патриарх Иоаким встал на сторону Нарышкиных, а не Софьи и Голицына, была и эта: поддержка последним представителей западного христианства, в том числе католиков.

Любопытную своей одиозностью картину нарисовал видный историк П.П. Епифанов: «В этой борьбе <с патриархом Иоакимом — Д.Г.> некоторые круги боярства пытались опереться даже на Орден иезуитов, которому благодаря покровительству и содействию В.В. Голицына удалось создать в Москве легальную базу католической пропаганды — целое гнездо иезуитов во главе с “отцом” Шмидтом. Один за другим в Москву прибыли Шмидт, Альберт Дебоа, Бартоломей Меллер, Давид Кодзини, Товия Тихановский и другие. Рядом с ними подвизались тайные агенты “Общества Иисуса” — духовные и светские. В 1685 г. на имя одного из “светских иезуитов” — итальянца Гваскония, жившего в Москве под видом флорентийского купца, Шмидт приобрел обширный дом. Иезуиты основали свою школу и немедленно начали вербовать в нее русских детей <...>. Иезуиты стремились склонить к католицизму лиц из правящих кругов и обеспечили поддержку своих планов со стороны В.В. Голицына <...>. Император Максимилиан, приславший Голицыну в дар роскошную карету, выражал ему свое благоволение за содействие иезуитам в России <...>. В 1688 г. глава миссии иезуитов в Москве Шмидт в специальном письме выражал благодарность Голицыну за то, что Орден иезуитов вот уже в течение четырех лет пользуется милостью, благосклонностью русского двора и особыми благодеяниями самого Голицына».²⁸⁷ Далее развивается идея о том, что В.В. Голицын, лелея «планы захвата власти» и свержения патриарха Иоакима, собирался предаться папскому престолу и при этом опирался на Сильвестра Медведева и на иезуитов.

«Латинофобия»²⁸⁸ и страх перед иезуитами в советской историографии (почти что равный таковому у православных иерархов XVII в.) был столь велик, что даже Патрика Гордона попытались представить «активным членом Общества Иисуса» [339, с.16]. В постсоветскую эпоху ситуация отчасти даже ухудшилась: антииезуитская паранойя добавилась к антимасонской (как у Льва Анисова), и Патрик Гордон предстал перед читателем просто «генералом-иезуитом».²⁸⁹ Подобные утверждения не имеют никаких оснований и свидетельствуют лишь о степени непрофессионализма их авто-

ров. Гордон, как и многие католики, в юности пару лет обучался у иезуитов (в 1651–1653 гг., в Браунсберге, в Коллегии, откуда удрал из-за скуки и ушел на войну) [195, с.9, 229–230]. Но от этого факта до членства в Ордене — дистанция огромного размера.

Появление католического храма

Когда конкретно возникла первая католическая церковь в Немецкой слободе? И. Кувшинская пишет: «Первый деревянный храм во имя Пресвятой Троицы был освящен в Немецкой слободе летом 1687 года» [311]. Да, действительно, первое имя храма было таковым.²⁹⁰ Вопрос в дате. На наш вопрос, откуда она появилась, автор любезно дала развернутый ответ: «Вывод основан на простейшей логике. Обычно храм освящается в тот праздник, или в день памяти того Святого, которому он посвящен. На Новый год и Рождество 1688 года приехавший в Москву генерал Гордон демонстрирует новый храм друзьям. Позволю себе предположить, что храм освятили летом 1687 года на Троицын день. Назвали храм в честь Пресвятой Троицы, что является неким вызовом и утверждением правоты своей веры, поскольку линия разлома и расхождения между конфессиями традиционно проходит именно здесь» [315].

Мы принимаем общую гипотезу об освящении церкви в Троицын день и допускаем возможность предложенных Кувшинской теологических аргументов, хотя на наш взгляд, это скорее «аргументы *post factum*»: у отцов-иезуитов чисто ситуационно была возможность освятить церковь именно в этот день, и случайность вполне могла быть приписана воле Провидения. А вот год вызывает сомнение.

Автор гипотезы отталкивается от дневника Гордона, где первое упоминание об уже существующей католической церкви в Слободе датируется 8/18 января 1688 г.: «Князь Петр Алекс<еевич> Гол<ицын> и князь Борис Фед<орович> Долгор<уков> были в нашей церкви и обедали у меня».²⁹¹ Однако отсюда следует лишь то, что церковь к этому времени уже существовала. Сам Гордон с семьей переехал в слободу из Киева за год до этого, в декабре 1686 г., и в его дневнике дата освящения церкви, скорее всего, не должна была быть отражена, ибо если это произошло в 1687 г., то на Троицын день Гордон был в Крымском походе, а если раньше — то его еще не было в Москве [197, с.132–133].

Попробуем подойти с другого конца. Устраивать домовую церковь, то есть освященную моленную комнату в частном доме, католикам в эпоху Софьи и Голицына никто не мешал. В реальности это стало возможным, когда в Немецкой слободе оказался патер Шмидт. Поэтому подготовить и освятить моленную должны были,

как только появилось для этого все минимально необходимое: а) католический священник, б) дом.

Отсюда — шесть независимых гипотетических построений. Если они все сойдутся, будем считать, что гипотеза достаточно основательная, чтобы быть использованной для датировки.

1. Поскольку домовая церковь названа в честь Пресвятой Троицы, она, скорее всего, была освящена в Троицын день.

2. Как следствие, в ней должен был не только находиться престол (алтарь) Пресвятой Троицы, но и быть главным в случае, если бы там оказалось несколько алтарей.

3. Если дело происходило в 1687 г., в ее освящении в качестве помощника о. Шмидта принимал бы участие Иржи Давид, приехавший еще в августе 1686 г. В этом случае в своих записках он с неизбежностью отразил бы свое участие в столь знаменательном событии, тем более что ему надо было выставить себя в максимально выгодном свете перед руководством ордена. Если же освящение происходило на Троицын день в 1685 или 1686 г., в записки Давида это событие могло и не попасть.

4. Известно, что дом купил цесарский посланник Куртц. Отсюда, комнату в доме должны были освятить вскоре после совершения сделки (требовалось лишь время, чтобы соответствующим образом ее подготовить).

5. В этот же период в помощь первому священнику приехал еще один — о. Альберт де-Буа. Логично предположить, что таинство освящения произошло после его приезда, ибо немолодому уже пaterу Шмидту требовалась помощь.

6. Если Куртц устроил все для появления первой католической церкви на московской земле, то он должен был дожидаться своего триумфа — освящения ее, и с этой вестью как очевидец и участник возвратиться в Вену.

Первая гипотеза, принадлежащая И. Кувшинской, представляется совершенно логичной, потому берем ее в качестве базовой.

Для проверки второй гипотезы придется забежать немного вперед. На подготовленной в июне 1699 г. схеме храма значатся четыре алтаря, в том числе «главный алтарь Пресвятой Троицы» («Altare Maius Ss. Trinitatis» [320, с.106]. Таким образом, вторая гипотеза верна.

Что касается третьей гипотезы, то нам не удалось обнаружить в латинском тексте записок Давида [18] какого-либо упоминания об освящении церкви в 1687 г. И.В. Кувшинская подтвердила: «к сожалению, дату освящения храма о. Георгий Давид не приводит» [315]. Таким образом, речь явно идет не о 1687 годе, а о более раннем.

Четвертая, пятая и шестая гипотезы проверяются соотношением дат. Как мы уже писали, Куртц пробыл в Москве с 15/25 апреля по 16/26 июня 1685 г. и купил за это время участок с домом. Отец

Альберт де-Бойе приехал в Москву 12/22 мая 1685 г. Ну, и наконец, Троицын день в 1685 г. католическая церковь отмечала в воскресенье, 7/17 июня 1685 г.

Иными словами, все шесть гипотез совпали. Куртц в мае или в начале июня 1685 г. купил дом; второй священник приехал либо перед покупкой либо сразу после нее; два священника за две-три недели успели подготовить молельню, которую освятили в Троицын день, и через девять дней императорский посланник отбыл в Вену. Итак, имеется достаточно оснований считать, что датой рождения первой католической церкви в Москве (точнее, тогда еще под Москвой) является 7/17 июня 1685 г.

Первые церковные здания

Ситуацию на католическом подворье в 1686-1689 гг. Иржи Давид описал по горячим следам уже в 1690 г.: «Мы занимали дом в Немецкой слободе, который был куплен на деньги, присланные от Кесаря. На эти средства мы жили свободно и достойно, они ежегодно с достаточной щедростью пересылались из Силезской камеры на нужды нашего пребывания в Москве. Дом наш вместительный и большой, его украшением служит изысканный сад, за которым мы сами ухаживали. Одно из помещений (*cubiculum*), оставив другие для наших нужд, мы превратили в часовню (*sacellum*). Поскольку число католиков возрастало, и часто на богослужения приходили сторонние люди, часовня стала тесна, и, с позволения князя Голицына, *в прошлом году*²⁹² мы расширили ее и отремонтировали, украсив частью на наши средства, частью на средства наших прихожан, и, наконец, освятили во имя Господа. В ней цвели наши богослужения, совершаемые для нашего прихода, благой пример и утешение, пока по наущению враждебных недругов не поднялась против нас буря, о которой надлежит нам рассказать ниже».²⁹³ И далее: «Католики отнеслись к нам с такой любовью, ибо ведь мы от них никогда ничего не требовали, ничего не брали ни для наших нужд, ни на часовню».²⁹⁴

Если мы проанализируем этот текст, сравним его с предыдущим описанием Давида, процитированном выше, то, во-первых, убедимся, что, говоря «мы», он подразумевает всех сменявших друг друга священников-иезуитов, а не только себя и Тобиаша Тихавского, вместе с которым был вынужден 5/15 октября 1689 г. покинуть Москву.²⁹⁵ И во-вторых, станет понятно, что одна из жилых комнат, превращенная в 1685–1686 гг. патерами Шмидтом и Бойе в домовую церковь, с разрешения Голицына в 1689 г. была значительно расширена, украшена и вновь освящена.

В.А. Кучумов на основе записок Иржи Давида: «Первый католический храм в Москве (или, точнее, часовня) представлял собой перестроенное под богослужebные нужды жилое помещение миссионеров: при нем была открыта школа, в которой учились дети московских католиков» [325, с.185].

Вполне возможно, что была какая-то безуспешная попытка поставить вопрос о строительстве каменного храма. Во всяком случае, в «Слове на латинов и лютеров», написанном не позже конца 1686 г., есть следующие строки: «Ныне <...> просят латинский ксендз и лютерской ереси пастор со единомышленники своими, дабы им в России близ царствующаго града Москвы или в иных российских градах поставити костел латинский и керку лютерския ереси каменный: подобает ли им то е здание попустити <...>? Ответ: Никако же подобает в Московстем государстве сему быти, не точию каменным латинскому костелу и лютерской керке, но ниже деревянным».²⁹⁶

Поэтому не имеет под собой оснований утверждение М.Я. Волкова: «На бедность католической общины указывает, например, то, что католическая часовня, существовавшая в слободе, видимо, с 1685 г., была деревянной» [178, с.263]. Речь идет не о богатстве или бедности общины, а об отсутствии разрешения на строительство каменного храма.

Д. Цветаев: «Дом, в котором совершалось богослужение, московские католики называли и костелом». И приводит выдержки из дела о самоубийстве француза, графа Кумейна: «Майор Балтасар Деложер на допросе показывал о себе: 28 сентября 1686 года, сходя в дом застрелившегося Кумейна, своего земляка и иноверца, “после того с того двора пошел он, Балтасар, в костел католицкой и нашел в нем ксендза да майора Менезиуса”» [587, с.367].

Важную информацию дает примитивная схема «католического» участка и построек на нем, обнаруженная А.В. Флоровским в архиве в Брно²⁹⁷ и отнесенная ко времени пребывания Давида в Москве. Это явно отчетный чертеж с боковой масштабной линейкой, который иезуиты посылали своему руководству. Он, как и другой рисунок 1699 г., ориентирован на север, то есть так, что Кирочный переулок оказывался в верхней части рисунка. На нем показаны два объекта, над которыми возвышаются кресты. Во-первых, большой двухэтажный дом на первом плане, почти примыкающий к западной стороне участка и сориентированный с запада на восток. В этом здании была устроена домовая церковь, которую Давид скромно именует часовней. Сооружение было деревянным, явно рубленным. Если мы присмотримся, то увидим, что к основному сруб (справа (с востока) пристроен еще один сруб — дополнительный, небольшой, тоже на два этажа, хотя и несколько ниже основного здания — своеобразная бревенчатая апсида. Крест возвышается на

коньке крыши над основным срубом и явно предшествовал пристройке. Похоже, что именно ее имеет в виду Давид, говоря о расширении «часовни». В этом случае домовая церковь в 1685—1686 гг. занимала помещение, находившееся в правой части основного корпуса, вероятно, на втором этаже, а в 1689 г. к ней добавился целый этаж в боковой пристройке. Этот факт позволяет утверждать, что рисунок отражает ситуацию на участке на середину 1689 г., и был подготовлен в этом году.²⁹⁸

Покидая навсегда Московию, Иржи Давид уже с дороги (из-под Смоленска?) писал в Немецкую слободу врачу Карбонарию, поручая, по словам Цветаева, «наблюдать за московским домом, чтобы в нем ничего не попортили и не покрали, оставить все до получения цесарского указа, приказать аптекарю и учителю не наводить на дом никакой беды» [587, с.379—380].

Со стороны улицы над входом мы видим небольшую надвратную часовенку. Так как это было не здание, а скорее футляр для хранения какой-либо реликвии, иконы, распятия, то московские власти, судя по всему, смотрели на нее «сквозь пальцы». Эта часовенка в литературе практически не упоминается. Едва ли не единственное исключение — строки самого Иржи Давида, описывавшего свое изгнание: «В субботу <5/15.10.1689 — Д.Г.> на рассвете собрались многие наши католики, ожидая причастия и благословения. Совершив богослужение, мы объявили о причине нашего изгнания <...>. Около полудня, провожаемые плачущими, мы отбыли, убрав *храм наш и часовню*».²⁹⁹ Очевидно, что Давид в данном случае разделяет храм и часовню, ну а последняя в 1689 г. была лишь надвратной.

Католическая община в Немецкой слободе в 1689—1698 гг.

18/28 декабря 1689 г. Гордон с другими католиками, оставшимися без пастыря, подал лично Петру I челобитную о пропуске в Москву католического священника любого закона для окормления паствы. 6/16 февраля 1690 г. просьба была повторена, но безрезультатно. Вскоре приехал из Астрахани иезуит отец Конрад Терпеловский. Католики сделали попытку задержать его в Москве, и 18/28 марта 1690 г. было подано особое ходатайство, а 19/29 марта Гордон лично просил об этом Петра. Поселить: «Петр <...> 19-го марта 1690 г. сказал Гордону, “что он приказал, чтобы католики призвали себе священника, только не иезуита”» [198-1, с. 39]. В результате разрешение на пребывание в Москве Терпеловского получено так и не было. А поскольку последний сам уезжать не торопился, 12/22 июля 1690 г. его выпроводили насильно.³⁰⁰

Гордон, как и другие католики, продолжал пользоваться богослужениями, которые проводили у послов католических государств либо посольские капелланы, либо случайно проезжавшие священники. Так, 20/30 марта 1690 г. Гордон присутствовал при богослужении у польского резидента Довмонта; летом 1691 г. он неоднократно бывал на богослужениях, которые вел капеллан австрийского посольства доминиканец «Лудовик Коблич» (Коблиций). 7/17 июня Гордон окрестил там своего сына Петра, а 10/20 июля — новорожденную внучку (от его дочери Мэри) [587, с.390, 404, 407].

С 15/25 апреля по 22 сентября / 2 октября 1691 г. в Москве опять находился царский посланник Яган Игнатий Куртц, с которым в качестве посольского капеллана как раз и приехал Коблиций. Посланник безуспешно пытался вернуть в Россию иезуитов, а также добиться признания дома, купленного царским посланником на имя Гваскония. Ни то, ни другое не удалось, однако миссия Куртца не прошла бесследно: было получено согласие московских властей на присутствие в Москве двух «плебанов», или «светских священников» (они же: «белый поп с помощником»), то есть не принадлежащих к каким-либо монашеским орденам, а пока они приедут, было разрешено задержаться капеллану доминиканцу Коблицию.³⁰¹

При нем жизнь католической общины оживилась. 23 июля 1692 г. Гордон писал иезуиту Шмидту, с которым сохранил тесные отношения: «<...> наша церковь или молельня расширена и прилично украшена».³⁰² Службы в этом доме посещал и Петр I, во всяком случае зафиксировано его присутствие на венчании овдовевшей дочери Гордона, Мэри и майора Карла Снивина 12/22 мая 1692 г. Службу вел патер Коблиций.³⁰³

18/28 ноября 1692 г. в Москву от царской канцелярии для обучения русскому языку приехал пасынок Куртца, Антоний Плейер, и с ним — два римских священника Франциск Ксаверий Лефлер (Лёфлер; Xaveri Löffler) и Павел Иосиф Ярош (Ярос; Явша; Ерошх; Paul Joseph Jaross). 26 ноября / 6 декабря они подали рекомендательную грамоту от царя. 28 ноября вышло распоряжение: «приезжих римских попов и Курциева пасынка учинить свободными, и дать им волю, и пасынку приказать жить, где сокровенно, и по Слободе в лишния места не шататься». Уже на следующий день, 29 ноября / 9 декабря 1692 г., патеры приехали в Немецкую слободу. Так как прибыла смена, Коблиций тут же, в декабре 1692 г., покинул Москву. Д. Цветаев на основании документов из венских архивов считает, что Лефлер и Ярош, хотя и значились в грамотах как «мирские ксендзы», в действительности были доминиканцами. В литературе встречаются утверждения (впрочем, без ссылок на источники), что они были иезуитами.³⁰⁴ 19/29 апреля 1698 г.³⁰⁵ в Москву вместе с императорским посольством Христофора Игна-

тия де Гвариента и Ралля въехали два «светских приходских священника Оломуцкой епархии» (в действительности, миссионеры-иезуиты, богемцы из Клементинума) преподобные о. Иоанн Франц (Франциск) Эмилиан (Иоанн Милан, 1662—1738) и о. Иоанн Берула (1661—1744), а также итальянский священник из Вероны о. Иоанн Казагранде.³⁰⁶ Они прибыли на смену Лефлеру и Ярошу, которые были официально отпущены 25 сентября / 5 октября 1698 г. Получив в подарок лисьи меха, 6/16 или 7/17 октября они отбыли в Вену на двенадцати подводах.³⁰⁷

Таким образом, на протяжении 5,5 лет именно Лефлер и Ярош окормляли католическую общину. При них весной 1693 г. производились какие-то работы по дополнительному украшению здания, в котором находилась домовая церковь, а с февраля 1694 г. начали собираться деньги на «переделку» молельни и на «построение каменного здания» [587, с. 429—430]. В сентябре 1698 г., уже при Франце Эмилиане и Иоанне Беруле, в этом доме разместилась обширная библиотека, подаренная миссии Патриком Гордоном; сколько-то книг подарил посол Гвариент-и-Ралль.³⁰⁸ Довольно быстро поняв опасность пожаров в Москве, иезуиты не позже июня 1699 г. перенесли все книги в единственное каменное здание на их участке — часовню над фамильной усыпальницей Гордонов, что видно из плана 1699 г. (см. далее).

Адам Брандт о 1692—1694 гг., после описания протестантских церквей: «Католики же, подобно жидам, могут совершать службу лишь в купленном ими доме, но с тем условием, чтобы в царстве не было ни одного иезуита и не совершалось миссы <Так!>, а иначе его прогонят, что и было сделано с одним иезуитом несколько лет назад, дерзнувшим это сделать».³⁰⁹

В справке Посольского приказа, подготовленной в 20-х числах августа 1695 г., о Лефлере и Яроше говорится: «И те ксендзы с 201 году³¹⁰ живут на Москве в Немецкой слободе на купленном дворе Франца Гваскония, и размножают свою веру римскую, и учат малых детей римского исповедания, и для богомолия своего и училища на том дворе построили деревянный костелик, и отправляют богомолие римское явно, а не в домех».³¹¹

Внушительные размеры деревянного здания, уже дважды расширившегося — в 1689 и 1692 г.³¹², и крест на крыше позволили подьячим Посольского приказа утверждать, что это «деревянный костелик». От разрушения его явно охранял внешний вид жилого дома, а не церкви, то есть формально условия «домашних» служб сохранялись. Только этим можно объяснить окончившуюся неудачей попытку выкупить участок, о которой мы упоминали выше. 20/30 марта 1693 г. глава Разрядного приказа боярин Тихон Никитич Стрешнев, пытаясь помешать деятельности католической об-

щины, уговаривал Гордона продать весь участок с молитвенным домом («деревянным костеликом») протестанту доктору ван-дер-Гульсту, лейб-медику Петра I, чей дом находился по соседству, и который хотел «обстроиться получше», но его собственный участок был слишком мал.³¹³ С определенной точки зрения акция Стрешнева — признание бессилия ревнителей православия (при участии ревнителей протестантизма) уничтожить католическую молельню законным путем, именно потому, что это не был полноправный католический храм.

Вопрос о храме

Сейчас самое время остановиться и определиться, что и с какой точки зрения, учитывая различия в конфессиональных понятиях, можно считать храмом, что — домовою церковью (капеллой), что — молельней (молитвенной комнатой), а что — часовней, ибо игра на различиях этих понятий помогла католической общине Немецкой слободы построить свой каменный храм. Причем, как увидим далее, сам «явочный» характер возникновения католической церкви³¹⁴ на частной земле (последнее, напомним, было характерно и для протестантского церковного строительства) привел к тому, что все юридические вопросы (в частности, связанные с землевладением) так никогда, вплоть до разборки здания в 1870 г., и не были разрешены.

Оттолкнемся от рассуждений Т.А. Опариной: «<...> западноевропейцам свобода веры была дарована с целым рядом существенных оговорок. В первую очередь перед ограничениями были поставлены последователи католичества. <... для них> право сохранения воззрений сочеталось с запретом на публичное богослужение. Католики в России были лишены церковной жизни. Возбранялось строительство храмов и пребывание католических священников вне дипломатических миссий <...>. В отличие от протестантов, католики придерживались учения о преемстве благодати и, соответственно, не использовали молитвенные дома и не прибегали к услугам мирян при исполнении таинств» [416, с.342–343].

Однако различия между молитвенным домом³¹⁵ и храмом отнюдь не исчерпываются фактом освящения пространства, территории, здания (соответственно, католическую церковь, как и православную, может освятить только рукоположенный священник; а если таковой отсутствует, нет и церкви; миряне здесь бессильны). При освящении молельня превращается в «каплицу» — капеллу, домашнюю церковь, предназначенную для обитателей дома или двора (в том числе посольского), но не прихода. Однако полноправный храм обладает, как минимум, еще двумя характеристика-

ми: во-первых, он «визуален», публичен и, во-вторых, он (точнее, владеющая им община) является, говоря современным языком, «юридическим лицом». Домашние церкви (как, впрочем, и катакомбные) двумя последними свойствами не обладают в принципе. С этой точки зрения, католический «молитвенный дом», зал или комната в жилом помещении возможны при условии, что они были освящены при своем возникновении, то есть создавались как скрытые от внешнего взора домовые церкви. Минимальное условие для этого — присутствие, хоть на короткое время, католического священника, изгнание или отсутствие которого в последующее время не лишают святости уже освященное пространство. Другой вопрос, что некому проводить службы, однако остается освященное место для молитв, что для верующего человека чрезвычайно важно.

О важности «визуального» характера церковного здания говорит Игнатий Римский-Корсаков в «Слове на латинов и лютеров»: «немецких керовь деревянных до ныне никто же у нихъ знающе; имяху втайне, яко мыши въ норы своя, въ домехъ своихъ, ихъ же не бы кто нарекъ керками, но простыя анбары, ничимъ же разнствующія отъ прочихъ домовъ; по сие ихъ отступническое каменное здание уже не втайне, но яве безъ всякаго опасенія и боязни создается, и за равность себя святымъ церквамъ творять» [178, с.270; 328, с.30]. Другими словами, по мнению православных иерархов, немецкие деревянные церкви, выглядящие как «простые анбары», привлекали к себе меньшее внимание, чем каменные, и не могли с последними равняться.

Что касается часовни, то, по определению, это — или «молитвенный дом, храмик без алтаря, где можно только служить часы (не литургию)», или «отдельное маленькое строение», которое «ставится в виде памятника»; часовни «служили надгробными памятниками» [225, стб.1287; 594]. Данные определения скорее православного характера, ибо в католичестве под часовней могла подразумеваться и капелла, которая имела алтарь. Так, миссионеры-иезуиты, описывая деревянную католическую церковь (домовую церковь, молельню), за ее малые размеры постоянно называли ее «sacellum» = «небольшое святилище», хотя она имела четыре алтаря. На русский язык этот термин переведен как «часовня».

Но на участке Гваскони, помимо деревянной церкви, возникла и каменная часовня. Учитывая ее значение для нашего повествования, перейдем к ее истории.

О фамильном склепе и часовне

20/30 ноября 1694 г. Гордон записал в дневнике, что в этот день, в полдень, они вместе с Петром ехали на свадьбу Юрия Ритца (Jury Rytz). «Когда по пути мы проезжали по улице, на которой находи-

лась наша церковь, я говорил с Его Величеством, чтобы он дал нам позволение выстроить наш дом Божий каменный, на что он милостиво соизволил». ³¹⁶ Это уже давало возможность для каких-то действий, но все равно требовался письменный указ. В попытке его получить ксендзы в начале 1695 г. пишут челобитную, утверждая, что у всех «иноземцев построены в Ново-Немецкой Слободе каменные костелы лютерские и кальвинские, а нашего благочестивого каменного кафолического костела не построено». ³¹⁷ Ответ на нее задерживается из-за отъезда Петра под Азов. ³¹⁸

Между тем, похоже, уже с зимы 1694/95 гг. негласным образом ведется подготовка к строительству. Так, 9 февраля 1695 г. Гордон заносит в дневник расходы на золото, серебро, краски, работу для алтаря, а весной, когда сошел снег, в явочном порядке начинаются и ведутся очень интенсивно работы. Первыми встревожились протестанты Немецкой слободы, и 3/13 июня 1695 г. «иноземских дел стряпчий» Иван Якимов донес о строительстве каменного костела и о беспокойстве иноземцев в Посольский приказ. По-видимому, уже на следующий день стройку освидетельствовал подъячий Семен Порецкий и сообщил, что «костел строится подле бывшего дома доктора Захария фан-дер-Гульста на дворе торговаго иноземца Франца Гваскония, строят его каменщики, подрядчик крестьянин окольничьяго кн. Фед. Юр. Бяратинскаго, Ярославской вотчины, деревни Макаровой, Никита Кузьмин Седой с товарищами; костел четверугольный, под ним выкопан и сделан в земле каменный погреб по три слишком сажени длины и ширины, над погребом складены вверх из кирпича все четыре стены более полутора сажень; стройку каменщики продолжают, и она час-от-часу прибывает. Подряжал каменщиков на стройку погреба и костела Гваскони, и непрестанно торопят их тою работой как Гваскони, так и живущий на его дворе римский ксендз». ³¹⁹

5/15 июня все материалы были посланы под Азов, где находился царь, а 30 июня / 10 июля оттуда (из Паншина) получен указ: строительство остановить и все дело расследовать, тем более что на челобитную ксендзов указа еще не было.

Тем временем Посольский приказ несколько раз вызывал Гваскония, на участке которого шло строительство, и кого-то из ксендзов. Гвасконий тянул сколько мог и, одновременно, всемерно торопил строительство. Наконец, после того как подъячий Михаил Волков побывал на стройке, и следовало ожидать запрещения работ, 1/11 июля (?) ³²⁰ 1695 г. Гвасконий был вынужден появиться в Приказе. По его показанию, «приказал ему генерал Петр Гордон, пред своим отъездом из Москвы на низовую службу, построить каменное строенье, где бы погребать, по римскому обычаю, людей католической веры его, Петра Гордона, фамилии, стройку вести на

его, Петровы, деньги <...>. Подмастерий для постройки и поставщиков кирпича и извести подряжал еще сам Гордон, а после него, он, Гваскони, строил погреб, над ним палатку, и теперь это строение покрывается. <...> это каменное строение, сооружаемое по приказу и чертежу Гордона — не костел: погреб — для погребения, палатка — <...> для гулянья». При этом он активно отнекивался от того, что является владельцем участка. ³²¹ Из текста со всей очевидностью следует, что автором проекта часовни был сам Гордон.

На очередную инспекцию Приказ отправляет все того же Волкова, чье донесение уже очень подробно: «На огороде, в земле, выкопан и сделан каменный погреб, длиной и шириной по три с лишком сажени, в вышину две сажени, из огорода в нем окно, спереди ход; над погребом каменная палатка четверугольная же, в двух противоположных стенах по окну, в третьей — двери, на середине четвертой, восточной, выложено по костельному подобию место, в каком обыкновенно в костелах ставят за престолом иконостас, подле выкладки в той же стене печура; надпогребное это строение вышиной слишком две сажени, разстояние между стенами такое же как в погребе; во всех четырех углах снизу до самого верху выпущено у палатки по полукирпичу для приделки какого-то иного каменного строения; потолок для палатки деревянный; он сплочен и лежит на земле». ³²² Было очевидно, что строилась церковь. Строительство остановили, плотников и каменщиков в ожидании царского указа со двора сослали.

Меж тем Гордон, находившийся под Азовом и извещенный об этих событиях, предпринял свои шаги. 17/27 июля он записал в дневнике: «Его Величество взял меня с собой на каланчи. Я предложил ему свою просьбу относительно моего места погребения в Москве, окончить которое и покрыть крышей представляются различные препятствия; он обещал мне приказать написать об этом деле». 30 июля Гордон послал письмо о том же ведавшему разрядом боярину Стрешневу вместе с челобитной, поданной им Петру, а на следующий день, 31 июля / 10 августа ушел указ Петра с требованием окончательно выяснить, о каком все-таки строении идет речь. Документы пришли в Москву 9/19 августа, а 10-го Стрешнев вызвал к себе Украинцева с просьбой подготовить выписки из дела. По ознакомлении с ними он сам едет в слободу, обследует место и пишет Петру обстоятельный доклад. Петр убеждается, что речь идет не о часовне над склепом, а о настоящем костеле, и по его указу «то каменное строение» велено было «закрыть». Многие католики винили в этом протестантов, в первую очередь Лефорту. ³²³ Надо, однако, помнить, что Лефорт в это время вместе с Гордоном находился под Азовом.

Подведем первые итоги. Во-первых, обратим внимание на мнение Цветаева, что Гваскони во время визита в Посольский приказ все свалил на Гордона, значение которого во время Азовского похода оказалось так велико, что ему ничего не грозило, и что позднее Гордон просто «подыграл» Гваскони.³²⁴

Думаем, не так все примитивно. Вряд ли Гордон рискнул бы запустить строительство, не продумав заранее основательную легенду. Тот факт, что его разговор с Петром произошел лишь в июле, свидетельствует, скорее, что хитрый шотландец выжидал, выискивая удобную ситуацию, и лишь скандал в Москве заставил его поторопиться. При этом семейный склеп действительно строился, и вопрос был не о нем, а о назначении здания над ним. Склеп (он же «погреб» или подвал под костелом) представлял собой обширное помещение площадью более $6,5 \times 6,5 \approx 42 \text{ м}^2$ и высотой от пола до сводов ок. 4,3 м. Он был не полностью заглублен в землю, но имел слуховое окно и отдельный вход. Таким образом, церковь была не просто на каменном подвале, но и на каменном (кирпичном) цоколе. Стены успели вывести не менее чем на 4,5 м высоты. Площадь верхнего строения соответствовала площади подвала.

В таком виде здание находилось на конец лета 1695 г. Производство каменной кладки было остановлено, но само оно так и осталось неразобраным, ибо приказ Петра предписывал «закрыть» строение, но не разрушать его. Власти закрыли глаза даже на то, что для часовни здание получилось чрезвычайно обширным. Оно фигурирует на схеме 1699 г. (см. далее). Тогда в нем имелось хранилище для книг, а значит, была устроена крыша. Точно так же не тронули склеп Гордонов, и там вполне мог быть захоронен кто-то из его семейства. Так, в дневнике Корба сразу под тремя датами 7–9/17–19 июля 1698 г. находим следующую запись: «Хоронили внука генерала Гордона. Погребальную колесницу сопровождали, между прочими, послы императорский и польский» [308, с.78]. В этой записи указания на место погребения нет, но было бы вполне логично, если бы генерал похоронил собственного внука в уже построенном для своей семьи склепе. Другой вопрос, что при пожаре 1812 г. захоронение могло сильно пострадать и впоследствии не восстанавливалось. Ну, а что касается строительства 1695 г., то перед нами успешные результаты тактики «постановки перед фактом» — единственно возможной в тех условиях для католиков.

О деревянной церкви. Начало

Секретарь императорского посольства Корб отмечает в записи от 7–8/17–18 мая³²⁵ 1698 г.: «В последнее время в Немецкой слободе выстроена первая католическая церковь: она деревянная. Господин

посол³²⁶ по чувству благочестия вчера пожертвовал в эту церковь список с чудотворной иконы Плтценской Пречистой Девы Марии».³²⁷ В записи от 22–23 июня / 2–3 июля 1698: «День Тела Господня был отпразднован с особенным торжеством <...> перед четырьмя алтарями прочитано четыре Евангелия» [308, с.68, 76]. А вот как ее описал въехавший с этим же посольством в Москву 29 апреля 1698 г. (н. ст.) о. Франциск Эмилиан: «Мы нашли здесь часовенку деревянную, в длину 18 шагов, а высота ее в той части, где стоит народ, была такова, что можно было достать до потолка рукою».³²⁸

Обратим внимание: помещение «часовни», под которой подразумевается домовая церковь — около 13,3 м, то есть она длиннее, чем недостроенная каменная часовня над склепом, однако много ниже, около 2 м в лучшем случае, 1 сажень (2,16 м в ту эпоху). Несмотря на свои малые размеры, церковь имела 4 алтаря (в том числе главный — св. Троицы [144, стб.616]). Ее высота подтверждает наше предположение, что церковь занимала лишь один этаж в двухэтажном здании. Видимо, второй, ибо высота потолков, как следует из описания Эмилиана, в различных частях церкви была различной, а из чертежа 1689/90 гг. Иржи Давида понятно, что потолок в деревянном срубе, пристроенном в 1689 г., был несколько ниже, чем в остальной части.

Новая жизнь для церкви началась 21 июня / 1 июля 1698 г., когда ее решили перестроить. «Так как католическая церковь необыкновенно тесна, то господин посол приказал за свой счет переделать ее в более широких размерах», — записал в дневнике под 1 июля Корб.³²⁹

Результат этих работ описан в письме о. Франциска Эмилиана от 13/23 июня 1699 г.: «благодаря затратам господина посла, часовня получила вид небольшого храма, так что теперь имеет в длину 36 шагов, а в высоту везде поднята на 10 локтей³³⁰, украшена двойным рядом окон с большими стеклами и сверх того имеет удобные и как бы тройные хоры. Кроме большого алтаря во имя Пресвятой Троицы (так называется церковь) здесь имеется еще престол в честь св.ангелов. Все это временно, пока с милостивого разрешения светлейшего царя дерево не будет заменено камнем. Насколько нам возможно, мы устроили и украсили ясли, гробницу и проч.»³³¹

Обратим внимание на название: церковь Пресвятой Троицы.

План этой перестройки можно восстановить, используя чертеж Иржи Давида 1689 г. Новое помещение церкви увеличилось в два раза — с 18 шагов до 36-ти, т.е. с 13,3 м до 26,6 м, а это значит, что ранее оно занимало лишь второй этаж пристройки и восточную часть второго этажа основного корпуса, заканчиваясь перед цент-

ральными окнами, теперь же простиралось до западных стен основного корпуса. Увеличение высоты в два с лишним, если не в три раза, говорит о том, что при перестройке ликвидировали межэтажное перекрытие, и церковь стала занимать все пространство деревянного здания с пристройкой.

Сколько продолжалось строительство, мы не знаем, но вот предыдущее письмо Геральда а Santa Cruce (Ф. Эмилиана) от 13/23 сентября 1698 г. из Немецкой слободы: «Наша церковь более и более обогащается украшениями, а что касается риз для службы, то мы снабжены ими поистине великолепно» [465, с.9, 217]. Другими словами, в середине сентября 1698 г. деревянная церковь уже была перестроена, и завершалась внутренняя отделка. Но, по всей видимости, основные работы были проведены очень быстро и много раньше, ибо в том же письме, после описании конфирмации, проходившей, согласно записи Корба, 5–6/15–16 июля 1698 г. [308, с.78], стоят следующие строки: «Кстати подошло и то, что господин посол на свой счет переделал эту тесную и темную молельню в настоящий храм, теперь еще деревянный, пока не получится разрешение построить каменный» [465, с.4, 213–214]. То есть внутреннее пространство деревянного здания было перестроено всего за две недели — с 1 по 15 июля (н. ст.) 1698 г. и доведено до той стадии, что могло быть освящено и использовано. Учитывая скорость работы русских плотников и наличие у посла денег — это вполне реально. Из отчета миссии о ее деятельности с 1698 по 1709 г.: «господин посол выстроил настоящий, вместительный деревянный храм» [465, с.179, 356]. Осенью 1698 г. в нем уже проводились обычные богослужения [308, с.105].

По всей видимости, эта перестройка прошла совершенно безболезненно, не вызвав возражения русских властей по крайне простым причинам. Во-первых, церковь была из дерева и не только продолжала иметь вид жилого здания, но и в облике этого здания никаких заметных извне изменений не произошло, а значит, московским властям формально придаться было не к чему. Во-вторых, она делалась на деньги и по указанию императорского посла, которому, в ожидании приезда Петра I из Европы, боялись в чем-либо перечить и чьей дружбы домогались как раз те, кто должен был следить за строительством в Немецкой слободе.

*План 1699 г.*³³²

Он настолько важен, что требует отдельного рассмотрения. По всей видимости, Ф. Дворский, который в 1883 г. нашел письма иезуитов в земском архиве в Праге, при их копировании чертежи проигнорировал. Публикация же 1904 года³³³ готовилась по копи-

ям Дворского, поэтому в книге нет графического материала. Первые схемы обнаружил А. Флоровский, опубликовал их в монографии о чешских иезуитах в России и дал расшифровку латинской экспликации [30, с.261–262]. Книга на чешском языке вышла в Праге в 1941 г., в период оккупации страны Германией, и ее экземпляры чрезвычайно редки. Так, ее нет не только в национальной библиотеке Франции, но и ни в одной университетской библиотеке этой страны. Второе рождение схемам иезуитов дала И. Кувшинская, обнаружившая работу Флоровского в Москве. Наиболее содержательный чертеж был приложен к письму о. Франциска Эмилиана от 13/23 июня 1699 г. В одной из своих статей Кувшинская повторяет полную расшифровку экспликации и дает ее перевод на русский язык [320, с.106–107].

Мы, со своей стороны, повторим сделанную ей расшифровку лишь тех записей, которые непосредственно важны для нашего исследования. Однако, чтобы представлять общую ситуацию, воспроизведем отрывки из письма Франциска Эмилиана, в которых говорится о плане, и описание участка, данное Кувшинской на основании этой схемы.

Франциск Эмилиан: «К храму прилегает и наше жилище, состоящее из одного этажа. Оно довольно обширно, как можно видеть из приложенного рисунка; но и наше жилище мы нашли кое-где развалившимся и починили его преимущественно на свои деньги. <...> Сад наш походил совсем на лес. Мы, благодаря участию в издержках императорского посла, привели его, к великому удовольствию нашей общины, в прежнее и даже лучшее состояние. Мы также отвели во вновь устроенную цистерну воду, которая обыкновенно заливала всю площадь во время дождя и таяния снега, чтобы из-за этого неудобства, которого теперь нет, столь многие не уклонялись от посещения храма. В нашем помещении есть место и для школы <...>».³³⁴

И. Кувшинская: «В центре участка стоял небольшой деревянный храм во имя св. Троицы, к храму примыкало длинное одноэтажное строение, ограждавшее территорию миссии с запада. Главный ход вел в залу — atrium, через который можно было пройти в отведенное для занятий помещение, обозначенное на плане как schola. Рядом с ним находились комнаты миссионеров. Примечательно, что одна из комнат носила название “cubiculum pro distillando preparandis medicinalibus” — возможно, именно в ней о. Франциск Эмилиан изготовлял для царя сложные химические составы³³⁵ и демонстрировал ученикам естественнонаучные опыты. Отдельный вход из комнат миссионеров вел в храм, за которым располагался небольшой сад с традиционной для XVII в. регулярной планировкой. Между цветниками проходила увитая лозами садовая галерея, построенная на средства посла Гвариента. В центре сада был небольшой садовый

павильон, за которым находились площадки с излюбленными в ту эпоху “затейми”: на плане они обозначены как “*locus pro magnis globis*” и “*locus pyramidum*”. Следует отметить, что библиотека хранилась не в доме, но внутри небольшой каменной часовни, построенной над усыпальницей семьи Гордонов — свое главное сокровище миссионеры старались уберечь от пожаров» [319, с.248].

Теперь — по схеме. Она носила название «Дом миссионеров в Москве» («*Domus missionariorum in Moscovia*»).

Под № 1 указан «Вход со стороны проезжей дороги» («*Ingressus pro via carruli*»).

Под № 3 — «Территория перед храмом» («*Area ante templum*»).

Под № 8 — «Школа» («*Schola*»).

Под № 11 — «Кухня и очаг для дистилляции и приготовления лекарственных средств» («*Culina et focus pro distillando et preparandis medicinalibus*»).

Под № 16 — «Вход в храм из комнаты миссионера» («*Ingressus e camera Missionarii in Ecclesiam*»).

Под № 17 — «Главный вход в храм» («*Ingressus publicus in Ecclesiam*»).

Под № 18 — «Храм Пресвятой Троицы» («*Ecclesia Sanctissimae Trinitatis*»).

Под № 19 — «Главный алтарь Пресвятой Троицы» («*Altare Maius Ss. Trinitatis*»).

Под № 20 — «Алтарь Св. Креста» («*Altare S. Crucis*»).

Под № 21 — «Алтарь Пречистой Девы» («*Altare Beatissimae Virginis*»).

Под № 22 — «Алтарь Святых Ангелов, который в настоящее время создается» («*Altare Sanctorum Angelorum, quod est in fieri*»).

Под № 23 — «Сакристия» («*Sacristia*»).

Под № 34 — «Каменные часовня и усыпальница Его превосходительства господина генерала Гордона» («*Sacellum et crypta e lapide Exellentissimi Domini Generalis Gordon*»).

Под № 35 — «В этой же часовне Библиотека» («*In eodem sacello Bibliotheca*»).

Под № 36 — «Могила Досточтимейшего господина, священника Иоанна Казагранде, бывшего миссионером у итальянских моряков» («*Sepulchrum Reverendissimi Domini Joannis Casagrande sacerdotis apud Italos nautas missionarii*»).

Выделим описание нескольких помещений, которые будут нам нужны не сейчас, но позднее:

Под № 28 — «Навес для размещения экипажей, коней, упряжи и пр.» («*Portica pro locandis curribus, equis, lignis etc.*»).

Под № 29 — «Зал и теплая, или зимняя, кладовая» («*Atrium et cellare calidum sive hyemale*»).

Под № 30 — «Малая кухня» («*Culina parvula*»).

Под № 31 — «Спальня миссионера» («*Cubiculum missionarii*»).

Под № 32 — «Его же комната» («*Camera eiusdem*»).

Под № 33 — «Колодец» («*Fons*»).

Под № 37 — «Вход в сад» («*Ingressus in hortum*»).

Под № 38 — «Часть сада, отведенная под цветник ради украшения храма» («*Pars horti determinata pro floribus in templi obsequium*»).

Под № 39 — «Часть сада, отведенная для нужд кухни» («*Pars horti determinata pro rebus culinariis*»).

На схеме есть две масштабные линейки. Верхняя — с надписью «*Scala passuum*» («Шкала шагов»). Как правило, под словом «*passus*» понимается «двойной шаг», равный 1,48 м [226, с.730; 238]. В этом случае размеры не сходятся; единица измерения должна быть раза в два меньше. И. Кувшинская предполагает, что это «*milia passum*, одинарный, не двойной шаг, <...> половина его» [316].

Справедливость этого решения подтверждает размер внутреннего пространства в доме, где расположена церковь. Как мы уже писали, после перестройки в 1699 г. оно достигло 36 шагов [465, с.20, 226], что соответствует 26,64 м. Если же мы измерим здание на схеме по внутренней поверхности стен с учетом масштабной линейки, то получим $\approx 26,68$ м. Налицо точное совпадение, и гипотеза И. Кувшинской соответствует реалиям.

К сожалению, мы ничего не можем сказать о нижней масштабной линейке, ибо наименования единиц там отсутствуют, а из соотношения размеров можно понять, что одно деление соответствует $\approx 3,38$ м. Внешне она идентична таковой же на рисунке Давида, но соотношение размеров на его чертеже несколько отличается. Такое ощущение, что единицы, которыми пользовался Давид, немного больше тех, которые через 10 лет использовал Эмилиан, и соответствуют $\approx 3,50 \div 3,55$ м. Вопрос может быть как в точности измерений и чертежа, так и в самих мерах. Такой единицы длины для XVII–XVIII вв. нам обнаружить не удалось. Однако, используя латынь, иезуиты, как мы видели, применяли и древнеримские меры длины. И вполне возможно, что на нижних шкалах использована какая-то особая форма пертики (*pertica*), позднее известной как жердь (*Ruthe*). Пертика равнялась 10 песам (римским футам) и, как правило, указывается равной 2,963 м, исходя из «пес монеталис» («*pes monetalis*»), равного $29,62 \div 29,63$ см. Однако, Рим знал еще два фута: «пес натуралис» («*pes naturalis*»), равный 25,00 см, и «пес друзианус» («*pes drusianus*»), равный 33,27 см [238]. Пертика на основе песа друзианус должна была равняться 3,327 м, что уже близко к искомой величине.

Проанализируем схему.

Вход под № 1 — как раз те ворота с надвратной часовенкой-футляром, которые видны на плане Иржи Давида 1689 г.

План здания под № 18 полностью подтверждает нашу гипотезу о том, что после перестройки лета—осени 1698 г. церковь заняла все пространство дома и по площади, и по высоте, ибо, если бы она продолжала занимать лишь один этаж, на столь детальном плане было бы указано, что находится на другом этаже. Боковая пристройка 1689 г. хорошо видна на плане: это более узкое пространство в восточной части дома, вмещающее три алтаря. По центру — главный алтарь Пресвятой Троицы, в северном углу — алтарь св. Креста, в южном — алтарь Пречистой Девы.

Отдельный вопрос — о сакристии (в православной церкви ей соответствует ризница), которая, как правило, размещается если не впереди, то сбоку от алтаря, и где хранятся принадлежности культа: священные сосуды, богослужебные облачения и книги. Мы не знаем, когда она была построена — в 1689 или 1698 г., ибо на схеме Иржи Давида ее не должно быть видно. Но нам кажется, что речь идет о второй перестройке, в ходе которой внутреннему пространству домовой церкви придали вид самостоятельно функционирующего храма при сохранении внешнего вида жилого дома.

Наличие в 1699 г. каменной часовни над склепом представляет для нас, пожалуй, наибольший интерес. Она находится в восточной части участка, почти на середине его длины (сдвинута к югу от оси на 2,5–3 м). Это квадратное в плане сооружение с внутренним пространством, согласно схеме, $6,9 \times 6,9 \approx 47,6 \text{ м}^2$. Цифры полностью соответствуют измерениям подьячего Михаила Волкова, который утверждал, что погреб и «каменная палатка четвероугольная» «длиной и шириной по три с лишком сажени». Три сажени равнялись в те годы 6,48 м, ну, а «лишек» оказывался сантиметров по 40 в каждом направлении. Вход находился с западной стороны, к нему вела лестница, изображенная на схеме. Такое возможно, только если пол часовни возвышался над землей, то есть здание стояло на цоколе. Роль цоколя могли играть лишь выведенные выше уровня грунта стены «погреба» (склепа), что также соответствует описанию Волкова, говорившего, что из погреба в «огород» ведет окно. По центру восточной стены часовни находился алтарь, отмеченный на схеме крестиком (видимо, пока еще без имени, иначе Франциск Эмилиан дал бы его в экспликации), — как и писал Волков, «на середине четвертой, восточной <стены>, выложено по костельному подобию место, в каком обыкновенно в костелах ставят за престолом иконостас» [587, с.436, XLV; 588, с.109]. Ну, и наконец, в часовне над усыпальницей хранились книги.

Могила миссионера Иоанна Казагранде примыкала к зданию часовни с запада. Описание его погребения оставил Корб в записи от 4–5 июня 1699 г. (н. ст.): «Тело покойного миссионера похоронено в саду императорских миссионеров вблизи места, отведенного для погребения Гордонов. При похоронном шествии сопровождали тело и на панихиде находились чрезвычайный посол со всеми состоящими при нем и со многими другими католиками».³³⁶ Ее расположение показывает, какой участок сада отцы-иезуиты отвели под католическое кладбище: первоначально он предназначался для нужд кухни и примыкал к часовне с юга, но позднее оказался скрыт от взоров прохожих не только забором вокруг участка, но и зданием храма.

О деревянной церкви. Завершение

Все рассказанное выше показывает совершенную неосновательность описания С. Мартиросяна, объединившего строительство каменной часовни над склепом Гордона (которого он, к тому же, разжаловал из полного генерала в полковники³³⁷) в 1695 г. и перестройку деревянной церкви цесарским послом в 1698 г.: «Инициатором новой попытки строительства выступил полковник Патрик Гордон <...>. Ему удалось добиться возведения теплого деревянного здания костела. Оно было поставлено на каменных фундаментах. Через год после окончания строительства, в 1699 году, Гордон скончался» [361, с.78].

Жизнь деревянной церкви завершилась на рассвете 4/15 ноября 1705 г. Описание пожара дал в конце 1709 или начале 1710 г. автор отчета о результатах деятельности католической миссии в Москве: «<...> наша деревянная церковь с самою лучшею частью жилища сгорела перед разсветом 4/15 ноября среди тысячи радостных криков еретиков³³⁸, сбежавшихся сюда во множестве, но не оказывавших никакой помощи. Что часть имущества спасена, этим мы обязаны преимущественно искусству трех отцов нашего ордена из Польши, которые в то время жили у нас на пути в Персию. Произошел ли пожар вследствие небрежности слуги или от постороннего злоумышления, неизвестно. Чудным Божиим промыслом пощажены были две комнаты, чтобы мы не были вынуждены совершенно уйти из этого места».³³⁹

Имеется еще одно изображение деревянной церкви, сделанное за несколько месяцев до пожара. Речь идет о знаменитой гравюре «Усадьба графа Ф.А. Головина в Немецкой слободе в Москве», которую в 1705–1706 гг. выполнили Адриан Шхонебек, Питер Пикар и их русские ученики. Шхонебек умер в сентябре 1705 г., и работу, особенно верхнюю часть гравюры, где изображена Немецкая слобода, заканчивали другие [445, с.38–39]. Комплекс зарисо-

вок для этой гравюры должен был быть завершен не позже лета 1705 г. (на гравюре — летний пейзаж), а скорее всего, подготавливался в 1704 г.³⁴⁰

Проделав большую работу в попытке выявить на гравюре изображения церковных зданий Немецкой слободы, И. Кувшинская пишет, что на ней «можно рассмотреть фасад дворца Лефорта и лютеранскую кирху, стоявшую неподалеку от него. Далее, среди домов Немецкой слободы, должны были находиться деревянный храм Пресвятой Троицы и окружавшие его постройки, но, к сожалению, их изображений на гравюре нет» [320, с.104]. Мы бы не были так пессимистичны. Если присмотреться к выкопировке с гравюры, то справа от дворца, чуть в глубине, обнаруживается сориентированное с юга на север здание с крестом на коньке крыши. На лицевом фасаде оно имеет три, а возможно, и четыре окна (4-е окно справа может быть скрыто ветками дерева, но вполне размещается по размерам фасада). Местоположение церкви соответствует перекрестку бывшей ул. Коровий Брод (с 1933 — 2-й Бауманской) и Старо-Кирочного переулка. В этом случае перед нами здание каменной кирхи «Новая обедня».

За ней находится еще одно вытянутое, хотя и более короткое здание, сориентированное в другом направлении, с запада на восток. Это и есть деревянная католическая церковь. На ее восточном фасаде виден крест, хотя его изображение плохо различимо на фоне соседней крыши. Он напоминает кельтский крест (равнолучевой крест с кругом) с довольно длинными лучами. Какое отношение последний имел к католической общине Немецкой слободы, мы сказать не можем (хотя допускаем, что там могли оказаться и ирландцы), однако в его пользу имеются два соображения. Во-первых, он визуально отличается от так называемого «латинского креста» («крыжа»), столь ненавистного москвитам, а потому не должен был вызывать таких же отрицательных эмоций. Во-вторых, кельтский крест — это крест св. Патрика, покровителя к тому времени покойного и захороненного рядом Патрика Гордона, без помощи которого этой церкви не было бы. Мы не настаиваем, что здесь есть прямая связь, но считаем необходимым обозначить ее возможность.

При всей условности перспективного изображения на гравюре следует отметить, что расположение лютеранской и католической церквей соответствует направлению (Старо-)Кирочного переулка, который не перпендикулярен Коровьему броду, а подходит к нему под острым углом. Это хорошо видно на так называемом «Мичуринском» плане Москвы, который составлялся в 1732–1739 гг. и в 1741 г. был опубликован [193, с.136].

В глубине изображения мы видим еще одно, обращенное с востока на запад, длинное здание с крестом на коньке крыши над

восточным фасадом. По местоположению, возможности видеть южный боковой фасад и ориентировке вдоль переулка, перпендикулярного Немецкой ул., есть все основания предполагать, что это — каменное здание Реформатской кирхи в Голландском переулке (ныне восточная сторона Денисовского переулка в месте его примыкания к Бауманской улице). По изображению похоже, что церковь уже имела в это время колокольню.

Определение местоположения указанных трех объектов позволяет выдвинуть еще две гипотезы. Дом с затейливой башенкой, изображенный перед кирхой «Новая обедня», вполне может оказаться деревянным домом Анны Монс, ныне не существующим. А здание за ним и чуть левее, которое, возможно, имеет открылок или пристройку, похоже, является каменным домом ван дер Гульстов, который сохранился до наших дней и сейчас, по легенде, носит имя «дома Анны Монс».

Предыстория строительства каменного храма

Геральд а Santa Cruce (Ф. Эмилиан) 13/23 сентября 1698 г. писал из Немецкой слободы: «Что касается постройки нашего каменного храма, то я не знаю, будет ли дано дозволение и на что мы можем надеяться в будущем» [465, с.14, 221].

13/23 июня 1699 г. он продолжил тему уже под своим именем: «Многие купцы и весьма многие из народа желают, чтобы у нас была каменная церковь, и от некоторых купцов я мог бы надеяться на значительное вспомоществование для постройки здания, но <...> если бы славнейший господин посол не взял на себя заботы об этом деле и не напомнил, то никто не проронил бы ни одного словечка. Были даже такие мнения, что этого дела невозможно сделать» [465, с.33, 236–237].

Из донесений иезуитов: в 1704 г. Петр I, неплохо относившийся к находившимся в Москве иезуитам, «выдал грамоту которую разрешил отцам миссионерам построить впоследствии каменную церковь, которую до сих пор можно было иметь только деревянную». Также «было испрошено у священнейшего римского императора Иосифа I письмо <...> к светлейшему царю и оно было написано в нынешнем 1706 году». Иезуиты надеялись, что после получения этого письма Петр мог бы взять на себя «издержки по постройке новой церкви» [465, с.131, 316]. Надежды были тем более основательные, что 12/23 декабря 1705 г. в Гродно Петр I, вынужденный учитывать, что воюет с протестантской Швецией, а его союзником является католическая Польша, подписал на имя полномочного польского посла Дзялинского особый акт с обещанием «вольного употребления веры католической».³⁴¹ По всей видимости, с этим

актом связано то, что в императорском письме от 14 апреля 1706 г., которого ждали иезуиты, основное внимание уделяется благодарности царю за его внимание к католикам и проблеме проезда миссионеров в Китай, но собственно о здании церкви не говорится ни слова [465, с.134, 319].

Расчет организаторов письма от императора царю оказался достаточно точным: 9/20 октября 1706 г. Меншиков по полномочию, данным ему Петром, отправил послание императору с приложением декрета папе Клименту XI, в котором указывал, что царь «разрешает не только свободное исповедание римско-православной веры в городе Москве», но расширение училища до гимназии, «а также дает полнейшее разрешение на то, чтобы, вместо дозволенной прежде деревянной церкви, теперь была выстроена церковь из камня (как она и теперь уже строится)». Письма эти должен был из Опавы (Польша) доставить по назначению отец Илия Броджио, который 4 ноября (н. ст.) 1706 г. писал провинциалу общества Иисуса Богемской провинции отцу Иоанну Миллеру: «вновь подтверждается постройка каменного храма (который, говорят, уже покрыт крышей)». ³⁴²

Как видим, судьба будто сама позаботилась о том, чтобы перестроить храм в камне — началом этому послужил пожар деревянной церкви. Отношение отцов-иезуитов к этому событию выразил о. Эмилиан в письме из Москвы 28 октября 1706 г. (н. ст.): «Что касается пожара, то нет ничего такого, о чем вы особенно должны были бы жалеть <...>, так как из этого возникло гораздо большее благо, чем было, именно, каменная церковь, которая, что касается постройки, против всякого нашего ожидания уже окончена, но при этом кончились и все деньги, именно, 2,000 руб. или 4,000 империалов, и даже несколько больше. Таким образом, на постройку трех алтарей, скамеек, кафедры, органа и других украшений внутри церкви не знаем, откуда достать вспомоществования, ибо мы истощили уже до последней степени средства нашей небольшой и небогатой общины. Для начала постройки подарил 2,000 империалов славнейший господин граф Яков Гордон; около 1,000 внесли от себя мои старые прихожане итальянцы, находящиеся в Азове и немногие тамошние офицеры; остальное же или прислано или собрано с большим трудом по частям. Из других военных офицеров, как больших, так и малых <...> ни один не дал даже копейки». ³⁴³

Новый храм

Из отчетов католической миссии в Москве за 1706 г.: «В январе месяце составлен был план для постройки каменной церкви и привезен материал. Из суммы, пожертвованной господином Яковом графом Гордоном, из взносов азовских, петербургских и москов-

ских католиков, из денег по завещаниям умерших от чумы в 1700 году у Меотийских болот ³⁴⁴, а также других лиц, то здесь, то там умерших, составила сумма почти в 12 000 ренских талеров. На уплату за кирпичи и железо тоже приложили некоторую сумму католики, находящиеся в разных местах. 5 мая начата была постройка церкви, при чем работало более, чем 60 каменщиков <Так!>, а окончена 10 августа. Безвозмездно наблюдал и украсил внутри церковь гипсом итальянский архитектор, жене которого два года тому назад наш св. отец (Лойола) оказал помощь во время опасных родов. Снова наши ездили в Петербург, и работавшими там для светлейшего царя нюрнбергскими <Так!> и швейцарскими скульпторами сделана для новой церкви сень с предстоящими довольно большими ангелами и проч.» [465, с.188, 363].

1 июля 1706 г. (н. ст.) член миссии о. Иван Берула писал из Москвы: «Наш каменный храм уже выведен до сводов и мы надеемся, что к концу июля он будет окончен с наружной стороны. На это только расходы нашей церковной казны будут простираться почти до пяти тысяч рейнских флоринов; внутренняя отделка, да и внешние украшения потребуют еще такой же суммы» [465, с.140, 323-324].

Его свидетельство подтверждается записью в «Жизнеописании...» Б.И. Куракина за 1705/1706 гг.: «В том году костел езуитской построен каменной». ³⁴⁵ Здесь надо учитывать, что Куракин брал за единицу не календарный год с января по декабрь, а год своей жизни от дня рождения до дня рождения, которое приходилось на 20/30 июля. Таким образом, он считал, что костел был построен не позже июля 1706 г. ³⁴⁶

Впрочем, на внутреннюю отделку деньги нашлись быстро (не исключено, что не без участия русских ³⁴⁷), и уже 28 января 1707 г. (н. ст.) Франциск Эмилиан докладывает Иоанну Миллеру: «Постройка нашей каменной церкви теперь уже завершается внутренней отделкой, которая начата с великого алтаря, который, кроме иконы пресвятой Троицы, весь будет сделан из гипса, и имеет статуи св. отца (Лойолы) и св. апостола Индии. ³⁴⁸ Эти две последние, т.е. статуи, пожелал прибавить строитель в знак своей благодарности за то, что его супруга — итальянка, близкая к смерти от родов, в тот самый момент разрешилась от бремени, как принесена была икона св. Отца, и до сих пор находится в добром здоровье вместе с младенцем. Наша церковь так красива, что мы и не могли бы желать лучшей» [465, с.159, 339]. Он же через два месяца, 19 марта 1707 г. (н. ст.): семейство Гордонов «само построило большую часть каменного храма, заботится об его украшениях и всегда готово сделать больше если будет в состоянии. Но по злостной вражде некоторых господ <...> семейство это подверглось сильным преследованиям и разорено тяжелыми убытками, под которые подведено и правдой и

неправдой, так что члены этой семьи поистине достойны сожаления, а особенно достоин жалости внук покойного господина генерала Гордона, человек отличнейшего образования и талантов. Желательно было бы, чтобы он, если бы это было возможно, принят был на содержание в какое-нибудь общежитие» [465, с.162, 341–342].

Как видим, сын Патрика Гордона, Яков, не просто помогает строить каменный храм после пожара деревянного — тот самый, в склепе которого покоится его отец, но и оплачивает половину строительства, тогда как большинство других прихожан либо не дают ничего, либо дают мало. Неужели поступок Якова Гордона объясняется исключительно благочестием? Вероятно, он строил церковь как памятник над могилой своего отца. Упоминаемый внук по возрасту скорее сын Якова, чем Федора Гордона, о котором мы еще будем говорить.³⁴⁹

Вернемся к отчету миссии. 1707 г.: «Архитектор итальянец продолжал украшать гипсовой работой внутренность нового храма, а тесть его фресками. Наконец в воскресенье после октавы святому отцу мы торжественно вошли в храм при огромном стечении народа, и пели обедню пресвятой Троице, во имя которой был и прежний деревянный храм и настоящий каменный. Еще во время октавы³⁵⁰ мы взяли с еретического кладбища, на котором погребали без разбору всех иностранцев, кости достопочтенного отца Альберта де-Бойе и погребли их в новом храме в часовне страданий Христа и отделили часть прилежавшего к нашей церкви сада для католического кладбища».³⁵¹

Опять обратим внимание на имя церкви. В начале 1710 г., уже будучи построенной в камне, она продолжала называться церковью Пресвятой Троицы, хотя в литературу вошла под именем церкви (костела) Святых Апостолов Петра и Павла.³⁵² Новое имя ей присвоили значительно позже, но до 1762 г., когда, по всей видимости, поддельная копия петровского «указа», касающегося церкви, попала в Архив Коллегии иностранных дел.³⁵³ Не исключаем, что первоначально это было имя небольшого каменного «теплого» храма, построенного позднее (см. далее). И лишь затем оно перешло на большой «холодный» храм, окончательно закрепившись за ним при его восстановлении после пожара 1812 г. Вполне возможно, что появление второго имени было связано с попыткой католиков защитить свою территорию, вызывая к авторитету не только апостолов, но и первого российского императора, в чье царствование храм и был построен. И. Кувшинская предполагает, что изменение имени связано с заменой священников-иезуитов на капуцинов [320, с.114], — вполне разумная гипотеза.

В любом случае, Гордон был захоронен не в костеле Петра и Павла, как иногда утверждается в литературе [511], а в костеле Пресвятой Троицы, который позднее стал называться костелом Петра и Павла.

На следующий, 1708 г.: «Для храма мы позаботились сделать новый, меньший орган; алтари и проч^{<ее>} позолочены, а также кафедра, ценою в 300 ренских талеров; мощи св. Карпофория, которые привез из Рима достопочтенный отец Бельский, вице-провинциал в Литве, и прислал к нам, торжественно положены в позолоченных сосудах близь колонн, находящихся у сени. Исправлен и сделан более удобным вход в фамильный склеп Гордонов. Вновь устроены и лучше подобраны кулисы и фигуры для представления священных мистерий. Пол в храме сделан из квадратного камня» [465, с.189–190, 364].

Де Бруин о пребывании в Москве в 1708 г.: «проживающие в Москве три Езуита, два из Немцев и один из Англичан, соорудили в Немецкой слободе небольшую каменную церковь, которую искусно расписали внутри водяными красками (in Fresko)» [148, с.249].

И наконец, за последний год отчета, 1709: «Перед большим алтарем устроены из железа перила с узорами, а также сделаны разные льняные вещи для храма. Мы присутствовали во время болезни и при смерти преосвященнейшего Константина Зелинского, архиепископа Львовского. Он, как здешний пленник, получил разрешение жить в нашем доме, в котором и скончался 6/17 февраля, и по распоряжению Посольского приказа был торжественно погребен в склепе нашего храма. Похоронная служба была совершена над ним в присутствии послов Англии, Дании, Пруссии, императорского резидента, голландского и депутата ракузского» [465, с.190–191, 365].

20/31 января 1710 г. в храме побывал датский посланник лютеранин Юль Юст, во время похорон француза Вимени: «Отпевали его иезуиты. Католическая церковь, весьма красивая, каменная, находится в Немецкой слободе» [613, с.67].

Для полноты картины процитируем отрывок из Ковригиной, который дает представление и о других находившихся на том же участке сооружениях: «Что же касается католической церкви, то совместные усилия и денежные вклады ее покровителя-шотландца генерала Патрика Гордона и посланника в Россию от Священной Римской империи И.-Х. Гвариента в 1698–1699 гг. способствовали постройке новых обширных помещений католической школы и увеличению числа ее учеников». В 1695–1707 гг. католическая школа Немецкой слободы, по мнению автора, переживала период расцвета³⁵⁴, однако гимназией, несмотря на формальное разрешение Петра I, так и не стала: правительство не позволяло ученикам в ней засиживаться, отправляя их на войну.

Полагаем, что в процитированных письмах иезуитов содержится достаточная информация для поиска авторов здания церкви, тем более что гипотезы уже высказаны.

Первой это, по-видимому, в 1998 г. сделала В.А. Ковригина³⁵⁵: «Этим “архитектором-италианцем”, чье имя патеры не назвали, мог быть или Д.-М. Фонтана, владевший техникой гипсовой лепки и каменной “резьбы”, или Иван Росси — живописец, резной и гипсовый мастер, живший в Москве с 1704³⁵⁶ по 1715 г.³⁵⁷, где у него была семья и родился сын Игнатий (названный в честь св. Игнатия Лойолы — ?) в год, когда произошел случай “чудесного спасения” умиравшей итальянки.³⁵⁸ Алтарная же сень нового католического храма “с предстоящими довольно большими ангелами и прочим” была сделана “нюрнбергскими и швейцарскими скульпторами”, работавшими в Петербурге. Им ее заказали патеры-иезуиты, специально приезжавшие для этого из Москвы. Этими резными мастерами-скульпторами, без сомнения, были: выходец из г. Нюрнберга К. Оснер и его “товарищи” — И. Ган и К. Экли Кроузер, а также <...> швейцарские резные мастера Ф. Циглер-Шоле и Ф. Тебюлье. Вполне возможно, что выбор мастеров был не случаен, поскольку И. Росси был прекрасно знаком с Ф. Циглером-Шоле, который пригласил его в Россию из Италии в 1703 г. В начале 1707 г. внутренняя отделка церкви, посвященной Св. Троице, была завершена. Весь главный алтарь, “кроме иконы пресвятой Троицы, сделан был из гипса и имел статуи св. Лойолы и св. Апостола Индии”» [295, с.172].

Затем это повторил А.Ю. Бодэ в 2007 г., но уже без ссылок на Ковригину и давая ее гипотезе свою интерпретацию: «Автор проекта не был упомянут, но высказываются предположения о том, что это был итал<ьянский> архитектор Д.М. Фонтана. Храм был безвозмездно расписан итал<ьянским> живописцем, чье имя в письмах также не названо (полагали, что это Джованни Росси). Позднее по заказу иезуитов был украшен алтарь. Эти работы проводили мастера, прибывшие из строившегося С.-Петербурга. К 1719 в храме был и орган» [144, стб.617].

Если сравнить его версию гипотезы с указанием на родство мастеров в процитированном выше отчете иезуитов [465, с.188, 363], то Росси должен быть тестем Фонтана. Конечно, теоретически возможно, что Фонтана вскоре после приезда Росси женился на его взрослой дочери, ежели таковая была среди шести приехавших с ним детей. Однако Ковригина, у которой Бодэ позаимствовал гипотезу, подробно разбирая семейство Росси [295, с.92, 100–102, 172], ни о каком его родстве с Фонтана не упоминает. В пользу участия Фонтана в строительстве католической церкви свидетельствует лишь то, что он в 1707–1709 гг. работал по соседству — занимался расширением комплекса Лефортовского дворца, подаренного Петром I Александру Меншикову: пристроил каменную галерею парадного двора и главные ворота³⁵⁹, но для определения авторства это аргумент слабый. Как видно из писем иезуитов, они

очень четко разделяют итальянских, швейцарских, нюрнбергских мастеров. В основе этого деления лежит не этническая принадлежность, а подданство. Церковь строил *итальянский* архитектор, а *швейцарские* скульпторы создавали надпрестольную сень [465, с.188, 363]. В то же время Фонтана был швейцарцем — уроженцем кантона Тичино (Тессин).

Поэтому, как нам кажется, учитывая историю с исцелением роженицы и именем Игнатий (Игнацио Лудовико), которое носил родившийся в Москве в 1705 г. сын Росси, архитектором, который строил церковь, был Иван Иванович (Христофорович; Джованни Франческо) Росси (Rossi), «швейцарский итальянец» (из швейцарского кантона Тессин), приехавший в Россию с женой и шестью детьми.³⁶⁰ Но это значит, что отец его жены-итальянки, художник, либо приехал одновременно с ними, либо уже находился в Москве в момент его приезда.

В.С. Дельвиг увязывает фразу Б.И. Куракина, относящуюся в 1703/04 гг.: «Того года начались <...> штукатурные фигуры из гипса, архитектурю палаты строить» со строительством в 1706 г. каменного костела и с информацией, введенной в оборот в 1973 г. Т.А. Гатовой, о приглашении послом в Дании А.П. Измайловым в 1703 г. «артели итальянских мастеров штукатурного, лепного и резного каменного дела. В состав артели входили: Доменико Руско, Галенса Квадро, Карло Феррари, Иван (Джованни)-Марио Фонтана, Доменико-Марио Фонтана, Бернардо Скала, Пьетро Джипи».³⁶¹ Сама Гатова, подробно разбирая внутреннее декоративное лепное убранство Меншиковой башни (церкви Архангела Гавриила) в Москве, церкви Знамения в Дубровицах и верхней церкви Богоявленского монастыря, приходит к выводу, что это работы тессинской артели, трудившейся в Москве в 1703–1707 гг. Ее гипотезу критикует А. Михайлов, указывавший, что эти мастера, выехавшие из Дании, были каменщиками, а не скульпторами («гипсового дела мастерами»).³⁶² При этом никто из них ничего не говорит о католической церкви. К тому же надо помнить, что за скульпторами иезуиты в 1706 г. ездили в Петербург, хотя мастеров нанимали тоже швейцарских (тессинских).

Еще раз напомним о захоронениях в крипте:

— фамильный склеп Гордонов под церковью существует и в 1708 г. приводится в порядок;

— в 1707 г. в склепе под храмом перезахоранивается о. Альберт де-Бойе (р. Alberti de Boye) [465, с.189, 363];

— в 1709 г. там же погребают Константина Зелинского, архиепископа Львовского (Constantino Zielinsky, archiepiscopo Leopoliensi) [465, с.190, 365].

Собрав все, что известно о строительстве каменной церкви в литературных источниках, обратимся к чертежу. 28 октября (н. ст.?) 1706 г. о. Франциск Эмилиан писал руководству: «Быть может, вам будет приятно взглянуть на прилагаемый здесь план, хотя и грубо и поспешно сделанный, всего нашего жилья вместе с небольшим храмом в честь св. Троицы, как он теперь есть <...>. Я не могу еще начертить плана внутреннего устройства храма, так как внутри все еще не готово, да и сам я еще не знаю, каково оно будет» [465, с.148, 330].

Описание нового каменного храма по этой схеме дала И. Кувшинская: «На рисунке изображен барочный храм, представлявший собой однонефную базилику с двускатной черепичной кровлей, фасады которой были декорированы пилястрами коринфского ордера. Алтарная часть храма Пресвятой Троицы была воздвигнута на фундаментах бывшей часовни-усыпальницы семьи Гордонов: возможно, именно поэтому трансепт³⁶³ смещен к западной части храма. Над средокрестием располагалась башня, увенчанная куполом на высоком шестигранном барабане. Пространство храма Пресвятой Троицы было наполнено светом благодаря высоким решетчатым окнам, прорезавшим его стены, оконным проемам барабана и большим овальным окнам в основании башни» [320, с.112–113].

Если мы сравним схемы 1699 и 1706 г., то увидим, что фундамент часовни 1695 года над усыпальницей генерала Гордона оказывается под восточной, алтарной частью храма, завершающейся полукруглой апсидой. Что касается стен часовни, то они должны были быть разобраны, хотя часть их вполне могла быть включена в новую постройку.³⁶⁴ Трансепт нового храма в своей северной части располагался на том месте, где ранее находились боковая пристройка 1689 года и сакристия деревянной церкви, в своей южной части выходил в сад, а вход находился на уровне простенка между восточным и центральным рядами окон старого деревянного здания. Юго-западная часть храма заняла место бывшего цветника (n° 38 на схеме 1699 г.).

Каменное здание должно было иметь «подвал» — крипту, по площади равный зданию. В этом случае склеп семейства Гордонов составлял лишь ее часть, и старая западная стена усыпальницы должна была отделять ее от остальных частей крипты. Разделенность крипты на несколько частей подтверждает пассаж о перезахоронении о. Альберта де-Бойе: его останки погребли «в новом храме в часовне страданий Христа» [465, с.189, 363–364]. Иными словами, под часовней, находившейся внутри храма, было отдельное место для захоронений.

Не совсем понятно, что произошло с могилой Казагранде, которая оказалась под продольным нефом церкви. Ее либо перенесли

южнее, на вновь созданное католическое кладбище, под которое отвели часть сада, ранее предназначавшуюся «для нужд кухни», или, говоря современным языком, огорода, либо тоже захоронили в крипте.

Последнее, что обращает на себя внимание на схеме, — ворота с башенкой в виде надвратной часовенки-футляра. Несколько схематичных линий позволяют предполагать, что упомянутый в письме о. Иоанна Бауэра от 4 марта (н. ст.) 1720 г. из Вратиславы «императорский орел, прикрепленный на воротах дома» [465, с.209, 380], находился именно на этой башенке со стороны (Старо-)Кирочного переулка.

Итак, Патрик Гордон нашел упокоение в католической церкви Пресвятой Троицы в Немецкой слободе³⁶⁵, *de facto* выросшей из часовни над его фамильным захоронением, а значит, мы не вправе расценивать идею часовни над склепом исключительно как предлог для строительства. Последующие перестройки и возобновления храма над его могилой позволяют рассматривать последний не только как первую каменную католическую церковь в Москве, но и генетически, и топографически — как памятник самому Патрику Гордону, тем более что семейство Гордонов на всех этапах оплачивало значительную часть строительных работ. Вот почему мы так подробно воспроизвели сохранившиеся описания внутренности храма, исходя из его значения исчезнувшего петровского памятника.

С другой стороны, на декабрь 1699 г., когда происходило погребение, усыпальница Гордона находилась вне стен действовавшего католического храма, но в крипте отдельно стоявшей часовни. Таким образом, *de jure*, это было первое захоронение на новом католическом кладбище около костела, и оно продолжало оставаться таковым до лета 1706 г., когда над усыпальницей поднялись стены нового храма. Допускаем, что такое двойственное положение могилы Гордона в течение первых 6–7 лет ее существования могло сыграть свою роль в абберрации исторической памяти, и Гордон мог считаться похороненным не в церкви, а на кладбище.

Дальнейшая судьба храма

В строительстве не только деревянной, но и каменной церкви было немало действий «явочного» характера, когда русскую администрацию ставили перед свершившимся фактом. В результате именно такого развития событий у католической общины не оказалось каких-либо документов ни на участок, ни на церковь: купчих, царских указов, разрешений и т.п.

Приведем любопытные отрывки из одного документа 1721 г.: «<...> того Католицкого костела староста или надзиратель полков-

ник Петр Гордон по посылке из Посольского приказу подъячему Ивану Белозерскому <...> сказал: “Как-де тот Католицкий костел сперва строился, и из Посольского приказу по посылкам то строение осматривано и довершения не допущено; и о том-де из Москвы писано от обретающихся при том костеле законников и прихожан под Азов ко отцу его, генералу Петру Гордону, а отец-де ево там под Азовым бил челом великому государю, чтоб великий государь пожаловал их, указать то костелн-ое строение довершить. И потому-де его челобитью указом его царского величества повелено им то строение довершить, а из Посольского-де приказу присланных слушать в том не велено, и також то строение довершено. А какой его царского величества указ в том состоялся, письменный ли или словесной, того-де он подлинно сказать не может и не помнит, потому что он в то время в Москве не был, а слышал о том от брата своего родного и от прочих того костела прихожан; а чаят-де, что о таком царского величества указе ведение на письме при том костеле и было, токмо-де все бывшие при том костеле писма и ведения о всем том состоянии в прошлом 1719 году, при высылке от того костела из Москвы римских законников, г. обер-комендант Измайлов с другими забрали и послали в С.-Петербург, а ему отданы токмо их печатные книги”». ³⁶⁶

Вслед за публикуемым документом в качестве старосты костела Цветаев называет «полковника Петра Гордона, сына прежнего строителя». ³⁶⁷ Но перед нами очередная опечатка или описка: у Патрика Гордона не было сына Петра, да и полковником на тот момент был не Петр, а Федор Гордон, о котором, по всей видимости, и идет речь. Ну что ж, перед нами новая дата: на 1721 г. младший сын Патрика Гордона здравствовал. А путаница с именем вполне могла произойти от отчества: Федор Петров сын (Петрович) Гордон.

Безусловный интерес представляет рассказ сына об отце, опирающийся, в первую очередь, на семейное предание: «...слышал о том от брата....» (речь явно идет о Якове Гордоне, среднем сыне Патрика), а также утверждение, из которого следует: если какие-либо документы о постройке церкви и о владении участком и существовали, то их вместе со всеми бумагами католической общины в 1719 г., при высылке из России иезуитов, забрал обер-комендант. ³⁶⁸

Справедливость ответа старосты доказывает текст указа о высылке иезуитов (вполне иезуитский по своему характеру): «Именной, Майору Румянцеву. — О высылке *Иезуитов за границу*, Приехав к Москве, 1. Объявля тайно Обер-Комменданту на вечер, и той же ночи ехать в слободу в Езувицкой монастырь, и там в полночь осмотреть и взять все письма их, а как разсвенет <Так!>, объявить им указ, и потом дав им убраться, послать их с Москвы за рубеж с добрым провожатым, однакож велеть их задержать в Можайске,

а тем временем письма их чрез учителей наших школ пересмотреть при себе, и буде, какие корешпондентные или иные письма явятся подозрительные, то оные перевезть и привезть с собою, а их не отпускать; буде же весьма ни чего не найдется подозрительного, то оных, как выше писано, выслать. 2. Понеже слышим, что оные учеников многих в свой закон привели, а наипаче из мещанского, то також освидетельствовать, и кои приличатся в сем или в ином, арестовать». ³⁶⁹ Понятно, что после исполнения этого указа никаких документов у московской католической общины остаться в принципе не могло.

По утверждению Д. Толстого, иезуиты были предупреждены своим провинциалом заранее, еще в январе 1719 г. (указ же датируется 18/29 апреля), и все компрометирующие бумаги успели уничтожить. Вполне возможно, что он прав, ибо обстановка начала накаляться еще в марте 1718 г., когда Петр I просил Вену отозвать цесарского резидента Плейера, «мешающегося в домашния его государевы дела» (тот информировал Вену о наличии в России движения в пользу царевича). Император на это не согласился, однако в ноябре 1718 г. Плейеру все-таки пришлось покинуть Петербург, причем без прощальной аудиенции. Ну, а начиная с рубежа 1718/1719 гг., события нарастали лавинообразно, причем разрыв педалировала Вена. 25 декабря 1718 / 5 января 1719 г. в Вене был заключен австро-англо-польский трактат «в предосуждение России» (с австрийской стороны его подписывал Евгений Савойский, с английской — дипломат François-Louis de Pesmes de Saint-Saphorin). ³⁷⁰ 26 января (ст. ст.?) из Бреславля выслан российский агент Резе. 4/15 февраля из Вены, в 8 дней, без отпускной аудиенции, выслан российский резидент Аврам Веселовский (подчеркивалось, что его высылка симметрична высылке Плейера из России). 18/29 апреля из России высланы иезуиты, а декларацию об этой высылке 1/12 мая 1719 г. по указанию Петра разослали ко всем европейским дворам. Дипломатический и торговый российский агент П.И. Беклемишев 12/23 июня извещал вице-канцлера Шафирова, что получил ее и «то исполнил и последовал во всем высокому указу» [473, с.147, 266]. В мае из Вены выслан в три дня российский агент Бузи. 23 августа / 3 сентября также в три дня из России был выслан бывший секретарь Плейера, Отто Фирст с сыном-толмачом. На этом запал, похоже, иссяк. Фирст в реальности выехал не ранее февраля 1720 г., а обе страны с конца 1719 г. начали искать пути для сближения. ³⁷¹ В этом контексте высылка иезуитов в апреле 1719 г. ³⁷² представляется рядовым актом «дипломатических уколов» (близким по смыслу к высылке иезуитов в январе 1689 г., хотя последний был направлен против Франции), а не идеологической акцией, как высылка иезуитов в октябре 1689 г. В январе 1719 г. этот укол можно было

вполне спрогнозировать и к нему подготовиться. Безусловная симметрия, существующая между двумя «изгнаниями иезуитов», носит скорее обратный характер: в то время как акция октября 1689 г. поставила австро-русские отношения на грань разрыва [587, с.401], акция 1719 г. была вызвана таковым разрывом, который к самим иезуитам отношения не имел. Другой вопрос, что российское правительство воспользовалось ситуацией, чтобы избавиться от представителей ордена, которого всегда опасалось и за прозелитизм, и за четкую организацию, и за высокую, но «чужую» ученость.

Вебер в мае 1719 г. не только описал ситуацию, которую видел, но и воспроизвел документ, отсутствующий в *Полном собрании законов*: «Всем тем иезуитам, которые по рекомендации Римско-Императорского Двора уже несколько лет проживали в Петербурге, в Москве и Архангельске, также было объявлено, чтобы они, вследствие недоразумений, возникших между императорским и царским Дворами, не замедлили оставить Русское государство; но предварительно, из проживавших в Петербурге иезуитов, патер Ангель, с товарищем своим, взяты были под стражу. Это повеление Его Величество приказал объявить в католических церквях и в то же время советнику канцелярии Степанову велел обревизовать письмоводство и корреспонденцию патера <...>: “Его Императорское <так в тексте перевода — Д.Г.> Величество всегда пребывал в дружбе с Императорским Двором до тех пор, пока императорский резидент Плэйер не завёл с Русскими подданными вредных сношений. Поэтому Его Царское Величество принужден был искать отозвания этого резидента, что и последовало, но таким образом, что резиденту дозволено было 4 недели, и даже сверх того еще определенное время, оставаться в Петербурге и продолжать свою корреспонденцию. Резидент же наш Веселовский в Вене и агент в Бреславле, напротив того, должны были немедленно оставить страны, в коих они находились. Так как Императорский Двор заявил себя в этом отношении столь враждебно, то и Его Царское Величество заблаговременно употребил сказанные репрессалии, и этим объявлением строго повелевается всем иезуитам оставить Русское государство в течении <Так!> 4-х дней, по воспоследовании этого объявления, ибо всему свету хорошо известны вредные проделки иезуитов, а равно и то, как любят они вмешиваться в дела политические”» [166, стб.1658—1659]. Однако, как мы уже видели, этот орден трудно было захватить врасплох, и при аресте архивов никаких компрометирующих бумаг обнаружить не удалось. Косвенно это же подтверждает и Вебер в своих записях, датированных июнем 1719 г.: «Иезуиты в Петербурге совершенно были освобождены из под стражи; только патер Ангель должен был дать клятву в том, что враждовать и вредить вперед не будет <...>. Впрочем, иезуиты не смели еще выез-

жать из Петербурга, впредь до получения известий о том, что следствие об Украинских и Московских патерах окончилось».³⁷³

Отец Иоанн Берула уехал из России еще в 1715 г. Таким образом, из приехавших в Немецкую слободу в 1698 г. священников последним ее в 1719 г. покидал о. Франциск Эмилиан.³⁷⁴ Флоровский опубликовал в приложении к своей книге извлечение из рукописи о. Иоанна Миллера, начальника Богемской провинции Ордена, которое воспроизводит фрагмент из последнего письма о. Франциска Эмилиана — рассказ об изгнании иезуитов в 1719 г. Благодаря любезности И. Кувшинской мы приводим выдержки из ее перевода, который дает ясное понятие о ситуации.

«30 апреля 1719 года. <...> Около четырех часов пополудни ворвался народ и стал растаскивать все, что попадало под руку, из комнат, кладовых, даже из сарая под навесом. Когда же Миссионер спросил у должностного лица, почему не выставили стражу, последовал ответ: “На то нам не было дано никаких распоряжений”. В свою очередь то лицо спросило о ключах от дома и Храма, удивляясь, почему мы не передали их ему. Миссионер ответил: “Дом и Храм принадлежат Августейшему Кесарю, место это приобретено на его средства, равно как и постройки; мы же живем тут как бесправные чужеземцы, поэтому должно требовать ключ у него”. С этими словами Миссионер положил все ключи к ногам статуи Пречистой Девы, которая стояла на алтаре. Затем, на глазах у огромного множества людей, с невероятной быстротой заполнившего территорию перед нашим домом, Миссионеры в лице должностных лиц публично поблагодарили Царя за то, что по его милости они столько лет могли пользоваться его благоволением. Наконец, на закате нас вывели из дома в сопровождении стражи, и никто не бранил нас, но, напротив, многие, даже еретики и русские, проливали горькие слезы. Целую неделю нас возили по проезжей дороге то на юг, то на север, то снова на восток, и никто не мог понять, куда мы направляемся, поскольку в Москве вплоть до июля на этот счет не выходило никакого распоряжения. Наконец, 7 мая, в городишке Можайск мы были заключены в достаточно тесный, специально отведенный для нас дом, где мы находились под охраной стражи (стараясь не обращать внимания на грубость должностных лиц) вплоть до 15 августа. Затем, 25 августа, в том же самом месте стража вместе со своими начальниками оставила нас, и мы отправились в путь через Литву и Польшу» [30, с.381—382; 314].

Место иезуитов в качестве приходских священников заняли представители другого ордена — капуцинов, значительно менее опасного для православия. Почему это были именно капуцины, также становится понятным из записок Вебера. В мае 1719 г. он писал: «католической общине предоставлена свобода приписывать к себе

лиц из других орденов, только с условием, чтобы лица эти не пользовались покровительством Императорского Двора». ³⁷⁵ Другими словами, ситуация развернулась на 180°, ибо раньше нельзя было упоминать, что священник прислан Папой (то есть приехал из Италии), но только Императором. Капуцины, в основном итальянцы, подходили под новые требования, но конкретно им помог случай. В феврале 1719 г. Вебер, находившийся в Петербурге, записывал: «Один миссионер, капуцин, родом Италиянец, человек лет за шестьдесят, уже несколько недель проживал здесь в ожидании Его Царского Величества, у которого имел намерение испросить разрешения построить в Астрахани церковь для католической общины, состоявшей уже там из 90 семейств <...>. Перед этим он долго жил в Персии». В мае: «Италиянский капуцин, домогавшийся в течении <Так!> довольно продолжительного времени дозволения построить монастырь и церковь в Астрахани, встретил в Русском духовенстве гораздо более препятствий, чем предполагал». И, наконец, в июне 1719 г., уже после ареста иезуитов: «Между тем, Капуцинский патер, ходатайствовавший о свободном отправлении католического вероисповедания в Астрахани, совсем завладел Петербургскою католическою церковью и всею принадлежащею ей утварью, и написал кроме того многие приношения из Польши и других стран». ³⁷⁶

Думаем, что он, сменив Астрахань на Петербург, выписал не только приношения, но и собратьев по ордену, в том числе для осиротевших приходов. Так в московском храме появились капуцины.

Дополнительную информацию об их приезде дает письмо иезуита о. Иоанна Бауэра, написанное 4 марта (н. ст.) 1720 г. во Вратиславе (Братиславе): «Несколько дней тому назад сюда прибыло шесть отцов капуцинов, которые по приказанию из Рима, — из пропаганды ³⁷⁷ должны отправиться в Россию, откуда недавно изгнан наш орден. Четверо из них назначены в русскую столицу Москву, для занятия дома и, как они сами говорят, некогда бывшей нашей церкви, а двое назначены в Петербург <...> мы просим <...> написать письмо и предостеречь новых миссионеров отцов капуцинов, имеющих прибыть туда, чтобы они не переделывали сейчас церкви и нашего дома, не растаскивали книг, которые приобретены по большей части на наши деньги <...>». ³⁷⁸

На Страстной неделе и в Пасху 1722 г. церковь несколько раз посещал лютеранин Ф.В. Берхгольц. ³⁷⁹ О первом посещении он оставил запись в дневнике под 22 марта (ст. ст.) 1722 г.: «Вечером я ходил <...> в католическую церковь, чтобы посмотреть на гробницу Спасителя, устроенную там по католическому обряду и обычаю. Церковь эту я нашел гораздо лучше, чем ожидал: она внутри хорошо отделана, расписана и украшена; снабжена также весьма недур-

ным органом. При ней состоят теперь четыре капуцина, из которых старший человек чрезвычайно приятный. Прежде богослужение там совершали иезуиты, получавшие от римского императора ежегодно 800 рублей, но теперешние капуцины не получают ничего. Плащаница устроена была с одной стороны церкви, в углублении, суживавшемся перспективно. Спаситель изображался лежащим во гробе, и над ним стояла дарохранительница в звезде, осыпанной бриллиантами и обставленной зажженными лампадами и свечами, как и промежутки декораций, изображавших плачущих ангелов». ³⁸⁰

Комментарий переводчика к запискам Берхгольца: «Эта церковь (во имя святых Петра и Павла <Sic!>), построенная в конце XVII столетия преимущественно старанием генерала Гордона, находится в Немецкой Слободе и доныне цела, но за ветхостью совершенно оставлена». ³⁸¹ Примечание было составлено и впервые опубликовано в 1858 г. ³⁸², когда еще не было трудов Толстого, Брикнера, Цветаева, и восходит, скорее всего, к строкам Голикова о Гордоне: «Все, бывшие тогда в России Католики, имели в нем своего покровителя; ему обязаны они были свободой богослужения по обрядам их церкви; его стараниями заложена была в 1694 году каменная их в Москве церковь» [190, с.292]. Допускаем, однако, что в основе — не только строки Голикова, но и сама память о Гордоне как отце-основателе храма, которая продолжала сохраняться среди московских католиков.

Позднее юридические вопросы, связанные с костелом в Немецкой слободе и землей, на которой он находился, вставали неоднократно — при Петре III (весной 1762), потом при Павле I. Католики представляли копию с указа, якобы выданного «императором» «Петром в 1705 году на этот костел». ³⁸³ Однако ее, хотя и приложили к делу, признали фальшивой, ибо, с одной стороны, нигде не было даже намека на оригинал, а, с другой, ее текст явно не соответствовал 1705 г., в том числе царь Петр I тогда еще не носил императорского титула. После длительного описания всех этих событий Цветаев заключает: «Католической общине так и не удалось приобрести юридического признания права на существование ее первого в Москве каменного костела, что не препятствовало ему занимать прежнее место. На плане местности 1807 года он был означен под № 34, имел форму четверугольного продолговатого креста в 101 квадратную сажень. Рядом с ним виднелся другой каменный костел в 37 квадратных сажень. ³⁸⁴ Тот был холодный, этот теплый. Явилось ли первое здание на месте, где строил “усыпальницу” Гордон, а второе там, где стоял деревянный молитвенный дом Гвасконо, неизвестно». ³⁸⁵

Прервем цитату. Речь идет об опубликованной Цветаевым схеме под заголовком: «Геометрический план Католической церкви, со-

стоящей в Лефортовской части в 1м квартале под № 34. При обозрении сочинен в комитете учрежденном в Москве, для уравниения городских повинностей старшим землемером титулярным советником Самсоновым 1807 года ноября “...” дня» [588, прилож.].

Хотя Цветаев и подчеркивает, что не знает соотношения мест нахождения церквей и молитвенного дома³⁸⁶, из самой постановки вопроса очевидно, что он подозревает соответствие холодного храма тому, который некогда находился над усыпальницей Гордонов, а местонахождение теплого храма — на месте дома Гваскони.

Как видим, его первое неявное предположение соответствует реалиям. Большой холодный храм и есть тот самый, который был выстроен в 1706—1707 гг. Алтарную часть позднее значительно расширили, и на востоке постройка доведена до межи. Если сравнить со схемой 1699 г., очевидно, что при достройке стены церкви были продлены на участки, которые ранее занимала деревянная постройка с комнатой священника (№ 32) и колодец (№ 33). Последний пришлось засыпать.

А вот в отношении малого, «теплого» костела, неявное предположение Цветаева ошибочно. Он располагался не на месте молитвенного дома Гваскони, а у межи, на месте боковых построек: спальни священника, малой кухни, залы и теплой, или зимней, кладовой и навеса для размещения экипажей, коней и упряжи (№ 28—31 на схеме 1699 г.).

В своей завершенной в мае 1775 г. рукописи московский землемер Ф.А. Охтенский указывает, что в Немецкой слободе была «одна-римская» церковь [430, с.119, 146]. Думаем, утверждение касается именно одного сооружения, ибо, во-первых, писал эти строки православный человек, достаточно далекий от проблем католической общины для того, чтобы два церковных здания по каким-либо причинам признавать за одну церковь. И во-вторых, это был землемер, по роду своей деятельности точно фиксировавший топографические объекты. В этом случае, «теплый» костел, скорее всего, был построен не ранее 1775 г. В принципе о том же писал за два года до этого, в 1773 г., академик Г.Ф. Миллер в своем очерке «Москва»: «<...> при реке Яузе, Немецкая слобода. Во оной две лютеранские церкви, одна реформатская и одна римская» [372, с.53]. Хотя, в отличие от православного землемера, фиксировавшего здания, академик-протестант мог учитывать приходы, а католический приход был один.

В качестве отдельного объекта (под № 135) католическая церковь обозначена на карте Москвы, составленной архитектором Иваном Марченковым в 1789 г. [272, вкл., с.356/357]

Вернемся к тексту Цветаева: «В пожаре 1812 года они погибли оба. Возстановлен был только холодный храм».³⁸⁷ После войны и

пожара усилилось переселение жителей бывшей Немецкой слободы в центральные районы, и единственный в Москве католический храм оказался от них далеко. 2 января 1835 г. церковный совет общины обратился к московскому генерал-губернатору кн. Д.В. Голицыну с прошением, где содержались некоторые исторические сведения о костеле. Просители писали, что несколько столетий назад, правительство, переселив иностранцев в Немецкую слободу, дозволило «выстроить церкви римско-католическую и лютеранскую. Церкви сии <...> и по сие время существуют <...>. В достопамятную эпоху 1812 года, во время нашествия неприятеля, римско-католическая церковь, состоявшая в двух зданиях, теплая и холодная, с училищем и прочим строением сгорела, и после того возобновлена одна только холодная церковь, по несостоянию в то время церковных денежных сумм и по бедности пострадавших прихожан от разорения неприятельского. Лютеранам же, по их просьбе, дозволено выстроить другую церковь близь центра столицы в Мясницкой части, равно и реформатам одну в той же части, другую в Тверской». Церковный совет просил разрешить купить место «близь Городской части» и построить костел и училище, а «ныне же существующую церковь в Лефортовской части, в Немецкой Слободе, оставить как она есть для живущих при оной и для разных казенных заведений и госпиталя, в коих бывает не малое количество католиков».³⁸⁸

В результате, «согласно указаниям Св. Синода и митрополита Филарета, было разрешено (в 1838 году) устроить новую церковь “в Тверской или Мясницкой части, на небольшой улице, не на видном месте и не в близком соседстве с церквями Греко-российскими”, с тем чтобы, по окончании постройки, прежняя церковь, как безприходная, была упразднена».³⁸⁹ Православные власти так и не услышали инославных подданных Российской империи.

На месте, выбранном в Милютинском пер. (ныне участок № 18), в сентябре 1839 г. был заложен и в 1845 г. освящен новый храм, также во имя Святых Апостолов Петра и Павла, построенный по проекту А.О. Жилярди.³⁹⁰ Старый с тех пор стал приходить в упадок³⁹¹, но община несла за него городские повинности (ремонт тротуаров на участке), от которых в 1860-е гг. попыталась избавиться. По версии Цветаева, «в 1870 году церковь была продана на слом крестьянке Бекетовой, затем поступил в продажу и самый участок земли с остальными зданиями. При заключении купчей, у общины не оказалось документов на владение этою землей, и дело разрешено уже высшею властью. Храм был разобран, лежавшие под ним гроба были перевезены на иновещерское кладбище, что на Введенских горах; надгробная плита Гордона перенесена в Румянцевский Музей».³⁹² Участок земли при продаже считался въ 1.175 квадр. саж. ³⁹³ На месте костела теперь дом русского владельца; о прежнем

характере местности напоминает лишь сохраняющееся название улицы, на которую выходит храм: она носит название Кирочного переулка». ³⁹⁴ Эти строки были опубликованы в 1885 г.

Д. Цветаев описывал историю костела в основном по архивам, но при анализе историографии и газетной периодики эпохи ситуация несколько корректируется.

Из газет, август 1870 г.: «Со времени постройки новой римско-католической церкви Петра и Павла в Милютинском переулке, здание старой, в Кирочном переулке, Лефортовской части, с разрешения правительства было назначено к продаже. Покупатели церковной земли и строений нашлись только теперь, т.е. спустя 30 лет после сооружения новой церкви» [182]. «Здание старинной католической церкви, находящейся в Лефортовской части, 6 квартала, в Кирковском переулке, где вот уже 35 лет как прекращено богослужение, в настоящем году продано, с находящейся при нем землею и домом, купцу Бекетову за 12 тыс. руб.; покупатель этот, не медля, приступил, к сломке церкви и, разрушив ее почти до основания, остановился сломкою лишь последних стен, как передают, вследствие просьбы подлежащей власти пощадить эти остатки старины» [392; 412].

Обратим внимание на несогласие властей. Церковная, православная власть ставит задачу ликвидации («упразднения») костела, в котором нет богослужений. Взгляд на иновещерскую церковь как на исторический памятник Св. Синоду просто чужд. Светская власть делает робкие, но безуспешные попытки сохранить хоть что-то, понимая историческое значение этого сооружения. Именно поэтому утверждение современного автора про костел, что «до наших дней он не сохранился из-за ветхости постройки» [605, с.448], вызвано если не незнанием, то бичом «политкорректности». В конечном счете, здание католической церкви гибнет из-за давления, которое православие, являвшееся государственной религией, оказывало на все остальные конфессии. ³⁹⁵

Несколько слов про крипту храма: «По словам сторожа бывшей церкви, подземелье это довольно обширно и начинается с того места, где в церкви находился престол; в подземелье найдено несколько гробов, в которых сохранились еще кости и остатки одежд из шелковых и бархатных тканей» [392; 412].

Через 15 дней «Русские ведомости» внесли коррективы: «Вот некоторые дополнительные сведения и поправки <...> почерпнуты из вполне достоверных источников <...>. На днях, при ломке церковных строений в склепе под церковью обратили внимание рабочих четыре гроба. При внимательном осмотре этих гробов, они оказались принадлежащими замечательным историческим деятелям. Латинские надписи на медных досках, найденных подле гробов,

гласят, что в одном гробу похоронен один из сподвижников Петра В. ³⁹⁶ Гордон, в другом гробе Брюс, в третьем посланник германского императора граф Рабушинский, и наконец в четвертом гробу находится прах монаха капуцинского ордена Шеена, бывшего настоятелем и проповедником в этой церкви и умершего в царствование Александра I-го» [182].

Проанализируем эту запись. Для начала обратим внимание: Яков Брюс в принципе не мог быть захоронен в крипте католической церкви, ибо являлся протестантом. Его отец Вилим Брюс принадлежал к пресвитерианской церкви. Прощальную проповедь 14 мая 1735 г. при погребении Якова Брюса произносил пастор кирхи св. Михаила, Фрейнгольд. В этой же кирхе Брюс был похоронен. ³⁹⁷

Так что же, в «Русских ведомостях» сообщена недостоверная информация? Скорее всего, нет. Думаем, что перед нами фиксация очередного артефакта, порожденного мифом Брюса. Попробуем разобраться. Для начала соберем исходные данные:

1. С 1699 по 1709 г. в крипте церкви было захоронено не менее трех человек: Патрик Гордон, Альберт де-Бойе, Константин Зелинский.

2. Указ Елизаветы Петровны 1748 г. не коснулся захоронений в криптах церквей. Значит, эти склепы (в отличие от склепа Лефортова) никто не должен был трогать.

3. Ни о каких медных табличках на надгробиях в письмах и отчетах иезуитов, производивших эти захоронения, как, впрочем, и в других опубликованных источниках XVIII в., нет и речи.

4. Текст табличек — на латинском.

5. В 1870 г. обнаружили 4 медные таблички, причем только одна из них, Гордона, соответствует известным нам ранним захоронениям.

6. Брюс не мог быть захоронен в крипте церкви.

7. Захоронение Бойе на 1870 г. отсутствовало, и медной таблички с его именем не было.

8. Церковь сгорела в 1812 г. и затем была восстановлена.

Попробуем предложить гипотезу, которая непротиворечиво объединяет все эти факты:

Захоронения благополучно дожили до 1812 г. Знаменитый пожар сильно повредил церковь, в т.ч. пострадали и надгробия в крипте. Это повлекло за собой решение, принятое в ходе восстановительных работ в эпоху Александра I: те надгробия, эпитафии которых поддавались расшифровке, продублировать медными табличками. Позднее, когда умер о. Шеен, такую же табличку установили на его надгробии. Вариант: Четыре бронзовых таблички установили одновременно после смерти о. Шеена. Какой из вариантов ближе к истине, можно будет установить в случае обнаружения самих табличек: если все они идентичны по форме, материалу, стилю надписи — их устанавливали, скорее всего, после смерти о. Шеена.

Если его табличка отличается от трех других, то, по-видимому, справедлива первая версия.

Пойдем дальше. Скорее всего, надгробие Зелинского настолько пострадало, что восстановить имя оказалось невозможным, а от надписи на надгробии де Бойе читались лишь отдельные буквы. И тогда сработал московский петровский миф, в котором третьим после Гордона и Лефорта с неизбежностью следует Брюс.³⁹⁸ Давайте напишем фамилии Брюса и Бойе на латинице (как они были написаны на надгробиях): «Bruse» — «Boye». Как видим, оба — короткие слова с одинаковыми первыми и последними буквами, а центральные при пожаре и обрушениях вполне могли исчезнуть вместе с кусками камня или стать нечитаемыми. Ну, а «брюсовский миф» подсказал истолкование, тем более что иезуит Бойе был никому не известен. Так и возникла медная табличка — исторический артефакт, поместивший протестанта Брюса в крипту католической церкви.³⁹⁹

Впрочем, с этим могилами связана и «лефортовская» версия того же московского мифа.

Как только при разборке храма были обнаружены захоронения, газеты поспешили заявить: «При сломке церкви, рабочие, разламывая пол, пробили отверстие в склеп, где по осмотру, наткнулись на гроб с серебряною будто бы крышею; на крыше можно было разглядеть следы надписи, которая, как уверяют очевидцы, гласит, что в гробе этом положено тело Лефорта. Лефорт <...> как католик, должен был быть погребен в ограде католического храма» [392; 412]. Но московская газета «Русские ведомости» завершает свою первую корреспонденцию уже вполне реалистичным описанием: «В разрушенной ныне церкви, — пишет корреспондент, — мы видели много надгробных плит с немецкими надписями; но плиты эти, к сожалению, до того были завалены мусором, что не было возможности разобрать ни одной буквы. На церковном дворе лежит несколько гранитных камней, а на рябине, тут же растущей, кто-то повесил старинное деревянное распятие больших размеров; лик Спасителя почти совсем изгладился от времени» [392]. И через 15 дней уточняет: «Что касается Лефорта, то хотя вероятно, что он похоронен в этой церкви, но надписи с именем Лефорта до сих пор не найдено» [182]. А провинциальные газеты перепечатывают лишь сенсационные строки (например, [412]). Если уж женевца Лефорта можно было представить католиком, то еще проще это было в отношении шотландца Брюса⁴⁰⁰. Впрочем, и надписи были не «немецкие», а латинские (во всяком случае, на медных табличках).

Остается сказать лишь о медных табличках. Если что-то и поступило в Румянцевский музей, как утверждал Цветаев в 1885 г. и Кондратьев в 1893 г.⁴⁰¹, то не «надгробная плита Гордона», а именно эти «медные доски». Мы просмотрели опубликованные

отчеты Московского публичного и Румянцевского музеев за 1870—1885 гг. [429], то есть за период с момента нахождения табличек до момента, когда Цветаев описал их передачу в музей. Однако какая-либо информация об этом в отчетах отсутствует, хотя сюда передавались и надгробные плиты (в Отделение доисторических, христианских и русских древностей), и куски саркофагов (в Отделение изящных искусств и классических древностей). Ничего не говорится о поступлении в Румянцевский музей доски с именем Гордона и в коллекции брошюр и летучих листов, озаглавленных «Новейшие приращения Московского публичного музея». Некоторые из них предварительно публиковались в газетах «Голос» и «Московские ведомости», а затем распечатывались в виде самостоятельных оттисков.⁴⁰² Все это делает маловероятной передачу реликвии в музей (документ, на который опирался Цветаев, на проверку может оказаться «протоколом о намерениях», а не фиксацией происшедшего факта). Тем не менее, полностью исключить передачу табличек в музей мы не можем: таковая могла иметь место, а «сбой» произошел на уровне регистрации нового поступления.

СУДЬБА УЧАСТКА

В завершение — несколько слов о судьбе участка, который ныне числится под № 4 по Старо-Кирочному переулку. По схеме 1699 г., если исходить из помещенной на ней шкалы одинарных шагов, это участок размером 61 x 109 м ≈ 6650 м² или ≈ 0,67 га. Переведя в сажени той эпохи, получим 28,2 x 50,5 саж., что не соответствует размерам ни одной официально объявленной группы участков, выделявшихся в 1652 г. Иными словами, участок, который в 1685 г. был куплен на имя Гваскони, успел видоизмениться по отношению к тем, что первоначально предоставлялись иноземцам.

Сравнение схем 1689 и 1699 г. показывает степень точности рисунков и измерительных шкал. Участок в эти годы не менялся, но по первой схеме соотношение его ширины и длины (взяты средние величины) фиксируется как 1 : 1,69, а по схеме 1699 г. как 1 : 1,79. То есть ошибка соответствует 5–6%, что вполне нормально для точности измерений в ту эпоху. При этом план 1699 г., как более детальный и тщательно проработанный, мы считаем заслуживающим большего доверия, чем план 1689 года.

К 1807 г. участок сильно изменился: из прямоугольника превратился в перевернутую букву Г. Длина и ширина его уменьшились за счет площади сада на 15 м (со 109 до 94 м) и на 17 м (с 61 до 44 м) соответственно. Зато вдоль улицы протяженность выросла с

61 до 71 м. В результате общая площадь уменьшилась с 6650 м² до 1127 саж.² = 5258 м² или ≈ 0,53 га, то есть более, чем на 1/5.

При продаже участка в 1870 г. его площадь объявлялась равной 1175 кв.саж. [587, с.461; 588, с.127]. Расхождения не должны нас смущать, ибо использовались разные сажени. В 1870 г. — новая, официально введенная в 1835 г. и равная 2,1336 м, а в 1807 г. — явно старая сажень в 2,16 м. Таким образом, на 1870 г. его площадь равнялась 1175 саж.² = 5349 м², что составляет те же 0,53 га. Различие между цифрами составляет 91 м² (1,7% от общей величины), они могли появиться из-за неточности чертежа и из-за каких-то мелких изменений в границах участков после пожара 1812 г.

Теперь о соседних владениях. Как пишет С. Романюк, после разборки церкви «участок, перешедший к владельцам соседнего, углового с Немецкой улицей, был застроен фабричными зданиями».⁴⁰³ Заметим, что на 1807 г. этот угловой под № 2 участок принадлежал дипломату и государственному деятелю графу Александру Романовичу Воронцову [588, прилож.]. По Немецкой улице он имел № 53. Здесь находился дом, построенный по проекту архитектора Н.А. Львова (по другим данным — Д. Кваренги). В 1860–90-е гг. купцы Бровкины и Щаповы застраивают весь участок фабричными зданиями.⁴⁰⁴

Любопытно, что на картах Москвы в течение как минимум двух десятилетий после разборки костела на участке № 4 показывалась «Цркв католич. Петра и Павла»⁴⁰⁵, что, безусловно, путало исследователей, хотя могло свидетельствовать и о том, что руины какое-то время сохранялись.

Значительно интереснее ситуация с участком, расположенным с другой стороны, под № 6. Опять предоставим слово Романюку: «<...> уродливое заводское здание (№ 6)⁴⁰⁶, закрывшее собою прекрасный памятник архитектуры — двухэтажные каменные палаты XVII в. По традиции их называют палатами Анны Монс, хотя никаких достоверных свидетельств о том, что они принадлежали царской любовнице, дочери виноторговца в Немецкой слободе, нет. Кто владел ими в то время, неизвестно, но документально подтверждается лишь то, что в середине XVIII в. палаты принадлежали некоему отставному полковнику Ознобишину, в конце того же века — иноземцу Витману, в начале XIX в. — придворному камер-фурьеру <...> Якову Граве. Палаты уникальны тем, что они представляют собой единственный сохранившийся образец застройки Немецкой слободы в петровское время».⁴⁰⁷

На чертеже 1807 г. на этом участке, действительно, указан «дом придворного камер-фурьера Якова Граве» [588, прилож.]. Что касается Анны Монс, то в Википедии также выражается сомнение в принадлежности ей этого дома: «№ 6 (во дворе) — палаты Анны Монс

(спорно), XVII века. Дом находится во дворе бывшего военно-химического завода» [538], и дается ссылка на статью [433], где рассказывается о нынешней достаточно печальной судьбе дома. В другой статье на эту же тему: «Палаты Анны Монс (Ван-дер-Гульста) в Старокирочном переулке: Вандализм 20-летней давности», приводятся пассажи из документа, хранящегося в архиве УГК ОИП г. Москвы «Из описания охранных зон памятников архитектуры Лефортово»: «легенда приписывает его немке Анне Монс (Более точная атрибуция — палаты З.Я. и З.З. Ван-дер-Гульстов, отца и сына, личных лекарей царя Алексея Михайловича и царя Петра Первого)» [434]. Р. Рахматуллин, описывая эти палаты, указывает, что по документам их история как палат придворного врача ван дер Гульста прослеживается лишь с 1706 г., хотя построены они много раньше [493].

Со своей стороны, можем подтвердить, что этот участок действительно принадлежал ван-дер-Гульсту. Мы уже описывали попытку боярина Стрешнева уговорить Гордона продать Гульсту участок с «костеликом». Гордону удалось отбить атаку, а вскоре тот умер, что Гордон не без удовольствия отметил в своем дневнике.⁴⁰⁸ Речь идет о ван-дер-Гульсте Захарии-старшем (Захарии Яковлевиче), который умер 31 мая 1694 г. во время путешествия Петра I в Архангельск.⁴⁰⁹ Его сын Захарий-младший (1688, Москва — ?) тоже был врачом, обучался в Лейденском университете, с 1713 г. работал в Адмиралтейском госпитале в Петербурге [295, с.291; 353, с.93]. Очень сомнительно, что при этих условиях дом мог принадлежать Анне Монс. Даже теоретически это могло быть лишь после смерти Захария-старшего и в период, когда Анна являлась любовницей царя, то есть с 1694 до 1704 г. Но тогда царь должен был регулярно бывать на этом участке, что с неизбежностью нашло бы отражение в тайных посланиях иезуитов, проживавших в непосредственном соседстве от указанного дома, на нынешнем участке № 4. Однако на эту тему в их письмах нет ни строки, и даже имя Монс не встречается, так что перед нами явная легенда. В. Ковригина и все же за нею И. Юркин объясняют ее тем, что дом А.И. Монс «сосуществовал» с домом фан дер Гульстов [295, с.291; 614, с.506]. И хотя точного адреса Ковригина не указывает, речь, насколько можно судить, идет о деревянном доме, который по указу Петра был выстроен недалеко от лютеранской церкви «Новая обедня», тогда деревянной: «Еще за несколько лет пред тем <строительством каменной кирхи — Д.Г.> велел монарх построить около церкви деревянный дом для девицы фон-Монс, где она, когда посещала богослужение, останавливалась с вечера субботы до полудня воскресенья».⁴¹⁰ Другими словами, этот дом должен был быть построен до 1694 г. — года перестройки в камне этой церкви, находившейся по Кирочному

переулку на участке № 8. Дом стоял где-нибудь за кирхой, в глубине участка, почти на углу с улицей Коровий брод (ныне 2-я Бауманская), если не на самой этой улице, и нынешней Лефортовской площадью, то есть напротив Лефортовского дома, тогда еще не перестроенного в дворец. Думаем, что это — ориентированный вдоль Коровьего брода дом с башенкой, видимый на гравюре Шхонебека между домом Лефорта и кирхой «Новая обедня». Он находился довольно далеко от дома иезуитов, и вполне логично, что посещения Петром этого участка в их переписке отражения не нашли.

Что касается Кирочного переуллка, то в 1922 г. он стал Старокирочным [538], в отличие от Кирочного переуллка у Лютеранской церкви св. Михаила, который с 1922 г. носит название Новокирочного (хотя следовало бы наоборот).

Здание нового католического храма св. Петра и Павла в Милютинском переулке на участке под № 18 сохранилось до наших дней. В 1920-е гг. его отобрали у верующих, в 1940 г. перестроили и разместили в нем кинотеатр. Осенью 1941 г. здание очень сильно пострадало от попадания авиабомбы. В 1946–1947 гг. его восстановили, сильно перестроив: там расположилось НИИ «Гипроуглемаш», занимающее его до сегодняшнего дня. Впрочем, большую часть здания НИИ сдает в субаренду под офисы. Начиная с 1991 г. предпринимались неоднократные и безуспешные попытки верующих (членов католического прихода Петра и Павла) вернуть себе здание.⁴¹¹

НЫНЕШНЕЕ ЗАХОРОНЕНИЕ НА ВВЕДЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ

Собственно, с этого захоронения мы и начали нашу работу. Могила явно заброшенная: все поросло мхом и очень давно не чистилось. Участок покрыт жухлыми листьями, частично зарос травой. Впрочем, у самого памятника растут лилии и лежат цветы. В июне 2012 г. автор этих строк совместно с И. Гузевич и И. Кувшинской привели захоронение в порядок, помыли камень, оставили там гвоздики.

Эпитафия на камне и две версии ее перевода даны выше. Сразу же хотим подчеркнуть, что в *Московском некрополе* приведены эпитафии двум людям⁴¹² — генералу Патрику Гордону под главным алтарем католической церкви в Немецкой слободе и полковнику Гордону на Введенском кладбище: авторы некрополя разделяют эти два захоронения как захоронения разных людей.

Если бы под камнем на Введенском кладбище лежал человек, чьи останки были изъяты из склепа под разбиравшимся костелом, то, во-первых, соответствовали бы друг другу эпитафии, а здесь

полный генерал превращен в полковника — ситуация для пунктуальных немцев немыслимая. А о том, что перезахоронением занималась немецкая община Москвы, говорит немецкий язык эпитафии (напоминаем: оригинальная эпитафия генерала Гордона была на латинском). Во-вторых, из текста эпитафии на существующем памятнике следует, что сами перезахоранивавшие точно не знали, останки какого Гордона они переносят, поэтому и ограничились упоминанием, что он был «современником Петра Великого и Лефорта».

По всей видимости, чувствуя неясности с этим захоронением, авторы недавно вышедшего путеводителя по Введенскому кладбищу [165] впали в другую крайность и просто его проигнорировали.

И, наконец, даты. Похоже, что с захоронениями в крипте разбита церковь «расправились» еще в августе 1870 г. А на памятнике стоит 1877 год.

Самое логичное — начать с просмотра книг регистрации умерших Введенского кладбища за соответствующие годы. По счастью, они сохранились. В книге за 1861–72 гг. были просмотрены листы, начиная с 1 января 1870 по сентябрь 1872 г. [109, с.130–182]. Информации о перезахоронении ни Патрика Гордона, ни Рабушинского нам найти не удалось — то есть, после вскрытия крипты Католической церкви Немецкой слободы эти лица на Введенском кладбище официально не перезахоранивались.

Сложнее история с перезахоронением полковника Гордона. С июня 1876 г. по конец декабря 1877 г. никакой информации об этом событии нет. Однако в книге, которая охватывает период за 1876–84 гг. [110], есть лакуна — отсутствуют записи за июнь 1877 г. Четыре страницы, где должны были располагаться эти записи, — с. 479–482, — оставлены пустыми. А записи с июля 1877 г. начинаются со с. 1 и новым почерком. Первоначально страницы, заканчивающиеся на п° 482 и начинающиеся с п° 1, явно входили в различные тетради и сплетены в одну книгу были позднее. Напрашивается вывод, что смотритель кладбища или регистратор, заносивший информацию об умерших в кладбищенскую книгу, сменился в конце мая 1877 г., а нового нашли лишь с июля 1877 г., в течение же июня записи делались в какой-то отдельной тетрадке. При переплетении тетрадей в книгу информацию из нее, по всей видимости, собирались переписать в эту книгу, для чего оставили чистые листы, но сделано это так и не было.

Подвергать сомнению тот факт, что перенесение останков состоялось в 1877 г., у нас нет оснований: дата выбита на памятнике. Значит, остается июнь 1877 г. — месяц, вполне подходящий для перезахоронений, ибо земля уже оттаяла и подсохла.

Мы просматривали газеты за этот период — может быть, там промелькнет какая-либо заметка. Но в доступной нам периодике следов найти пока не удалось.⁴¹³

Вернемся к самой эпитафии и попробуем оттолкнуться от ее содержания. Мы видим здесь два возможных варианта событий, в зависимости от того, какой перевод эпитафии точнее.

Если речь идет о «прежнем месте упокоения рядом с Немецкой улицей», то, скорее всего, это небольшое католическое кладбище, находившееся на том же участке, где стоял разрушенный в 1870 г. костел. Он находился в Кирочном переулке, от Немецкой улицы его отделял всего один участок. И здесь разница в семь лет теоретически могла быть, если само захоронение вместе с надгробным камнем (или частью его) после всех пожаров и обрушений зданий оказалось скрыто в земле. Могила могла быть обнаружена в ходе строительных работ, которые велись на участке после разбора церкви в 1870 г. (из приведенной выше цитаты Д. Цветаева следует, что к 1885 г. участок был уже застроен). В принципе, это логично: кто-то из потомков или родственников Патрика Гордона похоронен на кладбище около основанной им церкви. Хотя возникает вопрос: если это близкий родственник, почему его не похоронили в фамильном склепе?

Прежде чем рассматривать вторую версию перевода, необходимо понять, о каком «полковнике Гордоне» может идти речь. К счастью, чин полковника достаточно высок, чтобы имя его обладателя не только сохранилось в архивных делах, но и попало в печатные источники.

ГОРДОНЫ В РОССИИ

Патрик Гордон был женат два раза. Из переживших его детей от первой жены Катарини (Каторины; род. ок 1650; брак в январе 1665; ум. 10/20 октября 1671 или 1672), дочери голландского полковника, затем генерал-майора русской службы Филиппа Альберта фон Бокховена (Бокговена) и британки Воан (Vaughan) из Уэльса, известны два сына — Иван (Джон) и Яков (Джеймс) и две дочери — Екатерина-Елизавета (Кэтрин; 1665–1739; без потомства) и Мария (Мери). Первая с 1682 г. была замужем за полковником Рудольфом (Родионом) Штрасбурггом (Страсбурггом; ум. в 1692), принявшим католичество. Последняя 23 сентября / 3 октября 1690 г. венчалась с кальвинистом капитаном Кровфурдом (Дэниэлем Кроффордом). Вскоре она овдовела и 12/22 мая 1692 г. вторично вышла замуж за майора Карла Снивина. От второй жены Элизабет, дочери голландца, полковника Ронаера (Ронаэра, Ро-

нара; Roonaer; по Голикову — Рондона; брак — 3 февраля 1673; ее портрет сохранился в Эрмитаже), родился сын Федор (Теодор Игнатий). Он единственный из пяти детей от второго брака выжил, но крепким телосложением тоже не отличался.⁴¹⁴

В целом же на год смерти генерала Патрика Гордона в России и/или на российской службе оказалось еще, как минимум, 15 человек, носивших фамилию Гордон, и еще один Гордон умер незадолго до этого.⁴¹⁵ С него и начнем.

1. Уильям Гордон (ум. 1692), сын Джеймса Гордона оф Ротимэй и Маргарет Мензис оф Питфоделс, сестры Пола Мензиса, известного как генерал-майор русской службы Павел Менезий или Менезиус (1637–1694). Таким образом, Уильям был родственником Патрика Гордона и племянником Менезиуса. Капитан русской службы; служил под началом Патрика в Киеве и неоднократно упоминается в его дневнике с апреля 1685 по февраль 1688 г.⁴¹⁶

2. Фома (Томас) Гордон (ум. 18 марта (ст. ст.?) 1741 в Кронштадте), племянник Патрика, — на российской службе (из британской) с 1717 г. (был принят Петром I на службу в Париже), контр-адмирал (1719), вице-адмирал (1721), член Адмиралтейств-коллегии, главный начальник (командир) Кронштадтского порта (гавани; с 1724), адмирал (1727); поверенный претендента на британский престол Якова III Стюарта (1722). О нем говорит в своих записках Г.Ф. Басевич и многократно в дневнике — Ф.В. Берхгольц; с 1726 г. постоянно упоминается в «Повседневных записках» А.Д. Меншикова. Обширная коллекция связанных с ним документов хранится в РГА ВМФ.⁴¹⁷

3. Александр (Александр) Александрович Гордон оф Аухинтоул (Гордан; Гордон Ачинтульский, Ашинтоуэльский; Achintouel) (27.12.1669/6.1.1670 — конец июля 1752, Achintoul, Шотландия), родственник (троюродный брат? троюродный племянник?) Патрика и с 1699 (1700?) г. — второй муж его старшей дочери Екатерины-Елизаветы; прибыл в Россию в 1693 (1692?) г. По всей видимости, именно его упоминает Джон Перри как Александра Гордона, капитана «римско-католической веры», который был приставлен к нему переводчиком с момента прибытия Перри в Россию, то есть с июня 1698 г.⁴¹⁸ Участвовал в осаде Азова; в марте 1700 г. был командиром одного из новоформировавшихся полков; в Нарвской битве попал в плен в чине полковника (в некоторых документах во время плена именуется подполковником). Похоже, что в 1702 г. финансировал побег полковника Якова Гордона и капитана Якова Гордона (деньги, 100 ефимков, ему были возвращены весной 1703 г.). Был обменян в марте 1708 г. на полковника Густава Эншилта (Эншэльда; Энскиольда; Enschöld), в том же году получил чин генерал-майора; участвовал в боях; в 1709 г. находился в составе заднепров-

ского корпуса под командой фельдмаршала-лейтенанта Гольца. В связи со смертью отца в 1711 г. и получением наследства в Шотландии покинул российскую службу и Россию. При выходе в отставку вступил в конфликт с Александром Меншиковым, который в мае 1711 г. вместо того, чтобы дать находившемуся в Королевце (Кёнигсберге) Гордону требуемый им «абшид» (отставку), послал туда своего генерала-адъютанта Брукенталья с требованием привезти Гордона хоть «за караулом». Петр действия Меншикова одобрил, но когда Брукенталь в июне оказался в Кёнигсберге, Гордон оттуда уже уехал (в конце мая) «ради наследия отца своего, о котором писали к нему сродники ево, что он умер» [461, с.561]. Видимому, уехал, бросив все имущество в Москве. Его дом в Немецкой слободе в ноябре 1711 г. просил для себя «козь Янь Иел-тень». Петр I дал согласие, однако известно, что Фельтен, в конечном счете, получил в 1711 г. дом Елизария Избранта. В 1715 г. принял участие в восстании шотландцев против короля Георга, был одним из руководителей мятежных войск. После поражения бежал во Францию; вернулся на родину 1718 г. Автор книги «Истории Петра Великого» (опубликована в 1755).⁴¹⁹

4. Юрий (Георгий) Гордон, двоюродный племянник Патрика, приехал в 1697 г., капитан. О службе и дальнейших продвижениях ничего не известно [198-2, с.234–236].

5. Джеймс Гордон. «Близкий родственник Патрика Гордона». В чине майора попал под Нарвой в плен, содержался в Стокгольме. Летом 1702 вместе с полковником Яковом (Джеймсом-Джоржем) Гордоном, сыном Патрика (см. н° 15) совершил попытку побега, но из заключения сумел вырваться лишь Яков. Дальнейшая судьба неизвестна. [160, с.417].

6. Фома Вильгельм Гордон, видимо, родственник Патрика, приехал в 1698 г., поручик. О службе и о дальнейших продвижениях ничего не известно [198-2, с.241–242].

7. Франц Петрович Гордон, видимо, родственник Патрика, приехал в 1699 г., хорунжий. На 1703 г. был капитаном псковских пехотных полков. В «Письмах и бумагах...» за 1706 г. трижды упоминается капитан Гордон (Гордан). Не о нем ли идет речь?⁴²⁰ О дальнейших продвижениях по службе информации не встречается.

8. Яков Юрьевич Гордон, капитан, в 1700 г. пропал без вести под Нарвой. По всей видимости, это капитан Яков Гордон, который присутствует в списках российских пленных: 1) от 23 апреля / 4 мая 1703 г. — тех, кому из Посольского приказа были выданы деньги; 2) находившихся в Швеции на 1705 г.⁴²¹

9. Яков Александрович Гордон (Гордан), капитан. По одним сведениям, в 1700 г. пропал без вести под Нарвой; по другим — из-под Нарвы вышел, но дальше его следы теряются (уже на ноябрь

1703 г. было неизвестно, где он служит и служит ли).⁴²² Допускаем, что это тот капитан, который 30 мая / 10 июня 1702 г. вместе с полковником Яковом Гордоном успешно бежал из плена. Идентификацию несколько осложняет фраза из письма другого пленника, А.М. Головина, что бежавший был майором. Думаем, это ошибка.⁴²³ Какой-то майор Гордон из отряда генерал-майора Ганскина был убит 30.11/11.12.1705 во время атаки на шведов, оборонявшихся в г. Плоцке (~ в 100 км к северо-западу от Варшавы) [173, с.201]. Возможно, это Яков Александрович.

10. Андрей (Генри) Александрович Гордон (Гордан), подполковник, в 1700 г. под Нарвой взят в плен. Присутствует в списке от 23 апреля / 4 мая 1703 г. тех, кому из Посольского приказа были выданы деньги. Переговоры о его обмене на шведского «полуполковника» шли уже в апреле 1707 г. В 1710 был отпущен из Стокгольма для последующего обмена на шведских пленников, но задержан в Эребру, где находился в ноябре 1710 г. В литературе считается, что его дальнейшая судьба неизвестна, однако внимательное прочтение «Писем и бумаг...» показывает, что «полуполковник Гордан», который вместе с Я.Ф. Долгоруковым и другими пленными в июне 1711 г. во время переезда в Готтенбург захватил шведскую шхуну и бежал в Ревель, мог быть только Андрей Гордон, но никак не Александр, как указано в именном указателе к 11-му тому «Писем и бумаг...». А вот его судьба после побега неизвестна, и если бы он продолжал службу и повышался в чинах, его имя где-нибудь бы появилось.⁴²⁴

11. Гордон, фокусник из Шотландии, приехал в Москву в 1698 г. (Корб в январе 1699 г. записал, что он «недавно приехал»). Настаивал, что принадлежит к тому же роду, что и генерал Патрик Гордон. Во время ссоры с неким капитаном Шмидтом, обороняясь, убил его; был схвачен, подвергнут пытке [306, с.111–112].

12. Гордон, на 1723 г. — «Камерц-коллегии» (Коммерц-коллегии) советник, то есть служил по статской части. Упоминается Ф.В. Берхгольцем в связи с «Машкарадом в С.-Петербурге 1723 году» [128, с.191].

13. Иван (Джон) Гордон (1667–1712), старший сын Патрика от первой жены. Царь Федор Алексеевич пожаловал его в прапорщики; затем отец отправил его обучаться в Шотландию, где тот находился на 1684–1689 гг. (с перерывами). В 1686 г. там с ним встречался приехавший Патрик Гордон. В 1686 г. получил почетное звание «гражданин Эбердина». В 1690 г. исключен из русской службы; вернулся в Шотландию, где в 1691 г. женился и проживал в родовом поместье Аухлеурис; в 1698 г. посещал отца в Москве: пограничный пост в Нейгаузене проехал с женой 7/17 июля 1698 г.; в Москву прибыл 3/13 августа 1698 г. Корб записал в дневнике под 13 августа:

«Сегодня прибыл сюда из Шотландии вместе с женой самый старший сын генерала Гордона; он и жена его исповедуют католическую веру» [103, с.83 ; 308, с.83]. Окончательно уехал из России в Шотландию весной 1699 г.⁴²⁵

14. Патрик (1694 — не ранее 1730), сын предыдущего, то есть внук генерала Патрика Гордона [547; 564, с.275]. Согласно [547] какое-то время служил в русской армии. Но серьезных чинов, похоже, не достиг.

Как видим, никто из перечисленных выше лиц, носивших фамилию Гордон, не мог быть в чине полковника похороненным в Москве.

15. Яков (Джеймс; Джеймс-Джорж?) Петрович Гордон (Гордан) (1668—1722), средний сын Патрика (от первой жены). Царь Федор Алексеевич пожаловал его в прапорщики; затем отец отправил его обучаться в Иезуитскую коллегию Гданьска, где он пробыл до марта 1686 г. Сопровождал отца в путешествии в Англию и Шотландию, где и остался. Примкнул к восстанию якобитов; в июле 1689 г. был тяжело ранен. 22 сентября / 2 октября 1690 г. возвратился в Москву и в том же году стал подполковником в полку Гордона; в 1693 г. получил полковничий чин, участвовал в Азовских походах. Он, когда один, когда с женой и дочерью неоднократно упоминается в дневнике Корба за 1698—99 гг. Среди прочего, 10/18 мая 1699 г. при отъезде императорского посольства из Москвы ему было поручено попечение о церковной казне римско-католической общины Немецкой слободы. Он и позднее являлся покровителем этого прихода. После смерти отца принял Бутырский полк, под Нарвой попал в плен; в литературе на время шведского плена указывается то полковником, то подполковником; 30 мая / 10 июня 1702 г. вместе с майором (капитаном?) Яковом Гордоном бежал из Стокгольма, вернулся в Россию. При штурме русскими Нотебурга шел в первых рядах. В январе 1705 г. в чине полковника командовал пехотным полком, стоявшим в Полоцке. Дослужился до бригадира; за заслуги отца возведен в графы Римской империи⁴²⁶; рыцарь Мальтийского ордена. На 11/22 января 1722 г. присутствует в *Списке генералам и полковникам*. Умер бездетным в Москве.⁴²⁷

Таким образом, и Яков из кандидатов на захоронение тоже исчезает: он — бригадир и граф, и то, и другое было бы в эпитафии на плите оригинального захоронения.

16. Федор (Теодор Игнатий; при конфирмации в июле 1698 г. получил имя Иосиф) Гордон (Гордан) (14.2.1681 (ст. ст.?) — не ранее 1739⁴²⁸), младший сын Патрика от второй жены.⁴²⁹ 19/29 июля 1692 г. по челобитью Патрика Гордона и с согласия Петра I был снабжен в Посольском приказе путевым паспортом и отпущен «для науки» в Пруссию (в Браунсберг), где поступил в иезуитскую кол-

легию под покровительство патера Шмидта, бывшего в 1684—1688 гг. настоятелем католического прихода в Немецкой слободе.⁴³⁰ О годах обучения Федора есть несколько строк у Брикнера: «От сына Феодора, учившегося в Браунсберге, он <Патрик> требовал тщательно-го изучения латинского языка, арифметики и русского языка». И далее: Гордон научился немецкому «на столько, что мог написать немецкое письмо к сыну Феодору в Браунсберг, хотя и не совсем грамотное <...>. Своему сыну Феодору он неоднократно советовал заниматься серьезно изучением русского языка <...>. В Браунсберге даже был какой-то монах, обучавший ему сына Гордона» [146, с.119, 121]. В 1697 г. Федор вновь находился в Москве и поступил прапорщиком в Бутырский полк, которым командовал его отец. На июнь 1712 г. — полковник Киевского драгунского полка; действовал в Польше. Упоминается С. Соловьевым как полковник Гордон, который, согласно донесению кн. В.В. Долгорукова, при нападении поляков на Киевский полк в 1712 г. «по глупости» попал к ним в плен. В действительности поляки, сторонники Станислава Лещинского, «неподалеку от Познани под местечком Пыздрами» 1/13 июня 1712 г. ночью напали на обоз полка; был трехчасовой тяжелый бой с многократно превосходившими силами нападавших; оставшихся в живых драгун взяли в плен обманом.⁴³¹ О Федоре Гордоне как о здравствующем полковнике упоминается: во-первых, в «Хронике Евангелической общины в Москве», где под 1717 г. имеется запись, что полковник Гордон сообщил начальству об отправке на обучение за рубеж двух калмыков-лютеран, живших в доме пастора Шаршмида (Pastor Scharschmid); во-вторых, в бывшем Архиве МИД, в «Делах католических», которые исследовал в 1880-е гг. Д. Цветаев и из которых следует, что на 1719—1721 гг. этот полковник был старостой костела в Немецкой слободе (как мы видели, Цветаев его ошибочно именует Петром).⁴³²

Это — единственный Гордон, современник Петра Великого и Лефорта, который мог умереть в Москве в чине полковника.

ДОМ ГОРДОНОВ В НЕМЕЦКОЙ СЛОБОДЕ

Перейдем к дому Гордона, на участке которого он, согласно одной из допустимых версий перевода, мог быть погребен.

Сразу укажем, что «напрямую» это событие — захоронение верующего человека вне освященной земли кладбища или крипты церкви — почти невероятно. Участок Гордонов в Слободе — это не участок крупного вельможи вне города, где могла находиться се-

мейная церковь со склепом или небольшим погостом (таковые мы встречали в Европе при старых замках; встречаются они и в России⁴³³). Однако кладбище Немецкой слободы, находившееся в ее южной части, могло вплотную подступать к жилым участкам (мы не знаем его точных границ). Причем совсем не обязательно, чтобы участок уже при своей покупке граничил с кладбищем. Просто почти за столетие существования последнего в качестве действующего (в 1652—1748 и 1762—1771 гг.) количество захоронений непрерывно росло, и огороженная территория могла увеличиваться в размерах, подступая все ближе к жилым участкам. Главное, чтобы последние находились в южной части слободы, тогда возникает возможность захоронений хозяев этих домов за оградой кладбища, в непосредственной близости от их участков. Позднее, когда уже никто не помнил местонахождения ограды, захоронения могли восприниматься как находящиеся недалеко от дома. Впрочем, для этого должно было сохраняться имя хозяина дома.

В этих постройках слишком много предположений, но ввиду того, что вероятность подобной ситуации теоретически существует, попробуем собрать воедино все, что известно о доме Гордонов.

Патрик Гордон с неизбежностью должен был задуматься о собственном жилье в Немецкой слободе, когда в конце 1686 г. стало ясно, что его перевели из Киева в Москву, но в Англию не выпустят. 27.12.1686 / 6.1.1687 из Киева в Москву прибыла семья Гордона, поселившаяся вместе с ним в Слободе, по всей видимости, в наемной квартире. И наконец, 13/23 декабря 1687 г. Патрик занес в дневник: «Подал прошение об участке для строительства и пособия на постройку» [197, с.133, 160].

Через месяц, 12/22 января 1688 г.: «Стряпчие из приказа у меня на обеде, и отмерен участок для моего строительства». Еще через неделю, 20/30 января: «В участке для строительства отказано» [197, с.161, 162]. По всей видимости, отказал или Земской приказ, или Разрядный, в ведение которого еще в 1666 г. Немецкая слобода была передана из Иноземного приказа [422, с.74, 296].

Понимая бесперспективность войны с московскими административными мельницами, Гордон пошел другим путем. Запись 3/13 февраля: «Отправился смотреть дом, что я намерен купить». На следующий день: «Купил дом у Джонаса за 120 рублей». 6/16 февраля: «В городе, условился о доме за 120 рублей» (видимо, выполнил какие-то необходимые формальности). 13/23 февраля: «Приказ <...> о вступлении во владение купленным мною домом». 17/27 февраля: «Получил повеление из Посольского приказа в Земской приказ, позволяющее вступить во владение купленным мной домом и садом» [197, с.162—163]. Возражать против повеления из Посольского приказа было сложно, даже если в Земском сидели недруги Гордона.

Далее идут записи технического характера. 18/28 февраля 1688 г.: «Взял 270 рублей жалованья, выплатил из оных 120 за дом». 20 февраля / 1 марта: «Добился указа на 100 рублей для строительства». На следующий день: «Получил сто рублей». 20/30 марта: «Участок, что я купил, измерен — 90 саженой в длину и 47 в ширину». 10/20 апреля: «Я перебрался в другой дом». 14/24 мая: «Начал копать пруд». 19/29 мая: «Выплатил сегодня то, что было задержано за эту неделю из поденной оплаты рабочих — они наняты за 4 копейки в день; всего за эту неделю вышло два рубля 21 алтын». 31 мая / 10 июня: «Я перебрался в мой новый дом». 2/12 июня: «Я уплатил плотникам, что причиталось, ибо они уже сделали свою работу». 23.7/2.8.1688: «Я уплатил 40 рублей за купленный мною дом». И наконец — запись за 1689 г., 5/15 августа: «Я ходатайствовал об участке, на коем отстроился, — дабы мне выдали грамоту или хартию, посредством чего я мог бы продать, заложить или распорядиться оным любым другим способом».⁴³⁴

Подведем итоги. Гордон, по всей видимости, не зря торопился с приобретением дома, ибо был вынужден менять временное жилье. Купленный им участок был очень большим, почти 2 гектара.⁴³⁵ Не совсем понятно, как он возник, ибо он почти в 5,3 раза превышает стандартный участок, предоставлявшийся в октябре 1652 г. «служилым немцам» по первой статье, а это самые большие наделы, которые равнялись $800 \text{ саж}^2 = 3733 \text{ м}^2$ или $\approx 0,37$ га. По всей видимости, купленный Гордоном участок образовался объединением нескольких рядом лежащих.⁴³⁶ На нем располагались дом и сад, нашлось место и для пруда. Допускаем, что отказ Гордону Земским приказом в предоставлении земли для строительства был связан с аппетитами генерала, которые значительно превышали размеры максимальных участков, выделявшихся иноземцам в Немецкой слободе, и о которых мы знаем из указа от 4/14 октября 1652 г. [477]. По всей видимости, он мечтал создать здесь сад, подобный тем, что некогда были у него в Севске, а затем в Киеве.⁴³⁷ Однако купить таковой за свои деньги ему уже никто не мешал.

Но вот информации, касающейся местоположения купленного участка, обнаружить не удалось.

Сохранились два прошения жены Федора Петровича Гордона, Анны Христофоровны Гордон (Angeneta de Gordon) к графу Гавриилу Ивановичу Головкину, согласно которым на 1712 г. Федор являлся полковником Киевского кавалерийского полка. Первое прошение датируется январем 1712 г. Из него следует, что в марте 1711 г. приказом Петра I «на дворе» (то есть, в доме) Ф.П. Гордона был поставлен на жительство прусский посланник Георг Иоганн фон Кейзерлинг. По всей видимости, дом Ф.П. Гордона в это время пустовал, а его семья находилась в Киеве, у места его службы.

В сентябре 1711 г. «онный посланник поехал с Москвы в армию и, будучи на дороге, волею Божиею умре». ⁴³⁸ По-видимому, в самом начале 1712 г. Анна Гордон вернулась в Москву и нашла, что ее дом занят и освобождать его не собираются: «а я ныне живу в чужом доме, пребываю с великою нуждею». Несмотря на то, что Петр I велел освободить дом, дело не сдвинулось с места. Далее — по тексту второго прошения Анны Гордон к Головкину, который «указ о своде с двора посланниковы жены прислал к Москве; и я раба с тем указом твоим к ней посылала многожды, и она того указу не слушает, с двора не съезжает, прошает строку <Так!> незнаемо до коева времени. Прошу твоего превосходительства, буди ко мне много милосерд, прикажи ту посланникову жену с того нашего двора сослать и мне на тот двор господина моего переехать; а я раба принимаю в том нужду великую, упокою себе не имею и с людьмишки своими» [198-2, с.229–230]. Оба прошения сохранились в коллекции «Письма разных лиц на русском языке» (1712 г., n° 8) и были опубликованы С.А. Белокуровым в 1892 г. По всей видимости, ныне они хранятся в РГАДА.

Определенную пикантность ситуации придает то, что вдовой Кейзерлинга являлась небезызвестная Анна Ивановна (Анна-Маргарита) Монс. Их брак состоялся 18 июня 1711 г. (н. ст.)⁴³⁹, когда Кейзерлинг уже проживал в доме Федора Гордона. Как видим, имена Монс и Гордон опять пересеклись, но уже не мифический дом Анны Монс находился около церкви, где был похоронен Патрик Гордон, а она сама вполне реально проживала в доме его сына.

По описанию М.И. Семецкого (1837–1892), базирующемуся на переписке семейства Монсов, на конец 1711 г. Анна Ивановна «с двумя малютками (Кейзерлингами?) и двумя служанками: Марьей и Гертрудой» проживала «в деревянном домике, в Немецкой слободе». Похоже, что там же жила фрау Штраленберг, жена камердинера фон Кейзерлинга, и для хозяйки этого дома Анны Гордон места явно не оставалось. Жилье было освобождено лишь летом 1712 г., когда вдова Кейзерлинга с матерью, Модестой Монс, уехали за границу бороться за наследство покойного мужа и зятя.⁴⁴⁰ Допускаем, что это и есть искомый дом Федора Гордона, каким он был на ту эпоху. Позднее он вполне мог быть перестроен в камне, если дожил до 1870-х.

Впрочем, у Семецкого есть строки, которые не позволяют утверждать это однозначно. Он пишет: вскоре после смерти мужа «Анна Ивановна вынуждена была, волею царскою, оставить дом, некогда подаренный ей Петром и ныне отобранный на «имя государево» и переданный некоему доктору Шаубу» [520, с.259]. А через двадцать страниц, подробно пересказывая дело об имуществе умершей Анны Монс, указывает, что 26 сентября 1715 г. (т.е. через 3 с лишним года

после событий) допрашивали ее служанку, Машку, и та показала: «После смерти мужа Анны, посланника Кейзерлинга, — дом его, в котором они жили, был взят “на государя” и отдан доктору Шаубу <Так!>» [520, с.279]. Но, как показывают прошения Анны Гордон, жили они не в доме Анны Монс. Допускаем два возможных варианта:

а) здесь соединены два разных события: конфискация дома, подаренного Петром Анне Монс, с его последующей передачей доктору Шаубу, и изгнание Анны Монс из дома Федора Гордона, с возвращением его хозяевам;

б) Анне Гордон (а значит и ее мужу, Федору Гордону) был предоставлен другой дом (возможно, каменный, доживший до 1870-х), а их старый деревянный дом после изгнания из него Анны Монс был передан доктору.

Напоминаем, что дом нас интересует в первую очередь как место, около которого, возможно, был захоронен Ф.П. Гордон. В этом случае судьба дома в 1870-е гг. могла бы прояснить и судьбу захоронения.

Обратим также внимание на то, что в 1697 г. Патрик Гордон построил себе новый каменный дом [146–197, с.244], но стал ли он потом домом Федора Гордона или нет, мы сказать не можем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги с соображениями о том, что еще можно сделать.

I. С Лефортом прощались 11/21 марта 1699 г. в Реформатской церкви, которая была построена в 1694 г. и находилась в Голландском (ныне Денисовском) переулке. Захоронили его в склепе на кладбище Немецкой слободы, по-видимому, недалеко от Вознесенской улицы. Памятника поставлено не было, но, возможно, со временем появилась надгробная плита с обширной эпитафией на латыни. Ее, скорее всего, присыпали землей после указа 1748 г., а возможно, и еще раз после указа 1771 г. Во время пожара 1812 г. церковь сгорела, захоронения на кладбище получили сильные повреждения. В конце 1810-х или в 1820-е гг. остатки сгоревшей церкви были разобраны, а могилы на кладбище вскрыты. Останки Лефорты предполагалось перезахоронить, однако сделано это не было. В ожидании перезахоронения гроб с останками был перенесен в дом Ямщикова, находившийся в другом конце той же Немецкой слободы.

Последнее более или менее достоверное известие о местоположении останков Лефорты относится к 1839 г. Дальнейшая их судьба должна быть тесно связана с судьбой дома Ямщикова в Лефортове у Госпитального моста. Подвал этого дома в течение как минимум нескольких десятилетий служил склепом для останков Лефорты.

Единственный сохранившийся свидетель прощания с Лефортом — чугунная мемориальная доска, посвященная Витсену в Реформатской церкви, ныне сохраняемая в Московской Центральной церкви евангельских христиан-баптистов в Малом Трехсвятельском переулке.

Пути дальнейшего поиска:

а) Выяснение судьбы дома Ямщикова с уточнением его местонахождения могло бы помочь ответить на вопросы: когда он был разрушен или перестроен впервые? Необходим поиск по газетам того времени информации о возможных находках при этих работах. Просмотр в архивах Москвы материалов по перестройке дома (в том числе отчетов по работам, где могут находиться данные о находках

в подвале), а также о Ямщикове, в том числе по метрическим и исповедным книгам Богоявленского прихода;

б) поиски изображения этого дома, также как и старого кладбища Немецкой слободы;

в) поиски личного архива историка В.А. Юни, где может быть информация о том, как гроб Лефорты вместо Немецкого кладбища попал в подвал дома Ямщикова;

г) поиски переписки Г.Ф. Миллера с И.А. Ростом и И.Г. Рейхелем по поводу эпитафии;

д) сплошной просмотр голландских газет за конец апреля — начало мая 1699 г. в попытке выявить дополнительные публикации о смерти Ф. Лефорты.

II. С Патриком Гордоном прощались 7/17 декабря 1699 г. в деревянной католической церкви Пресвятой Троицы, которая располагалась в Кирочном (ныне — Старо-Кирочном) переулке на участке № 4. Он был похоронен в семейной усыпальнице в крипте каменной часовни около этой деревянной церкви. Церковь сгорела в ноябре 1705 г. и была заменена каменной в 1706–1707 гг. Последняя вобрала в себя часовню над усыпальницей Гордона; была сдвинута по отношению к деревянной церкви несколько на запад, хотя частично перекрывала то же пространство и находилась на той же оси. К середине XVIII в. она стала именоваться Церковью Святых Апостолов Петра и Павла. Во время пожара 1812 г. она сгорела, надгробия были повреждены. Но ее довольно быстро восстановили, а захоронения, которые удалось идентифицировать (в том числе захоронение Гордона), снабдили медными табличками с именами. В 1845 г. в Милютинском переулке был построен новый католический храм, а службы в старом остановлены. В 1870 г. участок был продан, а здание церкви пошло на слом.

Последнее достоверное известие об останках наставника Петра I генерала Патрика Гордона относится к августу 1870 г., дальнейшая их судьба неизвестна. Никакого официального перезахоронения осуществлено не было, а медные таблички теоретически могли быть переданы в Румянцевский музей. Вероятность обнаружения каких-либо следов перезахоронения столь же мала, как и в случае Лефорты.

На сегодня оба захоронения: П. Гордона и Ф. Лефорты — можно считать безвозвратно утраченными.

Часовня над семейным склепом Гордонов и сменившая ее каменная церковь Пресвятой Троицы (позднее — Святых Апостолов Петра и Павла) могут рассматриваться, хотя бы отчасти, в качестве памятников генералу Гордону и полностью — в качестве памятников, связанных с его именем.

Пути дальнейшего поиска:

а) поиски в московских архивах и музеях изображений этой церкви (в том числе фотографий, которые могли быть сделаны в последние десятилетия)⁴⁴¹;

б) поиск медных табличек с именами Гордона, Брюса, Рабушинского и Шеена в хранилищах, созданных в 1924 г. на базе Румянцевского музея, или в тех, куда были переданы его фонды: Российской государственной библиотеки, Российского этнографического музея, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Третьяковской галереи и др. Как, впрочем, и поиск следов их передачи — по архивам;

в) просмотр книг регистрации умерших Введенского кладбища с октября 1872 по май 1876 г.;

г) поиски захоронений «Брюса», Рабушинского и Шеена. Они отсутствуют в *Московском некрополе*, материалы для которого собирались в 1904—06 гг. [385-1, с.VI], через 34—36 лет после предполагаемого перезахоронения останков. Там нет ни одного из этих имен, как, впрочем, нет информации и о перенесении праха генерала Гордона, а его описанное по литературным источникам захоронение в церкви отделяется от перезахоронения полковника Гордона. Это значит, что на 1904—05 гг. надгробий с такими именами в Москве, скорее всего, не существовало. Если когда-нибудь могилы кого-либо из первых трех персонажей будут обнаружены (в этом случае Бойе окажется перезахороненным под именем Брюса), то могила Патрика Гордона будет находиться где-то рядом.

III. На Введенском кладбище ныне покоятся перезахороненные останки служившего в Бутырском, а затем в Киевском драгунском полку полковника Федора Петровича Гордона (1681 — не ранее 1739?), сына генерала Патрика (Петра) Гордона, перенесенные сюда в 1877 г. (скорее всего, в июне месяце) либо с католического кладбища у костела в Кирочном (ныне — Старокирочном) переулке в Немецкой слободе (что скорее), либо от его собственного дома недалеко от Немецкой улицы (ныне — Бауманской), который в этом случае должен был примыкать к старому кладбищу, то есть находиться около Вознесенской ул. (ныне — ул. Радио).

Считаем необходимым установление на могиле соответствующей таблички.

Пути дальнейшего поиска:

Сплошной просмотр московских газет за 1876—77 гг. (а при отсутствии следов и более ранних — со второй половины 1870 г. по 1875 г.), а также документов московской католической общины за эти годы, мог бы пролить свет на место нахождения могилы пол-

ковника и на обстоятельства перезахоронения. Если окажется, что могила находилась около дома, газетные данные помогут его локализовать.

IV. Яков Брюс не мог быть и никогда не был захоронен в крипте католической церкви Немецкой слободы. Если медная табличка с его именем в свое время была передана в Румянцевский музей и сохранилась до наших дней, то она, скорее всего, с могилы патера де Бойе, а имя Брюса на ней — чистой воды артефакт.

ДИСКУССИОННАЯ ГЛАВА

У Ирины Кувшинской в ходе рецензирования рукописи настоящей книги возникли серьезные возражения против главных выводов, касающихся существующей могилы на Введенском кладбище, и мы предложили рецензенту изложить свои возражения и выступить «адвокатом дьявола» (функция, надо сказать, неблагодарная). Ну, а сами предполагали дать контраргументы, поместив все это в особом приложении. По совету Александра Кобака дискуссия из приложения была перенесена в основной текст книги. Мы также учли некоторые из его собственных возражений против нашей концепции и выражаем обоим нашим оппонентам глубокую благодарность.

Начнем, представив дискуссию в виде диалога, где инициалами И.К. и Д.Г. обозначены Ирина Кувшинская⁴⁴² и Дмитрий Гузевич.

И.К.: Эпитафия на камне, которая приводится в книге, всегда поражала не только тем, что в ней упомянут полковник, а не генерал Гордон. Куда более странным представлялось сочетание слов, которое в своих статьях я также старалась переводить как «*перенесенные с места его упокоения*», понимая, тем не менее, что на самом деле написано — «*от его дома с Немецкой улицы*». Более образный перевод замещал очевидную абсурдность текста — никто из католиков-Гордонов в XVII–XVIII вв. не мог быть похоронен в саду у своего дома, тем более что Гордоны имели свою традицию погребения в семейном склепе. Напрашивается вывод: несмотря на педантизм немцев, на который ссылается автор книги, надпись сделана людьми не очень осведомленными. Не беремся гадать, кто были те немцы, прихожане нового католического храма в Милютинском переулке, которые осуществили перезахоронение останков, но одно некорректное выражение, содержащееся в тексте надписи на «Камне Гордона», не исключает и другую ошибку — таким образом генерал Гордон мог стать в надписи полковником. Общий тон текста надписи, в которой рядом упомянуты три как бы равновеликих имени — Петра, Лефорты и Гордона, на протяжении многих десятилетий убеждал обитателей Москвы в том, что под камнем покоятся останки преславного генерала, и позволял считать упомянутый ка-

мень на Введенском кладбище важным памятником, связанным с историей петровского времени. Аргументация автора книги логична, но она построена на предположениях. Все зависит от точки зрения — цепь рассуждений можно выстроить по-иному. Только обнаружение записей в учетных книгах Введенского кладбища, в которых может быть упомянуто, что останки генерала Патрика Гордона были перезахоронены до 1877 г., или же находка каких-либо других документальных свидетельств помогут решить спорный вопрос о том, кто же все-таки «под камнем сим вкушает мир». До этого, по моему скромному мнению, выводы автора следует излагать как одну из возможных гипотез, но не как очевидную истину.

Д.Г.: Уважаемый рецензент строит свою аргументацию по принципу:

1. Люди были некорректными в одном случае.
2. Если люди могли быть некорректными в одном случае, то они — некомпетентны.
3. Если они некомпетентны, то могли допустить ошибку и в другом.

Другими словами, использована цепочка из трех гипотез, которая может быть подвергнута критике по двум линиям: логической и фактологической. Если эти независимые линии совпадут в заключениях, критику гипотезы рецензента придется признать объективной.

Линия первая, логическая. Система аргументации рецензента подходит лишь для критики недобросовестного и/или некомпетентного автора, тексты которого после определенного количества выявленных ошибок следует тщательно перепроверять, а тому, что проверить не удастся, доверять нельзя и надо оставлять под вопросом. Но в случае с надгробным камнем ситуация совсем иная. Речь идет не об авторах исторического сочинения, а о свидетелях и участниках, видевших все своими глазами и сохранивших для потомков захоронение человека с известной фамилией, отразив реалии в эпитафии. Здесь одна допущенная ошибка отнюдь не предполагает другую. Более того, вероятность, что добросовестные люди, старающиеся отразить в тексте виденное, ошиблись один раз, значительно выше того, что они ошиблись дважды. А значит, в этой ситуации появление одной ошибки не повышает, а понижает вероятность появления другой. Итак, по чисто логическим посылам, цепочка из трех гипотез не срабатывает.

Линия вторая, фактологическая. Впрочем, в эпитафии нет и первой ошибки или некорректного выражения. Рецензент путает «некорректность выражения» авторов эпитафии и двусмысленность современного перевода. Это не они некорректны, а мы не знаем, что имелось в виду, и потому проверяем оба возможных варианта,

не более того. Это мы не знаем, откуда был взят прах: с кладбища перед церковью или из могилы у дома. Ну а вопрос «мог он быть похоронен у дома или нет» тех, кто перезахоранивал, не волновал: они брали останки там, где их нашли. Что касается априорного отрицания возможности захоронения недалеко от дома (не только католиков, но и православных), то возможность сия, действительно, настолько мала, что стремится к нулю. И лишь наша исследовательская добросовестность заставляет рассматривать все варианты, как бы ничтожна ни была их вероятность. Тот единственный случай, при котором таковая ситуация теоретически допустима (ограда кладбища вплотную придвинулась к участку, а через полтора века уже было не понять, где ранее заканчивалось одно и начиналось другое), мы привели выше. В целом мы склоняемся к тому, что умерший был погребен на кладбище около католической церкви; могила была обнаружена при расчистке участка в 1877 г., и прах перенесен. Для перезахоронения на Введенском кладбище этот вопрос вторичен, ибо для определения принадлежности останков совершенно не имеет значения, откуда их взяли: главное, их перезахоронили, а двусмысленность перевода позволяет распространить ее как на покоившегося в склепе отца, так и на лежавшего мы пока не знаем где сына.

К тому же из газетных публикаций лета 1870 г. видно, что при вскрытии крипты были обнаружены и идентифицированы лишь четыре могилы, среди которых было захоронение генерала Патрика Гордона, но не было захоронения полковника Гордона. Другими словами, вероятность того, что прах полковника выявился вдруг в той же крипте, где его не находили ранее и где покоился прах генерала, ничтожно мала по сравнению с вероятностью его обнаружения на католическом кладбище у церкви, где его не видели ранее, до расчистки, поскольку все могилы должны были быть засыпаны землей по указам 1748 и 1771 г. Иначе: речь не идет о прахе генерала Патрика Гордона.

Поэтому исключаем из рассмотрения в эпитафии ее окончание (один информационный блок), говорящее о месте обнаружения праха (подчеркиваем: оно точное, а не сомнительное, вопрос в переводе), и рассматриваем другие части: **«Здесь покоятся останки полковника Гордона, современника Петра Великого и Лефорта, перенесенные сюда в 1877 году <...>».**

Как видим, оставшаяся часть текста содержит еще 5 информационных блоков, один из которых говорит о результатах действий перезахоранивавших, другой датирует их действия, а еще три фиксируют информацию, полученную ими при изучении старого захоронения:

1. **«Здесь покоятся останки <...>» («Hier ruhen die Gebeine<...>»).**

Это фиксация результатов действий — «останки перенесли», с чем вряд ли можно спорить.

2. **«<...> полковника <...>» («<...> des Obersten <...>»);**

3. **«<...> Гордона <...>» («<...> Gordon <...>»).**

С формальной точки зрения, в этих двух пунктах содержится равновеликая по надежности информация, которая могла быть взята только со старого надгробного камня. Усомниться в справедливости одной из них, не усомнившись в справедливости другой, нельзя в принципе. По формальным признакам эта информация оспариванию не подлежит.

Более того, если принять во внимание, что текст со старого камня считывала не машина, а люди, и учесть их психологию, то придется признать, что вероятность ошибки в прочтении имени «Гордон» значительно выше, чем в обозначении звания «полковник». Ибо, если это была другая фамилия, которая плохо читалась, но была похожа на фамилию «Гордон», то последняя и должна была, скорее всего, появиться в новой эпитафии благодаря мифу Гордона (как было в разобранный нами выше истории с Брюсом). А вот слово «полковник» они должны были прочесть настолько отчетливо, чтобы его недоуменно повторить, ибо то, что Гордон, наставник Петра I, являлся генералом, было хорошо известно. За четверть века до перезахоронения были опубликованы его дневники на немецком языке, родном для перезахоранивавших; за 18—19 лет — книги Устрялова, а в год перезахоронения началась публикация труда Брикнера, не говоря уже о старых работах Голикова.⁴⁴³ Таким образом, имеется больше оснований утверждать, что здесь лежит полковник, но не Гордон, чем Гордон, но не полковник. И потому, если мы признаем, что на Введенском кладбище был все-таки перезахоронен человек с этой фамилией, то с тем большим основанием мы будем вынуждены признать, что он носил воинское звание полковника.

4. **«<...> современника Петра Великого и Лефорта <...>» («<...> zeitgenossen Peters des Grossen und Leforts <...>»).**

Этот блок также точен, но, в отличие от предыдущих, говорит о том, что у перезахоранивавших не было исчерпывающей информации. Почему (камень разбит; даты или куски эпитафии исчезли, стерлись и т.п.) — можно лишь предполагать, но для нашего исследования это вторично, ибо такие предположения не будут входить в цепочку жестко определенных фактов, важных для идентификации праха. Мы можем лишь констатировать предельную корректность перезахоранивавших, которые на основе фрагментарной информации предложили точный пассаж, охватывающий множество возможных вариантов с датами.

5. «<...> перенесенные сюда в 1877 году <...>» («<...> im Jahre 1877 hierher überführt <...>»).

Это фиксация года перезахоронения, против чего в принципе невозможно возражать.

Итак, база, использованная нами для идентификации перезахоронения, не содержит ни одной гипотезы и опирается на фиксацию фактов, вырубленную на камне свидетелями (все наши гипотезы касаются других вопросов: времени разрушения храма, теоретической возможности захоронения около дома или точных дат перезахоронения в 1877 г., но не имеют отношения к определению того, кто лежит под этим камнем).

Другими словами, логическая и фактологическая линии критики сошлись. Не имеется ни одного обоснованного аргумента против утверждения, что здесь лежит полковник Гордон, живший в эпоху Петра Великого и Лефорта. Ну, а таковой полковник был лишь один.

Поэтому мы никак не можем согласиться с утверждением рецензента об этой могиле, что «выводы авторов следует излагать как одну из возможных гипотез, но не как очевидную истину». В данном случае мы настаиваем на том, что речь идет не о гипотезе, а о выявленном историческом факте. Утверждений же об «очевидных истинах» автор этой книги всегда старался избегать.

Несколько комментариев к другим пассажам рецензента:

1. Утверждение, что перезахоранивали «прихожане нового католического храма в Милютинском переулке», отнюдь не является фиксацией факта, но лишь гипотезой (кто перезахоранивал — мы не знаем), хотя и вполне правдоподобной. В таковом качестве мы ее принимаем.

2. Обратим внимание на пассаж: «Только обнаружение записей в учетных книгах Введенского кладбища, в которых может быть упомянуто, что останки генерала Патрика Гордона были перезахоронены до 1877 года...». Как ясно из нашего текста, мы просмотрели на этом кладбище учетные книги с 1 января 1870 по сентябрь 1872 г. и с июня 1876 г. по конец декабря 1877 г. Конечно, для очистки совести нужно просмотреть книги с октября 1872 по май 1876 г., но почти наверняка там записей о генерале Гордоне нет, как нет и еще одной могилы (которая должна была бы быть, если бы его перезахоранивали).

И.К.: Для того, чтобы разрушить исторический миф — если его вообще можно разрушить — необходимы верные доказательства. Достаточно вспомнить приведенную в книге историю «дома Анны Монс»: все историки и краеведы знают, что дом на самом деле принадлежал семье Фан дер Гульстов, но его продолжают называть

домом Анны. Отметим, что исключительно благодаря своей легенде дом сохранился и не был разрушен в 1970-х гг. при тотальном сносе окружавших его зданий. Будем надеяться, что благодаря этой легенде единственный из сохранившихся в Немецкой слободе домов XVII в. переживет и наше время катастрофического разрушения исторической Москвы — памятник с такой легендой трудно незаметно уничтожить.

Д.Г.: Городской миф — неотъемлемая часть духовной жизни города, без которого города как культурного феномена просто нет. Как совершенно справедливо заметила рецензент, миф защищает объекты, с которыми он связан, что прекрасно показано в фильме «Арбатский мотив» [104]. Научное исследование отнюдь не уничтожает городской миф, но лишь очерчивает ту культурную нишу, тот жанр, где легенда обладает всеми правами на существование и развитие, каковыми являются фольклор, художественная литература, изобразительное искусство, театр, игровое кино. Исследование выявляет, что в мифе является отражением исторических реалий, а что — плодом человеческой фантазии. Так, каждый уважающий себя английский замок обладает своим привидением, но не столь уж много людей возьмутся доказывать их физическую реальность.

И.К.: В данном случае, как мне кажется, один из главных вопросов касается даты окончательной разборки храма. Вполне допустимо предположить, что обнаруженные в 1870 г. захоронения под его алтарем могли пролежать под его руинами вплоть до 1877 г.: учитывая московские реалии, бюрократию и возможное равнодушие новых прихожан храма к его истории, в таком допущении не содержится ничего невероятного. Требовались некоторые организационные способности и инициатива и — что более существенно — средства на покупку участка в центре католической части кладбища или чье-то согласие на выделение соответствующей территории.

Строительство фабричных корпусов велось в 70-е гг. XIX в. только по периметру домовладения в Кирочном переулке, поэтому наполовину разобранные руины храма могли раздражать хозяев участка, но не мешать строительству. План строения — не обязательно уже как храма — долго сохраняется на картах города, вплоть до 1890-х гг. В те времена составители карт не были столь безответственны, как современные составители путеводителей. Почему бы не предположить, что его основание и стены не были окончательно разобраны вплоть до 1880-х гг. Вполне сознаю, что данное рассуждение построено на заведомом допущении, что в дошедших до нас сведениях содержится ряд ошибок, — но подобным образом строятся и некоторые рассуждения автора книги. Как представляется, только археологическое исследование и обмеры этой до сих пор

недоступной для историков Москвы территории могут пролить свет на судьбу фундаментов храма и захоронений, существовавших как под его основанием, так и рядом с ним. На виртуальной карте Google Map достаточно хорошо просматривается территория на углу Бауманской улицы и Кировного переулка. Москововедов невероятно заинтересовал план регулярного сада — появились предложения проверить документацию завода на право полного контроля над этой территорией. Высказаны были благие пожелания восстановить сад, привести в порядок территорию, передать «Дом Анны Монс» музею Лефортово и пр., что замечательно во всех отношениях, но трудно осуществимо, учитывая реалии нашей современной жизни. Что касается захоронений, то их должны были перенести, в 1870-е гг. бросить их там не могли, но, повторяю, пока не проведены археологические исследования, я не берусь рассуждать на эту тему.

Д.Г.: Рассуждения рецензента о том, что место, где ранее стояла церковь, в крипте которой находился склеп Гордона, никогда не было застроено, кажутся нам очень ценными. В их справедливости читатели могут убедиться при сопоставлении старых планов участка католической миссии и копии со спутниковой фотографии этой территории, представленные в настоящей книге. Особенную важность утверждения рецензента приобретают в соотнесении с выявленным нами фактом, что под камнем на Введенском кладбище лежит не генерал Патрик Гордон, а полковник Федор Гордон. Время разрушения руин церкви не играет никакой роли для определения персонажа, лежащего под камнем на Введенском кладбище (мы настаиваем на этом утверждении), но оно чрезвычайно важно для решения вопросов, связанных со склепом семейства Гордонов. Полагаем, что рецензент заблуждается, приписывая деятелям конца XIX в. слишком большое чувство ответственности. И карты устаревшие могли публиковать, и бросить останки могли, и просто в землю рядом зарыть. Руины же могли, действительно, стоять какое-то время, хотя мы не рискнули бы утверждать без оговорок, что «в 1877 г. старый храм был полностью разобран» [319, с.249], ибо данные имеются лишь за август 1870 г., когда церковь была разрушена «почти до основания» [392; 412]. Любые другие даты не имеют на сегодня источниковой базы. Но теоретическую возможность самого факта мы признаем. Со временем руины могли засыпать строительным мусором, а затем заровнять землей. Останков на своих местах ныне, возможно, и нет, а вот руины склепов в земле вполне могли сохраниться. И потому, полностью поддерживая идею необходимости археологических раскопок, мы не удивимся, если в их ходе под землей будут обнаружены как склеп Гордонов (скорее, его

фундамент и обломки), так и останки самого генерала, ибо перезахоранивали в 1877 г. не его. Рассуждать об этих гипотезах как о реалиях, действительно, бессмысленно, но то, что можно найти в ходе раскопок, — представлять надо. Более того, в земле могли остаться засыпанные могилы и других людей. Находок может оказаться много.

СОЖАЛЕНИЕ О НЕСБЫВШИХСЯ ВОЗМОЖНОСТЯХ

Завершим наш рассказ одним из анекдотов Нартова: «Петр Великий, приняв намерение сделать чрез искусных скульпторов в Италии надгробные монументы и поставить их в честь: первый — генералу-адмиралу Францу Яковлевичу Лефорту, второй — генералу-фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву, главному вождю российских войск Шеину и генералу Патрику Гордону, говорил об них тако: “Сии мужи верностию и заслугами вечные в России монументы. Я соединю по смерти героев моих вместе под покровительство героя святого князя Александра Невского”. Желание его величества было поставить монументы в монастыре святого Александра Невского. Рисунки посланы были в Рим. Что же по оным воспоследовало, не известно, понеже вскоре после сего приключилась кончина сего великого монарха».⁴⁴⁴

Майков, публиковавший эту (последнюю) версию текста, не нашел прототипа анекдоту, замечая, что «это, кажется, единственное известие о предположении Петра соорудить в Александро-Невском монастыре памятники Лефорту, Шереметеву, Шеину и Гордону», и справедливо отнес его «к самым последним годам жизни» Петра I [398, с.127], ибо он никак не мог появиться до 1719 г. — года смерти Б.П. Шереметева.

Автор анекдотов А.А.Нартов, похоже, событийный ряд не выдумывал, но брал из доступных сочинений о Петре I и устных преданий, а что-то могло достаться ему и от отца, которому он приписал авторство всех текстов. Тот факт, что события относятся к концу царствования Петра I и потому А.К. Нартов, находившийся при Петре I с середины 1714 г. [393, с.15], мог быть их свидетелем, а также отсутствие на сегодня какой-либо информации об описании этих событий в более ранних источниках, позволяет считать, что рассказ вполне мог относиться к свидетельству Нартова-отца. Обратим внимание: этот анекдот под № 78 присутствует, хотя и в более краткой форме (в т.ч. без имени Гордона), уже в первой

рукописи А.А. Нартова, обнаруженной и опубликованной в 2001 г. П.А. Кротовым.⁴⁴⁵ А значит, находился в первой группе источников, которыми пользовался Нартов-младший, — именно к ним должны относиться устные предания и рассказы его отца. Публикатор провел некоторый поиск прототипов для анекдотов Нартова, но для этого рассказа таковых тоже не нашел [393, с.21-30]. К тому же событие логично: 11 августа 1723 г. началось, а 30 августа 1724 г. завершилось перенесение мощей св. Александра Невского из Владимира в Петербург (в Троицкий собор Александро-Невской Лавры) [440], и желание Петра I завершить формирование русского воинского пантеона вполне понятно.⁴⁴⁶ В этом случае останки были бы торжественно перенесены в Петербург, в Александро-Невскую Лавру, героям поставлены памятники, а захоронения, тем самым, сохранены.⁴⁴⁷

Нам остается лишь сожалеть, что план создания военного пантеона так и не был осуществлен. Если, конечно, таковой план был...

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ РЕФОРМАТСКАЯ И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКВИ В НЕМЕЦКОЙ СЛОБОДЕ

Реформатская кирха

1653	— реформатский пастор Яков Кравинкин (Кравинкель) получил разрешение на строительство храма без колокольни на отведенном ему участке в Ново-Немецкой слободе в Голландском (ныне Денисовском) переулке, недалеко от угла с Немецкой (ныне — Баумановской) улицей. Деревянный (сосновый) храм был построен, видимо, в этом же году
1694, весна	— пастор Шондервурт ездил в Голландию для сбора средств на строительство нового храма
1694, конец	— рядом с обветшавшей деревянной кирхой построено новое кирпичное здание, после чего старое деревянное разобрано. В новом здании повешена чугунная мемориальная доска в честь бургомистра Амстердама Витсена, давшего средства на строительство
1690-е, конец	— у кирхи, по-видимому, на средства Лефорта, построена колокольня, в честь чего внутри здания помещена эмблема Лефорта с соответствующей надписью
1699, 11/21.03 1737 и 1748	— в кирхе проходит прощание с Ф. Лефортом — благодаря тому, что кирха была кирпичной, она относительно благополучно пережила пожары этих годов
1812	— кирха сгорела; участок и ее обгоревшее здание проданы генерал-майору М.Я. Ламанкину
1820-е	— московская евангелическо-реформатская (кальвинистская) община арендовала зал в здании, принадлежавшем подпоручику Войкову, по адресу: Малый Трехсвятительский переулок, дом 3. По всей видимости, сюда же была перенесена из старой церкви

	мемориальная чугунная доска, посвященная Витсену
1834	— община выкупила дом со всеми придомовыми службами, оборудовав в нем молитвенный зал
1865	— дом перестроен архитектором Г. фон Ниссенном. Появился второй этаж, изменен фасад, со двора сделана большая пристройка с молельным залом на 800 мест; мемориальная доска помещена на почетное место за алтарем
1898	— установлен 38-регистровый орган фирмы «Ernst Rover»
1917, 23.04	— в этом же помещении состоялось открытие молитвенного дома евангельских христиан-баптистов
1920	— община распалась, реформатские богослужения прекратились
1928—1933	— церковь также пользовалась лютеранская община святого Михаила
1940	— здание предоставлено и для проведения молитвенных собраний Общине евангелистов седьмого дня
1993	— полные права на дом получила Московская община христиан-баптистов, здесь разместилась Центральная баптистская церковь.

Католический костел

1675, 25.08/4.09—28.10/7.11	— императорские послы Аннибал Франциск де Ботони и Яган Карл Терлингерен де Гусман запросили о разрешении построить костел в Немецкой слободе; получили отказ
1678, 15/25.05—26.06/6.07	— вопрос о строительстве костела обсуждался на переговорах с польским посольством во главе с кн. Михаилом Черторыйским; безрезультатно
1678, 12/22.07	— получено разрешение католикам ездить молиться в ближайшие костелы за границу
1684, 31.01/10.02	— кн. Василий Васильевич Голицын предложил Гордону подать прошение Их Величествам о свободе католического богослужения
1684, до 3/13.03	— группа католиков во главе с Гордоном подавала прошение о праве «призвать и держать пасторов и быть молитвенному дому»

1684, 31.05/10.06	— императорские послы бароны Иоганн Кристоф Жировский и Себастьян Блюмберг запросили о разрешении построить костел; получен уклончивый ответ с обещанием посоветоваться с патриархом Иоакимом
1684, до 10/20.06	— кн. Голицын дал устное обещание императорским послам Жировскому и Блюмбергу разрешить свободу богослужения и допустить в Москву католических священников
1684, 24.06/4.07	— при отъезде посольства в Москве как бы случайно и без официальных разрешений оставлен иезуит патер Шмидт
1685, 15/25.04—16/26.06	— в Москве находился императорский гонец Ян Игнатий Куртц, который в начале июня купил в Немецкой слободе на цесарские деньги дом для иезуитов, записав его на имя «торгового иноземца» Франциска Гваскони, давшего взаимнообразно необходимую сумму
1685, 12/22.05	— в Москву из Оломоуца приехал в качестве помощника Шмидта иезуит отец Альберт де Бойе
1685, 7/17.06	— в Троицын день освящена первая католическая церковь в Немецкой слободе под Москвой (первый деревянный храм во имя Пресвятой Троицы)
1685, 24.10/3.11	— умер де Бойе
1686, август	— на место де Бойе прибыл чешский иезуит Иржи Давид
1688, 22.08/1.09	— патер Шмидт покинул Москву
1689, 31.01 (н. ст.?)	— из Москвы высланы французские иезуиты Филипп Авриль и Антуан де Боволье
1689, 11/21.02	— иезуит Тобиаш Тихавский, прибывший на место патера Шмидта, представил в Посольский приказ рекомендательные грамоты от цесаря
1689, 1/11.06	— иезуиты дали экспертное заключение против Квирина Кульмана и Конрада Нордермана, которых сожгли 4/14 октября 1689 г., одновременно с изгнанием иезуитов из Москвы
1689, весна—лето	— с позволения князя Голицына иезуиты расширили (видимо, пристроили дополнительный сруб с востока) и отремонтировали церковь
1689, 30.09/10.10	— подготовлен указ о высылке иезуитов
1689, 2/12.10	— объявлен указ о высылке иезуитов

1689, 5/15.10	— иезуиты Давид и Тихавский покинули Немецкую слободу
1689, 18/28.12	— Патрик Гордон с другими католиками подал лично Петру I челобитную о пропуске в Москву католического священника любого закона для окормления паствы; безрезультатно
1690, 6/16.02	— просьба повторена; опять безрезультатно
1690, до 18/28.03—12/22.07	— в Москве, проездом из Астрахани, пребывал иезуит отец Конрад Терпеловский; задержаться ему не удалось; власти выпроводили его насильно
1690, 19/29.03	— Петр I сказал Гордону, «что он приказал, чтобы католики призвали себе священника, только не иезуита»
1691, 15/25.04—22.9/2.10	— в Москве находился цесарский посланник Я.-И. Куртц; сделал неудачную попытку представить дом и двор в качестве собственности императора; добился разрешения на присутствие в Москве двух «плебанов», или «светских священников»; при отъезде временно оставил доминиканца Людовика Коблиция
1692, до 23.07/2.08	— церковь еще раз расширена и украшена
1692, 18/28.11	— в Москву приехал пасынок Куртца, Антоний Плейер и с ним два римских священника, Франциск Ксаверий Лефлер и Павел Иосиф Ярош
1692, декабрь	— Коблиций покинул Москву
1693, весна	— работы по дополнительному украшению церкви
1694, февраль	— начали собираться деньги на построение каменной церкви
1694, 20/30.11	— Петр I дает Гордону устное согласие на строительство каменного церковного здания
1694/95, зима	— начинается негласная подготовка к строительству
1695, начало	— ксендзы пишут челобитную с просьбой разрешить построить каменный костел; ответ задержан из-за отъезда Петра под Азов
1695, с весны	— явочным порядком начаты работы по строительству склепа семейства Гордонов и обширной каменной часовни над ним с востока от существовавшей деревянной церкви
1695, июнь—август	— Посольский приказ проверяет работы и пытается их остановить

1695, 17/27.07	— Гордон запрашивает Петра I относительно своего места погребения в Москве; просит разрешить окончить работы и покрыть его крышей
1695, конец августа	— все работы остановлены, но уже построенная часовня сохранена, а собранное на земле покрытие («потолок») явно установлено на свое место
1698, 19/29.04	— в Москву с императорским посольством Христофора Игнатия де Гвариента и Ралля въехали два «светских приходских священника Оломуцкой епархии» (в действительности миссионеры-иезуиты, богемцы из Клементиума) преподобные о. Иоанн Франциск Эмилиан (Иоанн Милан) и о. Иоанн Бериула, а также итальянский священник из Вероны о. Иоанн Казагранде
1698, 21.06/1.07	— по решению и на деньги Гвариента начинается фундаментальная перестройка деревянной церкви
1698, 5–6/15–16.07	— цесарский посол Петр-Павел Пальма д'Артуа, архиепископ Анкирский из ордена кармелитов произвел в церкви первую официально зарегистрированную конфирмацию в Немецкой слободе
1698, середина сентября	— деревянная церковь уже перестроена, завершена ее внутренняя отделка
1698, 6/16 или 7/17.10	— покинули Москву Лефлер и Ярош
1699, 4–5/14–15.06	— прах миссионера Иоанна Казагранде захоронен у здания часовни с запада от нее, что положило начало будущему католическому кладбищу
1699, 7/17.012	— в деревянной церкви проходит прощание с Патриком Гордоном, его хоронят в крипте каменной часовни около церкви
1705, 4/15.011	— на рассвете сгорела деревянная церковь
1706, январь	— составлен план новой каменной церкви, завезен материал
1706, 24.04/5.05	— на месте каменной часовни начата постройка каменной церкви
1706, 31.07/10.08	— новая каменная церковь во имя Пресвятой Троицы окончена постройкой
1707, конец января	— завершалась ее внутренняя отделка
1707, конец апреля	— прах де Бойе перенесен с кладбища в крипту нового храма

1708	— для костела сделан новый орган
1709, 6/17.02	— в крипте церкви захоронен Константин Зелинский, архиепископ Львовский, умерший в Немецкой слободе, где он находился в качестве пленного
1709	— полностью завершена внутренняя отделка храма устройством железных перил с узорами перед алтарем
1715	— Москву покинул о. Иоанн Бериула
1719, 18/29.04	— указ о высылке из России иезуитов
1719, 19/30.04	— иезуиты в Немецкой слободе взяты под стражу; их бумаги изъяты и опечатаны; сами они вывезены в Можайск, а затем в Польшу; среди них был о. Франциск Эмилиан
1720, весна	— в храме в качестве священников утвердились четыре отца-капуцина
не ранее 1720	— храм получает имя св. Петра и Павла
не ранее 1775	— рядом с существовавшим зданием построен малый каменный «теплый» храм
1812, 2–6/14–18.09	— во время пожара Москвы сгорели оба храма; восстановлен лишь большой «холодный» храм
1835, 2/14.01	— церковный совет католической общины обратился к московскому генерал-губернатору кн. Д.В. Голицыну с просьбой разрешить построить еще одну церковь в одном из центральных районов Москвы
1838	— разрешено устроить новую церковь в Тверской или Мясницкой части с тем, чтобы старая была упразднена
1839, сентябрь	— в Милютинском переулке заложен новый каменный храм по проекту А. Жилярди
1845	— новый храм освящен во имя Святых Апостолов Петра и Павла
1870	— старый храм в Немецкой слободе продан на слом крестьянке Бекетовой
1870, август	— старый храм разобран почти до основания; в склепе обнаружены захоронения, в том числе Патрика Гордона; предполагалось перенести их на Введенское кладбище, однако сделано это не было
1877, июнь	— на Введенское кладбище перенесен прах полковника Гордона, чье захоронение обнаружено, скорее всего, на католическом кладбище у стен церкви

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2004 г. в сборнике «Петровское время в лицах — 2004» вышла статья И.Д. Гузевич и Д.Ю. Гузевича «Болезнь и смерть Франсуа Лефорта» [215]. За прошедшие восемь лет появилось много новой информации. В первую очередь это касается рецепта лекарства, которым пользовали Лефорта. Он сохранился в Государственном архиве Женевы, и благодаря любезности сотрудников архива мы получили его копию [5, п° 117 bis]. Ю.Е. Виноградова не только участвовала в расшифровке рецепта, но проанализировала его с современных позиций и дала новое заключение о методах, которые использовались при лечении Лефорта. Ее роль при подготовке настоящей версии статьи вышла далеко за границы историко-медицинской экспертизы, и Юлия Эйхеновна стала полноправным соавтором этой главы.

С другой стороны, старый хирург с полувековым стажем, Михаил Иванович Долгоруков, который уже оказывал помощь в подготовке статьи 2004 г., просмотрев после публикации окончательный текст, пришел к выводу, что в нем отсутствует историко-хирургическая экспертиза, уточняющая топику ранений. По нашей просьбе он дал отдельное заключение, где проанализировал все возможные типы повреждений, которые можно было получить при падении с лошади, и выявил те из них, что соответствуют «истории болезни»: корпусу цитат о болезни Лефорта из различных архивов (в первую очередь из его переписки).

Если в издании 2004 г. все три медицинские экспертизы были независимы друг от друга, то сейчас сложилась иная ситуация. В приложении воспроизведены две первые экспертизы без каких-либо изменений по отношению к публикации 2004 г.; заключение М.И. Долгорукова делалось на основании всего материала из первой публикации. Наконец, новое заключение Ю.Е. Виноградовой⁴⁴⁸ носит итоговый характер.

В эти же годы авторы статьи принимали участие в подготовке к публикации писем Лефорта, которую готовила РГАДА [332]. В ходе этой работы, как при работе над аналитической библиографией по Великому посольству [220] и при исследовании истории захоронения Лефорта, были выявлены дополнительные материалы.

Все они, сведенные вместе, позволили существенно расширить старую статью, дополнить описания событий, уточнить диагноз, а также внести некоторые исправления.

Дмитрий Гузевич
Ирина Гузевич
Юлия Виноградова

«МЫ НЕ ОТ СТАРОСТИ УМРЕМ — ОТ СТАРЫХ РАН УМРЕМ»

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ ФРАНСУА ЛЕФОРТА⁴⁴⁹

ВСТУПЛЕНИЕ

«Лефорт был человек забавной и роскошной или назвать дебошан французской. И непрестанно давал у себя в доме обеды, супе и балы. И тут же в (его) доме первое начало учинилось, что его царское величество начал с дамами иноземными обходиться <...>. Тут же в доме (Лефорта) началось дебошество, пьянство так великое, что невозможно описать, что по три дня запершись в том доме бывали пьяны, и что многим случалось от того умирать. <...> Помянутой же Лефорт <...> от пьянства скончался. <...> фавор к Лефарту продолжался, токмо был для одних вечеринок и пиров, а в делах оной Лефорт сил не имел и не мешался, и правления никакого не имел, токмо имел чин адмирала и генерала от инфантерии. И понеже был человек слабого ума и не капабль всех тех дел править по своим чинам, то все управляли другие вместо его. Помянутой Лефорт и денно и нощно был в забавах, супе, балы, банкеты, картежная игра, дебош с дамами, и питье непрестанное, оттого и умер во время своих лет под пятьдесят» [322, с.66, 76].

Эта чрезвычайно пристрастная характеристика, данная Лефарту Б. Куракиным, после своей публикации в 1890 г. навечно вошла в литературу. Сомнению она почти не подвергалась.⁴⁵⁰ Так как автор лично знал Лефорта, то текст сразу получил статус «свидетельства современника», хотя написаны эти строки были через четверть века после смерти первого российского адмирала. В результате, в историографии последний занял место как «забавной дебошан французской» (тогда уж надо было бы «швейцарской»), но серьезных дел за ним не признавалось.

Впрочем, К. Валишевскому для подобной оценки оказалось достаточно перевернуть информацию из дневника Корба, ибо записок Куракина, опубликованных за семь лет до появления его книги «Петр Великий» (1897), он, похоже, не знал.⁴⁵¹ По Валишевскому,

Лефорт был «удивительно законченный тип кутилы» [156, с.57; 157, с.85] — и только.

Еще один источник — словарь Георга фон Гельбига, впервые увидевший свет в 1809 г. на немецком языке и далее неоднократно переводившийся и переиздававшийся. О Лефоте: «он был человек распутный и тем, вероятно, ускорил свою смерть».⁴⁵²

Пришло время, и маятник качнулся в обратную сторону. Впереди шла швейцарская историография, опиравшаяся на полуагиографические тексты XVIII в. (в основном Бассвиля [11]) и приписывавшая Лефарту деяния, которых он в принципе совершить не мог, ибо умер до их начала.⁴⁵³ В 1990-х гг. волна докатилась и до России. К сожалению, реабилитация Лефорта слишком часто идет по линии не исследовательской, а агиографической⁴⁵⁴, нанося большой вред образу этого человека и пониманию его реальной роли в эволюции молодого Петра. Лефорт успел совершить достаточно много, чтобы войти в историю России без приписывания ему того, чего он не делал.

Одна идея Великого посольства, участие в его организации, роль Первого великого посла (отнюдь не столь формальная, как это представлено во многих работах⁴⁵⁵) поставили его в ряд лиц, оказавшихся у основ изменения геополитической карты Европы в начале XVIII в.⁴⁵⁶

Цель настоящего исследования довольно узка и конкретна: попытаться выяснить, от чего же умер Лефорт — от пьянства или от других причин. Материалов вполне хватает для воссоздания целостной картины, и они говорят, что Лефорт в последние годы жизни очень страдал от ран.

Мы собрали все, что удалось найти о состоянии здоровья Франсуа Лефорта в переписке семьи⁴⁵⁷, в свидетельствах современников, в текстах исторических исследований (*Приложение 1*), и представили нескольким экспертам в Петербурге и Москве с просьбой рассмотреть эти выписки в качестве истории болезни. Были получены три, а позднее еще два заключения (*Приложение 2*), разнящиеся в деталях и степени проработанности, но единые в окончательных выводах. Однако, все по порядку.

РАНЕНИЯ

Их было два.

Первое ранение — в день именин Лефорта (день св. Франциска), 4/14 октября 1694 г., при Кожуховских маневрах. Вот что пишет Франсуа Лефорт брату в Женеву: «В меня бросили горшок, начиненный более чем четырьмя фунтами порошу; попав мне прямо в плечо и в ухо, он причинил мне ожог, именно обожжена была

кожа на шее, правое ухо и волосы, и я более шести дней ходил слепым. Однако, хотя кожа на всем лице у меня была содрана, все же я достиг того, что мое знамя было водружено на равелине <...>. Я безусловно принужден был удалиться в тыл, чтобы перевязать мои раны <...>. Его величество принял в моем заключении большое участие, и ему было угодно ужинать у меня со всеми главными офицерами и князьями. Я угощал их, несмотря на то, что вся моя голова и лицо обвязаны были пластырями».⁴⁵⁸

На это ранение можно было бы и не обращать внимания, если бы не один пассаж у И. Голикова: «жестокую имел болезнь в голове и в боку, и от растворившихся старых ран своих» [190, с.169]. Источник информации о «болезни в голове» не оговаривается, однако автор — скрупулезный переписчик документов, не способный не только на какую-либо их критику, но и на фантазию, поэтому его сообщение представляется достоверным. Другой вопрос — происхождение этой «болезни в голове»: или в октябре 1694 г. был не только ожог, но и контузия, а то и более глубокие раны, открывшиеся уже незадолго до смерти, или головная боль — результат длительной интоксикации организма (о возможности которой в своем заключении говорит Ю. Виноградова), а в последнюю неделю и высокой температуры? Возможно и то, и другое. М.И. Долгоруков в своем заключении допускает, что в октябре 1694 г. Лефорт получил сотрясение мозга (*Приложение 3*).

Но даже если кожуховское ранение и контузия (?) были серьезными⁴⁵⁹, не они свели Лефорта в могилу, хотя и могли сыграть серьезную роль в общем развитии болезни. Главными оказались две раны, полученные при отступлении армии от Азова осенью 1695 г.: одна — на правом боку, около нижнего ребра, другая — на животе. Предоставим слово Лефорту (письмо от 6/16 декабря 1695 г. брату в Женеву): «Я же чувствую себя не совсем хорошо. Возвращаясь из степи, или пустыни, я упал и ударился правым боком о камень. Боль постепенно проходит».⁴⁶⁰

Когда это произошло? Отступление от Азова началось 2/12 октября 1695 г. На следующий день, 3/13 октября, корпус Лефорта погрузился на суда и двинулся вверх по Дону до Черкаска, куда прибыли вечером 5/15 октября и откуда двинулись дальше через степь 12/22 октября 1695 г. Переход был тяжелейшим: выжженные пространства, бескормица для лошадей, недостаток продовольствия для людей, дождь, снег, к ночи — морозы (значит, могли образовываться наледи, скользить и падать люди и лошади). Во время перехода погибло множество людей. Из 10 400 человек, которые вышли из-под Азова, до места дошли около 8 тыс. человек.⁴⁶¹ Сильные морозы ударили 31 октября, но уже на следующий день, 1/11 ноября 1695 г., войска подошли к г. Валуйки, от которого начинались

жилые места, и армию могли вести не генералы, а командиры более низких рангов. Поэтому 2 ноября войско покинул Петр, а 4-го — Гордон и, как справедливо предполагает М. Богословский, другие генералы (А. Головин и Ф. Лефорт). Через 18 дней, 22.11/2.12.1695, состоялось торжественное вступление армии в Москву.⁴⁶² И так, степной переход продолжался три недели, или 21 день, с 12/22 октября по 1/11 ноября 1695 г., а это значит, что Лефорт был ранен в середине или второй половине октября 1695 г.

ВЪЕЗД В МОСКВУ **30 сентября / 10 октября 1696 г.**

Вопреки распространенным утверждениям⁴⁶³, во время триумфального шествия по случаю взятия Азова Лефорт не шел пешком, а ехал, и не в карете или на колеснице, а в санях. Обращаем внимание на, казалось бы, мелкую неточность, которая в течение пары столетий циркулирует в литературе: Лефорт был настолько тяжело ранен, что не переносил колесных экипажей с их тряской и сам почти не мог ни двигаться, ни сидеть (письмо Пьера Лефорта от 21/31 декабря 1696 г., и, в качестве аналогии, более ранние письма Ф. Лефорта от 28 февраля / 9 марта 1696 г.: «мне мешает нарыв и я пишу на коленях») [332, н° 66, с.170—171]. В своих санях он, скорее всего, полулежал или возлежал.

Сказанное касалось не только проезда по Москве. Вот строчки из его письма сестрам от 25 сентября / 5 октября 1696 г.: «Водным путем я прибыл на расстояние 8 дней от Москвы, откуда должен был дальше ехать в санях» [332, с.198]. По этим данным Ю. Виноградова предполагает возможность «периодически обостряющегося ограниченного перитонита» как последствия абсцесса, а М. Долгоруков считает, что боли были из-за смещения концов сломанных ребер (*Приложение 3*).

В литературе встречается и «промежуточный вариант». Так, Н.И. Павленко утверждает, что Лефорт, избегая «тряски колесного экипажа, восседал в санях», ибо «страдал от незажившей раны ноги» [431, с. 56], то же у А.В. Шишова [604, с.112]. Однако информация о его ранении в ногу в документах отсутствует.

ЛЕЧЕНИЕ

О том, как лечили Лефорта с точки зрения хирургии, данных мало. Имеется, тем не менее, уникальный документ — рецепт лекарств, которыми его пользовали. Его проанализировала Виногра-

дова (*Приложение 3*), сделавшая вывод, что медикаментозная часть лечения была очень грамотной. Вряд ли можно было требовать чего-то большего от врачей в ту эпоху. Обратим внимание на факты, оставшиеся «за кадром» заключения Виноградовой.

За здоровьем Лефорта наблюдал персонал, которого хватило бы на целый госпиталь: «За мной ухаживают четыре врача и около тридцати хирургов <лекарей-цирюльников — Д.Г.>, пекущихся о моем выздоровлении» (25 сентября / 5 октября 1696 г., сестрам); «Доктора и хирурги делают все возможное. Объем раны очень велик и глубок. Они надеются, впрочем, восстановить мое здоровье» (в этот же день, матери); «Врачи и хирурги получают выговор, если они оставят меня без надзора; повсюду, куда я иду, за мной следуют и смотрят, чтобы я ничем не злоупотреблял из того, что вредно моему здоровью» (9/19 октября 1696 г., брату Ами).⁴⁶⁴

Имен этих лиц, за редким исключением, мы не знаем. Так, из письма Лефорта Петру от 15/25 сентября 1696 г. ясно, что лечил его старший Блюментрост (Блументрост). В конце марта 1698 г. Лефорт пишет царю в Англию, что при нем находился «лекарь Триандер для ради раны». Б. Голицын, сообщая Петру о смерти Лефорта, прибавляет: «лечил Субота да Еремеев».⁴⁶⁵

Что касается первого из названных врачей, то речь идет об уроженце Мюльгаузена архиатере Лаврентии Алферовиче Блюментросте (1619—окт. 1705), служившем в Московии с 1668 г.⁴⁶⁶

Обращают на себя внимание регулярные перевязки и использование пластырей с различными мазями, а также медикаментозное лечение: «Врачи и хирурги прикладывают мне пластыри днем и ночью. Кроме того я принимаю лекарства» (6/16 декабря 1695 г.); царь «лично несколько раз заставлял делать мне перевязку в его присутствии» (28 февраля / 9 марта 1696).⁴⁶⁷

Письмо Пьера Лефорта от 5/15 марта 1697 г. своему отцу Ами (старшему брату Франсуа Лефорта) наводит на мысль, что под «перевязкой» понималось более сложное действие — определенное хирургическое вмешательство, возможно, чистка раны: «Господу будет угодно, чтобы мы смогли его довести до Голландии или до иного места. Быть может, там можно будет найти людей, лучше делающих перевязки <...> мне кажется, что именно этого не хватает» [5, п° 116]. Как видим, племянник Лефорта был невысокого мнения об искусстве эскулапов, пользовавших его дядюшку.

Давались ли Лефорту какие-либо снадобья для приема внутрь помимо того, чей рецепт попал к нам в руки, мы не знаем. В документах они идут просто как «лекарства»: «по приказу <...> Франца Яковлевича Лефорта, куплены на дорогу в Цесарскую землю про него лекарства» (выписка из расходных книг от 24 марта 1698 г. по ст. ст.) [437, стб. 964].

Из письма Лефорта брату Ами от 9/19 октября 1696 г. можно заключить, что серьезное место в лечении занимали диета и ограничение излишеств, с неизбежностью возникавших при том образе жизни, который приходилось (когда по склонности, а когда и вынужденно) вести любимцу царя [332, п° 87, с.200—201].

Из писем родственников адмирала ясно, что в лечении была и «домашняя» составляющая. Так, Пьер Лефорт 5/15 марта 1697 г. благодарит отца за присланные целебные травы и пишет, что дядюшка применял их для лечения своих ран и чувствует себя лучше. Через два года, 3/13 февраля 1699 г., он просит прислать еще целебных трав, которыми они пользовали Ф. Лефорта («даем ему пить каждое утро») [5, п° 116, 175]. Судя по этому письму, Лефорта поили травяными отварами. 23 апреля / 3 марта 1697 г. брат Ами послал Франсуа Лефорту в Берлин, через который тот должен был проехать, рецепт для лечения ран, который сохранился [5, п° 117 bis].

Вопрос о воздействии в подобных случаях фитотерапии раскрывает Ю.Е. Виноградова: «Травы оказывают такое же действие, как и вино. Это противовоспалительные и антитоксические влияния, но ничего конкретного при локализованных ранах».

Еще вопрос: в последние дни жизни Лефорт «кровь пушали».⁴⁶⁸ Помогает ли это средство при жаре и лихорадке или перед нами бессмысленная, а то и вредная с медицинской точки зрения акция? — «В принципе, может помочь, но оценить эту конкретную акцию невозможно, так как мы не знаем исходного состояния и, естественно, анализа крови».

А как относиться к следующему сообщению Корба: «больной не имел ни отдыха, ни сна <...> и впал в бред. Наконец, музыканты, играя по приказанию врачей в его комнате, усыпили его приятными звуками инструментов» [308, с.130]? Что это: бред медиков? «Отнюдь нет, — ответила на наш запрос врач-невропатолог М.С. Гузевич, — не имея других средств для успокоения больного, они были не так уж неправы. Исследования последних лет показали, что музыка может положительно воздействовать на различные системы организма, вплоть до повышения иммунитета и устойчивости. Музыкотерапия становится одним из способов лечения. В случае с Лефортом мягкая музыка действовала успокаивающе и расслабляюще на нервную систему, как мягкий наркотик. Результаты говорят за себя — врачи смогли его успокоить и усыпить».

Итак, Лефорт получал достаточно квалифицированное по тому времени лечение.

ВЕСЕННИЕ ОСЛОЖНЕНИЯ

Состояние Лефорта регулярно ухудшалось весной, в марте, что логично: весенний авитаминоз и общая зимняя усталость организма к весне провоцируют все болезни. Так, весной 1696 г. он не смог вовремя выехать в Воронеж, где полным ходом шло строительство флота, и отправился лишь 31 марта / 10 апреля, когда ему стало несколько легче.

Весной 1697 г. Великое посольство во главе с Франсуа Лефортом собирается в путь. Его племянник Пьер Лефорт пишет 5/15 марта: «надеюсь, что наш отъезд состоится на этой неделе. Недомогание моего дядюшки явилось причиной задержки, поскольку мы уже давно должны были отправиться в путь» [5, п° 116]. М. Богословский, возражая С. Соловьеву, связывавшему задержку с делом Цыклера, писал, что «отъезд посольства не был задержан следствием: он состоялся именно в те числа, как это и предполагалось. Еще в письме к родным от 11 декабря 1696 г. Лефорт указывал на срок отъезда около 15 марта» [139, с.7; 140, с.7]. Но вот письмо Пьера Лефорта от 22 января / 1 февраля 1697 г.: «Я думаю, что до конца будущего месяца мы выедем отсюда в Вену» [5, п° 114; 113, с.124]. Судя по всему, интенсивность сборов позволила приблизить дату отъезда, но состояние Лефорта, возможно, вкупе с делом Цыклера, отодвинули дату к первоначальной. О письмах племянника Богословский, скорее всего, не знал, но странно, что он не обратил внимания на донесение купца Я. Любса из Риги от 2/12 марта 1697 г., опубликованное еще Устряловым: «Меня самого спрашивал майор Врангель: когда вас ожидать <...>. Я отвечал, что время похода неизвестно, за болезнью главного посла» [561, с.19]. То есть Любс, покинувший Москву между 15 и 20 февраля (ст. ст.) 1697 г. [610, с.78], знал, что отъезд задерживается из-за болезни Лефорта⁴⁶⁹, путешествие которого в таком состоянии можно расценить лишь как подвиг любви и преданности своему повелителю.

Весна 1698 г. прошла более спокойно, что связано с общим улучшением здоровья Лефорта во время посольства, а может, и с лучшей медицинской помощью в Голландии, надежды на которую высказывал Пьер Лефорт. Заметим, что в это время Лефорт принимал лекарства, рецепты которых приведены в *Приложении 2*. Думаю, это сыграло свою роль во временном улучшении и стабилизации его состояния. Есть еще один фактор: эту зиму Лефорт, уроженец Женевы, провел не в Московии, а в стране с более мягким климатом, что, возможно, продлило ему жизнь.

Ну, и наконец, ухудшение марта 1699 г. оказалось для Лефорта роковым и свело его в могилу.

Эта цепочка фактов подтверждает главный тезис: Лефорт был тяжело ранен, все эти годы мучительно боролся с попавшей в раны инфекцией, и малейшее, в том числе сезонное, ослабление организма приводило к критическим состояниям.⁴⁷⁰ А пьянство, которое Куракин приводит как причину смерти, здесь ни при чем (см. медицинские заключения в *Приложении 3*). Более того, в тот год, когда Лефорт чувствовал себя лучше, он и пил больше. Есть ли здесь причинно-следственная связь? Попробуем разобраться.

ЛЕФОРТ И ВИНО

Мы не собираемся оспаривать тезис, что Лефорт любил выпить и выпить мог много, однако при этом не напивался, чем сильно удивлял иностранцев. Впрочем, надо хорошо представлять этого профессионального вояку, настоящего ландскнехта, с 14-летнего возраста прошедшего три армии Европы, обладавшего отменным здоровьем и аппетитом, гиганта, ростом почти с Петра, но шире его в плечах, чтобы понять: соревноваться с ним за столом было занятием бесперспективным. Одна масса тела Лефорта позволяла ему принять без видимых последствий такое количество алкоголя, как-то для другого могло оказаться смертельным.⁴⁷¹

Но вот текст самого Лефорта: «Врачи и хирурги <...> повсюду, куда я иду, за мной следуют и смотрят, чтобы я ничем не злоупотреблял из того, что вредно моему здоровью. Уже год как я веду умеренную жизнь и вино мне запрещено. Я вооружаюсь терпением. Иногда, несмотря на все, я выпиваю стаканчик для утоления моих болей, если это возможно» (9/19 октября 1696 г.).⁴⁷²

У нас нет оснований не доверять этому свидетельству, тем более что оно дано в частном письме. Об обезболивающем действии вина есть разъяснения в заключениях Ю. Виноградовой и М.С. Гузевич. Получается, что действия Лефорта совершенно естественны. Если же учесть, что в течение этого года он постоянно был вынужден давать балы и обеды, о чем неоднократно сам писал, приходится признать, что устройство праздников и потребление им алкоголя с осени 1695 по весну 1697 г. не имели прямой связи: балы устраивал, но пил очень мало.

Ситуация кардинально меняется во время Великого посольства (с весны 1697 г. по лето 1698 г.), когда Лефорт опять много пил, как то следует из свидетельств встречавшихся с ним иностранцев.

Запись барона Бломберга не позже августа 1698 г. (о Лефорте, каким он его видел в апреле 1697 г. в Митаве): «это настоящий швейцарец по честности и храбрости и особенно по умению выпить. Однако он никогда не дает вину одолеть себя и всегда сохраняет обладание рассудком».⁴⁷³

Из донесения венецианского агента 31 мая 1697 г. (н. ст.) из Кенигсберга: «я с г. Лефортом, который несмотря на много фистул и ран на теле ненасытен, должен был пить столько вина, табаку и водки, что на следующий день не мог провожать их в экипажи».⁴⁷⁴

Из доклада канцлера фон Крейзена о праздновании царских именин 29 июня / 9 июля 1697 г. в Пилау: «Меж тем поданы были два больших серебряных сосуда и заздравные стаканы, из которых серебряный кубок, вмещавший в себе штоф⁴⁷⁵ вина, был выпит зараз г. Лефортом».⁴⁷⁶

Однако во время путешествия из писем почти исчезает информация и о состоянии ран, что говорит об улучшении его здоровья (из-за общего нервного возбуждения и надежды на встречу с матерью? мягкого европейского климата? более искусных врачей? использования хорошего лекарства?), а значит и о либерализации режима.

Допускаем, что улучшению состояния могла способствовать и «вино-терапия», если, конечно, напитки имели лечебные свойства и были соответствующего качества. Один из ключевых вопросов в этой ситуации: что пил Лефорт? В окружении Петра пили всё: и пиво, и виноградное вино, и очищенные водки, и простое «хлебное вино» с полугаром на его основе, то бишь сивуху, о которой с ужасом писали иностранцы.⁴⁷⁷ Но похоже, сам Лефорт употреблял виноградные вина высокого качества («марочные», как сказали бы сегодня) — он мог себе это позволить. Вот свидетельства:

Из донесения венецианского агента 31 мая (н. ст.) 1697 г.: «Пьют, по большей части, франконское⁴⁷⁸ вино (*vino di Franconia*); рейнского⁴⁷⁹ не ценят, привыкнув к первому в их стране». И далее о событиях 20/30 мая: «Генерал-кригс-комиссар спросил для Лефорта две бутылки вина *St-Laurent*, тот выпил их с царем; так как это ему понравилось, спросил его снова, но его не нашлось».⁴⁸⁰

Из расходных книг посольства: «Генваря в 1 д. <...> за ренское и иные питья, которые покупаны про обиход первого великого и полномочного посла <...> Генваря в 15 д. <...> за ренское ж и иные красные питья прошлых чисел сентября 29-го, да октября 26-го и 28-го, да ноября 4-го <...> Февраля в 17 д. <...> за ренское и иные питья <...>».⁴⁸¹

Богословский: «28 декабря было заплачено по счетам трех виноторговцев, “винкоперов”, за рейнское, купленное для Лефорта, 71 ефимок 15 алтын 4 деньги».⁴⁸²

Лефорт из Амстердама Петру в Англию⁴⁸³: «А если у вас добре сегку <secchou>, изволишь ка мне послать: питье здешне не

очень добре» (20/30 января 1698 г.); «у нас <так!> нету лакрима-кристи <*Lacrima Christi*> и Англески бутель сек <sech> нету. <...> пужалесту, прешли пития доброй» (27 января / 6 февраля 1698 г.); «Недостает <...> хорошаго вина, лакрима-кристи, или доброго секу. Прошу Господина что нибудь прислать» (27 января / 6 февраля 1698 г.); «Пужалест, не забувать купить <...> секу добро али лакрима-кристи: воистене, доброй питья здесь нету» (8/18 февраля 1698 г.); «<...> не забевати про наша пити <...> кодь питья здешнее не добро» (25 марта / 4 апреля 1698 г.).

Что из приведенных текстов следует? А то, что Лефорт пьет только высококачественный алкоголь, причем сухие вина, а не крепкие напитки. Его совершенно не устраивают столовые ординарные вина, которые можно достать в Голландии, и он запрашивает марочные из других стран. Поясним.

Рейнские вина, которые Лефорт закупал к столу в Голландии, в своей массе считались «лучшими столовыми винами» [495], но, заметим — столовыми, хотя среди них было и много высокомарочных сортов.⁴⁸⁴ Однако те «ренские вина», что можно было купить в Амстердаме в конце XVII в., по-видимому, не стояли на достаточном высоком уровне.

Что за «красные питья» закупались к столу, нам неизвестно, но учитывая отсутствие названий и недовольство Лефорта ими, как и «ренскими» винами, они не отличались высоким качеством и относились, скорее всего, к ординарным столовым красным винам.

Sec или *vin sec* — это по-французски с XII в. означает сухое вино⁴⁸⁵, ну а сочетание «добрый сек» вряд ли требует расшифровки.

Lacrima Christi — дорогие марочные вина из района Неаполя; в основном из белых сортов винограда «Gresco» и «Fiano», выращенных на вулканических почвах склонов Везувия.

Каково было происхождение понравившегося Лефорту вина под названием «*St-Laurent*», сказать сложно, но известен сорт винограда *Saint-Laurent*, дающий красное вино густого цвета и хорошего аромата. Ныне это имя можно найти на этикетках ряда австрийских вин.

Марочные вина отличаются от столовых не только вкусовыми качествами, но и богатством состава. В целом же виноградные сухие вина, помимо комплекса витаминов, минералов и ферментов, содержат вещества, обладающие антибиотической активностью и бактерицидными свойствами. Причем красные вина, которые богаче экстрактивными и дубильными веществами, с медицинской точки зрения превосходят белые. Лефорт, похоже, пил и те, и другие. Два указания на красные вина («красные питья» и «*St-Laurent*») мы привели выше. Прямых указаний на белые не имеется, однако они преобладают в трех перечисленных группах вин (двух герман-

ских и одной итальянской), хотя имеются и красные, а также розовые сорта.

Благодаря своим свойствам виноградные вина (особенно красные) рекомендуются при постинфекционном истощении и в послеоперационный период (*Приложение 3*). Но последние годы жизни для Лефорта, ежедневно подвергавшегося перевязкам и регулярно хирургическим вмешательствам, можно рассматривать как сплошной «послеоперационный период». И вот заключение: «Употребление вина Лефортом скорее всего способствовало его поддержанию в течение этих лет и борьбе с инфекцией и истощением, ведь с такими ранами он мог умереть значительно раньше» (Виноградова). На первый взгляд неожиданный, но вполне оправданный поворот.

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР ПЕРЕД ФИНАЛОМ

Этому вечеру, 22 февраля / 4 марта 1699 г., историки уже полтора столетия уделяют особое внимание, но в нем по-прежнему много неясного. Однако даже то, что известно, вместе не сводилось. Точнее, есть два информационных блока — назовем один «общим», а другой — «историко-театральным».

Первый восходит к запискам Корба, процитированным в приложении.

В исторической литературе лучшие описания событий дали Н. Устрялов и М. Богословский.⁴⁸⁶

Устрялов о посланниках: датском — Гейнсе и бранденбургском — фон Принцене: «Царь охотно позволил им посмотреть свои корабли. Они отправились в Воронеж через три дня после него и в день отъезда провели у Лефорта прощальный вечер. Радужный хозяин так их угостил, что им стало жарко в его палатах; обманчивая теплота ясного февральского вечера выманила пирующих на чистый воздух; долго пировали они под открытым небом и, погуляв вдоволь, наконец распростились. Гости благополучно добрались до Воронежа, а хозяин на другой день почувствовал сильный озноб и слег в постель».⁴⁸⁷

Богословский, отчасти повторяя предшественника: «<...> начало православного поста не помешало Лефорту 22 февраля в среду на первой неделе устроить у себя угощение датскому и бранденбургскому послам, отправлявшимся с этого угощения прямо в Воронеж к Петру. Погода была так хороша, вечер такой теплый, что пиршество происходило под открытым небом. «Послы датский и бранденбургский, — пишет Корб, — много пили с генералом Лефортом под открытым небом, пользуясь приятным вечером, и прямо из его дома отправились в Воронеж».⁴⁸⁸ Это приятное времяпрепровождение

под открытым небом в конце февраля не прошло для Лефорта даром; он сильно простудился, и на другой же день у него началась лихорадка».⁴⁸⁹

Н.А. Домашнева: «Во время празднества Лефорт простудился и 2 марта умер» [236, с.5].

Джанни Пуччо: «Смерть Лефорта была такой же странной, как и его жизнь. Рассказывают, что однажды в морозный зимний вечер он раздетым выбежал во двор, чтобы показать гостям свое имение. Тяжелое воспаление легких свело его в могилу всего за неделю» [488, с.51].

Удачное в художественном, но недостоверное в историческом плане описание этого вечера дал Алексей Толстой: «Лефорт пировал у себя во дворце с посланниками — датским и бранденбургским <...>. В зальце было душно. Лефорт велел мажордому раскрыть оба окна и с удовольствием втягивал ноздрями талый, холодный воздух. До вечерней зари он осушал чаши за великие прожекты. Вечером поехал к польскому послу и там танцевал и пил до утра».⁴⁹⁰ Кутеж у польского посла оставим на совести знаменитого советского писателя, по роману которого мы все учили историю Петра, тем более что Лефорт в этот вечер был занят совсем другими делами.

Предельно развязное описание с откровенной подтасовкой фактов дал К. Валишевский: «В 1699 году, сильно напившись, он решил устроить пирушку на свежем воздухе. Был февраль месяц. Эта безумная выходка стоила ему жизни; он весело простился с пастором, принесшим ему последнее утешение, потребовал вина и музыкантов, и под звуки оркестра тихо испустил дух» (в другом переводе: «<...> когда пришел пастор с последним напутствием, он выпроводил его, спрашивая еще вина и музыкантов») [156, с.57; 157, с.85]. Как видим, о ранах — ни слова; бред умирающего, находящегося в жару, представлен сознательными действиями кутилы. Даже музыканты, которых привели врачи, пытаясь (и с успехом!) усыпить возбужденного больного, для Валишевского — элемент все того же кутежа на краю могилы.

Всех переплонул модный ныне А. Буровский, на полном серьезе рассказывающий, что «Лефорт пил вино, пока не началась агония. Присутствовали при ней многие люди, потому что Франц Лефорт не велел никому переставать играть и плясать, пока он жив. И многие видели, как труп Лефорта с зеленым оскаленным лицом сорвался с кровати, стал выписывать танцевальные па, воздел руки... И в тот же миг, когда соскочил, заплясал труп, раздался дикий свист, многоголосое уханье с чердака и из-под пола дворца Лефорта. Этим свидетельствам можно верить или не верить, но видели-то многие <...>» [151, с.57]. Подобная мистика в принципе не поддается критике, тем более что автор забывает о ссылках и скромно

обходит имена тех «многих», которые видели. В действительности перед нами фантастически препарированная запись Корба от 12 марта 1699 г. (н. ст.), сделанная со слов жены Лефорта, и сам Корб не настаивает на достоверности информации (*Приложение 1*).

В связи с утверждением, что Лефорт «сильно простудился», обратим внимание на описание его последних дней: речь идет о жаре, лихорадке, бреде; но никто не говорит о кашле или затрудненном дыхании, что могло бы указывать на воспаление легких, и даже просто о простуде, начиная с насморка; нет известий, что рядом кто-то заразился — значит нет оснований подозревать и какую-то инфекцию гриппозного характера. Температура поднялась мгновенно и, похоже, без видимых причин. Мы имеем дело с заболеванием явно другого характера.

Обратимся к историко-театральной литературе, в рамках которой особое внимание было уделено не дневнику Корба, а письмам и донесениям иезуитов [465].

В 1933 г. появилась статья Г. Замятина [253]. Изучая историю театра в России, он впервые обратил внимание на один из документов [465, с.181], который почему-то датировал 1699 г. Замятин писал: «свидетельством об оживлении представлений в Москве является донесение иезуитов за 1699 г. В нем читаем: “Господин генерал Лефорт, после того, как представил русским вельможам вызвавшую их похвалы смешную комедию в насмешку над римским духовенством, вскоре слег, заболел сильной горячкой и на осьмой день после представления этой комедии, в день канонизации святых Игнатия и Ксаверия, умер” <...>. В этом донесении многое неясно. Папа Урбан VIII причислил к лику святых римской церкви Игнатия Лойолу и рекомендовал верующим почитать Франциска Яссо де Ксавье 6 августа 1623 г. <...>. Выходит, что Лефорт умер 6 августа 1699 г., между тем точно известно, что Лефорт заболел горячкой 23 февраля, а умер 2 марта 1699 г. в два часа утра <...>. Неясно, что за комедия была представлена, кем и где? Но мы допускаем, что комедия была представлена в доме Лефорта в Немецкой слободе» [253, с.772].

В 1978 г. вышла книга А. Морова, в которой автор указывал, что «под спектакли немецкой труппы <... Кунста> отдан был бывший дом генерала Лефорта. Благо и раньше иноземцы-любители представляли здесь комедию “в насмешку над римским духовенством”» [380, с.30]. Хотя никаких ссылок нет, но речь явно идет о том же самом таинственном спектакле.

В 1982 г. был опубликован (посмертно) фундаментальный труд М.П. Алексеева, где автор подробно останавливается на проблеме этого спектакля. Он частично цитирует, частично пересказывает Замятина и, как следует из контекста, соглашается с его выводами, не давая никакой критики. Кроме того, Алексеев высказывает

и обосновывает гипотезу, согласно которой спектакль организовал английский «поэт-лауреат» из окружения драматурга Ванбру, нанятый в ходе Великого посольства [95, с.67–74].

Других материалов на эту тему в российской историографии нам не встречалось. А ведь даже то, что опубликовано, позволяет продвинуться далеко вперед.

Рекомендации папы Урбана VIII — рекомендациями, но по католическому календарю день св. Игнатия Лойолы (Saint Ignace de Loyola, 1491–1556) приходится не на 6 августа, а на 31 июля. Второй персонаж — Франсуа Ксавье (Saint François Xavier, он же François de Jassu, 1506–52), друг и ученик Лойолы, один из первых членов ордена иезуитов. Его день приходится на 3 декабря. Таким образом, ни один из этих праздников с днем смерти Лефорта не увязывается.

Вернемся к работе Замятина. Не придираясь к тому, что первая дата в его тексте указана по новому стилю, а другие — по старому, обратим внимание на ошибку автора, которая меняет всю картину: он видел не донесение за 1699 г., а ретроспективный отчет за 1698–1709 гг., написанный в 1709 г., через 10 лет после событий. Мы вынуждены также констатировать, что в работе, на которую ссылался Замятин, а вслед за ним Алексеев, об интересующем нас спектакле говорится еще трижды — один раз на русском языке и два раза — на латинском [465, с. 18, 225, 357].

Вот выдержка из письма отца Франциска Эмилиана от 13/23 июня 1699 г.: «<...> самая большая опасность <...> была в то время, когда сюда возвратился с царем господин Лефорт, и я думаю, что при нем мы едва ли могли бы скрываться более двух лет, потому что, не знаю, на основании каких добытых за границей слухов, он возымел сильное подозрение насчет нас, и я узнал о некоторых его речах, переданных мне частным образом <...>. Но против крайнего зла и Бог употребил крайнее средство, а именно, смерть, которая и постигла Лефорта здесь в праздник канонизации св. Отцов наших Игнатия и Ксаверия» [465, с.18, 224–225].

Обратим внимание на дату письма: оно написано в июне 1699 г., через 3 месяца и 11 дней после смерти Лефорта, почти по свежим следам. Ни о каком августе, как недоуменно считал Замятин, и речи быть не может — до августа еще просто не дожили. Вчитаемся в оба сообщения — и 1699-го, и 1709-го г.: речь идет не о праздновании дней святых Игнатия и Ксаверия, а о праздновании дня, в который было принято решение об их канонизации, — совсем другая дата, по обычному католическому календарю не отмечаемая, но важная для ордена.

За разъяснениями мы обратились по соответствующим адресам — в католическую церковь и в орден иезуитов. Вопрос и для них оказался не столь простым, как казалось на первый взгляд.

В первом случае нам оказал содействие католический священник при парижской Политехнической школе о. Патрик Ланг (aumônier Patrick Langue). О. Ланг, в свою очередь, обратился к историку ордена иезуитов, о. Адриену Демутье (père Adrien Demoustier). Последний в январе 2004 г. любезно сообщил, что указанный праздник действительно ранее существовал и приходился на 12 марта (н. ст.).⁴⁹¹

Другой ответ дал известный испанский историк науки, член ордена иезуитов, Мануэль Донсель (Manuel G. Doncel): «Я не мог провести серьезное исследование по вашему вопросу, но с помощью собрата — историка Церкви <...> я могу подтвердить один важный факт: Святой Игнатий и Святой Франсуа Ксавье были канонизированы Папой Григорием XV⁴⁹² 12 марта 1622 г. (конечно, по григорианскому календарю, установленному Папой Григорием XIII на основании исследований иезуита Клавиуса (Clavius) в 1582 г.; это то, что вы называете с уточнением как 2/12 марта). Представляю, что это был большой праздник для иезуитов, поскольку речь идет о первой канонизации братьев их ордена — его основателя и великого миссионера Востока. Сейчас мы не празднуем эту дату, но я могу хорошо представить, что она отмечалась весь XVII век. И я думаю, что в ваших текстах упоминается именно этот праздник» [27].

Итак, ответы обоих историков, французского и испанского, совпали⁴⁹³, как совпали и даты в отношении Лефорта, что резко повышает достоверность записи о. Франциска Эмилиана. Согласно последней, Лефорт умер 12 марта 1699 г. на «на осьмой день после представления этой комедии» («octavo post habitam comoediam») [465, с.181, 357]. Но восьмой день, отсчитываемый назад от 2/12 марта 1699 г., падает на 22 февраля / 4 марта 1699 г., а значит, первый в петровскую эпоху спектакль в Москве давался в тот самый вечер, когда происходили проводы датского и бранденбургского посланников в Воронеж.⁴⁹⁴

Как видим, описания и Корба, и отца-иезуита фрагментарны. Причина простая: оба они — католики, и потому не были приглашены на этот вечер, носивший открыто антикатолический характер. Главные лица на этом празднестве принадлежали протестантским и православной церквям. Значит, оба автора не являлись очевидцами и писали с чужих слов. Но в таком случае и посещение той же ночью польского посла-католика, выдуманное Алексеем Толстым, психологически не оправдывается: уж слишком большим цинизмом должен был обладать Лефорт, человек, к религии отнюдь не равнодушный.

Общая картина вечера меняется: не попойка в саду, а спектакль в домашнем импровизированном театре, после которого — угоще-

ние с вином. Возможная духота нагретых помещений вполне могла привести гостей с бокалами в руках в сад. Впрочем, чтобы уже болеющего человека прохватил легкий сквозняк, вполне достаточно раскрыть окна...

ДАТА И ВРЕМЯ СМЕРТИ

Хотя этот вопрос решен однозначно с точностью до часа и не вызывал вопросов уже у Н. Устрялова, в литературе встречаются (а в последнее время стали множиться) неверные данные. Одни авторы утверждают, что Лефорт умер 1 марта⁴⁹⁵, другие — 11 марта [40], третьи относят это событие к 2 часам дня 2 марта [604, с.145]. Есть и совсем любопытные варианты: 12 марта по н. ст. или 1 марта по старому [190, с.169] (в действительности, на XVII в. разница между стилями равнялась 10 дням); 12 по старому или 22 по новому [159, с.94] (здесь уже автор создал «суперновый стиль»: принял новый стиль за старый и добавил к нему еще 10 дней). Ну, а утверждения, что Лефорт умер 15 марта и 12 апреля⁴⁹⁶ смахивают на простые описки. Особняком стоит попытка продлить ему жизнь на 6 лет, до 1705 г. [147, с.43].

Впрочем, встретился совсем любопытный вариант: верный формально, но нереальный исторически: «Пьер <Лефорт> подходит, вопросительно смотрит на царя. Тот кричит: — Он умер! Это вернейший друг! Умер двенадцатого марта...» [475, с.210]. Ну не мог Петр I, находясь в состоянии аффекта, то есть непроизвольно, отсчитывать дни по григорианскому календарю! Художественное произведение должно быть достоверно психологически.

Основные ошибки вызваны разночтениями в свидетельствах о смерти (*Приложение 1*, 1699). Но эти разночтения мнимые, и проблема решается на уровне элементарной критики источников. Впрочем, такую задачу исследователь еще должен перед собой поставить. Дело в том, что авторы свидетельств, к которым восходят все работы, принадлежали разным культурам, верованиям и народам. В результате одни, как Корб, датируют событие по григорианскому календарю, другие — по юлианскому; одни пользуются европейской системой измерения времени, другие, как Б. Голицын и Ф. Головин, русским «часомерием» (от захода солнца, когда ночь длится до следующего восхода и соответственным образом отсчитываются сутки).⁴⁹⁷ При этом Голицын указывает часы, прошедшие от захода солнца, а Головин отсчитывает время, оставшееся до его восхода. Все эти ситуации оговорены в примечаниях к соответствующим свидетельствам в *Приложении 1*.

А на каком году жизни умер Лефорт? Есть сторонники того, что на 40-м, 43-м, 45-м, 46-м, а также того, что он умер в 42 или 44 года, в 45 или 46 лет, т.е. на 43-м, 45-м, 46-м или 47-м году, соответственно, не считая Куракина, полагавшего, что «лет под пятьдесят». ⁴⁹⁸

В действительности Франсуа Лефорт умер в своем дворце в Немецкой слободе 2/12 марта 1699 года между двумя и тремя часами ночи на 44-м году жизни (т.е. в 43 года) от хронического сепсиса или хронической септикопиемии, а также ДВС-синдрома ⁴⁹⁹, развившегося на фоне длительно существовавших абсцессов (нагноившихся флегмон) в области ран верхней правой части живота и приведших к полиорганной недостаточности и, возможно, миелодному поражению почек, конечным результатом чего явился инфекционно-токсический шок. ⁵⁰⁰

ХРОНИКА БОЛЕЗНИ

1694

В. Корсакова о Лефорте на Кожуховских учениях 5/15 октября: «В то время как он шел впереди войска, осажденные бросили в него горшок с четырьмя фунтами пороха, который, попав ему в правое плечо и в ухо, произвел сильный ожог. Не обращая внимания на то, что кожа на лице висела клочьями, Лефорт водрузил знамя на одном из равелинов <...> вследствие обжога <Так!> он несколько дней был слеп, а лицо и голова его были облеплены пластырем» [335, с.355].

Лефорт брату Ами в Женеву 2/12 ноября: «В меня бросили горшок, начиненный более чем четырьмя фунтами пороху; попав мне прямо в плечо и в ухо, он причинил мне ожог, именно обожжена была кожа на шее, правое ухо и волосы, и я более шести дней ходил слепым. Однако, хотя кожа на всем лице у меня была содрана, все же я достиг того, что мое знамя было водружено на равелине <...>. Я безусловно принужден был удалиться в тыл, чтобы перевязать мои раны <...>. Его величество принял в моем злключении большое участие, и ему было угодно ужинать у меня со всеми главными офицерами и князьями. Я угощал их, несмотря на то, что вся моя голова и лицо обвязаны были пластырями». ⁵⁰¹

«В 1694 г. <...> во время маневров, известных под названием Кожуховского похода, был ранен гранатой, но вскоре вылечился» [338, с.349].

1695

Письмо Ф. Лефорта от 6/16 декабря к брату Ами в Женеву: «Я же чувствую себя не совсем хорошо. Возвращаясь из степи, или пустыни, я упал и ударился правым боком о камень. Боль постепенно проходит. Но это не помешало тому, что в прошлый вторник Его Царское Величество Петр Алексеевич оказал мне честь и обедал у меня со всей знатью <...>. Дражайший брат, прошу Вас извинить меня — я не в состоянии написать другим из-за опухоли в правой стороне желудка. Врачи и хирурги прикладывают мне пластыри днем и ночью. Кроме того я принимаю лекарства». ⁵⁰²

Другая публикация выдержек того же письма: «В прошлый вторник (3 декабря <1695>) его царское величество Петр Алексеевич удостоил обедать у меня со всеми боярами <...> И все это, несмотря на мое нездоровье, причиненное мне падением на возвратном походе через степь» [335, с.357].

1696

Из писем Франца Лефорта:

28 февраля / 10 марта, брату Ами: «Я хотел бы, чтобы здоровье мое поправилось, тогда я смог бы исполнить вашу просьбу. Но ввиду того, что мне мешает нарыв и я пишу на коленях, простите меня, если я не напишу вам много. Я извиняю себя только тем, что признаюсь вам, с момента моего возвращения из-под Азова я все время чувствовал себя плохо и страдал от сильных болей. Слава Богу, что нарыв прорвался наружу; в течение пятнадцати дней я надеюсь выздороветь и поехать в Азов <...>. Моя болезнь очень огорчает Его Царское Величество, и он лично несколько раз заставлял делать мне перевязку в его присутствии. Ввиду того, что отверстие большое, гноя выходит много. Нарыв только недавно созрел».⁵⁰³

28 февраля / 10 марта, брату Исааку: «Извините за почерк. Я лежу в кровати, не могу писать на столе из-за моего нарыва на правой стороне <...>. Его величество <...> уже отправился в Воронеж, город на Дону, для устройства галер, пока я не поправлюсь».⁵⁰⁴

12/22 апреля, Петру I: «<...> доехал до Ельца сего апреля 12 числа с великою трудностью. С Москвы до Тулы не была мне такая трудная дорога, что с Тулы до Ельца, самая худая и беспокойная, ни в санях, ни в каляске, не дала мне лечь, все сидючи ехал и то с кочки на кочку. Здезь на Ельце приму лекарство: вельми у меня спину ломит и великую муку себе имею от великова седения».⁵⁰⁵

15/25 сентября, Петру I: «Саводне доктори будет ка мне обеде. Славе Бог, сто я гарассена луче стал. Спасибо старой Бломтротс, и длн и ноче он мне служит. А лекарс давольно примаю» (расшифровка Устрялова русского текста Лефорта, написанного на латинице; версия, подвергнувшаяся литературной обработке: «Благодарение Богу, я чувствую себя гораздо лучше. Благодарность старику Блумтротсту: он лечит меня день и ночь»)⁵⁰⁶.

25 сентября / 5 октября, сестрам: «Водным путем я прибыл на расстояние 8 дней от Москвы, откуда должен был дальше ехать в санях <...>. Ведется большая подготовка для въезда, который должен состояться через несколько дней, возводят триумфальные

ворота <...>. Я поведу сухопутные и морские войска, несмотря на то, что я не совсем хорошо себя чувствую. За мной ухаживают четыре врача и около тридцати хирургов, пекущихся о моем выздоровлении. Дай Бог им успеха. Что касается меня, то я до невозможности страдаю <...>. Надеюсь, что, по Божьей воле, я немного поправлюсь, чтобы самому ехать в Женеву».⁵⁰⁷

25 сентября / 5 октября, матери, Франциске: «Я очень страдал во время кампании, но радость что все так хорошо удалось заставляет меня забыть все прошлые боли и не думать о настоящих. Доктора и хирурги делают все возможное. Отверстие <раны> очень большое и глубокое. Они надеются через какое-то время меня вылечить <...>».⁵⁰⁸

9/19 октября, брату Ами: «Надеюсь, что вы получили последнее письмо, которое я послал г-ну бургомистру Витсену для передачи вам; в нем я описал свою поездку и состояние моего здоровья. С этого времени я чувствую себя немного лучше и, с Божьей помощью, господа врачи и хирурги надеются меня вылечить <...>. Так как я не мог перенести ни кареты, ни коляски, то проехал город, в котором мне не было необходимости останавливаться, не слезая, в санях, запряженных шестью лошадьми <...>. Хотелось бы быть в лучшем здоровье, тогда и дела были бы лучше <...>. Не поверите, если я вам скажу, насколько царь огорчен моей болезнью <...>. Врачи и хирурги получают выговор, если они оставят меня без надзора; повсюду, куда я иду, за мной следуют и смотрят, чтобы я ничем не злоупотреблял из того, что вредно моему здоровью. Уже год как я веду умеренную жизнь и вино мне запрещено. Я вооружаюсь терпением. Иногда, несмотря на все, я выпиваю стаканчик для утешения моих болей, если это возможно».⁵⁰⁹

11/21 декабря: «Что касается моей раны, то она все сочится. Но я не страдаю от сильных болей как прежде».⁵¹⁰

Из писем Пьера Лефорта (племянника адмирала):

9/19 октября, отцу (Ами Лефарту): «Он <Ф. Лефорт> надеется поехать этой зимой, я лишь надеюсь, что его здоровье полностью восстановится. Дела начинают идти все лучше и лучше <...>» [5, п° 110].

21/31 декабря, дяде Иссаку: «мой дядя, генерал, еще не оправился от недомогания, которое не позволяет ему оставаться в сидячем положении, но он чувствует себя неплохо и очень занят» [5, п° 112].

Из литературных источников:

В. Корсакова: «Недомогание Лефорта, о котором он упомянул в своем письме к брату от 3 декабря <Ошибка: письмо датировалось

6.12.1695>, затянулось: вследствие ушиба появился большой нарыв, который прорвался только в конце февраля <1696>. Болезнь, холода и плохая дорога задержали Лефорта в Москве, и он выехал оттуда в Воронеж лишь 31 марта, много времени спустя после отъезда Петра». О возвращении из-под Азова в августе-сентябре: «Вследствие нездоровья Лефорт не был в состоянии ехать в коляске, а потому решил совершить путь от Азова до Воронежа Доном <...>. 10 сентября он прибыл из Воронежа в Москву в санях, т.к. не мог перенести тряски экипажа на колесах. 30 сентября войска торжественно вступили в Москву. <...> Лефорт ехал в вызолоченных государевых санях» [335, с.357–358].

М.М. Богословский о въезде в Москву 30 сентября / 10 октября: «Далее вели <...> украшенные золотом сани о шести темноседых <...> лошадях, в которых сидел адмирал Лефорт, окруженный пешим конвоем копеечников. Лефорт, все еще страдавший от незажившей раны, ехал в таком необычном экипаже, чтобы не испытывать толчков в колесном экипаже. В санях же он ехал в августе месяце в Москву из-под Азова».⁵¹¹

«Больной, участвовал он в торжественном вступлении войск в Москву» [338, с.349].

1697

Из письма Ф. Лефорта брату Ами от 22 января / 1 февраля: «Рана моя все еще открыта».⁵¹²

Из писем Петра Лефорта своему отцу (Ами):

22 января / 1 февраля, о Великом посольстве: «Это — большое путешествие, а особенно для господина дяди моего в его теперешнем положении, так как его рана все в том же состоянии; из нее беспрестанно сочится, как из фистулы, и нет надежды, что она когда-либо заживет. В остальном он себя чувствует хорошо; отдыхает и обладает хорошим аппетитом».⁵¹³

5/15 марта: «Надеюсь, что наш отъезд состоится на этой неделе. Недомогание моего дядюшки явилось причиной задержки, поскольку мы уже давно должны были отправиться в путь <...>». Далее благодарит за целебные травы и говорит, что Лефорт их уже применял для лечения своих ран и чувствует себя лучше, и что раны, возможно, скоро затянутся, а их у него две: «одна между [около?] последним правым ребром, а вторая — в желудочной впадине <...>. Это часто вызывает у него лихорадку, иногда даже очень сильную <...>. Однако, такой как я вам его описываю, он

надеется выехать со свитой в следующее воскресенье или понедельник <...>. Господу будет угодно, чтобы мы смогли его довести до Голландии или до иного места. Быть может там можно будет найти людей, лучше делающих перевязки <...> мне кажется, что именно этого не хватает» [5, п° 116].

5/15 марта: жена Лефорта, Елизавета, — свекрови: «Его болезнь меня очень огорчает, поскольку рана все в том же состоянии» [5, п° 117].

Из донесения купца Я. Любса из Риги от 2/12 марта: «Меня самого спрашивал майор Врангель: когда вас ожидать <...>. Я отвечал, что время похода неизвестно, за болезнью главного посла» [561, с.19].

23 апреля / 3 мая брат Ами посылает Францу Лефорту в Берлин рецепт для лечения ран.⁵¹⁴

Из донесения венецианского агента 31 мая (н. ст.) из Кенигсберга (вероятное цитирование текста должностного лица, встречавшего послов 16/26 мая в Тапиау): «я с г. Лефортом, который несмотря на много фистул и ран на теле, ненасытен, должен был пить столько вина, табаку и водки (bevere tanto vino, tabacco, acquavita), что на следующий день не мог провожать их в экипажи <...>. Пьют, по большей части, франконское вино (vino di Franconia); рейнского не ценят, привыкнув к первому в их стране».⁵¹⁵

15 октября (ст. ст.?), некто Тудерт из Гааги брату Франсуа Лефорта, Ами: «По правде говоря, эта московская нация имеет весьма своеобразный образ жизни, и нельзя уклониться от некоторых чрезмерностей, которые не подходят деликатным и непривычным темпераментам. Я весьма сильно желаю чтобы Г. Генерал <Лефорт> мог более себя щадить чем сейчас <...>. И как того требуют его раны, которые все еще открыты. <...> я восхищаюсь тем, как он может выдерживать, поскольку он мало отдыхает и находится в постоянных заботах» [5, п° 126].

1698

23 января / 2 февраля, Жак Лефорт, навещавший своего брата Франсуа в Амстердаме, другому брату, Ами, в Женеву: «Он очень изменился, в смысле толщины он больше и толще моего брата Аудитора <...>. Но он себя чувствует очень хорошо, очень хорошее лицо, и говоря по чести, он имеет весьма величественный вид» [5, п° 137].

3/13 февраля: Франсуа Лефорт матери, из Амстердама: «Болезни, которыми я страдал в столь далекой стране, и даже с большой опасностью лишали меня надежды увидеть моих самых дорогих

людей, но Господь своей милостью вернул мне совершенное здоровье и дал счастливо сюда доехать».⁵¹⁶

Из расходных книг посольства от 24 марта / 3 апреля: «Марта в 24 день <...> по приказу <...> Франца Яковлевича Лефорта, куплены на дорогу в Цесарскую землю про него лекарства» [437, стб. 964].

Комментарий М. Богословского к этой записи: «Закуплены были для него <... Лефорта> “в дорогу в цесарскую землю лекарства” ввиду того, что он все время прихварывал».⁵¹⁷

18/28 апреля: Пьер Лефорт своему отцу из Амстердама (досадуя на дядю, который не дает ему денег и не способствует получению поста): «Я вижу жизнь, которую он ведет, невозможно чтобы он прожил долго, поэтому я должен сам себя поддерживать, без его помощи» [5, п° 154].

Из письма Ф. Лефорта из Амстердама Петру в Англию, после 18/28 марта 1698 г., когда уже была отправлена часть персонала: «Саводни по утра адпус<тил ...> са всем; только у мене астал 4 слуги, лекарь Триандер для ради раны мое, катори не самы милосливе».⁵¹⁸

1699

Из писем Пьера Лефорта (из Москвы) своему отцу (Ами):

3/13 февраля: «С огорчением должен вам сообщить, что моего дядю генерала снова начали донимать старые раны, по меньшей мере, он начал ощущать тяжесть в этом месте и мы сильно опасаемся, как бы она опять не открылась». Далее просит прислать еще целебных трав, которыми они пользовались Ф. Лефорта («даем ему пить каждое утро») [5, п° 175].

1/11 марта: «Пишу вам сейчас из комнаты Г. Генерала <Лефорта> моего дяди, о котором могу сообщить, что он очень болен горячей лихорадкой, сегодня уже седьмой день. Но очень мало (надежды?). Надеюсь, что Бог сжалится над ним и над теми, кто находится под его покровительством» [5, п° 178].

Из дневника Иоганна Корба, март 1699 (н. ст.):

«3 и 4. <...> Посланники датский и бранденбургский много пили с генералом Лефортом на открытом воздухе до самого вечера и затем, оставив рюмки, отправились прямо оттуда в Воронеж <...>.

5. <...> Генерал Лефорт почувствовал дрожь и лихорадочный жар.<...>

10. В эти дни опасность болезни господина Лефорта беспрестанно увеличивалась. Горячка становилась сильнее, и больной не имел

ни отдыха, ни сна; не владея вполне, вследствие болезни, здравым рассудком, он нетерпеливо переносил страдание и впадал в бред. Наконец, музыканты, играя по приказанию врачей в его комнате, усыпили его приятными звуками инструментов.

11. <...> Генерал Лефорт почти совершенно потерял рассудок и своим бредом подает повод к постоянным о том рассказам. То он призывает музыкантов, то кричит, чтобы подали вина. Когда напомним ему, чтобы он пригласил к себе пастора, то он начал еще более бесноваться и никого из духовных лиц к себе не допустил.

12. Генерал-адмирал Лефорт скончался в три часа утра. После кончины его много было разных толков, но об их достоверности нельзя сказать ничего положительного. Говорят, когда пришел к нему реформаторский пастор Штумпф и стал много объяснять ему о необходимости обратиться к Богу, то Лефорт только отвечал: “Много не говорите!” Перед кончиной жена просила у него прощения, если когда-либо в чем против него провинилась. Он ей ласково ответил: “Я никогда ничего против тебя не имел, я тебя всегда уважал и любил”, при этом он несколько раз кивнул головой, и так как он более ничего не сказал, то полагают, что он делал намек на какие-то посторонние связи. Он особенно рекомендовал помнить о его домашних и их услугах и просил, чтобы им выплатили верно их жалованье. За несколько дней до его смерти, когда он лежал еще в чужом доме по привычке, которая сделалась было приятна его сердцу, послышался ужасный шум в его комнате. Жена, испугавшись и думая, что муж, вопреки своему решению возвратившись в свой дом, там так бесновался, послала узнать об этом, но те, которые ходили по ее поручению, объявили, что никого в комнате не видали. Однако же шум продолжался, и если верить жене покойного генерала, то на следующий день, ко всеобщему ужасу, все кресла, столы и скамейки, находившиеся в его спальне, были опрокинуты и разбросаны по полу, в продолжение же ночи слышались глубокие вздохи».⁵¹⁹

Позднейшая запись: «Лефорт умер от горячки» («feбри calida»)⁵²⁰

Из писем Ф.А. Головина Петру I в Воронеж:

26 февраля / 8 марта: «в четверток на первой неделе⁵²¹ так остро заболел огневою адмирал наш, и ныне без всякой пользы есть; кровь пускали, ни мало не поможествовала; смотреть, что за помощью Божию будет после. Сего, государь, часа я посылаю к нему при отпуску почты, сказали, что нет ни мало пользы. Почтарю, государь, повелел я ехать немедленно <...> Февраля в 26 день, в четвертом часу ночи» [451, с.760–761].

2/12 марта: «<...> марта в первый день в ночи, часа за 4 до свету⁵²², Франца Яковлевича не стало <...>. Марта во 2 д.»⁵²³

Из письма Б.А. Голицына от 2/12 марта Петру I:

«С первого числа марта в восьмом часу ночи⁵²⁴ Лефорт умре, болезнь была фебра малигна⁵²⁵ и лежал семь дней, а лечил Субота да Еремеев и кровь пушали <...> Марта 2». ⁵²⁶

Из письма Джона Дена из Москвы лорду Кармартену (письмо закончено постскриптумом в ночь на 8/18 марта):

«Postscript. С тех пор, как я написал это, Генерал Ля Форт <La Forte> умер от сильной лихорадки; мы ожидаем Его Величество этой ночью из Воронежа» [23, с.87].

Из письма Пьера Лефорта от 8/18 марта:

«На следующую ночь после отсылки моего предыдущего письма господь решил его судьбу. Болезнь моего дяди длилась семь дней и в ночь на восьмой, т.е. 2 марта утром, в 2 часа он умер. В течение семи дней мы не слышали от него ни слова в ясном сознании, потому что он все время до последнего вздоха лежал в сильнейшем бреде. Проповедник был непрерывно при нем, и он время от времени ему говорил, но все очень невнятно, и только за час до кончины он потребовал, чтобы прочли молитву». ⁵²⁷

8 марта, вдова Лефорта свекрови: сообщает о смерти мужа, происшедшей восемь дней тому назад ночью между 2 и 3 часами [5, n° 180].

Из «Краткого донесения о <иезуитской> миссии в Москве, 1698—1709» (миссионер Франциск Эмилиан):

«1699 год: Господин генерал Лефорт, после того, как представил русским вельможам вызвавшую их похвалы смешную комедию в насмешку над римским духовенством, вскоре слег, заболел сильной горячкой и на осьмой день после представления этой комедии, в день канонизации святых Игнатия и Ксаверия, умер» [465, с.181, 357].

Литературные источники:

В. Корсакова: «С нового 1699-го года здоровье Лефорта, утомленного непрерывными трудами, ухудшилось: вновь открылись раны, мучившие его после падения и ушиба в степи, при возвращении из Азовского похода. <...> 23 <февраля> Лефорт заболел горячкою. При больном безотлучно находились его племянник Петр Лефорт и пастор; он все время был в сильном бреде, но за час до смерти пришел в себя и потребовал, чтобы читали молитву. 2-го марта в два часа утра он скончался» [335, с.360].

И.И. Голиков: «<...> жестокою имел болезнь в голове и в боку, и от растворившихся старых ран своих <...>. Но наконец к болез-

ням его присоединившаяся гнилая горячка прекратила его страдания <...>. Он скончался с чувством Христианина Марта 12 по новому, а 1 по старому стилю, 1699 года» [190, с.169].

«В конце февраля 1699 Лефорт захворал гнилой горячкой; болезнь развилась быстро от ран, усиленных трудов, и разгульной жизни, и 1 марта он умер» [338, с.349].

Приложение 2

РЕЦЕПТЫ ЛЕКАРСТВ, КОТОРЫМИ ЛЕЧИЛИ ЛЕФОРТА

«Fer forment du China China soit en infusion dans du vin et l'eau, soit en volus, du moins une foy par jour environ une demi dragme par prise.

Prendre comme dratement apres une prise d'infusion d'herbes vulneraires, preparées avec de leau comme le thé une pincée à chaque fois, et reiterer la meme prise d'herbes l'apres dinée ou le soir en se couchant.

— Pour là boisson ordinaire faire une decoction avec de la racine de Chine, de salsepareille, de chascune une demie once, et du boy de lentisque aussi demi once, Cuire le tout dans trois pots d'eau et le reduire à un quarteron, aioustaut (?) sur la fon un peu de regulisse sil en aime le goust à un peu de canelle pilée avec un peu de sucre. Sil peut prendre le China en substance il vaudroit mieux, et on y aiousteroit quelques specifiques pour sa playe. Je prendroy pour chaque prise demi drachme de China, un denier des yeux d'escrevisses douze grains d'antimoine à saphoresique, six gouttes de baume de perou ou de judée, et du syrop d'hedera terrestreis autant quil en faut pour incorporer le tout en forme de volus, quil prendroit regulierement tous les matins, et les herbes vulneraires par-dessus, Jaiousteroy aux herbes vulneraires de l'hedera terrestreis et du vellis monor, dont on se sert fort en Allemagne, et de la racine de consolida maior» [5, n° 117 bis]

Перевод:

«Берется железо и Чин чина в вине и воде, либо в болюсе, по меньшей мере, 1 раз в день около ½ драхмы на прием.

Употребляется для лечения после приема отвара из целебных трав, приготовленных с водой как чай, каждый раз по щепотке, тот же самый прием трав повторяется после обеда или вечером перед сном.

Для обычного питья делается отвар из китайского корня, салсепореллы по ½ унции каждого и дерева лентиска ½ унции. Все варится в 3-х объемах воды и уваривается до 1 объема, добавляется немного реглиса, если нравится его вкус, немного порошка корицы и немного сахара. Если сможет принимать хину как субстанцию — это лучше. Добавить туда несколько специфических для его раны средств. Я бы взял для каждого приема ½ драхмы хины, денье “рачьих глазок”, 12 зерен антимоина с успокаивающим, 6 капель перуанского или иудейского бальзама и сироп хедера террестис столько, сколько надо, чтобы вместить в болюс, который он будет принимать регулярно каждое утро и дополнительно целебные травы. Я бы добавил к целебным травам травы хедера террестрис⁵²⁸ и веллис монор, которые активно используются в Германии, и корень консолида майор».

Приложение 3

МЕДИЦИНСКИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ О СМЕРТИ ЛЕФОРТА⁵²⁹

I заключение

Лефорт был болен с осени 1694 года. После ожога лица, через 13 месяцев, зимой 1695 года, получил тяжелую травму живота (упал с лошади). Рана живота, по-видимому, была открыта, присоединилась вторичная инфекция, рана нагноилась.

Учитывая, что в то время отсутствовала антибактериальная терапия, не было современных подходов к лечению подобных заболеваний, гнойная инфекция прогрессировала и стала носить генерализованный характер (высокий подъем температуры, постоянное гнойное отделяемое от живота, незаживление раны, боли, «нарыв прорвался наружу»).

С 1697 года заболевание приняло рецидивирующее течение на фоне ослабленного организма с подавлением иммунной защиты (постоянное недомогание, лихорадка, рана по-прежнему открыта с гнойным отделяемым).

Согласно тексту, в 1698 году состояние Лефорта оставалось прежним.

В начале марта 1699 года наступил пик распространения гнойной инфекции — септикопиемия. Симптомы интоксикации нарастали, отмечалось обильное гнойное отделяемое из раны, наблюдалось угнетение нервной системы, высокая лихорадка, раздражительность, временная эйфория, рвота, тошнота, бред, полная утрата сознания, «гнилая горячка».

В результате развился инфекционно-токсический шок, острая почечная недостаточность и наступил летальный исход.

Предполагаемый диагноз: Септикопиемия. Хроническое течение. Инфекционно-токсический шок. Острая почечная недостаточность.

Профессор Российской Военно-медицинской академии, доктор медицинских наук

Тимофеев И.В.

Доцент кафедры хирургии
Российской Военно-медицинской академии,
кандидат медицинских наук

Долгоруков М.И.

Врач-терапевт

Долгорукова Л.Н.

20.6.2004. СПб.

Сепсис — это синдром, обусловленный генерализованным течением гнойной инфекции. В крови циркулируют бактерии, токсины, продукты гнойно-некротического распада тканей. Важная роль в возникновении сепсиса: измененная реактивность организма, подавление иммунологической резистентности. Сепсис может развиваться тем быстрее, чем больше масштаб повреждения, длительность и тяжесть раневого процесса. При тяжелых травмах, сопровождающихся значительным некрозом и секвестрацией тканей, больше вероятность возникновения сепсиса.

Септицемия — общая гнойная инфекция без метастазов.

Септикопиемия — метастазы вторичной гнойной инфекции.

Р.С. По данным изучения литературы — ранение брюшной полости и развитие сепсиса — летальный исход 90%.

Тимофеев И.В.

II заключение

Проанализировав болезнь Лефорта от момента ранения и до его кончины, можно сделать следующие выводы.

Осенью 1695 года он получил тяжелое ранение, упав с лошади на камни. У него было две раны: одна в районе последнего ребра справа (между ? около ?), вторая в «желудочной впадине». Раны (как следует из воспоминаний) не закрывались, и из них постоянно выделялся гной. Медиками постоянно производились перевязки. Периодически повышалась t°. Весной 1696 г. ему было настолько плохо, что он не смог вовремя выехать к армии. При возвращении не мог вынести тряску телеги и ехал водой, а во время триумфального въезда в Москву в октябре 1696 г., несмотря на отсутствие снега, по той же причине его везли на санях, а не в карете.

Изредка состояние временно улучшалось. Вообще он много пил, но врачи запрещали ему это в тяжелые периоды болезни, и тогда он пил очень немного «для утешения боли». Алкоголь, как наркотик, как болеутоляющее, притупляющее боль средство, помогает справиться с болью, уменьшая ее. В начале марта 1697 г. опять было обострение, потом самочувствие немного улучшилось несмотря на то, что осенью 1697 г. раны не были закрыты.

В конце февраля — начале марта 1699 года Лефорт устроил у себя во дворце праздник, часть которого была проведена в саду. Видимо, он не-

много простыл, и болезнь приняла лавинообразный характер: он сгорел за 8 дней от «гнилой горячки», проведя последние дни в бреду или в забытье. Опять болели раны.

По-видимому, организм Лефорта был сильным, а иммунитет хороший (он почти 4 года боролся с гнойной инфекцией, тяжелыми ранами), но длительная гнойная инфекция и отсутствие надлежащего лечения (антибактериальной терапии) сыграли свою пагубную роль, особенно, видимо, последнее — присоединение простудного фактора. Иммунитет был окончательно подавлен, и болезнь приняла генерализованный характер. Лефорт оставалось жить 8 дней, проведя последние дни в бреду или в забытье — результат отравления организма, мозга, продуктами распада тканей, бактериями. Сознание вернулось лишь перед смертью.

Заключение: Все говорит о том, что ранение и присоединившаяся вторичная инфекция, нагноившиеся раны в течение почти 4-х лет подтачивали, видимо, могучий организм, разрушая его сопротивляемость, иммунитет. В результате инфекция, с которой бороться у медицины в то время не было средств, приняла генерализованный характер, вылившись в септикопиемию, о чем говорят перечисленные симптомы.

Диагноз: Септикопиемия. Хроническое течение. Инфекционно-токсический шок.

Врач-невропатолог

М.С. Гузевич

25.6.2004. СПб.

III заключение

Медицинское заключение о болезни и смерти F. Lefort'a

На основании изучения представленных материалов о болезни и смерти F. Lefort'a можно сказать следующее:

Ранение генерала гранатой (взрыв горшка с порохом) во время Кожуховских маневров в 1694 году можно расценить как травму средней степени тяжести. Кроме ожогов лица и шеи, вполне возможно, от взрывной волны было и сотрясение мозга. Ранение перенес в амбулаторном режиме. Не прослеживаются отдаленные последствия травмы, как и отношение к болезни, развивающейся после падения и удара о камень.

В середине октября 1695 года F. Lefort упал с лошади и ударился правым боком о камень. В повседневной клинической практике можно наблюдать больных после падения из положения стоя на стул, кровать и др. предметы с возникновением тяжелых повреждений: переломы ребер, разрыв селезенки, печени. А падение с лошади, с высоты 1,5 метра или более — это еще более тяжелая травма, которая может быть и смертельной.

После падения описывается возникновение 2-х ран и сильные боли в правом боку. Одна из ран располагается у нижнего ребра. Если на боковой поверхности тела, то это будет соответствовать реберной дуге в области 7—8 ребра. Вторая рана в эпигастральной области (желудочной впадине). Почему возникли раны и, особенно вторая, в эпигастрии?

Время травмы — середина октября. Погодные условия требуют теплой одежды, соответственно этому, надо полагать, был одет и F. Lefort. При ударе о круглый камень раны, скорее всего, не было бы. Получается, что камень был неровный, с выступами. Этим можно объяснить образование раны, в т.ч. второй. По характеру повреждения раны были ушибленные, с размождением краев, непроницающие, т.е. дно их находилось вне пределов грудной и брюшной полости.

При падении возникли переломы ребер, отсюда сильные длительно существующие боли в правой половине тела, спине, усиливающиеся при движении из-за смещения концов сломанных ребер. Это обстоятельство заставило транспортировать больного в санях (вместо коляски), хотя снега еще не было.

При падении и ударе о камень могли пострадать различные части тела и органы. Симптомов, которые могли бы свидетельствовать о повреждении правой половины таза, тазобедренного сустава, нет. Точно так же не было признаков повреждения почки.

При травме грудной клетки справа в области 6-12 ребер, наряду с переломом или ушибом ребер, в ряде случаев могут быть различной степени повреждения печени.

Были ли таковые у F. Lefort'a?

Разрыв печени чаще всего проявляется гемопротенеумом (кровь в брюшной полости) и истечением желчи с последующим развитием постгеморрагической анемии, перитонита.

При разрывах печени в виде неглубоких трещин серьезных последствий не наступает, больные могут выздоравливать без операций.

Если предположить, что имела место глубокая внутрипеченочная гематома, то исход ее мог быть различным — опорожнение через желчные протоки или в брюшную полость с развитием анемии, перитонита.

При нагноении гематомы мог сформироваться абсцесс печени. Его характерная особенность — он не имеет капсулы. При опорожнении его в брюшную полость, естественно, был бы перитонит. При прорыве абсцесса наружу кроме гноя, из-за отсутствия капсулы, должна выделяться и желчь, что вело бы к сильнейшему раздражению кожных покровов вокруг свища и к сильнейшим болям. Об этом в дневниках свидетельств нет.

Опорожнившийся гнойник печени чаще всего ведет к выздоровлению, чего не бывает при эмпиеме.

После падения F. Lefort страдал болями в боку, спине, но никаких указаний на боли в животе или на нарушение функций желудочно-кишечного тракта нет. Из этого следует, если и были незначительные трещины печени, то они не могли вызвать тех страданий и оказать какое-либо влияние на исход заболевания.

Основной удар при падении пришелся на реберный каркас, что привело к перелому ребер, гематоме в месте перелома, гемотораксу (скопление крови в плевральной полости), повреждению легкого. Об этом свидетельствует длительный характер острых болей при движении, было вынужденное положение: полусидящее, для создания покоя сломанным ребрам.

В то время грудной хирургии и ее раздела повреждений не существовало. Основное внимание врачей и «хирургов» было направлено на лечение ран. Но никакие раны, в т.ч. и ушибленные, хирургической обработке не

подвергались. Отсюда наступило инфицирование гематомы и гемоторакса, который никто в то время не эвакуировал. Развилась эмпиема (скопление гноя в плевральной полости) через 3 месяца после травмы.

Больной страдал из-за лихорадки и болей в боку. Гной искал выход, образовался «нарыв». Прорыв его и истечение гноя облегчило состояние больного, образовался плеврокожный свищ, который непрерывно функционировал до 1698 года. Нелеченная эмпиема перешла в хроническую форму, и больной был обречен. Ухудшение общего состояния возникло при переохлаждении, закрытии свища. Последнее обострение процесса имело место в феврале 1699 года, с распространением гнойной инфекции (септикопиемия), развитием эндотоксического шока, что в течение недели привело к смерти.

На основании изложенного можно сформулировать посмертный клинический диагноз:

Основной: Закрытая травма груди и живота. Непроницающие ушибленные нагноившиеся раны груди и живота. Перелом ребер справа, гемоторакс.

Осложнения: Эмпиема плевры с переходом в хроническую. Плеврокожный свищ. Сепсис.

Непосредственная причина смерти: Септикопиемия. Эндотоксический шок.

Утверждать, что F. Lefort страдал алкогольной болезнью (алкоголизм) по данным описания в представленном материале нет оснований. Скорее всего, был бытовым пьяницей (бражником).

Долгоруков Михаил Иванович
Врач-хирург высшей категории
Доцент кафедры хирургии
Военно-медицинской академии
Санкт-Петербурга

IV заключение

История болезни Лефорта и ее анализ

В течение последних 4-х лет жизни Франсуа Лефорт часто и длительно болел в связи с полученными ранениями и травмами. Историю болезни или какие-либо медицинские записи в хронологическом порядке в течение этого времени никто из многочисленного медицинского персонала, имеющего отношение к лечению, не вел, и доступных для анализа записок по этому поводу не оставлено. Представление об истории болезни генерала и адмирала Франсуа Лефорта основывается на письмах самого Лефорта, его брата и других родственников, сообщениях сподвижников и знакомых Лефорта, а также сообщениях представителей дипломатических кругов и деятелей церкви. Каждое из этих свидетельств с медицинской точки зрения не всегда можно достаточно надежно интерпретировать, но в комплексе они создают определенное впечатление о состоянии здоровья Лефорта в этот период жизни. Практически единственным свидетельством, которое

условно можно назвать медицинским, является врачебное (или фармацевтическое) предложение 3-х рецептов, состоящих из трав, для внутреннего употребления, которое удалось найти и представить.

Осенью 1694 г. Лефорт был ранен в лицо, обожжен, получил травму головы. Успех лечения был неполный — раны и ожоги на лице зажили, но головные боли продолжали временами беспокоить — следствие контузии головного мозга.

Осенью 1695 г., во время тяжелого перехода через степь, он упал с лошади на камни и был ранен. В результате такого падения могли быть как открытые раны, в связи с повреждением о камни, так и гематомы — внутримышечные, подкожные, или даже внутри — или забрюшинные в связи с тупой травмой правой половины живота и грудной клетки.

При падении с высоты могли наблюдаться следующие последствия открытых и закрытых травм: 1) образование подкожной и межмышечной гематом, которые подверглись гнойному расплавлению; 2) кровоизлияние в правую плевральную полость (гемоторакс) как следствие перелома ребер и разрыва плевральной оболочки при падении с образованием свищевых ходов; 3) кровоизлияние в ткань печени с образованием внутрипеченочного или поддиафрагмального абсцесса; 4) абсцессы на фоне кровоизлияния в паранефральную (околопочечную) клетчатку. Могло произойти и любое сочетание этих процессов. Наиболее вероятно сочетание первого и второго. В любом из предполагаемых случаев ранения могли привести к образованию и неполному рассасыванию гематомы, ее инфицированию с формированием абсцессов или флегмоны с последующим образованием свищевых ходов и выходу гнойного содержимого. Полного опорожнения и заживления образовавшихся полостей за годы болезни не происходило.

(«Отверстие <раны> очень большое и глубокое. Врачи надеются через какое-то время меня вылечить»).

Абсцессы, существующие длительный период, обрастают плотной капсулой, которая не позволяет, с одной стороны, проникать гнойному содержанию в окружающие ткани, с другой стороны, поддерживает существование гнойника. *(«Что касается моей раны, то она все сочится. Но я не страдаю от сильных болей как прежде»).* Уменьшение болей могло быть связано со срастанием ребер, которое обычно происходит в течение месяца, даже если не предпринимать специального лечения. Без сомнения, перелом ребер после травмы был, так как боли были очень сильные именно при тряске (передвижение в коляске), что и потребовало передвижения на санях и в вынужденном положении. Насколько хорошо срослись ребра после травмы, неясно, так как в дальнейшем (через год) Лефорт снова страдает от болей при передвижении и едет из-под Азова в санях. Не исключается развитие остеомиелита в ребрах, который мог существовать исходно после травмы и поддерживался наличием постоянно присутствующего воспалительного процесса в окружающих тканях. Абсцессы в окружающих тканях проявлялись болями, отеком, образованием инфильтрата в виде опухоли в правой верхней половине живота, которая уменьшалась после образования свищей и выделения большого количества гноя.

Прорыв гноя, который осуществлялся через свищи, способствовал улучшению общего состояния, снижению симптомов интоксикации (лихорадка, ознобы, поты, головные боли), но, судя по имеющимся сведениям, не

приводил к полной санации очага. При закрытии свища гнойное содержимое снова накапливалось, приводя к повторению ситуации обострения болезни. Принципы обработки раны, которыми пользовались многочисленные хирурги, лечившие Лефорта, к сожалению, остались неизвестными. По данным литературы, во второй половине XVII века при лечении ран хирургами использовались чаще всего мази на масляной основе, что не улучшало оттока из раны. Не удалось найти свидетельства применения гипертонических растворов или других веществ, способствующих оттоку гноя из раны, в том числе и компрессов, содержащих отвары трав и иудейский бальзам, рекомендуемые врачом из Швейцарии (анализ этих рецептов приводится ниже). В сохранившихся письмах отмечается, что Лефорт очень болел зимой 1695–96 годов, шли постоянные перевязки; раны не закрывались, шел гной; периодически поднималась температура, бывала лихорадка. Весной 1696 г. он был так болен, что не смог вовремя выехать в расположение армии. Однако в конце весны добрался до Азова и участвовал в осаде. При возвращении осенью 1696 года от боли не мог выдерживать тряску телеги, ехал водой, а во время триумфального въезда в Москву в конце сентября 1696 г., хотя снега еще не было, его по этой причине везли на санях, а не в карете.

Возможно, абсцессы протекали с периодически обостряющимся ограниченным плевритом или остеомиелитом в области предполагаемого перелома ребер, поэтому наблюдались сильные боли при тряске.

Наиболее рациональным, с точки зрения положений медицины XIX века и более поздних, является оперативное вмешательство с широким вскрытием и дренированием всех затеков и карманов. Но в недостаточных асептических условиях XVII века эти мероприятия были неперспективны и могли привести к сепсису. (*«Дядя в его теперешнем положении, так как его рана все в том же состоянии; из нее беспрестанно сочится, как из фистулы, и нет надежды, что она когда-либо заживет»; «с г. Лефортом, который, несмотря на много фистул и ран на теле <...>»*). Вряд ли можно обвинять хирургов, лечивших Лефорта, в недостаточной хирургической активности.

В этот период для снятия симптомов интоксикации и уменьшения боли употребление Лефортом вина, по-видимому, сухого (красного или белого) имело положительное значение — большое количество жидкости уменьшало токсические проявления, витамины, минералы, антибактериальные свойства, аминокислоты, ферменты, содержащиеся в вине, способствовали борьбе с болями, инфекционным истощением. (*«Уже год как я веду умеренную жизнь, и вино мне запрещено. Я вооружаюсь терпением. Иногда, несмотря на все, я выпиваю стаканчик для утоления моих болей, если это возможно»*). Таким образом, употребление сухого вина ничего плохого в отношении раны не делало, скорее наоборот.

Обострение гнойных процессов ежегодно в начале весны наиболее вероятно и связано с дополнительным влиянием весеннего авитаминоза и сопутствующих этому времени сезонных простуд. Источники витаминов — свежие овощи и фрукты обычно отсутствовали, хотя существовали замороженные ягоды, мед, некоторые соленья и опять вино как источник полезных ингредиентов. Необходимость носить теплую одежду в зимний период создавала термостатический эффект в области ран и способствовала раз-

множению микробной флоры. Последнее ухудшение также было в конце зимы — начале весны.

Есть основание считать, согласно переписке Лефорта, что в периоды обострения гнойного процесса и интоксикации он употреблял внутрь сборы лечебных трав, рекомендуемые швейцарским доктором. Повторные заказы прописей этих трав в другой стране, достаточно далеко расположенной, свидетельствуют, что их благоприятное действие на организм было по достоинству оценено как Лефортом, так и докторами, его лечившими.

Швейцарский врач, написавший свои предложения по лечению, изложил их в документе, который можно приравнять к 3-м рецептам с пояснениями. Эти 3 рецепта представляют собой комплексные средства, состоящие из лечебных трав для приема внутрь. Попытка анализа этих прописей производилась с учетом воззрений XVII века и современных исследований некоторых ингредиентов, входящих в их состав.

Первый рецепт включает порошок железа с порошком хины по $\frac{1}{2}$ драхмы каждого. (*«Берется железо и Чин чина в вине и воде, либо в болюсе, по меньшей мере, 1 раз в день по $\frac{1}{2}$ драхмы на прием. Употребляется для лечения после приема отвара из целебных трав, приготовленных с водой как чай, каждый раз по щепотке, тот же самый прием трав повторяется после обеда или вечером перед сном»*).

Прием в виде взвеси в вине с водой. Пропорция вина и воды не указана, очевидно — произвольная. Драхма в разных странах отличалась по весу, но в среднем $\frac{1}{2}$ драхмы соответствовала 1,8–2,0 г.

Предложен второй вариант приема хины (в конце документа).

(*«Если сможет принимать хину как субстанцию — это лучше. Добавить туда несколько специфических для его раны средств. Я бы взял для каждого приема $\frac{1}{2}$ драхмы хины, денье “рачьих глазок”, 12 зерен антимоина с успокаивающим, 6 капель перуанского или иудейского бальзама и сироп хедера феррестис столько, сколько надо, чтобы вместить в болюс, который он будет принимать регулярно каждое утро и дополнительно целебные травы»*).

При хорошей переносимости хины предлагалось принимать ее в виде порошка или болюса. Болюс в XVII веке обозначал шарик или капсулу или что-то соответствующее таблетке для приема. В настоящее время болюс чаще предполагает внутривенное вливание. В состав предложенного болюса входили: $\frac{1}{2}$ драхмы хины (1,5–2,0 г), денье (около 1,2 г) «рачьих глазок», 12 зерен серосодержащего вещества антимоита, 6 капель перуанского или иудейского бальзама и сироп хедера террестрис в количестве, достаточном для образования болюса.

Одной из наиболее действенных субстанций была хина (China), обладающая антисептическим, тонизирующим и противомаларийным действием. Кора хины была привезена в Европу в 1640 г. и использовалась при любых процессах, сопровождающихся длительной лихорадкой и истощением. Действующее начало в веществе хины — ее алкалоиды — хинин и хинидин и их производные, а также гликозид хиновин. Содержание активных веществ в коре хины достаточно велико — около 6,5% веса, из них 30–60% составляют алкалоиды типа хинина, которые находятся в связанном с хинной кислотой виде. Хинин в чистом виде из коры хины был выделен только в XIX веке. Структура была установлена в 1907 г. В конце XVII века

хина могла употребляться только в качестве измельченной до порошка коры. По количеству, предлагаемому в рецепте, вполне могла оказывать лекарственное воздействие. В конце XVII века хина использовалась при лихорадках различного происхождения и любых длительных воспалительных процессах, приводящих к истощению. Применение хины во второй половине XVII века можно считать достаточно прогрессивным методом борьбы с инфекционно-воспалительными процессами.

Первый вариант предлагаемого рецепта — использование хины в сочетании с железом. Железо в чистом виде употреблялось для лечения малокровия и истощения в течение многих веков и обычно в сочетании с вином для лучшего усвоения. Надо отметить, что в чистом виде этот металл усваивается крайне плохо, но при воздействии различных окислителей образуются соли железа, которые усваиваются значительно лучше. Особенно это касается двухвалентного железа. Сочетание хины и железа характерно для назначений XVII–XVIII веков. Малокровие (анемия) очень часто развивается на фоне длительных инфекционно-воспалительных процессов. Назначение железа оправдано уже этим обстоятельством. В случае болезни Ф. Лефорта назначение могло иметь и дополнительный лечебный эффект, так как у него могли быть и другие причины для развития малокровия — острые кровопотери при ранениях, кровотечения при обработке ран, кровопускания в качестве лечебного мероприятия. Маловероятно, что в XVII веке лечащий врач уделял этому вопросу много внимания, так как во втором варианте в болюсе, содержащем хину, железо отсутствует.

Во втором варианте рецепта — кора хины использовалась в аналогичной дозе в болюсах. В состав болюса добавляются препараты, прежде всего предполагающие успокаивающие и обволакивающие вещества для лучшей переносимости и компенсации неприятных ощущений со стороны желудка, так как такая доза переносится с трудом. Это — содержащий кальций препарат «рачьих глазок» в виде зерен. По-видимому, он играет роль мела или любого поглотителя. Особые свойства, приписываемые «рачьим глазкам» — образованиям, находящимся рядом с желудком рака в определенный период его развития и выделяемым в XVII веке для медицинского употребления, не были подтверждены в XX веке.

Зерна осажденной серы (Fleurs fixes d'antimoine de Bésoard mineral), возможно, увеличивают вязкость, обволакивают и замедляют реакции со стороны слизистой оболочки желудка.

Особую роль играет перуанский или иудейский бальзам.

Бальзамы готовились из смолы бальзамического дерева (Commiphora opobalsamum, Balsamodendron gileadense, Commiphora gileadensis, Balsamea meccanensis). Антисептические, противоревматические, обезболивающие, антиспастические и регенеративные свойства бальзама были известны более 2000 лет и широко употреблялись в древности и в средние века при ранениях, язвах и воспалительных процессах как местно, так и внутрь.

Иудейский бальзам — это своеобразная историко-ботаническая загадка. Данного растения, скорее всего, уже не существует в природе, и до конца не ясно, что оно собой представляло. Имеются многочисленные свидетельства античных авторов Европы и Азии о бальзаме и его свойствах. В античные времена стоимость иудейского бальзама была в два раза

выше стоимости серебра и в 170 раз выше стоимости ладана. Все растение было душистым: плоды, древесина, листья. Еще в XII веке отслеживаются следы «иудейского бальзама» в Египте, где находилась маленькая плантация, но в это же время в Палестине его уже не было.

Трава (лиана) террестрис — *lierre terrestre (hedera terrestris)* много веков использовалась внутрь для лечения легочных заболеваний (бронхит, астма, туберкулез), гастрита и мочекаменной болезни, а также наружно для лечения абсцессов и фурункулов в виде компрессов.

Таким образом, оба варианта рецепта, содержащие хину, имеют, безусловно, противовоспалительную и регенеративную направленность с использованием известных много веков средств для борьбы с ранами и раневым истощением, а также достаточно нового для того времени вещества — хины. Это свидетельствует о достаточно высоком для XVII века уровне знаний у выписавшего их врача.

Второй рецепт включал отвар целебных трав, каждый раз приготовленный в свежем виде. Очевидно, состав был широко распространен, так как он не приводится. (*«Употребляется для лечения после приема отвара из целебных трав, приготовленных с водой как чай, каждый раз по щепотке, тот же самый прием трав повторяется после обеда или вечером перед сном»*).

Свежая, как чай, заварка, возможно, связана с вхождением в состав ароматических и тонизирующих веществ, действие которых уменьшается при длительном времени настаивания (как и у обычных чайных листьев). Добавление травы хедера террестрис (как в предыдущем рецепте) и веллис усиливала дезинтоксикационные, противовоспалительные и регенеративные свойства отвара. (*«Я бы добавил к целебным травам травы хедера террестрис и веллис монор <так>, которые активно используются в Германии, и корень консолида майор»*).

О траве хедера террестрис указано выше.

Белис или веллис минор (*Bellis minor* или *consolida minima*) употреблялась для сращения костей и регенерации ран. Исследования этого растения в XX веке выявило, что она содержит алантоин — вещество, имеющее свойства усиливать образование новых клеток и в настоящее время используемое в дерматологии как средство для ускорения рубцевания и заживления гнойных процессов. Добавление этих трав к целебному отвару должно значительно усиливать дезинтоксикационные, противовоспалительные и репаративные свойства.

Третий рецепт — состав для приготовления отвара трав для регулярного питья (несколько раз в день). (*«Для обычного питья делается отвар из китайского корня, салсепореллы по ½ унции каждого и дерева лентиска ½ унции. Все варится в 3-х объемах воды и уваривается до ¼ объема, добавляется немного реглиса, если нравится его вкус, немного порошка корицы и немного сахара»*).

Он содержит две основных травы: китайский корень вместе с близкой к нему сальсапариллой и дерево лентиска. Китайский корень (*Smilax china* L.; *la racine de Chine*) и сальсапарилла (*La salsepareille*; *Smilax aspera* L.) относятся к одному роду *Smilax*, что, возможно, было в XVII веке неизвестно, и обладают сходными свойствами. Употребляются для восстановления сил,

при болезнях дыхательных путей, подагре, кожных, ревматических заболеваниях. Обладают мочегонными, потогонными свойствами, улучшают кровообращение.

Дерево лентиска (*Pistacia lentiscus*) — вечнозеленый куст семейства Anacardiaceae, который широко распространен в Средиземноморье. В медицинских целях использовались смола и маслянистая жидкость из коры дерева или кустарника. Применялось для лечения ран, язвы желудка, воспалительных процессов в полости рта, тромбозов, геморроя, трофических язв, для восстановления лимфооттока. В XX веке доказана эффективность растения при лечении язвы желудка, а его бактерицидность подтверждена исследованиями — подавляет рост *Helicobacter pylori* — бактерии, являющейся часто причиной образования язвы желудка и поддерживающей ее существование.

В сочетании оба растения обладают противовоспалительными, антибактериальными, дезинтоксикационными и регенерирующими свойствами и улучшают кровообращение.

К этому составу предлагается добавление реглиса, корицы и сахарного сиропа для улучшения вкуса. Кроме того, реглис улучшает и лечебные свойства отвара.

Реглис (la réglisse; семейство Faboideae) — растение, у которого используется ароматический корень. В Европе и Азии используется много веков и до настоящего времени. Способствует заживлению ран и лечению простудных заболеваний. Содержит алкалоиды, флавоноиды, сапонины. Задерживает развитие вирусов. Обладает успокаивающим и отхаркивающим действием. Частое употребление такого отвара для питья должно было способствовать борьбе с инфекцией, интоксикацией и улучшению репаративных процессов.

Таким образом, анализ состава предлагаемых врачом XVII века рецептов позволяет сделать заключение, что все три назначения соответствуют цели — борьбе с воспалительными (гнойными) процессами, интоксикацией, лихорадкой, истощением, улучшению кровообращения и регенерации трудно заживающих ран и трофических осложнений. Нет сомнений в адекватности их назначения.

Отвар целебных трав с добавлениями можно употреблять и местно в виде компрессов, особенно если добавить к нему иудейский бальзам, но об этом в документе ничего нет.

Применяемые для местного лечения средства, которые приводятся в других документах, по-видимому, были недостаточны, не приводили к надежной стабилизации процесса и не предотвращали серьезных обострений с общими симптомами интоксикации. После периода хорошего оттока могли быть периоды улучшения; если отток ухудшался, то могла возникать лихорадка с потрясающим ознобом. При длительном существовании гнояника мог развиваться амилоидоз — процесс отложения белковых масс амилоида, который мог приводить к нарушению функции почек и других органов. Сопrotивляемость при этом резко падает. Кроме того, возможно и просто истощение от постоянно существующего источника гнойного воспаления (хронического сепсиса или септикопиемии).

Ухудшение произошло отнюдь не внезапно, а нарастало в течение двух месяцев: 3 февраля 1699 г.: «С огорчением должен вам сообщить, что моего дядю генерала снова начали донимать старые раны, по меньшей мере, он начал ощущать тяжесть в этом месте и мы сильно опасаемся, как бы она опять не открылась». «С нового 1699-го года здоровье Лефорта, утомленного непрерывными трудами, ухудшилось: вновь открылись раны, мучавшие его после падения и ушиба в степи, при возвращении из Азовского похода. <...> 23 [февраля] Лефорт заболел горячкою». Если вновь открылись раны, то возможны были и новые эпизоды обработки с буживанием (прохождением с помощью бужей свищевых ходов для улучшения оттока), и тогда возможен сепсис от изменения микробной флоры, которая могла быть занесена с инструментами. Все это могло подготовить скачок, произошедший 23 февраля и постороннему наблюдателю казавшийся внезапным.

Бужи (шупы) с тупыми, возможно, округлыми наконечниками — инструменты, с помощью которых хирурги проникали в раневые ходы, определяя их глубину и вскрывая по дороге карманы, затеки, чтобы дать выход гною. При этом возможны и нарушение капсулы абсцесса и прорывы содержимого в окружающие ткани. Не исключено и расширение ран с помощью скальпеля. Поскольку обработка инструментов была личным делом каждого хирурга, то она зависела от его чистоплотности и опыта. Он мог даже не обжигать их перед манипуляцией, хотя такой способ был известен. Понятия об антисептике отсутствовали до XIX века. При каждом таком вмешательстве могла попадать дополнительная патогенная флора. Перевязывали часто с маслами, которые могли быть бактерицидными, как розовое, но могли быть и любыми другими. Масло не способствует оттоку гноя при гнойных ранах. Весь процесс последних недель мог быть следствием последних обработок ран.

В этот период отсутствуют свидетельства о наличии у Лефорта признаков других воспалительных процессов, в том числе острых респираторных и инфекционных. Появление упорной длительной лихорадки и интоксикации позволяет с большей долей вероятности думать о сепсисе. Головные боли к диагнозу ничего не прибавляют, так как они могут быть последствиями контузии в 1694 г., могут быть связаны с интоксикацией и лихорадкой, развитием ДВС-синдрома с микротромбированием сосудов мозга. Меньше вероятность менингита, так как Лефорт пришел в себя перед смертью, а бред мог быть связан с высокой температурой. Хотя полностью исключить какую-либо острую инфекцию, типа сыпного тифа, невозможно, указаний эпидемических (более никто не болел) и клинических (сыпь и др.) не обнаруживается.

Данные по связанным с алкоголем заболеваниям не просматриваются — отсутствовали изменения печени, отеки, своеобразные изменения психики. Если Лефорт пил, в основном, сухие вина, то даже при значительных злоупотреблениях ими алкогольные осложнения начинают развиваться позже, чем умер Лефорт (в 43 года), ближе к старости.

Известно, что сухие вина содержат в своем составе глюкозу, фруктозу, комплекс витаминов С, В₁, В₂, В₁₂, РР и др., комплекс минералов — железо, кальций, магний, бор, йод и др., аминокислоты, ферменты, а также вещества, обладающие антибиотической активностью, дубильными и бактери-

цидными свойствами. С древности вплоть до нашего времени красное сухое вино рекомендовалось при упадке питания, кахексии, постинфекционном истощении и в послеоперационном периоде. Употребление вина Лефортом, скорее всего, способствовало его поддержанию в течение этих лет и борьбе с инфекцией и истощением, ведь с такими ранами он мог умереть значительно раньше. При определенных ситуациях вино предохраняло от болевого шока, в том числе в период обработки ран и при обострениях, когда боли были сильными.

Диагноз: Сепсис, ДВС-синдром, развившийся на фоне длительно существующих абсцессов (нагноившихся флегмон) в области ран верхней правой части живота. Интоксикация. Полиорганная недостаточность.

Множественные самопроизвольно образующиеся фистулы с гнойным отделяемым и явления вяло текущего хронического сепсиса в течение 3,5 лет. Остаточные явления контузии головного мозга.

Заключение: Наблюдалась типичная клиника раневого гнойного процесса с явлениями периодически обостряющейся септикопиемии, приведшего к терминальным септическим последствиям. Данных, подтверждающих диагноз алкоголизм как причину болезни, смерти и даже как дополнительную причину ухудшения течения заболевания выявить не удалось.

Лечение общих проявлений болезни (лихорадка, боли, интоксикация, истощение) проводилось на хорошем для того времени уровне, в соответствии с достижениями второй половины XVII века. Местное и хирургическое лечение гнойного процесса оценить затруднительно из-за отсутствия документальных данных, но, вероятно, оно было недостаточно для излечения пациента.

Ст.н.с отделения химиотерапии
гематологических заболеваний
и интенсивной терапии
Гематологического научного центра РАМН,
к.м.н. **Виноградова Ю.Е.**
21.03.2011, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Настоящая работа выполнена при самом тесном участии И.Д. Гузевич (переводы, помощь в сборе материала, фотосъемке натуральных объектов и редактура), без которой рукопись не была бы завершена. Автор благодарит И.Н. Барыгина, М.К. Брагоне (М.С. Bragone), Л.Б. Вольфцун, А.А. Голубинского, М.С. Гузевич, С.Н. Искюля, А.В. Караваева, А.В. Кобака, Х. ван Конингсбрюгге (J.S.A.M. van Koningsbrugge), Н.А. Копанева, Ю.С. Корниенко, И.В. Кувшинскую, Т.А. Лаптеву, М.О. Логунову, Т.П. Мазур, Е.А. Нестерову, Е.Ю. Нордштрём-Балакину, Т.Б. Притыкину, В.С. Ржеуцкого, С.З. Супоницкого, Н. Тихонову (N. Tikhonov), Т.А. Тошденталь-Салычеву, Д.С. Шемелину, Н.К. ван Эрмела (N.K. van Ermel) и московское «Общество некрополистов» (в первую очередь, Д.А.Шабалина, С.Б. Мержанова, Е.Н. Долгих, С.А. Дьяконова и Е.Ю. Румянцев) за помощь в получении книг, статей, копий с них, а также необходимой информации для их поиска; проф. Ютту Шерпер (J. Scherrer), Ф.-Д. Лиштенан (F.-D. Liechtenhan), С.А. Карабинскую и И. Шварц (I. Schwarcz) за помощь в работе с немецкоязычными источниками и консультации; Т.В. Гузевич за помощь при работе с газетами, хранящимися в Национальной и университетской библиотеке в Женеве; В.С. Дельвига, Д.А.Безьева, Р.Э. Рахматуллина за консультации, Н.Е. Каменецкую за графическую реконструкцию мемориальной доски 1694 года, Н.В. Маркину и Г.В. Фирсову за предоставление возможности работать с регистрационными книгами Введенского кладбища в Москве и за консультации. Особая благодарность И.В. Кувшинской, которая из рецензента рукописи стала соавтором полемической главы, касающейся захоронения Гордона, и очень сильно повлияла на написание главы по предыстории католической церкви в Немецкой слободе. Она же предоставила как значительную часть иллюстраций для этой книги, так и рукописи своих неопубликованных работ по истории костела в Слободе. В ряде мест использована дискуссионная переписка с А.В. Кобаком по поводу захоронений, кладбищ и храмов. Все расчеты пасхалий и двенадцатых православных и католических праздников на XVII–XVIII вв. выполнялись автором по формулам Гаусса, изложенным в статье «Пасхалия» энциклопедического словаря «Христианство» [438] и дополнительно проверялись по календарям на соответствующие годы, представленным в Интернете. В тексте это специально не оговаривается.

² См., например: [215; 216; 217; 218; 219; 220; 221; и др.].

³ Подробный историографический обзор, касающийся смежных тем — Немецкой слободы и Лефортово, — приведен в монографии В.С. Дельвига [228, с.6–36]. Там упущена, пожалуй, пушкинистика (точнее, тот ее раздел, где рассматриваются годы жизни семьи Пушкиных в Москве, в том числе в Немецкой слободе, — 1799–1811 гг.), а также европейские работы по конфессиональной истории в России (например: [17; 29; 35; 43; 48; 54; 80] и др.). Западная библиография на эту тему широко представлена в дипломной работе Ю.С. Корниенко [47].

⁴ [586; 587; 588; 589; 590; 591; 592].

⁵ [383; 410; 430; 504].

⁶ [172; 190; 290; 310; 387; 388; 467; 468; 471; 506; 520; 558].

⁷ [169, с.65-69; 328; 329; 526; 527].

⁸ [81; 262; 508; 532; 553].

⁹ У Г. Дальтона, согласно каталогу Россики РНБ, около 20 отдельных изданий, посвященных истории протестантских вероисповеданий в России. Л. Готье и А. Толлен в [35; 80] детально разбирают его книгу *Zur Geschichte der evangelischen Kirche in Russland* (Leipzig, 1893).

¹⁰ [415; 416; 417; 418; 419; 422; 423; 424; 425; 426] и др.

¹¹ По-видимому, автор статьи имел в виду «судьбу захоронения Лефорта».

¹² [391; 517]. В предисловии к аналитической библиографии по Великому посольству, говоря о Введенском кладбище, мы посчитали нужным дать следующий комментарий к этим интернетовским публикациям: «вроде бы летом 2007 в одной из полуразрушенных часовен нашли его <Лефорта — Д.Г.> надгробную плиту, в этом случае перенесенную со старого места захоронения» [220, с.99].

¹³ Этот рассказ, с согласия автора, скомпонован нами из текстов нескольких ее писем [317; 318; 318a].

¹⁴ [107, с.6, 10, 131, 154; 108, с.154, 186, 198].

¹⁵ [108, с.153; 161; 162; 165]. В [544, с.637] ошибочно указано, что оно открылось в 1758 г. О захоронениях на этом кладбище, в том числе с его планами, см. также [125, с.186—189; 390; 497; 536].

¹⁶ Где называется только один из них, а где и оба. Например, см. [311; 344, с.144; 409, с.31; 444, с.62]. Есть и такие утверждения: «<...> о могиле адмирала забыли. Остатки ее должны быть на Немецком (Введенском) кладбище» [521, с.250].

¹⁷ Например, см. [163; 164; 386; 391; 517].

¹⁸ [501, п⁸, с.96; 502, с.318]. О том же, см. [361, с.79].

¹⁹ [71—2, с.530; 182; 471—78, с.27].

²⁰ Автор книги тоже в свое время поддался очарованию этого памятника, обнаружив его во время похорон на Введенском кладбище своей тещи Е.М. Полянской. Понимание некоторого несоответствия образа и его реального содержания привело, в конечном счете, к появлению настоящего исследования.

²¹ Точнее сказать сложно. Добавим, что полированная поверхность букв эпитафии на памятнике имеет совершенно черный цвет. Благодарим за консультации А.А. Мишталю и С.М. Кулешову.

²² «Прозаическая» версия перевода, как вполне допустимая, предложена проф. Юттой Шеррер (J. Scherrer).

²³ Пример из интернетовского дневника «Livejournal» (сентябрь 2009): «Нашел памятный камень с надписью на немецком языке. Указывается, что под сей камень был в 1875 г. перенесен прах полковника Гордона и Лефорта — сподвижников Петра Великого, живших на “немецкой улице”. Удивили две вещи: 1. Генерал Гордон назван полковником и 2. В инете руководство “Ритуала” признало, что найти могилу Лефорта на Введен-

ском кладбище не представляется возможным — нет документов. Как вероятную могилу они указали плиту с надписью полууставом. Когда уходил с кладбища, из его конторы вышел седой дядя, достал мобилу из кармана и начал громко орать в нее на каком-то кавказском наречии. Ну еще бы — где ж ему знать отличие полуустава от готического шрифта, да и вообще — кто такой этот Лефорт» [58]. Автор — человек грамотный, немного знающий немецкий и могущий определить, какой текст написан полууставом. Вот только перепутал готику с обычной латиницей, которой и написана эпитафия на памятнике (ошибку в годе — «1875» вместо «1877» — не учитываем).

²⁴ Вот лишь некоторые из них [371, с.45-48]: Лефорт никогда не был «генерал-адмиралом», а был генералом и адмиралом. Петр его не награждал орденом Андрея Первозванного. Утверждать, что Лефорт «писал на прекрасном французском», может лишь человек, который никогда не видел оригиналов его французских писем (вопрос рассматривается в [332]). Утверждение, что Лефорт «появился в Троице-Сергиевской лавре, где в октябре 1685 г. отсиживалась царская семья во время восстания стрельцов», безусловно, является новым словом в российской историографии. В России в XVII в. действовал юлианский календарь, а потому использовать для описания событий внутри страны календарь григорианский без указания на стиль некорректно (Лефорт скончался не 12-го, а 2/12 марта 1699 г.). Рассказывая о том, что гроб Лефорта хранился в доме Ямщикова, авторы ссылаются на дневник И.М. Снегирева (см. [525, с.259]), который, видимо, не держали в руках, ибо не указывают страницу и в действительности цитируют по «Московскому некрополю» [385-2, с.170], где цитата из дневника искажена, и потому этот стандартный подлог легко определяется. Об их версии эпитафии Лефорту см. ниже.

²⁵ Кратко наши выводы были изложены в статье [219].

²⁶ Это, как минимум, два кладбища: близ Нaleyки, на месте позднейшей Конной площади у Серпуховской заставы (ныне это район Мытной ул., Шаболовки и Конного пер. в Замоскворечье), и несколько более позднее — за Болвановкой и Яузскими воротами, недалеко от Таганки. Были также захоронения в Даниловом монастыре. О них достаточно много говорит И. Соколов (спутавший ряд данных), Д. Цветаев (активно критиковавший Соколова), И. Снегирев, С. Бахрушин и другие авторы. Все известные на конец XX в. латинские надписи с надгробий XV—XVII вв. свел в своей книге Д.А. Дрбоглав. [121, с.218—219; 126; 237; 258; 404, с.24; 526, с.279—280; 527, с.48—49; 532, с.26/1, 11/2; 587, с.106—110; 591, с.115—121].

²⁷ [308, с.81]. В другом переводе: [267, с.403].

²⁸ По обоснованному мнению И.В. Кувшинской, «Геральд а Санта Крuche» (или «Кроче»; а Santa Cruce) — псевдоним о. Иоанна Милана (Франциска Эмилиана): «Gerald — это его псевдоним, если можно употребить такое слово в отношении члена Ордена Иисуса. Существовало жесткое правило. По приезду на новое место пересылались два отчета — двумя путями — и обязательно с подробным планом миссии <...>. Так что Вестник Святого Креста — это “зашифрованное” имя Иоанна Милана, два первых письма подобны, и оба имели план-приложение. Описания дороги,

переправы, въезда в Москву у Gerald'a во многих деталях совпадают с рассказом Корба, спутники Корба перечислены в списке участников посольства, никого кроме известных нам трех священников Гвариента в Москву не привозит». И в другом месте: «Если сравнить письмо Геральда а Санта Кроче со вторым письмом из Москвы (особенно подлинник — да и в переводе это заметно!), то очевидно, что письма написаны одним человеком). Стиль писем о. Иоанна Берулы совершенно иной. Письмо написал один из спутников Гвариента, события слово в слово повторяют рассказы о дорожных приключениях, известных нам от Корба. Иоанн Милан — человек весьма восторженный во всем, что касается Католической веры. Примечательно — я только недавно понял это — что он принимает имя Святого Франциска Ассизского, который в миру также звался Иоанн» [313; 315]. Учитывая эту идентификацию, подчеркнутую нами в именном указателе, мы при цитировании писем будем указывать на то имя, которым было подписано письмо, давая в скобках комментарий, чтобы не способствовать продуцированию ошибки.

²⁹ А.В. Кобак на основании изучения петербургских кладбищ: «Земля кладбищ до конца 19 века принадлежала исключительно церкви — католической, православной, лютеранской, армянской и проч. Она не принадлежала государству. Эту землю специальным образом освящали, особенно ревностно католики и православные. Поэтому и говорится “священная земля” католического (или православного) кладбища. Иноверческими называли кладбища для христиан неправославных конфессий. Соответственно, эти кладбища делились на участки — католические, лютеранские и проч. Так что своим традициям следовали и там» [291]. Как видим, в XVII—начале XVIII века в Немецкой слободе (как и ранее в самой Москве) ситуация в отношении иноверческих церквей была совершенно иной: они находились на частных участках, и им самим ничего не принадлежало. Как станет понятно из дальнейшего повествования, еще одно маленькое, чисто католическое кладбище возникло в 1699—1707 г. на земле, принадлежавшей не церкви, но частному лицу, где был построен и сам костел. Не случайно католическая община позднее так и не смогла представить документов о принадлежности ей этой территории.

³⁰ [414, с.346]. То же повторяет, цитируя Олеария, Цветаев [587, с.106-107; 591, с.119].

³¹ [591, с.120]. В другой формулировке — в [587, с.107].

³² Вряд ли она просуществовала долго. Во всяком случае, по описям 1748 и 1775 гг. [430; 527] таковой в Немецкой слободе не зафиксировано.

³³ Сочетание «католическая кирка» — нонсенс, ибо кирка (или «кирха», от немецкого Kirche) — по определению, протестантская церковь. Католические храмы в русском языке носят название костелов.

³⁴ [294, с.8, 14]. Год 1705-й указан ошибочно. Аналогичное ошибочное утверждение встречаем в [304, с.312]. Каменный костел был построен лишь в 1706 г. См. далее.

³⁵ [71-2, с.529; 471-78, с.26].

³⁶ Например: «Кстати, есть предположения, что останки полководца одно время покоились на старом некрополе в районе Марьиной Рощи. В XVII—XVIII веках на нем хоронили иноверцев. Сейчас на месте кладбища стоят новостройки. Поэтому обнаружить какие-либо «следы» Лефортова здесь уже просто нереально» [391; 517].

³⁷ [362; 385-1, с.X, 280; 550].

³⁸ Меньше 0,5 га. По всей видимости, это то, что еще оставалось от территории кладбища на начало XX в.

³⁹ Любопытнейшая запись (едва ли не самая ранняя) о праздновании Первомая в Московии иностранцами в середине XVII в. В свое время Ярослав Голованов писал: «Истоки Первомая восходят к временам Петра Великого. Правда, тогда приход весны отмечался в Немецкой слободе и лишь с годами переместился в Сокольническую заставу» [191]. Возможно, его описание восходит к соответствующим строкам И.К. Кондратьева, рассказавшего на основании записок Берхгольца о праздновании в Семеновской роще (то есть относительно недалеко от Немецкой слободы) 1 мая 1722 г. и о перемещении в дальнейшем этого праздника в Сокольники [304, с.362]. Берхголец в записи под 1 мая 1722 г.: «После обеда его высочество <герцог Голштинский — Д.Г.> ездил верхом <...> в приятную Семеновскую рощу, где собиралось бесчисленное множество народа и были император и императрица, несмотря на то, что в этот день шел сильный дождь» с комментарием: «За Семеновскою заставою, где прежде были московские гулянья 1 мая, переведенные впоследствии в Сокольники» [127, с.412]. Как видим, истоки Первомая предшествовали петровской эпохе, как минимум, на три десятилетия.

⁴⁰ Роде, скорее всего, пользовался датской милей. В начале XX в. она содержала 24 000 прусских (они же — датские) футов, что соответствовало ≈ 7,533 км. В самом Датском королевстве использовалась еще норвежская миля в 11,3 км, ибо Норвегия являлась частью этого государства, но речь явно не о ней. Из контекста очевидно, что Роде считает расстояние от Немецкой слободы до Марьиной рощи несколько большим, чем полмили ≈ 3,77 км), что вполне соответствует реалиям, поскольку расстояние между пунктами — около 5 км. То, что наши выкладки верны и меры не менялись, подтверждают записки Юста Юля, который в марте 1710 г. измерил версту и получил 3414 датских футов и милю также считал равной 24 000 футам [613, с.324]. Отсюда на начало XVIII в. миля соответствовала 7,59 км (полмили » 3,80 км), что находится в пределах точности измерений, которые мог делать Юст Юль, не имея специального оборудования. Отметим: его измерения говорят в пользу того, что при Петре русская сажень была больше 7-футовой сажени в 2,13 м, официально принятой в 1835 г. Во всяком случае, из измерений Юста сажень оказывается = 2,14 м, то есть больше 7-футовой.

⁴¹ [499, с.32, 36-37]. Да и позднее, в XVIII—XIX вв. Марьиная роща, уже вошедшая в пределы Москвы, была известна тем, что там проходили народные гулянья [242; 271, с.533; 272, с.571; [273, с.640]. Из каталога выставки, посвященной 300-летию академика Г.Ф. Миллера: «Марьиная роща, где

расположили Немецкое кладбище, в XVIII в. была местом гуляний горожан. Документы свидетельствуют, что академик после переселения в Москву неоднократно выезжал сюда с друзьями» [192; 428, n° 227, с.172]. В [242; 273, с.30–31] см. также о легендах, связанных с происхождением названия и о повести В.А. Жуковского «Марьино роще» [248]. Похоже, что эта романтическая повесть, написанная в 1808 г., вновь обрела дыхание и за последние 30 лет выдержала не менее 6 переизданий в различных антологиях [158]. О Марьиной роще писал М.Ю. Лермонтов в очерке «Панорама Москвы» [273, с.543; 331, с.115]. «Марьиной деревне и Марьиной роще» в 1877 г. посвятил отдельный очерк известный краевед Москвы, С.М. Любецкий [345, с.417–424]. Он описывает дачи, игры и гуляния, «ямники», которые были на Божедомке у церкви Иоанна Воина, до перевода кладбища в Марьину рощу (варианты убогих домов, в виде глубоких ям, куда свозились неопознанные трупы), но почти не указывает дат. По контексту можно понять, что речь в основном идет о середине XVIII–второй трети XIX в., то есть значительно более позднее время, чем интересует нас. Исключение — рассказ о царских становищах, который относится к XVII в. О лютеранском кладбище он упоминает, также не давая дат, лишь относит это событие «в прадедовские времена» [345, с.417]. Тот же период расцвета гуляний в Марьиной роще — середина XVIII–середина XIX в. — *de facto* указан и в книге И.К. Кондратьева: «Слава московской Марьиной рощи прогремела на всю Россию, отчасти благодаря сказке Жуковского, отчасти же потому, что здесь было чисто народное гулянье». Впрочем, он описывает и «конец праздника»: «Гулянья в Марьиной роще с годами превратились в нечто неприличное, и потому собственник рощи, граф Шереметев, запретил их и начал сдавать участки земли под постройки. Теперь <1893 — Д.Г.> большая часть Марьиной рощи, ближе к Москве, застроена, а остальная часть, к Останкину, представляет нечто грустное и жалкое» [304, с.358–361]. «В 1920–1930-х годах этот район, застроенный преимущественно ветхими деревянными домами, был своеобразным “дном” Москвы, где на своих “малинах” укрывались уголовники всех мастей. К концу 1960-х годов Марьино роще полностью реконструировано: на месте деревянных домишек возведены хрущевские пятиэтажки» [304, с.589]. Неслучайно братья Вайнеры увековечили Марьину рощу в своем романе «Место встречи изменить нельзя» (роман во второй своей публикации получил название «Эра милосердия», а название перешло на телефильм, снятый Станиславом Говорухиным) [370; 550].

⁴² Длинногривые твердокопытные подольские лошади [470, с.482].

⁴³ Голландская миля, которой, скорее всего, пользовался Койэт, была немного меньше датской: ≈ 7,407 км. То есть, «добрая олумиля» от Москвы — это около 3,7 км (или чуть меньше, если считать, что под словом «добрая» обычно понимается приближение снизу, в отличие от «полумили с гаком»). Дистанция вполне соотносится с указанной Роде, но уже от Немецкой слободы.

⁴⁴ [267, с.384; 470, с.549].

⁴⁵ В литературе спутаны князь Яков Куденетович Черкасский и князь Яков Иванович Лобанов-Ростовский (1660–1732). Из них сделан никогда

не существовавший гибридный Яков Иванович Лобанов-Черкасский, которому как Черкасскому было придано во владение Марьино, но который как Яков Лобанов был обвинен в разбое на большой дороге в 1687 (в реальности в 1685) г. [227, с.290–291; 550].

⁴⁶ [271, с.461, 523]. С.М. Любецкий в 1877 г. считал, что «от Марьиной деревни и роща получила свое название» [345, с.417]. М. Токарев в 2007 г. вроде бы повторяет эту версию, но возникает проблема с датами: «Вероятно, своё название роща получила по впервые упомянутой в переписи 1678 года соседней слободе “Марьино, Боярское тож”» [550]. Во всяком случае, название «Марьино роща» фигурирует в записках иностранцев уже в 1659 и 1665 г., а в русских документах — в 1646 г. Просто в переписи 1678 г. зафиксирована еще одна версия названия, ибо Черкасский был и князем, и боярином.

⁴⁷ [304, с.361; 345, с.417; 489, с.149–150, 156; 544, с.638; 595, с.212, 215].

⁴⁸ Об отце и сыне Черкасских см. [595]. Там же — богатая библиография.

⁴⁹ О шведских пленных в Москве и Подмоскowie, как и о захоронении пастора Глюка, см. [148, с.99; 188; 234; 282; 469; 603].

⁵⁰ Например, см. [385-1, с.279–280; 411]. Во всяком случае, ни одной эпитафии XVII в. с этого кладбища нам в литературе не встречалось. В том числе не приводит их и Тастевен, утверждавший, что оно существовало уже во второй половине XVII в. [544]. Также отсутствуют и указания на имена конкретных лиц, погребенных на Иновечерском кладбище в Марьиной роще в эту эпоху.

⁵¹ [198-1, с.8; 385-1, с.279–280].

⁵² Косвенное подтверждение того, что Вознесенская улица, по которой проходил маршрут Елизаветы, тянулась сквозь кладбище, ибо небольшой погост, существовавший у католической церкви, располагался в глубине участка, скрытого глухим забором, и не мог печалить взгляд императрицы. По всей видимости, сходная ситуация была у реформатской и второй лютеранской церквей, если при них имелись погосты.

⁵³ [485]. Позднее воспроизведен в [598, с.62–63]. Упоминается этот указ и закрытие Старого кладбища в Немецкой слободе также в [294, с.14].

⁵⁴ [192; 428, n° 227, с.172] со ссылкой: РГАДА, ф. 248, оп. 160, n° 516.

⁵⁵ Царский врач Самуэль Коллинс писал в 1667 г.: «Убитых или замерзших привозят в земской приказ <...>, и там выставляются тела на три или четыре дня. Если сыщутся какие-нибудь родственники или знакомые, то они их увозят; в противном случае тела отсылаются в большое подземелье со сводами, которое называется *Божьим домом*; там складывают от ста до двухсот трупов и оставляют до весны, а весной приходят попы, погребают их и засыпают землей» [302, с.195].

⁵⁶ Для устройства этого «первого общественного кладбища в Москве» была создана целая комиссия, которая далеко не сразу остановилась на месте у Марьиной рощи. В конечном счете сыграли свою роль наличие убогого дома, упоминавшегося в указе императрицы, и уже давно существовавшего немецкого кладбища. Подробнее см. [304, с.454].

⁵⁷ [304, с.454, 607; 345, с.418; 598]. «В 1934 году кладбище закрыто, надгробия уничтожены, на территории некрополя разбит детский сад» [304, с.607].

⁵⁸ «Его Императорское Величество указал: в Москве и во всех городах мертвых человеческих телес, кроме знатных персон, внутрь градов не погребать, а погребать их в монастырях, и приходских церквях вне градов» [483].

⁵⁹ [598; 599]. Подробнее о кладбищах, учрежденных в 1771 г., см. [304, с.454–460, 607–609].

⁶⁰ Дата обычно указывается как 2 января 1656 г, в т.ч. и в швейцарских генеалогиях Лефорта [34, с.75; 51, с.24]. Однако в Женеве до 31 декабря 1700 действовал юлианский календарь. Этим объясняются и даты жизни, указанные в [51, с.24]: «(G.° 2 janvier 1656, † Moscou 2 mars 1699», то есть и те, и другие даны по ст. ст.). Регулярно встречающееся в Интернете утверждение, что Лефорт родился в 1655, 1655/56, или «23 декабря 1655 (2 января 1656)», говорит лишь о незнании исторической хронологии авторами, переписывающими ошибку друг у друга. Количество этих сайтов исчисляется сотнями. Их превосходят или им вторят: «Большая советская энциклопедия» (1973), «Советский энциклопедический словарь» (1989), энциклопедический словарь «Отечество: История, люди, регионы России» (1999), «Всемирный биографический энциклопедический словарь» (2000), «Большой энциклопедический словарь» (2000), часть которых ныне тоже размножена в Интернете [132; 333; 443; и мн. др.]. Впрочем, встречаются и утверждения, что Лефорт родился в 1654 г. [505].

⁶¹ [74, с.19; 215; 509, с.10].

⁶² [308, с.133; 332, с.489; 471–78, с.21]. В [505] ошибочно: 10 марта.

⁶³ Майор Мишель Лект (Michel Lect) и инженер Моло (Mollot), швейцарцы на российской службе.

⁶⁴ [332, n° 87, с.200–201].

⁶⁵ В ту эпоху самоедами называли ненцев, самый крупный самодийский народ; впоследствии наименование распространилось и на другие народы самодийской группы, входящие в группу народов уральской языковой семьи [401; 513].

⁶⁶ Об этой части процессии часто забывают, ибо она не попала ни в одну из трех известных гравюр, изображающих «Торжественный вход русских войск в Москву после победы под Полтавой», две из которых принадлежат резцу А.Ф. Зубова, одна — П. Пикара. На всех трех процессию завершает Семеновский полк (на одной из гравюр Зубова изображены еще артиллерийские телеги полка с амуницией) [150, с.54–55; 530, с.76–79, 113].

⁶⁷ [84, с.67–68; 166, стб.1104].

⁶⁸ [256, с.105]. В качестве источника описания выступал «Юрнал» за 1713 г. [474, с.53].

⁶⁹ [84, с.133–134; 166, стб.1149].

⁷⁰ Помимо указанных в тексте далее см. [141, с.12–14; 142, с.14; 239, с.66–68; 354; 439, с.46, 53]. Исключение составляют несколько швейцарских

работ [13; 78], в которых приведен текст из *Gazette des États-généraux de la Hollande*. Нам не удалось идентифицировать эту газету. Допускаем, что речь может идти об *Histoire journalière*, которая выходила в эти годы в Гааге, а в предложенном заголовке использовано название организации, давшей привилегию на ее издание (см. [26]). Далее мы будем цитировать это издание по работам швейцарцев, помня, что вопрос об источнике остается открытым. Обратим также внимание на следующий факт. У Нартова погребению и поминкам посвящен анекдот №16 [74, с. 24–25; 395, с.262–263; 396, с. 60–61; 397, с.549–550; 398, n°16, с.20–21; 509, с.15–16]. Его отдельная версия была опубликована в «Русском архиве», см. [490, с.165]. Вместе с тем, в первой рукописи А.А. Нартова, обнаруженной и опубликованной в 2001 г. П.А.Кротовым [393], прототипа анекдота №16 еще нет, а это значит, что Нартов-сын взял этот сюжет из известных ему литературных источников (в отличие от анекдота о памятниках — см. далее).

⁷¹ [308, с.133–135]. К Корбу, например, восходит описание погребения, данное З. Орфелином [427–1, с.228–229].

⁷² [11, с.140; 60]. В действительности, это *Gazette d'Amsterdam*, которая тогда выходила без заголовка. Приведенное там описание погребения Лефорта [60] дает возможность уточнить еще одно событие, о котором мы уже писали. Позволим себе воспроизвести наши рассуждения (изменив лишь систему ссылок), связанные со сроками приезда Петра I из Воронежа в Москву сразу по получении известия о смерти Лефорта: «А вот другая история, разгадка которой кроется даже не в сутках, а в нескольких часах. Известно, что 4 марта 1699 г. Петр, находившийся в Воронеже, неожиданно прервал чрезвычайно важные для него тайные переговоры с датским посланником Гейнсом и выехал в Москву, куда прибыл 7 марта. В 1701 г. от Москвы до Воронежа насчитывалось 552 версты [148, с.119; 149, с.110] или 596 км. Гейнс утверждал, что переговоры были прерваны известием о смерти Лефорта. Но последний умер 2 марта, и 4-го в Воронеже об этом еще не могли ничего знать (в ту эпоху проехать в коляске 276 верст или 298 км в день было едва ли возможно). Богословский [141, с.8–10; 142, с.11–12], сопоставлявший даты, в недоумении вынужден был датировать депешу Гейнса более поздним временем, когда в Воронеж уже пришли известия о смерти, а поспешный отъезд Петра объяснять информацией о болезни Лефорта, которая содержалась в письме Ф. Головина от 26 февраля (см. Приложение 1 к дополнительной главе) [451, с.760–761]. Однако этого сообщения, в котором говорилось о тяжелом состоянии Лефорта, но не о его смерти, было еще явно недостаточно, чтобы Петр бросил только что приехавших к нему из Москвы бранденбургского и датского дипломатов и прервал переговоры о будущей войне со Швецией. Разгадка обнаруживается в опубликованном в Англии, в апреле того же 1699 года, письме Дж. Дена [23]. Сопоставление содержащихся в нем данных с другой информацией позволяет утверждать, что Петр покинул Воронеж не 4 марта, а на полдня позже, утром 5-го, и прибыл в Москву не 7 марта, а утром 8-го — и все становится на свои места, ибо сделать в сутки от 185 до 220 верст (200–238 км), к тому же по зимнику с частыми подставками — это на пределе возможностей, но реально. А разница-то всего в полдня» [220, с.49]. В *Gazette*

d'Amsterdam имеется утверждение, что, узнав о смерти своего любимца, царь промчал 128 лье за 54 часа [46, с.18; 51, с.161; 60]. То есть собственно скачка продолжалась двое суток и 6 часов. Какое-то время с неизбежностью прошло от момента прибытия в Воронеж гонца с известием о смерти Лефорта до момента отъезда царя. Таким образом, у последнего было около 2,5 суток, что мы и предполагали, но, благодаря газетной информации, сейчас можем оперировать не величинами в «полдня», а часами. Попробуем подсчитать скорость. В тексте мера длины названа «lieües» — на голландский манер, и что она означает — французское льё или английскую лигу, которые являются синонимами, мы в точности сказать не можем, хотя склоняемся к последнему варианту. Английская сухопутная лига равнялась 3 милям, с 1592 г. составляя 4,828 км. Тогда 128 лье ≈ 618 км. Величина, достаточно близкая к той, которую называл де Бруин на 1701 г. — 552 в. ≈ 596 км, хотя и несколько бо́льшая. С другой стороны, мы не знаем точек въезда и выезда, а разница в сумме может быть несколько километров, и тогда различия оказываются в пределах точности измерений той эпохи. Кроме того, за два прошедших года эта дорога, ставшая очень напряженной, могла быть где-то спрямлена и укорочена. Средняя скорость царя в час была 11,4 км, что составляет в сутки непрерывной езды ок. 274 км, — несколько больше, чем мы предполагали, но меньше нереальных 298 км и, видимо, верхняя граница возможного. Если же брать французское льё, то цифры просто не сходятся. С 1674 по 1737 г. действовало льё, равное 2 000 туазов = 3,898 км (льё в 1/25 градуса меридиана = 4,4448 км, о котором пишут в справочниках и на интернетовских сайтах, возникло позже). Но тогда 128 льё должно было бы равняться 499 км, что явно меньше расстояния по дороге от Москвы до Воронежа (оно и сейчас, по шоссе, составляет от 523 до 536 км).

⁷³ Например, [11, с.131, 134, 136, и др.].

⁷⁴ Об этих двух письмах говорит Посселят и приводит обширные выдержки из письма Витсена к Ами Лефорту [471-78, с.27]. См. также [335, с.361].

⁷⁵ Подпись на последней странице номера, внизу: «J.T. Dubreuil». Это Jean Tronchin Dubreuil [26, n° 495]. См. о династии Дюбрёй [72; 75].

⁷⁶ [61]. Комментарий Посселята со списком газет, где публиковалась информация о смерти и похоронах Лефорта ([71-2, с.531; 471-78, с.27]; см. также [335, с.361]), не совсем ясен. Автор явно пользуется III томом материалов из коллекции Вольтера [57], где присутствуют все перечисленные им газеты с извещением о смерти Лефорта, и *только* они. Но в одном случае Посселят говорит о «Gazette de Hollande» от 23 апреля, а в другом — о газете «Les Etats de Hollande et de West-Frise» от 30 апреля, где имелось описание погребальной церемонии. Однако это два номера одной и той же газеты, известной в историографии как *Gazette d'Amsterdam*, но в 1693-1703 гг. выходившей без названия, лишь с подзаголовком: «Avec privilège de Nos-Seigneurs Les Etats de Hollande et de West-Frise» [26, n° 495]. Посселят называет еще *Gazette de France* №19 за 1699 г. Но там сообщается не столько о похоронах Лефорта, сколько о приезде в Москву царя на эти похороны ([22]; рукописная копия — [57, л.215]), а чуть ранее, в № 17 за

25 апреля (н. ст.) — просто информация о смерти Лефорта (ошибочно указано 1 марта вместо 2-го) и несколько слов, касающихся его биографии ([20]; рукописная копия — [57, л.217]). Информация во Францию в одном случае шла через Польшу, в другом — через Данциг, и никакого отношения к голландским публикациям не имеет. В коллекции Вольтера описание похоронной процессии Лефорта имеется также в швейцарской *Nouvelles de divers endroits* от 10/20 мая 1699 [64]. Еще бо́льшую путаницу вносят тексты [46, с.18; 305, с.18], в которых голландская газета правильно определена как *Gazette d'Amsterdam*, но газета *Nouvelles de divers endroits*, которая вошла в историю как *Gazette de Berne*, ошибочно представлена как *Gazette de France*. Впрочем, и эти два названия возникли позже описываемых событий. *Gazette de Berne* стала так именоваться лишь в 1788 г., а *Gazette de France* с 1631 по 1761 г. называлась просто *Gazette* [26, с.443-449, 500-503].

⁷⁷ [308, с.132; 332, с.489].

⁷⁸ [308, с.133-135; 332, с.490].

⁷⁹ Голиков прикладывает русский перевод с немецкого надгробного слова Штумфа, начинающийся словами стиха 8 Екклесиаста [190, с.195-217]. Эта речь стала известна в том же 1699 г. — в Голландии и в 1700 г. — в Германии [76; 77]. В 1739 г. Дж. Мотли, описывая речь пастора, приводит английскую версию ее начала [63, с.44]. Впрочем, его сообщение может восходить не к тексту речи, а к одной из газетных публикаций [21; 60; 62] или к каким-то английским перепечаткам с них, тем более что он дает описание церемонии погребения [63, с.43-44], вполне соответствующее описанию в газетах. В современном русском каноническом переводе этот стих звучит так: «Человек не властен над духом, чтобы удержать дух, и нет власти у него над днем смерти, и нет избавления в этой борьбе, и не спасет нечестие нечестивого».

⁸⁰ [190, с.174]. В [189, с.303]: «<...> от 10 часов утра до 1 по полудни».

⁸¹ [172, с. 133-134]. «Кальвинистский проповедник Штумпф из Гейдельберга» [465, с.24]. Латинское имя — Stumphius [11, с.141; 76; 77] или Stumpfius [465, с.229]; как вариант — Stomphius [63, с.44]. Он появился в Московии не позже 1689 г. и до 1693 г. подвизался в Вологде, затем в Москве. Последнюю покинул в 1702 г., пристав к свите датского посланника Гейнца (Heintz). В Германии стал профессором богословия, сначала во Франкфурте-на-Одере, затем, в 1704 г., в Дуйсбурге (Duisburg) на Рейне, где и умер около 1714 г. [17, с.129].

⁸² Два варианта русского перевода речи были опубликованы И. Голиковым в 1800 г. и Н. Устряловым (по рукописи, хранившейся в Академии наук in 4°, №189) в 1858 г. Оба считали, что речь произносилась на немецком языке. По утверждению Голикова, она, по указанию Петра, была переведена на церковнославянский. Выдержки с немецкого издания публиковал Посселят; обширные выдержки из публикации Устрялова были переизданы в 2006 г. (с ошибочной датой 10 марта 1699 вместо 11 марта) [51, с.161; 190, с.195-217; 332, с.316-318; 561, с.266-270]; см. также [239, с.67; 580]. Нам не удалось найти немецкого перевода книги по различным базам данных и по сводным каталогам, но ее видел и дал библиографиче-

ское описание А. Ле Форт [51, с.161; 77]. Книга была издана в Берлине, по всей видимости, в 1700 г. При поиске этого издания выявилось еще одно, предшествовавшее ему голландское, появившееся в 1699 г. в Амстердаме [76]. Упоминаний о нем в литературе мы не встречали. Два известных экземпляра хранятся в Гронингене в Университетской библиотеке (Bibliotheek Rijksuniversiteit Groningen), и в Гааге, в Королевской библиотеке (Koninklijke Bibliotheek). Копию первого из них мы получили благодаря любезности Х. ван Коннингсбрюгге и Н.К. ван Эрмела. Таким образом, Поссельт прав, и Людвиг Германн Стумфиус надгробную речь произносил на голландском языке.

⁸³ У Орфелина: при «сильной пальбе, опущено было тело в гробницу» [427-1, с.229]. Орфелин ничего не говорит о том, что гробница находилась на кладбище, и его строки можно понять как подтверждение того, что речь идет о церкви.

⁸⁴ [71-2, с.528; 471-78, с.20-25]. Последнее утверждение противоречит описаниям Корба, Бассвиля, Голикова и Виноградова, к которым, в конечном счете, и восходит большая часть последующих текстов, начиная с Нартова и вплоть до современности (напр., [398, n° 16, с.20-21; 563, с.79]). Голиков лишь пишет, что «Пред тем, когда надлежало уже садиться за стол, Монарх отлучился из столовой, и за какими-то надобностями вышел из палат». То же у Виноградова. А вот сбежать с поминок хотели некоторые из бояр, которые, спускаясь с лестницы, наткнулись на возвращавшегося царя, не думавшего никуда уезжать и бывшего на них еще в гневе за нарушение порядка на церемонии [11, с.147-149; 172, с.136-137; 190, с.176-177; 308, с.135; 332, с.490; 394-2, с.460-461]. Бассвиль историю эту берет у анонимного автора из книги: «Histoire de Pierre», но не указывает с какой страницы [11, с.111, 149]. Наши исследования показывают, что это книга Элеазара де Мавийона «История Петра I...», вышедшая в Амстердаме в 1742 г. [55, с.85]. Остальные переписывают с Бассвиля. Мавийон же взял описание у Корба, на которого ссылается. По мнению Майкова, анекдот №16 Нартова, где описана история с боярами на поминках, восходит к Мавийону [398, с.20-21, 110].

⁸⁵ Как здесь, так и в главах по предыстории и истории католической церкви широко используются работы дореволюционных историков, из которых самыми ценными являются труды Д. Цветаева [586-591] — блестящего фактолога-архивиста (впрочем, его знание историографии хуже, чем архивов, к тому же он отнюдь не беспристрастен; критику его трудов см. у А. Лебедева [329]). По сравнению с ним, труды М. Красножена и Л.П. Рушинского [310; 508], в которых рассматривается главным образом бытовая и юридическая сторона вопроса, значительно слабее. Труды Д. Толстого — первые основательные работы по истории католицизма в России, не потерявшие своего значения и до нашего времени [81; 553]. Однако ярко выраженная антикатолическая позиция автора, наряду с тем, что он оказался первопроходцем в разработке темы, привели к тому, что работы Толстого более поверхностны, чем таковые же Д. Цветаева. И наконец, удивительная ангажированность работы И. Соколова [532], помноженная на ошиб-

ки и опечатки в датах, приводит к тому, что его трудом, несмотря на внешнюю фундаментальность, просто опасно пользоваться.

⁸⁶ В.А. Ковригина: «Храм Новой общины Св. Петра и Павла стоял в Кирочном переулке. Через площадь от нее возвышался Лефортовский дворец, а слева располагался Средний рынок Немецкой слободы» [294, с.14]. Явно эту церковь имеет в виду Ю.Н. Соловьев, утверждая: «На плане города Москвы 1763 года против Лефортовского дворца показана Лютеранская церковь с кладбищем и дворами пастора и причетчиков» [535, с.106]. Отсюда ясно, что при Новой обедне было небольшое лютеранское кладбище, которое, видимо, вновь открыли по закону 1762 г., но к Лефорту оно отношения не имеет. У кирхи была колокольня с колоколами. По некоторым утверждениям, Петр I не только присутствовал при ее закладке в 1694 г., но и принял финансовое участие в ее строительстве. По утверждению И. Снегирева, эта церковь праздновала свой столетний юбилей в 1802 г., что не совсем понятно, ибо освящена она была пастором Францом Лоренцом Шрадером в присутствии царя 5 апреля 1695 г. Названа была Петровской («Die Peterskirche»), хотя название не очень прижилось [491, с.537; 526, с.278; 527, с.44; 587, с.248-252, 272]. Каменной кирхе предшествовала деревянная, но предыстория церкви новой лютеранской общины очень запутана, здание несколько раз переносилось с места на место. Подробнее см. в [587] и, с ошибками (в том числе перепутаны лютеранский и кальвинистский приходы), в [532, с.17-25].

⁸⁷ [178, с.271-272; 241, с.751; 295, с.298; 304, с.312; 501, n°8, с.97; n°10, с.97; 502, с.318-319, 328, 331-332, 357-358; 532, с.23; 587, с.212]. На средства, полученные из Саксонии, при ней открылась начальная школа для детей лютеран [54, с.81; 241, с.751]. О пасторах и церковно-приходских советах лютеранских общин см. у В.А. Ковригиной [294, с.12-14]. Об ошибках, закрававшихся в это описание, см. далее.

⁸⁸ [48, с.524; 121, с.219; 410, с.119; 532, с.6-7, 10, 13; 544, с.633-634; 587, с.18-32, 108; 590, с.72-77]. В [504, с.74], по-видимому, опечатка: указан 1616 г.

⁸⁹ [255, с.82; 329, с.185; 404, с.20-21; 415, с.70, 73; 422, с.149; 425, с.56; 426, с.138-139; 532, с.13; 544, с.634; 586, с.24-25, 29; 587, с.35-49; 589, с.188; 590, с.78-79; 591, с.54-63].

⁹⁰ [43, с.138; 416, с.12, 54, 132]. Напомним, что Голландия была едва ли не единственным государством в Европе, где кальвинизм являлся господствующей религией [254, с.32], в то время как в Швейцарии существовали и реформатские, и католические кантоны.

⁹¹ [35, с.6; 404, с.21; 415, с.70; 544, с.635; 587, с.36; 590, с.78]. Иногда встречается утверждение, что реформатская кирха появилась в 1630 г. [48, с.524]. Цветаев на основании анализа источников считает, что на Поганом пруде находилась Реформатская церковь, а на Покровке — Вторая Лютеранская [591, с.68-69]. Какие-либо утверждения, как у митрополита Макария, что лютеране имели церковь, а кальвинисты часовню в самом Кремле и что кальвинисты именно там, «подле своей часовни» построили «изящную церковь» [352, с.233], не имеют под собой никаких оснований.

⁹² [267, с.320; 414, с.344; 591, с.67-68]. Цитируя Олеария, который не датирует описываемые события, Цветаев считает, что недостроенный реформатский храм был разрушен в 1643 г. [587, с.55-56]. Однако далее Олеарий рассказывает еще о двух последовательных разрушениях инославных церквей: «некоторое время спустя лютеране принуждены были, по настоянию патриарха, убрать свою церковь и из Большого города», и затем описывает еще одно разрушение всех протестантских храмов с перенесением их на Кокуй. Другими словами, 2-е и 3-е разрушения должны датироваться 1643-м и 1652-м годами [267, с.320-321; 414, с.344-345]. Но если прав Орленко, утверждавший, что в 1643 г. вместе с лютеранскими была разрушена и реформатская кирха [422, с.65; 425, с.56], то первое разрушение, описанное Олеарием, может относиться лишь к 1632 г., тем более что перед этим он говорит о происшествии 1632 г., приведшем к разрушению лютеранской церкви, и из контекста не следует, что между этими событиями был большой временной промежуток. Тем не менее, на вопрос, была ли в 1632 г. разрушена и реформатская кирха или только лютеранские, в литературе однозначного ответа, как нам кажется, нет.

⁹³ С.П. Орленко утверждает, что в результате челобитья 1643 г. «Были снесены две лютеранские церкви (на Покровке и за Фроловскими воротами) и реформатская кирха на Поганом пруде» [422, с.65; 425, с.56]. Те же цифры в [415, с.74; 591, с.71-74]. В.С. Дельви́г почти дословно повторяет Орленко, но без ссылки на него [228, с.41]. Между рассказом о событиях 1643 г. и сломом кирх он вставляет пассаж о Соборном уложении 1649 г. и дает ссылку — гибри́д между [476] и [477]. В результате по контексту получается, что кирхи снесли после того, как статью вставили в Уложение, то есть в 1649 г. Но в этом году никаких разрушений не было, во всяком случае, до 1652 г., когда все происходило на основании совсем других указов. См. также [43, с.143; 236, с.2; 255, с.81; 352, с.233-234; 404, с.21; 422, с.157-158; 467, с.107; 468, с.101; 524, с.137; 590, с.79]. В [122, с.54] явная неточность: говорится о сломе лишь лютеранских кирх. В [169, с.67] говорится о челобитной 1638 г., вместо 1643-го.

⁹⁴ [250, н°296, с.204; 251, н°296, с.208].

⁹⁵ [529, с.103, 309; 476]

⁹⁶ [416, с.12, 15-16, 38-39, 68, 107, 120, 132, 193, 344-345, 347; 587, с.69].

⁹⁷ [544, с.635]. То же: [352, с.234; 532, с.14-15]. М. Красножен: «лютеране имели <...> Михайловскую церковь, построенную в 1643 году у нынешних Красных ворот» [310, с.88].

⁹⁸ [415, с.74]. То же у Цветаева, который уточняет, что место для строительства находилось «в 20 саженях от городского рва» [590, с.74; 591, с.77].

⁹⁹ Автор книги, вышедшей к 300-летию слободы, Н.А. Домашнева полностью запуталась в «слободах». Она считает, что в 1652 г. иностранцы были выселены в Немецкую (Иноземную) слободу, которая вскоре разрослась настолько, что была заложена еще одна, Ново-Немецкая слобода [236, с.2-3]. В определенном смысле такому подходу способствовали не очень корректные формулировки в известной книге И.К. Кондратьева «Седая старина Москвы», в 1990-е гг. выдержавшей два переиздания [304].

Хотя в сноске на с.349 автор и признает, что «Чужестранным выходцам отведена была земля в Москве еще в 1652 году», но на с.15 в основном тексте читаем о петровской эпохе: «Петр Великий <...> обращал на Москву особенное внимание. <...> Вызваны из разных государств ученые люди по всем отраслям знаний и поселены в предместье Москвы, составив отдельную слободу под названием Немецкой» [304, с.15, 349]. Отсюда читатель делает очевидный вывод, что Немецкая слобода возникла лишь при Петре I.

¹⁰⁰ Документ, в котором говорилось об отводе земли под строение в Ново-Немецкой слободе, датировался 4/14 октября 1652/7161 г., а по утверждению шведа Эберса в письме от 30 октября, на переселение было дано сроку 8 недель. В реальности переселение завершилось лишь к весне 1654 г. [416, с.45, 68, 107; 422, с.66; 425, с.60-61; 477]. См. об этом также [3, с.412; 143, с.224-225; 171, с.20-21; 228, с.44; 231, с.15; 236, с.2-3; 255, с.83-84; 267, с.321, 397-398; 292, с.238; 296, с.190, 201; 298, с.339; 387, с.350; 402, с.43; 404, с.22; 414, с.345-346; 422, с.151; 423, с.76; 424, с.16; 467, с.107-108; 468, с.101-102; 542, с.161-162; 590, с.66-67]. Любопытную гипотезу приводит С.Ф. Платонов: «Поводом для этой меры <переселения в слободу — Д.Г.> послужили большие пожары, опустошившие Москву в 1652 году. После них, в связи с вопросом о застройке и регулировке погоревших кварталов, поднят был вопрос и об отводе для иностранцев особого места для стройки за пределами Москвы вне ее “слобод” и “улиц”» [467, с.107; 468, с.101]. Вполне основательная в трактовке Платонова, она становится глубоко сомнительной в трактовке П.В. Верховского, снимая с правительства какую-либо ответственность за инициативу переселения: «против свободы иноземцев <...> возстал русское население, которое <...> после пожара Москвы 1652 г. понудило правительство вновь собрать всех иноземцев в одно поселение, которое и приказано было им строить приблизительно в том же месте, где раньше стояла разрушенная в Смурную эпоху Немецкая слобода» [169, с.67]. Если говорить о датах, то ошибочным является встречающееся утверждение, что «Указом царя Алексея Михайловича от 4 октября 1652 г. выходцы из стран Западной Европы были выселены за пределы города, на берег р. Яузы» [294, с.7]. Близкие формулировки в [170, с.44-45], где автор говорит об «изданном в октябре 1652 г.» указе; в [9, с.234; 10, с.15], где автор считает, что указ от 4 октября не только выселял всех иностранцев из Москвы, но и давал им на переселение 4 недели; в [236, с.3], где автор утверждает, что «размер земельных участков определялся указом от 4 октября 1652 г.»; несколько более отбегая, но тоже не совсем корректно — в [170, с.44-45; 228, с.43-44, 98; 298, с.339, 348]. В действительности это не указ царя, и в этом тексте нет ни слова о том, что иностранцы обязаны переселиться в «новую иноземскую слободу». Перед нами отчет трех лиц (стольника Афанасия Ивановича Нестерова и дьяков Федора Иванова и Богдана Арефьева) об уже проделанной работе по отводу земли «под дворы» выселяемых иностранцев на территории Немецкой слободы («где были наперед сего Немецкие дворы, при прежних Великих Государях, до Московского разорения») и передаче этих участков иностранцам. Земля отмерялась по приказу окольничего Богдана Матвеевича Хитрово, главы Земского приказа, и дьяка Максима Лихачева, а те

уже действовали на основании царского указа. Более того, из текста очевидно, что представители ряда профессий успели подать совместную челобитную о повышении размеров выделяемых им участков, что и было сделано. А на это нужно время. Таким образом, сам указ должен был появиться много раньше, думаем, что еще летом 1652 г., но в ПСЗ отсутствует и, скорее всего, до нас не дошел. Сколько-нибудь четко эта позиция отражена в статье Т.В. Ручинской и в поздних трудах Т.А. Опариной и С.П. Орленко (см., например, [415, с.80; 419, с.30; 425, с.58; 507, с.20]), но даже в их ранних работах еще не все корректно. Орленко: «Указ об отводе земель под Новую иноземскую слободу последовал 4 октября 1652 года» [426, с.139]. Опарина: «Для отказавшихся принять крещение 4 октября 1652 г. началось выделение земельных участков в предместье Москвы» [417, с.163]. Но подчеркиваем: это не указ об отводе земель и не начало их выделения, а отчет *об уже проделанной работе*. Ф.И. Тастевен впал в другую ошибку, датируя основание Ново-Немецкой слободы 1649 г. [544, с.635]. По-видимому, его утверждение связано с тем, что в 1648 г. патриарх Иосиф подготовил обращение к Алексею Михайловичу с требованием изгнать «некрещеных немцев» за пределы Москвы. Тогда светская власть это требование не поддержала [415, с.76, 80; 419, с.30; 425, с.57]. Учитывая имеющуюся проблему в прочтении указа № 85 от 4 октября 7161/1652 г., мы даем его текст: «85. — Октября 4. Об отводе земли под строение в Немецкой слободе. По указу Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Руси, Афанасий Иванов сын Нестеров, да Дьяки, Федор Иванов, да Богдан Арефьев, строили новую иноземскую слободу за Покровскими воротами, за Земляным городом, подле Яузы реки, где были наперед сего Немецкие дворы, при прежних Великих Государях, до Московского разорения, и роздали в той Немецкой слободе под дворы земли, размера против наказу, каков им дан из Земского приказа, по приказу Окольного Богдана Матвеевича Хитрова, за приписью Дьяка Максима Лихачева. Служивым Немцам, первая статья, вдоль по 40, поперек по 20 сажень; другая статья вдоль по 30, поперек по 15 сажень; третья статья вдоль по 15, поперек по 10 сажень; а Докторам, против первой статьи, Аптекарям против средней статьи, алмазного, и золотого, и серебряного, и канительного, или кружевного дел Немцам мастерам, по подписной челобитной, за пометою Думного Дьяка Михайла Волошенинова, всем против средней статьи, и торговым Немцам, и вдовам, примериваясь к прежним их Московским дворам; меньших статей Немцам: сержантам, и капралам, и полковым обозничим, и всяких мелких чинов служилым Немцам, вдоль по 10 сажень, поперек по 8 сажень, против памяти, какова прислала из Земского приказа, за приписью Дьяка Максима Лихачева. Дати под дворы места Немцам, вдовам, и всяких мелких людях Немцам, у которых своих дворов на Москве нет, вдоль по 8 поперек по 6 сажень; кому иманы, и каких чинов, Немцам и вдовам, и по сколько вдоль и поперек сажень под дворы земли дано, и сколько учинено больших улиц и переулков, и скольких сажень поперек, писано в строельных книгах имянно» [477].

¹⁰¹ Он же — Иоганнес Кравинкель; Крайвинкель (Johannes Krawinkel; Kraywinkel; Krawinkel; Grauwinckel). Обучался теологии в Лейдене. Прибыл

в Россию в 1644 г. через Архангельск; некоторое время был в Туле, затем — на железоделательном заводе Марселиса на р. Ваге, недалеко от Архангельска, затем — пастором в Архангельске. В Москву был призван после того, как в ноябре 1649 г. там умер пастор Булеус (Bulaeus). Прибыл, похоже, в марте 1650 г. Автор неопубликованной рукописи «Beschryvinge van Moscovien» («Описание Московии»), проданной с аукциона в 1873 г. Далее следы рукописи теряются [43, с.145-156]. В 1659 г. Кравинкель стал опекуном детей голландского купца и агента короля датского Давида Рютца (Давыда Николаевича Рутца или Рутца, 1595-1659). В [611, с.484] утверждается, что Рютц в 1622 г. пожертвовал деньги на строительство новой лютеранской кирхи в Москве. Вполне возможно, ибо реформатской церкви еще не было (о том же — у Цветаева, [591, с.68]). В этом случае Рютц, скорее всего, был одним из главных жертвователей, обеспечивших строительство первой голландской церкви в Ново-Немецкой слободе (в другой терминологии, перенос церкви из Москвы при переселении иностранцев в 1652 г.). Яков Борель (Boreel), глава голландского посольства в Россию в 1664—65 гг., «просил о восстановлении в пределах Москвы переведенных в пригородную слободу реформатских церквей», но безуспешно [286, с.10]. О Кравинкеле говорит в своих записках Андрей Роде, секретарь датского посланника Ганса Ольделанда, побывавший в Москве в 1659 г. [499, с.28-29, 32]. Библиография о пасторе, как, впрочем, и о реформатских церквях в России, приведена в [470, с.435]. См. также [591, с.67, 87].

¹⁰² [544, с.635]. См. также [236, с.3]. Если исходить из того, что речь идет о трехаршинной сажени (2,16 м в ту эпоху), то размеры участков соответствовали $86,4 \times 41 = 3542 \text{ м}^2 \approx 0,35 \text{ га}$; $64,8 \times 47,5 = 3079 \text{ м}^2 \approx 0,31 \text{ га}$; $86,4 \times 43,2 = 3732 \text{ м}^2 \approx 0,37 \text{ га}$.

¹⁰³ [415, с.81]. См. также [591, с.85].

¹⁰⁴ Барон Августин де Мейерн (Майерн), с августа 1666 г. — барон Мейер фон Мейерберг (Майерберг; Meyerberg; 1612-1688), императорский посол в Московии. Велу посольство покинуло 17 февраля (н. ст.) 1661 г., а вернулось 22 февраля (н. ст.) 1663 г. В Москве находилось с 15/25 мая 1661 г. по 26 апреля / 6 мая 1662 г. [365, с.XII-XIII; 611, с.408-410].

¹⁰⁵ [228, с.49-50; 365, с.123].

¹⁰⁶ [1, с.415; 88, с.214; 267, с.357; 542, с.169, 171]. Таким образом, известное описание Алексея Толстого об одном из первых посещений Петром Боярской думы осенью 1689 г.: «Вспомнил — летом в раскрытые окна доносилось дребезжание колокола на немецкой кирке» [551, с.168: 552, с.182] — недостоверно.

¹⁰⁷ [267, с.321; 414, с.346]. За Олеарием повторяют митрополит Макарий и И. Соколов [352, с.234; 532, с.17].

¹⁰⁸ [267, с.363; 542, с.68]. См. также [88, с.218; 591, с.113]. Речь идет о герцоге саксен-готском Эрнсте Благочестивом [591, с.104]. Знаток Слободы Д.С. Дельвиг: «Культовые сооружения жителей слободы практически ничем не отличались от их домов. Они не имели колоколен, была лишь небольшая глава с крестом» [228, с.50].

¹⁰⁹ [5, dos.26, n° 14, 2 f.; 228, с.47; 332, с.44, 46; 471-74-8, с.238]. В [332, с.44] письмо ошибочно датировано 5 сентября 1675 г. В [228, с.47] написано, что письмо адресовано старшему брату Лефорта, Амадею (но его старшего брата звали Ами), а в [471-74-8, с.238] — что брату Ами. В действительности письмо адресовалось всем его братьям («Messieurs et tres honorés freres»), но посылалось на имя Ами.

¹¹⁰ [470, с.435, 460, 465, 473, 477].

¹¹¹ [411, с.227-228; 526, с.279; 527, с.45].

¹¹² [294, с.14; 304, с.312; 502, с.357]. При этом Кондратьев забывает о переносе церквей в 1652/53 гг., и считает, что церковь св. Михаила была построена в 1643 г. [304, с.312].

¹¹³ [587, с.105-106, 212-213; 589, с.176].

¹¹⁴ Некоторое время жил в Московии. Свою книгу о религии московитов издал в 1694 г. [508, с.31].

¹¹⁵ Чех Бернгард Таннер побывал в России в составе польского посольства Черторыйского. В Москве посольство находилось с 10/17 мая по 14/24 августа 1678 г. [542, с.48, 100, 109]. Книгу о своем путешествии Таннер опубликовал в 1680 г. и переиздал в 1689 г. [88, с.222; 290, с.323; 508, с.31; 542].

¹¹⁶ Выписки о числе церквей из свидетельств Олеария, Рейтенфельса, Рингубера, Кильбургера и др. приводит Цветаев [590, с.80-81].

¹¹⁷ [508, с.217] со ссылкой на Таннера. То же — в [532, с.27]. Сам Таннер, описав запрет на католическую службу: «богослужение иных исповеданий не только допускают, но содержат даже на свой счет проповедников и пасторов» [542, с.72-73]. Геннин(г) (H. Chr. Von Henin), побывавший в Московии в 1673-1674 гг., называет цифры выплат: проповедники двух лютеранских церквей получали от казны в год по 400 талеров, а реформатской — по 500 талеров. Цветаев цитирует и его, и Таннера, но считает, что сие «известие слишком неправдоподобно» [590, с.81]. См. также [329, с.196]. Ситуацию разъясняет Т. Опарина: «Право публичного богослужения было предоставлено лишь одной группе иммигрантов — ортодоксальным протестантам из Западной Европы. <...> русское правительство, соглашаясь с пребыванием на территории России протестантского духовенства, возлагало на настоятелей вполне определенные государственные обязанности. <...> Клятва на Евангелии являлась обязательным элементом принесения “служилыми иноземцами” присяги русскому государю. В сакральной церемонии, безусловно, важнейшую роль играли пасторы. Таким образом, как это ни парадоксально, институт пасторов, вовлеченный в мир западноевропейского протестантизма, являлся необходимой частью государственной машины России» [416, с.343-344] (о том же: [416, с.193, 349]).

¹¹⁸ И сноска: «Так по Таннеру; Рейтенфельс говорит, что в Немецкой слободе было 3 лютеранских храма и 2 кальвинских» [290, с.231-232]. В русском переводе записок уроженца Курляндии Якова Рейтенфельса (Jacob Reutenfels), побывавшего в Московии в 1671-73 гг., соответствующее место выглядит следующим образом: «Из предместий главное — Иноземская слобода или Кокуй, отстоящая от последнего городского окопа лишь на расстоянии небольшого поля, с постройками также деревянными, возведен-

ными по правилам и образцам немецким; здесь немцы живут отдельно от русских и посещают три лютеранские церкви, две кальвинистских, одну голландскую и одну англиканскую, кои не имеют, однако, колоколов. Управляются они не выборными из их среды начальниками, но подчинены придворному суду. За нею следует слобода Басманная <...> называемая <...> слободою перекрестов, т.е. тех, которые, приняв вторичное крещение, перешли из иноземных христиан в веру московитов». И далее: «Лютеране же и кальвинисты не только в самом городе Москве, но и в Архангельске и других городах открыто отправляют богослужение по-своему, но не употребляют колоколов» [267, с.351; 382, с.65; 494, с.305, 374]. См. также [542, с.166], где перевод отдельных пассажей явно точнее. Например: «Управляются они не выборными властями, а приказом». Должны отметить, что голландская церковь является кальвинистской деноминацией (в отличие от англиканской, где сильно влияние кальвинизма, но все-таки это не реформатская церковь). Однако среди англичан было много кальвинистов. Не исключаем, что автор, сам ревностный католик, приводил данные не только на основании собственных наблюдений, но и опираясь на слухи. В результате он мог включить в общий перечень какую-то «домовую» церковь, точнее, молитвенное помещение внутри жилой постройки, которое с юридической точки зрения храмом не являлось, но где англичане проводили какие-то службы. Во всяком случае, информации об отдельном храме, построенном в эту эпоху специально для англичан-кальвинистов или англичан-англикан, нам не встречалось. Возможно, это утверждение связано с процитированным выше текстом Олеария [267, с.321; 414, с.346]. Таким образом, реальное количество храмов различных конфессий в Немецкой слободе было меньше, чем то, на которое указали Рейтенфельс и Зане.

¹¹⁹ [422, с.51]. См. также [296, с.190; 418, с.217].

¹²⁰ [587, с.99-197; 589, n° I; 590, с.81-82; 591, с.87-114]. Также см. [404, с.23, 32-36] Несмотря на тщательность работы Цветаева, «Старая обедня» и «Новая обедня» в литературе путаются и в наше время. Так, Т.В. Ручинская утверждает, что «церковь “Старая обедня”» находилась на Гороховской улице и что на плане 1650-х гг. указана «старолутеранская кирха (на улице Коровий брод напротив Слободского дворца)» [507, с.20]. Однако история Слободского дворца начинается лишь с 1749 г., и ни на каком плане 1650-х гг. он обозначен быть не мог, а упоминаемая «старолутеранская кирха» — это, скорее всего, «Новая обедня», то есть «новолютеранская кирха». Старая же лютеранская кирха («Старая обедня» или кирха св. Михаила) располагалась в Кирочном (Новокирочном) пер., а не на Гороховской ул. (ныне ул. Казакова), которая находится за пределами Немецкой слободы, в Басманном районе, да в те годы и не существовала. На ее месте находилось тогда Горохово поле (по имени государева Горохового двора), давшее позднее название улице. Там, на границе с Вознесенской ул. (ул. Радио), архитектором М.Ф. Казаковым в 1788-1793 гг. был воздвигнут православный Храм Вознесения на Гороховом поле или Вознесенская церковь, действующая и поныне [559].

¹²¹ [430, с.119, 146; 527, с.46].

¹²² В описаниях Андрея Роде (1659) и Яна Стрюйса (1669) упоминаются и первая лютеранская, и первая реформатская церкви в слободе. Описание Роде см. выше, в главе «Кладбища». Стрюйс: «23 февраля состоялась свадьба нашего товарища Корнелиса Саарсхен Брака из Фена, который повенчался в немецкой церкви в слободе со служанкой господина фан Сведена, по имени Мария Янс, дочерью татарских родителей, которая вместе со своей родней приняла христианскую веру и крестилась в голландской церкви <...>. Через неделю повенчался еще один из наших товарищей, Яков Траппен, с Елизаветой Питерс из Любека, служанкой доктора медицины, проживающего в Москве. Это совершилось в лютеранской церкви, и на этой свадьбе мы веселились, как на предыдущей» [541, с.326]. События датируются 23 февраля / 5 марта и 2/12 марта 1669 г.

¹²³ [587, с.258-263]. См. также [35, с.7]. Полная путаница при описании этой истории у И. Соколова [532, с.24]. Его ошибки детально разобрал Д. Цветаев [587, с.259-261].

¹²⁴ [175, с.103, 110, 155, 172-173].

¹²⁵ [29, с.396; 261, с.15-16; 587, с.259].

¹²⁶ Т.е. в плане занимала участок 17,3 x 11,9 м.

¹²⁷ Достойно сожаления, что один из самых глубоких знатоков Немецкой слободы В.А. Ковригина перепутала конфессиональную принадлежность либо протестантских церквей, либо их прихожан. Так, она пишет: «Среди выборных старост и попечителей Старой и Новой лютеранских общин Немецкой слободы петровского времени фигурировали немцы <...>. А их патронами, много сделавшими для материальной поддержки общин, украшения храмов, обустройства школ и снабжения их книгами, были у Старой кирки — “гамбургские купцы”, лютеранин из шотландцев Я.В. Брюс, а у Новой — кальвинист Фр. Лефорт <...>» [294, с.13]. Автора не смущает, что при наличии реформатского прихода кальвинист Лефорт оказывается у нее прихожанином лютеранской кирки. К тому же среди источников, которые автор приводит на этих страницах в подтверждение своих слов, имеются комментарии к запискам Избранта Идеса и Адама Бранда [261, с.16], где ясно указано: Лефорт был прихожанином Голландской реформатской церкви. Впрочем, путаница в описаниях Новолютеранской и Реформаторской кирк является почти стандартной ошибкой и встречается уже у авторов XIX в. Эту проблему подробно разобрал Цветаев [587, с.259-261]. Сомнительно также утверждение Ковригиной о лютеранстве Брюса: он был протестантом и прихожанином лютеранской общины св. Михаила, но отсюда не следует, что он был лютеранином, скорее всего, как и его отец, пресвитерианцем. Просто все протестанты вынуждены были выбирать между лютеранскими и реформатским приходами, других возможностей не было. Подробнее на эту тему см. в книге Опариной [416].

¹²⁸ [17, с.119; 587, с.114, 256-263].

¹²⁹ [18, с.63; 223, с.126]. Ссылаясь на Давида, эту версию повторяет М.Я. Волков [178, с.272].

¹³⁰ М.И. Казанин [261, с.16], по всей видимости, считал, что здание существовало на 1967 г., ибо пишет об эмблеме Лефорта в настоящем

времени. Текст Цветаева значительно сдержаннее: помимо Витсена «В издержках на сооружение, конечно, принимали участие и московские члены общины, голландские купцы, а также и Лефорт, о котором передавалось, что он хотел было даже построить колокольню; однако большого усердия в них незаметно» [587, с.259-260].

¹³¹ [17, с.119]. Пер. с немецкого С. Карабинской, с латинского — И. Кувшинской.

¹³² [366, л.75; 367, л.LII]. В [558, с.76] приведен рисунок под названием: «Немецкая слобода (Из альбома Мейерберга)». В действительности там опубликован совсем другой рисунок из того же альбома под № 99, на котором показан городок Гробин в Курляндии (рисунок, изображающий Немецкую слободу имеет номер 75) [366, л.99; 365, с.123-125, 174].

¹³³ Исключение составляют временные посольские (домовые) церкви. Они устраивались иностранными посольствами во время их пребывания в Москве в тех зданиях, которые отводились послам и их свитам для проживания; служили в них посольские капелланы, которые, как правило, покидали страну вместе с самими посольствами. Так, П. Гордон описывает в дневнике визит к нему в декабре 1687 г. капеллана-иезуита, состоявшего при польском посланнике [197, с.160]. Даже при изгнании из Москвы иезуитов в октябре 1689 г. ксендз при польском посланнике не без осложнений, но был оставлен. Невилль о Нарышкиных: «Эти невежды начали с того, что вновь запретили <...> отправление католической службы, так что теперь только польский посланник («l'envoyé») имеет часовню, и то достигнута почти силой» [85, с.161; 399, с.103, 164]. Упоминания о посольских церквях, как протестантских, так и католических, встречаются в записках иностранцев XVII в. Московская администрация открыто не препятствовала посещению этих церквей иностранцами, жившими в Немецкой слободе. Чаще всего церкви располагались в здании Посольского двора в Китай-городе на Ильинке (в 1935-91 гг. — ул. Куйбышева), где, как правило, размещались приезжие послы из западноевропейских стран. Например, см. у Витсена и Койэта — о кальвинистских церквях [175, с.164; 470, с.458]; у спутника Карлейля — об англиканской («Остальные комнаты были две большие палаты; в одной, где был балдахин, мы устраивали молебен по тем дням, когда слушали проповедь». Цит. по [542, с.49-50]); у Мейерберга — о католической [368, с.114]. К тому же Мейерберг оставил подробный рисунок двора [366, л.63; 367, л.XLI; 365, с.95-97], многократно с тех пор публиковавшийся. На этом рисунке, справа, под № 11 изображено двухэтажное здание с плоской крышей, высоким порталом и одним окном на втором этаже (слева к нему примыкает здание под № 10 с аркой проезда). Оно обозначено как «комната гофкаплана, посольского священника» [123, с.82-85; 365, с.96] (см. также [14, с.154; 367]). По всей видимости, посольская домовая церковь располагалась именно в этом строении. О католических богослужениях на Посольском дворе говорится и в деле, связанном с польским посольством Габриэля Стемпковского в 1644-1645 гг. [416, с.269, 272]. Этот двор как место проживания послов перестали использовать лишь в петровскую эпоху. Запись Юста Юля в дневнике под 20/21 февраля 1710 г.: «В Москве есть большое кирпичное подворье, назы-

ваемое Посольским, в котором в прежнее время останавливались посланники и послы, но где теперь, вследствие темноты и разных других неудобств, никто из иностранных представителей не живет. Впрочем, Датские посланники пользуются в нем несколькими комнатами для склада вещей и хранят здесь от воров и пожаров большую, а равно и ценнейшую часть своего имущества» [613, с.73].¹³⁴ [501, н° 10, с.97; 502, с.328]. Последнее утверждение ошибочно. См. далее.

¹³⁵ [501, н° 8, с.97; 502, с.319].

¹³⁶ [527, с.46]. Те же размеры в [587, с.263]. Т.е. участок был 86 х 23 м.

¹³⁷ На стене этого особняка — мемориальная доска с надписью: «Здесь 31 (18) октября 1905 г. был злодейски убит агентом царской охраны член Московской организации большевиков Николай Эрнестович Бауман».

¹³⁸ [501, н° 10, с.97-98; 502, с.328].

¹³⁹ Как нам кажется, утверждение Ю. Рябинина, что «Реформаторская церковь в Лефортове находилась на углу Немецкой (Бауманской) улицы и Денисовского переулка» [511] (то же — у В.В. Нечаева [404, с.23]), не совсем точно: она находилась достаточно далеко от угла, в глубине участка по переулку, хотя участок был тот же самый.

¹⁴⁰ [35, с.11-14; 194; 279; 304, с.312; 413; 491, с.336; 587, с.259]. В 1924-93 гг. переулок носил название Малого Вузовского. Об истории Реформаторской кирхи в XVIII—I-й половине XIX в. см. также [17, с.121-133].

¹⁴¹ Кратко эта история описана нами в [221].

¹⁴² [501, н° 8, с.97; 502, с.319].

¹⁴³ На территории участка, где также стоит дом сенатора И.В. Лопухина, некогда принадлежавший, как гласит легенда, Мазепе [526, с.278; 527, с.44]. В [304, с.312; 383, с.234; 410, с.65, 129; 504, с.74-75] утверждается, что закладка произошла в 1817 г., а в [304, с.312], что церковь в 1817 г. была построена.

¹⁴⁴ См. далее. Современный исследователь о проживании семейства Пушкиных в 1808-1811 гг. в Немецкой слободе: в ту эпоху «от времени Петра I кроме Лефортовского дворца сохранились старые кирхи» [118, с.15]. И костелы, добавим мы.

¹⁴⁵ Довольно подробно пожар, который непрерывно длился со 2/14 по 8/20 сентября 1812 г., описан в [273, с.107-110, 142-145]. Там же приложена карта города, выполненная в том же 1812 г. с указанием выгоревших мест. Из нее видно, что выгорела почти вся Немецкая слобода севернее Вознесенской улицы, за исключением небольшого участка, примыкающего к этой улице, и района между Коровым бродом и р. Яузой (то есть не были затронуты Лефортов и Слободской дворцы) Во всей XIX «Лафертовской» (Лефортовской) части, которая тогда объединяла бывшие Немецкую, Лефортовскую, Покровскую и Преображенскую слободы, уцелел лишь 121 дом.

¹⁴⁶ [346; 501, н°10, с.99; 502, с.331-332, 357-358].

¹⁴⁷ [71-2, с.529; 471-78, с.25-26].

¹⁴⁸ [252] с неточным пересказом у Посселя [71-2, с.530; 471-78, с.27], см. далее.

¹⁴⁹ [71-2, с.528; 471-78, с.26]. См. также [335, с.361].

¹⁵⁰ [35, с.7; 501, н° 10, с.97]. «Лефорта похоронили в присутствии Петра в реформаторской церкви на Немецкой улице» [283, с.293; 501, н° 10, с.92]. «Ныне место захоронения Лефорта неизвестно. Церковь, в которой он был первоначально погребен, была разобрана еще в XIX веке» [510]. «По всей вероятности, Лефорт был похоронен в реформаторской церкви Немецкой слободы, стоявшей на углу нынешней Бауманской улицы и Денисовского переулка» [386]. Лефорта «похоронили в реформаторской церкви на Немецкой улице» [181, с.114; 236, с.5]. «Большинство историков склоняются к тому, что первоначально Лефорта похоронили в лютеранской кирхе в Немецкой слободе», «<...> с места его <Лефорта — Д.Г.> первоначального захоронения в лютеранском храме на территории Немецкой слободы в Москве (ныне район Лефортово)» [376; 391; 517]. В двух последних случаях, к тому же, спутаны кальвинистский и лютеранский храмы.

¹⁵¹ [11, с.141-142; 172, с.135; 190, с.174; 308, с.134-135; 332, с.490].

¹⁵² [308, с.135; 332, с.490].

¹⁵³ По-видимому, племянник Франсуа Лефорта, Пьер.

¹⁵⁴ [308, с.133-134; 332, с.490]. Цитирование по другой версии перевода [96, с.351].

¹⁵⁵ [60]. К этому же газетному тексту восходит описание Мавийона [55, с.83-84], хотя Корба он знает. У него Лефорт представлен уже в качестве генерал-адмирала, чего нет ни у Корба, ни в голландской газете. Краткое описание погребения см. также в [354, с.77].¹⁵⁶ «Генерал-Адмиральское» знамя — это творчество Голикова, ибо и у Бассвиля, и в голландской газете стоит «Le Pavillon d'Amiral» («Адмиральский штандарт (знамя)») [11, с.138; 46, с.18; 60; 305, с.18].¹⁵⁷ Это артефакт. И в голландской газете, и у Бассвиля [11, с.138; 46, с.18; 60, с.1] стоит: «Tous les Ecoliers des collèges & écoles publiques avec leurs Régens» («Все ученики колледжей и публичных школ с их наставниками»). Еще короче — в швейцарской газете: «les Ecoliers de tous les Colèges» (SIC!) [64]. Никакой Морской академии в Москве на 1699 г. не было. Ошибка Голикова не так проста, как кажется на первый взгляд. Вопрос о том, какие учебные заведения явились прототипами Навигацкой школы в Москве, официально открытой в 1701 г., исследован недостаточно, хотя не вызывает сомнения влияние Оксфорда, точнее Колледжа Церкви Христовой, из которого вышли Гвин и Грейс, бывшие, наряду с Фарварсоном, первыми преподавателями в Навигацкой школе. С другой стороны, последняя в просторечии получила название Московской морской академии (во всяком случае, после открытия Морской академии в Петербурге в 1715 г.). Вместе с тем, существует любопытная версия, восходящая к «Поденным запискам» Петра I, что Навигацкая школа *de facto* возникла в 1699 г., когда принятые на русскую службу Фарварсон, Гвин и Грейс начали преподавать в Москве [70, с.10; 187-1, с.200; 442, с.7-8]. В этой ситуации для иностранца назвать русскую техническую школу, еще не получившую своего официального наименования, «Коллежем» по аналогии с учебным заведением, которое окончили его преподаватели, — вполне логично и косвенно подтверждает возможность возникновения прообраза Навигац-

кой школы в начале 1699 г. 158 [190, с.170-173]. Мы исключили из описания постоянные упоминания о траурной одежде и траурных знаках, как не имеющие отношения к длине процессии. В «Дополнении к деяниям <...>» [189, с.300-303], Голиков дает несколько иное описание, чем приведенное нами из «Исторического изображения жизни <...> Лефорта <...>». Отличия эти чисто литературного характера — участники процессии те же самые. Устрялов в кратком описании опирается, скорее, на Корба, во всяком случае, имени Голикова он в ссылках не упоминает [561, с.265, 270]. Богословский описывает по Корбу, но учитывает текст Устрялова и донесения бранденбургского посланника М.Л. фон Принцена [141, с.11-15; 142, с.14-17]. Описание см. также в [580]. Описание процессии и детальный анализ всей церемонии похорон дан в [342, с.58-61]. Из описаний, встречающихся в художественной литературе: [381, с.94; 551, с.315-316; 552, с.337-338]. Исследователь русской гравюры Б. Заболотских считает, что знаменитый лубок «Как мыши кота погребают», воспроизводя бесконечную погребальную процессию, был направлен не против Петра I, а против Лефорта [249, с.46]. Думается, это натянутая интерпретация. Даже если в Лефорте «усматривали главного виновника всех реформ, обрушившихся на Россию», образ кота, то есть повелителя по отношению к подданным-мышам, мог быть дан лишь монарху. Другой вопрос, что церемония похорон самого Петра восходит к той, которая была им организована при погребении Лефорта. Так, на лубке мы видим мышей, играющих похоронную музыку, впервые введенную Петром на похоронах Лефорта (если не раньше, в 1696 г. на похоронах Лекта и Моло). Но отсюда до утверждения, что хоронят Лефорта — дистанция огромного размера. Тем более что оно противоречит более ранним версиям изображения, где в саях-катафалке лежит «Кот Казанской...». Последнее фактически составляет пару знаменитому одноименному лубку «Кот Казанской...», однозначно увязываемому с Петром I. В версии лубка 1730-х гг. под № 11 изображена «Мышь срезани всinemь сарафани идучи горько плачет асама вприсятку пляшет» («Мышь с Рязани, в синем сарафани, идучи горько плачет, а сама в присядку пляшет»). В этом образе представлен местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский, который к похоронам Лефорта не имел никакого отношения [79, с.12, илл. 17, 18, 92; 272, с.537; 275, с.53]. См. также [369, с.127].

¹⁵⁹ Имя себе составил его брат, пастор французской церкви в Берлине (с 1689 г.) Жак Ланфан (Jacques Lenfant; 1661-1728) [35, с.8; 80, с.208].

¹⁶⁰ [241, с.751; 546, с.132; 589, с.177, 187].

¹⁶¹ [190, с.174]. То же в [64].

¹⁶² [71-2, с.529; 471-78, с.26].

¹⁶³ Салтыковская улица являлась продолжением Немецкой улицы к югу от улицы Радио (Вознесенской) до Салтыковского моста. Ныне упразднена [120]. На картах в Интернете показана как длинный тупик под тем же названием, что и улица, к которой она примыкает своим северным концом — ул. Радио.

¹⁶⁴ [11, с.142-143; 13, с.84; 78, с.55].

¹⁶⁵ Во французском тексте письма, опубликованном А. Ле Фортом, стоит «plus de 25 ans» = «более 25 лет» [51, с.169].

¹⁶⁶ [71-2, с.528; 471-78, с.25-26]. Повторено в [239, с.67].

¹⁶⁷ [71-2, с.561-562; 83, с. 596; 471-78, с.39-40]. Сошлемся также на работу Л. Вюллемена [83], который дал французский сокращенный пересказ (точнее, аналитическое резюме) текста Посселята.

¹⁶⁸ Цитата по [13, с.80, 82, 84; 78, с.55-56].

¹⁶⁹ [11, с.146-147]. Отличия крайне незначительны. К тому же мы пользовались не самим изданием 1699 г., но перепечаткой статьи в [13; 78], и еще вопрос, какой из текстов точнее. Основные отличия сводятся к тому, что Бассвиль использует знак & вместо слова «et»; несколько варьируют прописные и строчные буквы; стоит «l'Empire» вместо «l'Empire» и, самое серьезное, дата «XI Mars» вместо правильной «2 mars» (или «II MARTII», как у него же в латинском тексте на соседней странице). Нет ли цепочки между римской цифрой «II», воспринятой как арабское «11», и затем вновь повторенной в римской форме «XI»? При таком количестве некритических переводов и перепечатываний эпитафии подобные переходы вполне могли иметь место.

¹⁷⁰ У Посселята и в «Московском некрополе» (далее: *МН*): «fago» [71-2, с.561; 385-2, с.169].

¹⁷¹ В *МН*: «vir».

¹⁷² [71-2, с.561-562; 385-2, с.169]. Главное отличие — использование строчных букв, как в обычном тексте, тогда как в эпитафии на камне, скорее всего, использованы прописные (или малые прописные).

¹⁷³ [52; 56; 67]. Копии части этих рукописей хранятся в Национальном архиве Женевы [4]. См. о них [112, с.174-175].

¹⁷⁴ Эту рукопись женевской библиотеке подарил в 1873 г. кн. Августин Голицын («prince Augustin Galitzin»), известный коллекционер и публикатор документов по российской истории. Другие были подарены в разные годы, например, [56] — в 1833 г.

¹⁷⁵ [190, с.175]. Различия в тексте перевода эпитафии показаны ниже (см. слова, выделенные курсивом), кроме различий в пунктуации, которые мы не отмечали.

¹⁷⁶ Вместо слова, выделенного курсивом, в [189, с.304] и, с него, в *МН*: «веры».

¹⁷⁷ То же: «чтобы онъ, руководствуемъ будучи мужествомъ, провождаемъ мудростію, не взо-шелъ на высокія степени чести и не удостоился».

¹⁷⁸ То же, отсутствует в *МН*.¹⁷⁹ То же: «всехъ».

¹⁸⁰ То же: «во всехъ».

¹⁸¹ То же: «; знаменитый министр и полководец, великій».

¹⁸² То же: «Циннась, повсюду Меценать славный, когда онъ щастливыми своими подвигами, яко министр, умножалъ славу своего государя, не подвергаясь зависти, украшенъ былъ честію, которую заслужилъ онъ безпритворно добродетелью, умножилъ скромностію».

¹⁸³ То же: «всегда находился, не бывъ ему никогда въ тягость, или бы малейшую нанесъ ему скуку».

¹⁸⁴ То же: «; потому что на его одного наиболее онъ полагался и такъ же».

¹⁸⁵ То же: «въ честности, обходительности и мужестве, не помрачится никогда, и не будетъ въ забвении, но останется въ сердцахъ человеческихъ въ вѣчности время».

¹⁸⁶ Вместо запятой стоит «дня».

¹⁸⁷ То же: «; ты же, прохожій, поберегись, не наступи на сей камень: онъ омоченъ слезами величайшаго въ свете Монарха». Эта же версия повторена в [545, с.205].

¹⁸⁸ [190, с.175]. Исключение составила буква ять, отсутствующая во многих стандартных компьютерных программах; она заменена на «е».

¹⁸⁹ Так, все «і» заменены на «и», меньше прописных букв в середине предложения, отсутствует дефис в слове «Новгорода». Более серьезные различия в каждом конкретном случае приведены в примечаниях.

¹⁹⁰ [189, с.305; 190, с.176].

¹⁹¹ Например, см. [159, с.94]. Не явно также в [475, с.211].

¹⁹² Но до того как Россия официально превратится в империю. Так, похоже, что в 1717 г., во время лечения на водах в Спа, Петр использовал свой еще не существующий императорский титул для заказанной им мемориальной доски и для выдачи свидетельства, которое подписал лейб-медик Роберт Арескин [154, с.280–286; 155, с.182–185]. И если перед нами не артефакт, то это — шаги Петра I, имеющие целью постепенную подготовку европейского общественного мнения к изменениям в своем титуловании.

¹⁹³ [192; 428, п° 233, с.174; 496].

¹⁹⁴ [62; 64]. В № 50 от 28 апреля 1699 г. имеется извещение о смерти Лефорты; сама информация датируется 13/23 марта 1699 г. [59].

¹⁹⁵ [21; 61]. В «*Mercure historique et politique*» за апрель 1699 извещалось о смерти Лефорты после 9 дней болезни [65].

¹⁹⁶ Лефорт и Витсен находились в переписке. См. [332, п° 87, с.200–201] и Приложение 1.

¹⁹⁷ В [13, с.80, 82, 84; 78, с.54–56]. Текст, опубликованный в «*Gazette d'Amsterdam*», в оригинале и в русском переводе опубликован также в [46, с.18, 20; 305, с.18, 20]. В переводе допущена описка или опечатка: когда говорится об Еклезіасте, на которого ссылался в своей торжественной прощальной проповеди пастор Стумпиус, речь идет не о «гл. 8, стр. 8» [305, с.20], а о «гл. 8, стихе 8».

¹⁹⁸ [13, с.84; 78, с.55].

¹⁹⁹ Н. Копанев, изучавший этот вопрос, также приходит к мнению о роли Пьера Лефорты и считает, что эти публикации в газетах им «были инспирированы» [46, с.18; 305, с.18]. Соглашаясь с общей идеей, мы бы это утверждение несколько смягчили, ибо в нем не учитываются роли Витсена и Виниуса. Последняя не менее вероятна, чем роль Пьера Лефорты.

²⁰⁰ По всей видимости, в слухе фигурировала «дюжина» или «с дюжину». Корб записал на латыни, а с нее в обратном переводе на русский оказалось «около двенадцати».

²⁰¹ [308, с.135; 332, с.491]. Повторено в [239, с.68].

²⁰² [411, с.220–221]. Эта статья осталась неизвестной составителям «Московского некрополя» [385], в котором отсутствуют опубликованные в ней имена и эпитафии.

²⁰³ [71–2, с.529; 471–78, с.26].

²⁰⁴ [71–2, с.529–530; 471–78, с.27]. См. также [354, с.78]. Лейб-медик, о котором идет речь, — врач-акушер Вильгельм Михайлович Рихтер (Richter; 1767, Москва — 1822, там же), заслуженный профессор Московского университета (1819). Любопытно, что его отец Михаил Рихтер (1720–1800) был пастором той самой старой евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила в Немецкой слободе (Старой обедни), о которой мы уже говорили. Его сын, «любитель древностей» — врач-акушер Михаил Вильгельмович Рихтер (1799, Москва — 1874, там же), заслуженный ординарный профессор Московского университета [498].

²⁰⁵ Опечатка в переводе. В действительности речь идет о № 243, как указано в оригинале [71–2, с.530].

²⁰⁶ В русском переводе — опечатка; правильно: Ламакина.

²⁰⁷ [71–2, с.530; 471–78, с.26–27]. Кратко это же пересказывают Вюллемен и Малафеева [83, с. 593; 354, с.78], текста самой газетной статьи явно не видевшие.

²⁰⁸ [71–2, с.529–530; 471–78, с.27].

²⁰⁹ [526; 527, с.49]. Эпитафия на могиле Глюка (на немецком языке) приведена в «Московском некрополе» [385–1, с.279–280] со ссылкой на Фехнера [29–2, с.679].

²¹⁰ [252]. Мы постарались сохранить некоторые особенности написания слов и отсутствие прописных букв.

²¹¹ Автор дает ссылку: «Полное собрание законов росс. Империи, IX, № 1562» [527, с.49]. В действительности речь идет об указе Петра III № 11568 [486].

²¹² [17, с.129]. Пер. с нем. С. Карабинской.

²¹³ Цит. по [283, с.293]. Опубликовано в журнале (N.V.): *Украинский вестник*. 1818. Кн.5, май. С.121–143. Кн.6, июнь. С.245–253.

²¹⁴ Например: [270; 272; 273; 274].

²¹⁵ [385–2, с.170]. У Малафеевой, которая ссылается на [385], явная опечатка: вместо 1839 г. стоит 1899 г.

²¹⁶ В XIX в. иногда назывался Лефортовским, что создает некоторую путаницу, учитывая наличие ниже по течению Лефортовского моста, ранее иногда называвшегося Дворцовым. Госпитальный мост позднее был перестроен в кирпиче, а в 1941 г. — в железобетоне [212].

²¹⁷ [183]. Во дворе дома И.В. Скворцова (отца Е.И. Скворцовой?), ныне № 1–3 по Госпитальному пер., проживало семейство Пушкиных: по одним данным, в 1799 г., по другим — какое-то время в период 1808–1811 гг. [168, с.24; 180, с.20–21, 223; 236, с.20; 593, с.18, 639].

²¹⁸ Дату и время своего рождения Гордон называет на л.3 своего дневника: «Я родился в год Искупления нашего тысяча шестьсот тридцать пятый, в последний день марта около трех часов пополудни на пасхальный втор-

ник, в Истер Охлухрис в пределах прихода Круден и шерифства Эбердин» [195, с.6]. Это — Британия, и если учесть, что там в XVII в. использовался юлианский календарь (что специально оговаривает публикатор дневника Д.Г. Федосов), то речь идет о 15 часах дня 31.3/10.4.1635. Фраза содержит достаточно информации для независимой проверки даты: в 1635 г. Пасхальное воскресенье у католиков пришлось на 29 марта / 8 апреля, и значит Пасхальный (Светлый) вторник (третий день Пасхи) попадал именно на 31 марта ст. ст. Таким образом, никакому сомнению дата, указанная Гордоном, подвергаться не может. И тем не менее, в литературе регулярно приводится ошибочная информация. В академической литературе отличился А.А. Петросьян, утверждавший про Гордона, что «Родился он 3 марта (по другим данным — 31 мая)» [446, с.161]. В ряде справочников 31 марта стало 31 мая (например, см. «Военную энциклопедию», современное переиздание биографических статей из нее и словарь «Генералитет Российской империи»: [179, с.383; 203; 204]). В «Большой советской энциклопедии» просто запутались в стилях, указывая, что Гордон родился «21(31).3.1635» [206, с.78]. Из нее перешло в энциклопедию «Отечественная история», но там двойных дат нет, и оставили лишь «21.3.1635» [207, с.591]. Выделяется статья в «Энциклопедии истории Украины» [205], где допущена та же ошибка, что и в БСЭ, но при этом автор В.М. Горобец ссылается на первый том дневника Гордона, опубликованный в 2000 г., где, как мы видели, дано точное указание, что дату рождения 31 марта надо считать по юлианскому календарю [195, с.6, 250]. Ошибок нет в тех энциклопедических статьях, где нет точных дат, но лишь годы жизни Патрика Гордона [39; 209]. Единственная известная нам статья в энциклопедии, в которой дано корректное указание на дату его рождения по двум стилям, вышла в 2007 г. и принадлежит перу переводчика его дневника Д. Федосову [208].

²¹⁹ [38; 146-194, с.54; 195, с.6; 197, с.303; 198-1, с.29, 32, 36, 47; 308, с.236; 350, с.130, 133; 373, с.253; 465, с.45, 246-247; 587, с.312-314; 588, с.25]. Брикнер в [146-196, с.125] датой смерти называет 19 ноября 1699 г., но он ошибается, создавая «суперстарый» стиль (разницу в 10 дней не прибавляет к 29 ноября, а вычитает). П. Дьюкс дает Патрику Гордону срок жизни лишь до 1698 г. [240, с.137]. Пример академической небрежности: Г.Ф. Миллер в своей работе «Известие о начале Преображенского и Семеновского полков Гвардии» ясно указывает: Гордон был произведен «в 1683 году в Генералы-Порутчики, а в 1688 в полные Генералы» [373, с.253]. Публикатор и комментатор этих трудов Миллера дает сноску к имени Гордона, где оно встретилось впервые: «Гордон <...> генерал-лейтенант <...>» [373, с.762]. Ну почему бы не прислушаться к мнению историка, высказанному в той же книге, к которой сам и даешь примечания?

²²⁰ [142, с.177-180; 146-196, с.125-126; 342, с.61-63; 561, с.345]. Его кончина и погребение вообще слабее отражены в литературе, чем таковые же Лефор-та, что хорошо видно по работам общего характера. Например, в «Хронологии российской истории» под 1699 г. читаем: «2(12) марта. Смерть Франца Лефорты, советника и наставника Петра Великого» и там же дается биографическая справка о Лефорте [584, с.70, 77], а Гордон вообще не упомянут.

²²¹ [308, с.236]. См. также [342, с.61].

²²² [141, с.168-169; 142, с.180; 465, с.48-49, 249].

²²³ [36-1, с.133-134, 137]. См. также у Нартова анекдот № 162: «Гордон скончался в 1699 году, в Москве <...> Государь <...> при великолепном погребении сего мужа присутствовавшим чужестранцам и своим со слезами провозгласил: Я и государство лишились усердного, верного и храброго генерала» [398, п° 162, с.104-105]. Повторено в 1841 г. И.П. Сахаровым (1807-1863) [515, с.96], а по его тексту — Львом Анисовым [103, с.34-35]. Л.Н. Майков, публикатор анекдотов Нартова, хотя и указывает на сходство этого текста с рассказом Корба, но считает, что обнаруженные им различия в текстах «еще не дают повода заключать, чтобы составитель “Повествований” мог воспользоваться этим источником» [398, п° 162, с.104-105, 138]. Сами анекдоты принадлежат перу сына Андрея Константиновича Нартова (1693-1756), Андрею Андреевичу (1737-1813). Данный текст отсутствует в первой версии рукописи, опубликованной П.А. Кротовым [393], а значит, был включен в собрание А.А. Нартовым позднее, на основании литературных источников. Допускаем, что перед нами не плагиат в чистом виде, а своеобразная «итоговая компиляция».

²²⁴ [141, с.166-169; 142, с.177-180]. См. также [605, с.444-446].

²²⁵ [561, с.616]. Плейер ошибается в годе постройки склепа: это было сделано не за 8 лет, а за 4 года до смерти Гордона.

²²⁶ [198-1, с.38]. Некоторые современные авторы, по-видимому, чтобы было основательнее, к 28 полковникам добавляют и самого царя [488, с.50].

²²⁷ Подробнее см. работу М. Логуновой [342].

²²⁸ [421, с.6-8]. См. также [405].

²²⁹ [289, с.395]. См. также [160, с.665; 288, с.210; 369, с.119; 381, с.94; 533, с.97].

²³⁰ «Дневник генерала Патрика Гордона. Ч. I. М., 1892, стр. 89» [385-1, с.318]. Ссылка с пометкой, ибо у Гордона это с.39 (относится к предисловию) [198-1, с.39].

²³¹ Вокруг этого персонажа возник целый миф, восходящий к запискам Желябужского, который под 3 июля 1698 г. пометил: «А на Москву в тех же числах пришли из разных государств немцы гусары и онженеры, всего их пришло 700 человек. Да с ними ж пришел из Рима от папы римского митрополит <...>» [245, с.308]. Впервые изданы они были в 1840 г., переизданы в 1841, 1910 и 1987 г. [246; 247]. Их процитировал Д. Толстой [81, с.130; 553, с.131], пользовавшийся первым изданием 1840 г. [246, с.123]. Далее утверждение о том, что среди нанятых за границей «каким-то образом оказался и католический епископ», попало в *Журнал Московской патриархии* [406, с.56]. В книге о Великом посольстве мы отметили этот факт [220, с.611], но объяснить его не могли, хотя об архиепископе Анкирском писали [220, с.106]. Сейчас уже достаточно материала, чтобы заключить: цесарский посол и таинственный «католический епископ», приехавший с нанятыми специалистами, — одно и то же лицо.

²³² Конфирмацией (от лат. *confirmatio* — укрепление, утверждение) в католицизме называется таинство миропомазания. В отличие от православия, где она совершается священником одновременно с крещением ребен-

ка, в католической церкви конфирмация проходит в более поздние годы, по достижении так называемого «возраста распознания» (или «возраста разума»), когда человек, как полагают католики, способен делать сознательный выбор. Чаще всего таковым возрастом считается семилетие, однако эта цифра не является жестким каноническим предписанием. В католической церкви таинство миропомазания совершает только епископ, поэтому в Немецкой слободе до приезда архиепископа Анкирского много лет не было конфирмации, ибо католические иерархи такого уровня в Москву тогда наезжали не часто. Хотя на 1698 г. там сохранялось предание, что лет за 15 до этого какой-то епископ-кармелит Симон совершал конфирмацию в частном доме [465, с.4, 213]. Возможно, речь идет о «наксиаванском» архиепископе Себастиане Кнабе, который находился в Москве проездом из Рима и Вены в Персию (для проповеди Евангелия в Армении), в январе 1684 г. [117, с.270; 435, стб.929-931; 587, с.314-315, 364; 588, с.26-27]. Именно его мессу и проповедь 13/23 января 1684 г. слушал Гордон, о чем записал в дневнике [197, с.6, 268], однако о факте какой-либо конфирмации он не упоминает. Согласно Н. Бантыш-Каменскому, Кнабе прибыл в Москву 21/31 января одновременно с царским секретарем Яганом Эбергардом Гевелем, который известил о готовящемся посольстве от императора, и покинули Москву они оба 14/24 февраля 1684 г. Похоже, в отношении Кнабе он ошибся дважды. Так, Гордон о прибытии «Иоханнеса Хлфеля» записывает 24 января (ст. ст.), что вполне коррелирует с датой, названной Бантыш-Каменским, но Кнабе, как видим, прибыл раньше. Да и находился в Москве еще 2/12 марта, когда произнес прощальную проповедь, на которой присутствовало довольно много народу, в том числе датский посланник генерал-майор лорд Грэм (видимо, католик) [116, с.28; 197, с.12-13].

²³³ Корб, светский человек, называет приблизительную цифру в 50 конфирмованных [308, с.78]. Цветаев, которому не были известны «Письма иезуитов», повторяет ее. Однако ее воспроизведение в современных текстах [144, стб.617] вызывает вопросы, ибо о. Геральд а Santa Croce (Ф. Эмилиан), который в качестве патера сам участвовал в конфирмации, явно более точен.

²³⁴ [308, с.78; 465, с.4, 213; 587, с.445-446; 588, с.116]. О Федоре Гордоне см. далее. Изредка встречающееся приписывание Патрику Гордону третьего имени: «Александр Патрик Леопольд» [130, с.463] — явный артефакт и, скорее всего, связано с тем, что Патрика Гордона в каком-нибудь из исходных сочинений объединили в одно лицо с его зятем, родственником и биографом Александром Гордоном.

²³⁵ [414, с.347-348; 352, с.232].

²³⁶ [310, с.82]. О том же [232, с.364]. Документы опубликованы Д. Цветаевым [586, с.50].

²³⁷ Переводчик и публикатор этих записок И.Ф. Павловский утверждал, что «посольство было в России с августа 1663 г. до июня 1664 г.» [420, с.2]. Аделунг также пишет, что Карлейль «прожил почти год в Москве» [88, с.205]. Еще больше запутывает ситуацию переводчик Б. Таннера И. Ивакин. В одном месте он замечает: «Английский посол Карляйль в 1669 г. так описывает посольское подворье...», а в другом, в приложении: «Карляйль

(1663)» [542, с.49, 160]. Мы склонны доверять Н.Н. Бантыш-Каменскому, согласно утверждению которого посольство находилось в Москве 4,5 месяца — с 6/16 февраля по 24 июня / 4 июля 1664 г. [116, с.118]. Ошибки происходят от того, что Карлейль посетил не только Московию, но еще Швецию и Данию, о которых говорит в своих записках; путаются также сроки пребывания в России и в Москве. Ну и, наконец, «1669» — это год расширенного переиздания записок [88, с.205].

²³⁸ На середину XVII в. в Англии существовало более 300 сект и протестантских деноминаций [97, с.165].

²³⁹ [420, с.27]. См. также [542, с.161-162].

²⁴⁰ [558, с.49-50]. То же у Е. Звягинцева [255, с.84]. Заметим, что кальвинисты тоже являются протестантами.

²⁴¹ [422, с.127]. См. также у Д.Г. Федосова [197, с.270]. Таннер описал два католических богослужения, которые были проведены капелланом польского посольства, пока оно двигалось от границы к Москве весной 1678 г. Среди них — пасхальное богослужение 31 марта / 10 апреля, собравшее особенно много православных зрителей, и воскресная служба 7/17 апреля, на которой также были зрители [542, с.33, 35]. См. также у Орленко: [422, с.237].

²⁴² Подчеркнем: никто не оспаривает тот факт, что протестанты имели определенные свободы в Московском государстве, ограниченные лишь запрещением прозелитизма в православной среде и строительства колоколен (например, Иржи Давид в 1689: «Лютеране имеют два собора <...>. Все эти соборы без колоколов» [18, с.62-63; 223, с.126]). Об этом говорят едва ли не все путешественники. К уже процитированному можем добавить К.В. Викхарта, приехавшего в 1675 г. с императорским посольством и говорившего о европейцах, которые живут в Немецкой слободе «и с широкой свободой пользуются дозволением лютеранских и кальвинских обрядов» (цит. по [524, с.139-140]). Однако вряд ли стоит сильно хвалиться. Напомним: неизвестно ни одного христианского государства, где бы преследовали приезжих православных (не путать с определенным давлением, которое испытывали балканские православные на территориях, подконтрольных Священной римской империи и Венеции, и с ситуацией в Речи Посполитой, где православные были своими). Довольно свободно отправляли они свой культ и в Османской империи, имея лишь финансовые потери. Во внутренних же «разборках» (антитезы «старообрядцы — никоиане» в Московии и «католики — протестанты» в западном христианстве) ни о какой терпимости речи не шло. Требовалось время, чтобы признать право друг друга на существование.

²⁴³ [143, с.223]. Вдохновенно защищает московскую веротерпимость с обоснованием нетерпимости к католикам и В. Снегирев [524, с.127-128].

²⁴⁴ [416, с.12]. То же в: [415, с.66].

²⁴⁵ Цка — доска (уст.).

²⁴⁶ [542, с.85]. У Таннера также имеется рассказ о браке посольского драгунского офицера и молодой лютеранки из Немецкой слободы, которая для этого перешла в католичество. Обвенчал их посольский капеллан-

доминиканец. За этот брак родители невесты были подвергнуты битью батогами [542, с.85-86].

²⁴⁷ Филипп Кильбургер о 1674 г.: «В Немецкой слободе есть также немецкая школа» [267, с.363; 542, с.69]; то же в [590, с.81]). Об этой школе в 1670-1671 гг.: [590, с.198-199]. О немецких школах см. у В.В. Нечаева, В. Зюсса, В.С. Дельвига: [228, с.46; 259, с.45-47; 404, с.29].

²⁴⁸ Видимо, имеется в виду Филипп Авриль. См. о нем далее.

²⁴⁹ Он писал: «Так москвитяне <...> осмеливаются еще хвастать, что они одни христиане, а всех приверженцев латинской церкви называть погаными. К римскому же первосвященнику питают еще такую ненависть, заимствованную от греков, что никогда не хотели дозволить свободного богослужения проживающим в Москве католикам, меж тем как без труда дают эту свободу лютеранам и кальвинистам, зная, что они отпали от папы, хотя эти люди осуждают такие вещи, которые в высоком уважении у москвитян, каковы: образа, крестное знамение и призывание святых».

²⁵⁰ [267, с.398; 542, с.69, 72, 80].

²⁵¹ [81, с.124-125; 553, с.126-127; 587, с.319-333; 588, с.29-38].

²⁵² [197, с.276]. См. также [320, с.104].

²⁵³ [81, с.124-125; 553, с.126-127; 565, с.255; 587, с.317-318; 588, с.28].

²⁵⁴ Это заявление в отношении Никона лишь на первый взгляд выглядит парадоксальным. Ибо, хотя именно при нем иноземцы были выселены в Немецкую слободу и лишены права владения поместьями и вотчинами с православными крестьянами, но, уже покинув Москву, еще даже будучи в сане патриарха, он прекрасно общался с иноземцами и принимал их техническую помощь. В частности, у него в Новом Иерусалиме побывал в мае 1665 г. будущий бургомистр Амстердама Николаас Витсен [153; 175, с.176-182; 286, с.179; 422, с.152-153]. С.П. Орленко: «Личное отношение Никона к “немцам” либо вовсе не носило характера глубокой неприязни, либо значительно смягчилось после его удаления из Москвы» [422, с.153; 425, с.64]. И более того: обвинение Никона в том, что он принимал у себя «служилых и торговых» иноземцев из Немецкой слободы, прозвучало на церковном соборе 1666-1667 гг. [566, с. 478].

²⁵⁵ [81, с.125; 553, с.127; 565, с.255; 587, с.319-320; 588, с.29-38]. С.П. Орленко: «Неофициальное разрешение на пребывание в Москве двух иезуитов было дано В.В. Голицыным в 1684 году» [422, с.127].

²⁵⁶ [32, с.527-528; 144, стб.615; 178, с.262; 232, с.365; 262, с.64; 319, с.236; 320, с.104; 406, с.54; 424, с.20; 506, с.589; 570, с.317; 571, с.544; 587, с.321-331; 588, с.30-31]. См. также [54, с.95]. Российские исследователи, описывая предысторию заключения «Вечного мира» с Польшей в 1686 г., на вопросы свободы католического вероисповедания в России внимания не обращают (например, см. [359]). А зря. Это был серьезный козырь в дискуссиях сторон.

²⁵⁷ Обратим внимание на некорректные пассажи Д.Г. Федосова в послесловии к публикации дневника Гордона, которые могут ввести в заблуждение читателей и еще послужат неверной датировке событий: «<...> в том же году <1684 — Д.Г.> с устного согласия русских властей в Иноземской сло-

боде Москвы возникла католическая миссия из двух священников-иезуитов <...> Иоганна Шмидта и Альберта де Буа, которых позже сменили чехи Иржи Давид и Тобиаш Тихавский. При поддержке Гордона (л.28 — 11 августа 1684) они основали первую в России католическую часовню и школу» [565, с.255-256]. Во-первых, указанная дата — это дата дневниковой записи, а не основания часовни и школы; во-вторых, де Бойе появился лишь в мае 1685 г., о чем Федосов пишет чуть далее ([197, с.284]; ошибку Федосова повторяет А.С. Мыльников, считавший, что оба иезуита присутствовали в Москве с самого начала, с 1684 г. [389, с.124]); в-третьих, часовня была основана много позже, а здесь речь может идти лишь о домово́й церкви внутри здания, где на тот момент проживал патер Шмидт (мы, кстати, не знаем где — до мая-июня 1685 г.). Неясно также, была ли вообще таковая тайная церковь, поэтому утверждать, как в [54, с.95], что первая часовня (chapelle) была открыта в 1684 г., мы не можем. Ну и, наконец, не стоит говорить обо всей России, под которой понимается Российское государство, но лишь о Москве, в крайнем случае, о Московии. Напомним, что Малороссийская Украина уже входила в состав Российского государства, и мы ничего не можем сказать о ситуации на ее западных границах, где среди населения были и католики, и униаты.

²⁵⁸ [197, с.47-48, 71]. На эту тему см. также [422, с.132].

²⁵⁹ [116, с.29]. См. также [117, с.238; 435, стб.937-938].

²⁶⁰ Он же: Дебуа; Дебое; де Буа. У Бантыш-Каменского явная опечатка в указании года приезда: «1691 г. мая 12 приехал в Москву от папы римского ксендз Алберт де Бое с верующею папского в Варшаве нунциуса архиепископа Паллавичини от 3 апреля 1685 г. грамотою: привестъ государей российских с прочими христианскими державами в союз противу турков и учредить взаимную между российским и папским двором переписку» [117, с.238].

²⁶¹ Отсюда ошибочно утверждение в [54, с.95], что дом на деньги Леопольда I был куплен в 1684 г.

²⁶² А.Ю. Бодэ утверждает, что поручение от императора Леопольда I «купить землю для постройки катол<ического> храма» было дано де Бойе [144, стб.615]. Тем не менее, землю покупал Куртц, хотя допускаем, что в грамотах, которые привез Бойе, могли быть какие-то указания на этот счет.

²⁶³ [30, с.257-258; 117, с.247; 197, с.284; 229, с.73, 85; 230, с.420; 254, с.318; 406, с.54-55; 470, с.388; 506, с.589; 587, с.XXXIV-XXV; 588, с.44-46; 601, с.58-60]. «Гваксоний», Francesco Guasconi, он же — Франц (Франко; Фрянс; Иван) Карпов сын Гваскони (Васкони) (1640, Флоренция — 1708, Москва) [24, с.87; 117, с.247]. Появившееся в нашей литературе утверждение, что он «ум. ок. 1712 г.» [332, с.43; 197, с.271], — ошибочно. Персонаж для нашего повествования примечательный. Именно он осенью 1675 г. в Архангельске ссудил нищему Лефорту, только что приехавшему в Московию, небольшую сумму денег, а позднее познакомил его с Гордоном [332, с.41-43]. Некоторую путаницу создает присутствие в Московии в 1695-1699 гг. его родственника, возможно, брата, Антонио Гваскони, а также кратковременное пребывание в 1688 г. другого брата, Ефима Гваскони. См. о них [24; 25; 117, с.247; 254, с.42, 318; 306,

с.239; 308, с.73, 83, 145, 156; 470, с.388; 600; 601, с.58-60, 84; 609, с.47, 57-58, 63, 93-94, 144, 196-197 и др.].

²⁶⁴ [18, с.44-45], перевод И.В. Кувшинской; датировка — по н. ст. Опираясь на этот текст, правильный год смерти указывает и А.С. Мыльников [222; 389, с.124]. Тем не менее, в позднейших работах, даже основательных, появляется утверждение, что де Бойе скончался в начале 1686 г. [144, стб.615; 197, с.284]. Оно восходит к работам Цветаева [587, с.344; 588, с.46], которому записки Иржи Давида были неизвестны.

²⁶⁵ [24, с.92; 25, с.102; 30, с.191-192; 103, с.53; 295, с.299; 319, с.237; 553, с.116, 119-123; 587, с.314, 340-341, 344, 405, 414-416, 418, 427-428, XXI, XXXI-XL; 588, с.26, 43, 46, 87, 94-95, 103-104].

²⁶⁶ [465, с.208-209, 380-381]. См. также у И. Кувшинской [319, с.237].

²⁶⁷ [327, с.103; 607, с.113]. Комментарий публикатора к этому отрывку: «Имена переданы Шлейссингом неточно. Имперские послы Иоганн Христопфор Жировский (Зеровский) и Себастиан Блюмберг пробыли в Москве с 14 мая по 24 июня 1684 года. Целью их миссии было склонить Россию к вступлению в антитурецкую лигу» [327, с.125]. Близкий комментарий — у Д.Г. Федосова [197, с.269].

²⁶⁸ [197, с.308; 222; 325, с.184; 389, с.127; 399, с.274; 573, с.485]. Согласно выписке в Посольский приказ по поводу челобитной о постройке каменного костела в Немецкой слободе, Иржи (Юрья Давыдов) приехал в «195 году», то есть, вроде бы, не ранее 1/11 сентября 1686 г. В реальности, за две с лишним недели до начала 7195 года, 16/26 августа 7194 (1686) г., он уже был в Москве и подавал рекомендательную грамоту от цесаря [116, с.30; 587, с.ХХVIII].

²⁶⁹ [587, с.346]. О двух способах приглашения священников иноверческими общинами — заранее согласованном с правительством и несогласованном (когда разрешение на проезд запрашивалось на границе) см. у А. Мулюкина [388, с.67].

²⁷⁰ [232, с.365; 587, с.367]. А.Ю. Бодэ: «В 1687 на дворе Гваскони была освящена деревянная “палатка” — временная часовня, где регулярно служились мессы. <...> В окт<ябре> 1689 иезуиты были высланы из М<осквы>. Богослужения в “палатке” прекратились» [144, стб.615]. С. Мартиросян: «<...> в Немецкой слободе, в Старокирочном переулке, была открыта первая деревянная церковь, “палатка”, как она названа в документах. 5 мая 1687 года ее освятили в честь Вознесения Господня, приурочив открытие костела к престольному празднику» [361, с.77]. Допускаем, что слово «палатка» и утверждение, что так она называлась в русских документах, могли появиться из опубликованных текстов, касающихся строительства часовни над фамильной усыпальницей Гордонов (см. далее). Здание же, один из этажей которого занимала домовая церковь, вряд ли могло быть названо палаткой как из-за его размеров, так, пожалуй, и из-за внешнего вида жилого деревянного дома.

²⁷¹ [197, с.170, 173; 587, с.357-358].

²⁷² [197, с.179, 182, 186; 587, с.367].

²⁷³ [587, с.360, ХХIX]. Упомянут в [262, с.64-65], но спутан с де Бойе. В [325, с.185] ошибочно указано, что он прибыл в Москву в конце 1688 г., а в [406, с.55] — что в 1697 г.

²⁷⁴ [262, с.65; 325, с.186; 479; 587, с.372-374]. Об изгнании также говорится в [441 с.530; 422, с.156]. В [232, с.365] указ ошибочно датируется 30 сентября 1690 г., а в [577, с.78] — 1690 г. указан как год их изгнания. Самого цесаря об отпуске из России иезуитов московское правительство известило грамотой от 11/21 декабря 1689 г. [116, с.34; 197, с.215, 311; 587, с.376].

²⁷⁵ [18, с.67-71; 197, с.311; 223, с.128-130; 406, с.55; 587, с.374-376]. О высылке иезуитов см. также [32, с.527-528; 54, с.97; 228, с.94; 257, с.292; 320, с.104-105; 570, с.317; 571, с.544].

²⁷⁶ [589, с.145-147]. Почему-то В.А. Кучумов считает, что «Давид с *не-скрываемым удовлетворением* упоминает о своем участии в осуждении московских последователей Якоба Бёме — Кульмана и Нордемана» ([325, с.185]; выделено нами). Мы не можем присоединиться к его мнению.

²⁷⁷ См. о деле Кульмана: [33; 35а, с.371; 97, с.168-169; 255, с.84; 257, с.292; 275, с.52; 321; 404, с.30-32; 407, с.34-37; 422, с.154-155; 548, с.317-318; 575, с.327; 576, с.80; 577, с.80; 587, с.367-369, 381-382; 589, с.VI-VII, 107-148]. Заметим, что кальвинистский пастор Федор Шондervурт сумел «сохранить лицо» и не участвовал в этой инквизиторской акции, отделившись полуабсурдными утверждениями о незнании немецкого языка и слишком медленном чтении на латыни [587, с.244, 257; 589, с.149]. По этой причине неверно утверждение В.А. Ковригиной, что учение Кульмана признали еретическим «пасторы всех иноверческих общин Немецкой слободы» [295, с.181], не говоря уже о том, что на русском «пастор» — это, по определению, «протестантский священник» [523, с.30], тогда как иезуиты являлись католиками. История попала в роман А. Толстого «Петр I», где Кульман представлен в шутовском виде (кн.1, гл.5, §6; мы пользовались изданиями [551, с.168-169; 552, с.181-183]). Именно это ёрническое описание вошло в современную публицистику (напр., см. [280]).

²⁷⁸ «<...> они <...> Латины, Лютеры, Калвины <...> вер свои не проповедывали <...>, и молбишныя бы по прелестям их соборищ еретических строити не давали места всеконечно; которые зде и есть близь или между христианских домов, и те разорити годно и должно, яко диавольския сонмища. <...> еже бы иноверцом еретиком костелов Римских, кирок Немецких, Татаром мечетов, в своем государстве и обладании всеконечно не давати строити нигде, новых Латинских и иностранных обычаев и в платье премен поиноземски не вводити <...> в Немецких есть ли благочестивыя веры церковь, где бы христианоу было прибежище? Нигде же! А зде чего и не бывало, и то еретиком повелено, что своих еретических проклятых соборищ молбишныя храмины построили <...>» [560, с.472, 477]. См. также [178, с.273].

²⁷⁹ Р.Г. Скрынников: после падения правительства Софьи «Патриарх Иоаким окончательно перешел на сторону грекофилов. К руководству академии пришли Лихуды. Греческая партия обвинила в ереси Медведева и других представителей польско-латинско-украинской образованности <...>».

Патриарх добился высылки из Москвы иезуитов. <...> В обстановке начавшихся гонений тень подозрения пала в конце концов на самих Лихудов, затеявших борьбу с западниками <...>. В 1694 г. Лихуды были вынуждены покинуть Москву» [522, с.401-402]. История, как видим, повторилась, как минимум, дважды.

²⁸⁰ Гордон отметил в своем дневнике 23.1/2.2.1689: «П[атер] Филипп де Ориль получил указ» [197, с.186, 308], то есть даты совпадают, лишь в том случае если 31 января, которую дает Л. Хьюз, указана по григорианскому календарю, ну а Гордон получил известие на второй день. С отъездом Авриль получил отсрочку до конца масленицы, «во время которой путешествие не считалось безопасным» [449, с.480]. В 1689 г. неделя масленицы попадала на 4-10 февраля, значит, Авриль покинул Москву во второй декаде февраля.

²⁸¹ [16, с.6; 30, с.258; 197, с.308; 585, с.174, 264]. Мы пользовались изданием 1693 г. [6]. Путешествия по Московии описываются в III книге «Voyage de la Chine» (с.137-192) и в IV — «Voyage de Moscovie» (с.193-270). Об Авриле и его сочинении о России, которое вызвало царский гнев, см. [1, с.377; 31, с.18; 54, с.97; 88, с.230-231; 449; 465, с.3, 27, 213, 232; 587, с.361-363].

²⁸² Мы не рассматриваем в этом ряду неудачные попытки польских иезуитов (Бартоломеа Меллера и др.) обосноваться в Москве. В 1686-1687 г. их не изгоняли, а не дали остаться [406, с.55; 587, с.360-361].

²⁸³ [135, с.220; 399, с.160-161; 422, с.157, 179; 560, с.475-476].

²⁸⁴ [16, с.6; 35, с.7; 44, с.19-26; 80, с.207-208; 424, с.16; 478; 585, с.174, 265; 589, с.104-106]. Указ 1689 г. был инспирирован главой бранденбургского посольства Иоганном Рейером по указанию курфюрста Фридриха III [555, с.186-190; 578, с.62-66]. Не имеет оснований почти апокалиптическая картина, которую рисует И. Соколов, рассказывая о январской грамоте 1689 г.: «Толпа эмигрантов, при посредстве бранденбургского курфюрста, пробралась и в Россию, и здесь они не только получили полную свободу в отправлении богослужения, но <...> вознаграждены были за потери и лишения, какие потерпели они в собственном отечестве» [532, с.22]. Возможно, что кто-то из гугенотов и появился в Московии благодаря этому указу, но ни о какой «толпе эмигрантов» речи не идет.

²⁸⁵ [326, с.67]. Публикатор текста Амфиан Лебедев совершенно неосновательно считал, что «некий первосоветник», рекомендовавший правительству дать согласие на строительство «костела латинского» и «кирки лютеранской», это — Лефорт [328, с.III]. Во-первых, Лефорт еще не был «первосоветником», во-вторых, он, убежденный и ревностный кальвинист, не мог ратовать за строительство католического собора, а если бы просил за кирху — то за кальвинистскую. Поэтому, по нашему мнению, А.С. Лавров совершенно прав, считая, что речь идет о Голицыне.

²⁸⁶ [135, с.212]. О борьбе Иоакима против партии «латинумудрствующих» «князя-регента Василия Голицына» см. в [324].

²⁸⁷ [244, с.34] со ссылкой на труд Д.А. Толстого [553, с.117, 320-321]. Интересно, что имя графа Д.А. Толстого (1823-1889), обер-прокурора Синода, затем министра внутренних дел и шефа жандармов, в советской

историографии без бранных эпитетов не употреблялось. А здесь в связи с послевоенной борьбой с католическим влиянием советские идеологи вдруг признали его своим союзником. Что касается письма патера Шмидта князю В.В. Голицыну, то оно было написано через неделю после отъезда первого из Москвы, 29.8/8.9.1688, уже в Смоленске, и дважды опубликовано в оригинале на латинском языке все тем же Д.А. Толстым, а в русском переводе — Д. Цветаевым [81, с.320-321; 553, с. 346-347; 587, с.358].

²⁸⁸ Выражение А.Н. Андреева [98, с.83].289 [103, с.32]. Характерно, что книгу Анисова поддержала Русская православная церковь. Публикация ее была осуществлена по благословению архиепископа Тернопольского и Кременецкого Сергия.

²⁹⁰ В дальнейшем мы будем возвращаться к этому вопросу, здесь же укажем на работу А. Флоровского, который тоже пишет об освящении храма св. Троицы [30, с.259].

²⁹¹ [197, с.161-162, 304; 565, с.256].

²⁹² Выделено нами. Над рукописью Давид работал в 1690 г. [31, с.16; 325, с.186; 389, с.124], а значит, пристройка была сделана в 1689 г., не позже лета.

²⁹³ [18, с.62], перевод И.В. Кувшинской.

²⁹⁴ [18, с.70; 223, с.130]. См. также [320, с.104].

²⁹⁵ [18, с.67-71; 116, с.33; 223, с.128-130; 389, с.124]. В [573, с.485] явная опечатка: датой отъезда указано 5 сентября 1689 г.

²⁹⁶ [328, с.12]. См. также [178, с.262, 266].

²⁹⁷ [31, с.10] со ссылкой: «Collectio Cerroni, II, 233. State Archives, Brno».

²⁹⁸ Чистовая версия могла быть сделана и в 1690 г., при подготовке рукописи, но никак не в 1688 г., как предположила И. Кувшинская. Обнаруживший чертеж Флоровский датировал его крайне осторожно: «the primitive Catholic church in Moscow at the time of David's activities in Russia» [31, с.11].

²⁹⁹ Выделено нами. [18, с.70; 223, с.130].

³⁰⁰ [146-196, с.115-116; 232, с.365; 587, с.388-394].

³⁰¹ [30, с.191-201; 116, с.35; 232, с.365-366; 406, с.56; 506, с.589; 587, с.404-420, XXXI-XL]. Указ об этом событии, помещенный в ПСЗ [481], ошибочно датирован 1690-м годом, текст его содержит ряд неточностей, разбор которых см. в [587, с.419-420].

³⁰² [587, с.421]. Видимо, с этими расширениями связано неточное указание А.П. Доброклонского, что «Гваксоний» и Гордон деревянный костел построили в 1692 г. [232, с.366].

³⁰³ [553, с.111-117; 587, с.421-422, XL; 588, с.99, 104]. Заметим, что Петр — первый из московских и российских государей, который бывал на иностранных богослужениях. С.Ф. Платонов о Петре I и Немецкой слободе: «Он ездил к ним в их слободу и бывал в их домах и церквях (кирках)» [467, с.152; 468, с.137].

³⁰⁴ [30, с.192-192; 54, с.98; 116, с.36; 144, стб.616; 389, 123-124; 587, с.422-424, XL; 588, с.100-101]. См. также [81, с.129; 553, с.130-131].

³⁰⁵ В статье И.В. Кувшинской въезд посольства в Москву датирован 9 апреля 1698 г. [319, с.234], однако это очевидная опечатка.

³⁰⁶ [54, с.99; 306, с.56, 253; 319, с.234].

³⁰⁷ [116, с.36; 308, с.67, 70, 95; 587, с.447-448; 588, с.117].

³⁰⁸ [465, с.14, 21, 222, 227]. При этом в русском переводе [465, с.14] явная описка: указано, что библиотека была оценена в 600 флоринов (уже повторено в [235, с.44]), тогда как в латинском оригинале, опубликованном в той же книге [465, с.222], стоит 670 флоринов. См. также [319, с.243-244]. Н.А. Домашнева в книге к 300-летию Немецкой слободы, игнорируя католическую библиотеку, перечисляет другие: «При церквях, кирхе св. Михаила, реформатской церкви, новой кирхе были хорошие библиотеки» [236, с.8].

³⁰⁹ Цит. по [542, с.69].

³¹⁰ 7201 год — с 1/11 сентября 1692 г. по 31 августа / 10 сентября 1693 г.

³¹¹ [587, с.XL]. См. также: [310, с.83-84].

³¹² По-видимому, приезд ксендзов в 1692 г. и некоторое расширение церкви в этом же году послужили основой для утверждения в [54, с.105], что она открылась в 1692 г. Как показано выше, храм существовал с 1685 г., а после изгнания иезуитов вновь открыл свои двери в 1691 г.

³¹³ [588, с.103-104; 587, с.428-429].

³¹⁴ В православной литературе употреблялся термин «обманом» [262, с.61], и далее см. [262, с.65].

³¹⁵ В том смысле, который использует Т.А. Опарина, ибо молитвенным домом, молитвенной комнатой, молельней могут называть и освященное пространство, то есть уже капеллу.

³¹⁶ [587, с.429-430]. См. также [232, с.366]. Поссельт: «с этого времени <с марта 1690 — Д.Г.> Гордон вдвойне старался о построении католической церкви, которая и была основана в 1694 г.» [198-1, с.39]. Вряд ли можно признать корректной расширительную формулировку, присутствующую в современной литературе: «В 1694 году царь Петр I разрешил строительство на месте прежнего сооружения теплой зимней церкви» [361, с.77]: место, как следует из записки Гордона, не оговаривалось. О каменной часовне над семейным склепом («une chapelle privée») см. в [54, с.103].

³¹⁷ На этом основании Снегирев делает вывод, что на 1695 г. «существовал уже деревянный римско-католический костел» [526; 527, с.47]. Как мы видели, это был лишь молитвенный дом, хотя и характеризовался в Посольском приказе как «деревянный костелик» [587, с.XL], и недалеко — маленькая надвратная часовенка-футляр, которая зданием не являлась, на нее никто не обращал внимания, в документах она не фигурирует.

³¹⁸ [553, с.128-129; 587, с.429-432, V-XLIII; 588, с.104-106]. Текст челобитной приведен в [587, с.V-VI].

³¹⁹ [587, с.429, 433, XLIII-XLV; 588, с.105, 107].

³²⁰ У Цветаева указано 1 июня [587, с.434; 588, с.108], но логика изложения подводит к мысли, что речь идет о 1 июля.

³²¹ [25, с.102; 553, с.128-129; 587, с.434-436, XLV, L-LI; 588, с.108-109]. См. также [144, стб.616].

³²² [587, с.436, XLV-XLVI; 588, с.109]. Современное утверждение, что над погребом соорудили «каменную “палатку”, напоминавшую алтарную часть

храма» [144, стб.616], явно не соответствует этому описанию, ибо не палатка представляла собой алтарную часть храма, а внутри палатки было место для алтаря.

³²³ [587, с.438-439; 588, с.110-111]. См. также [232, с.366; 406, с.56]. Вот как эту историю описывает Брикнер: «В начале 1694 года Гордон стал хлопотать о постройке уже каменной церкви для католиков. Он собирал деньги для этой цели, подарил церкви чашу <...>. Из другого источника мы знаем, что главным деятелем в этом случае был Гуаскони. Под предлогом сооружения для семейства Гордона особенной надгробной часовни было куплено место, на котором хотели построить церковь. Рабочим было вменено в обязанность спешить. Но у русских явилось во-время подозрение, и работы были приостановлены по приказанию правительства. По наведению справок оказалось следующее: однажды в 1694 году <...> вместе с царем <...> проезжая мимо молельни, Гордон просил дозволения католикам построить каменную церковь, и Петр, как пишет Гордон, изъявил согласие <...>. Такое устное изъяснение согласия не было однако формальным разрешением, и потому католики сочли нужным приступить к делу с некоторою осторожностью. Как кажется, постройка этой мнимой часовни происходила в первой половине 1695 года. Во время осады Азова, 17-го июля, Гордон пишет в дневнике: “Я отправился с его величеством к каланчам и на дороге просил на счет моего места погребения, так как оказались затруднения окончить это здание и покрыть крышею. Его величество обещал распорядиться”. Вскоре после того Гордон написал о том же предмете в Москву к Стрешневу и присоединил какую-то бумагу царя <...> как бы то ни было, мало по малу сооружена была таким образом каменная католическая церковь в Москве <...> в которой впоследствии Гордон действительно был похоронен» [146-196, с.118]. Обратим внимание на различия в передаче записи Гордона: и Цветаев, и Брикнер переводят с немецкого сами, перевода Салтыковой еще не существует. По всей видимости, зафиксированные в дневнике Гордона устные обещания Петра позволили С.П. Орленко написать: «Согласие русских властей на строительство костела московские католики получили лишь в 1695 году благодаря ходатайствам близкого к Петру I генерала Патрика Гордона» [422, с.127; 424, с.20]. Однако никаких реальных разрешений дано не было.

³²⁴ [587, с.435; 588, с.108-111].

³²⁵ Цветаев при цитировании Корба ошибочно относит эту запись к июню 1698 г. [587, с.444; 588, с.115]. В [228, с.45; 307] имеется цитата в несколько ином и менее корректном переводе: «Ныне впервые построена в Немецкой слободе деревянная католическая церковь <...>». В результате, из этих работ можно понять, что церковь была выстроена лишь в мае 1698 г., хотя к тому времени она существовала уже почти 14 лет.

³²⁶ Игнац Христофор де Гвариент-и-Ралль (Ignaz Christoph von Guarient und Rall), австрийский дипломат, возглавлявший посольство в Московию 1698-99 гг.

³²⁷ Подробнее об этой иконе см. у И. Кувшинской [311; 320].

³²⁸ [308, с.56; 465, с.20, 226]. См. также [320, с.104].

³²⁹ [308, с.76]. См. также [144, стб.617].

³³⁰ Сложно сказать, какой локоть имеет в виду автор. Если учесть, что он приехал с венским посольством, то с большой долей вероятности можно взять венский локоть, который равен 77,8 см, или 10 локтей $\approx 7,8$ м. С другой стороны, если учитывать богемское происхождение и пражскую подчиненность отцов-иезуитов, как и проживание в Праге многих адресатов их писем, следует указать также на пражский (богемский) локоть, который был меньше — от 59,3 до 59,4 см, и тогда 10 локтей ≈ 6 м.

³³¹ [465, с.20-21, 226]. См. также [144, стб.617; 319, с.238].

³³² Обработка плана происходила при постоянном контакте с И.В. Кувшинской, которой мы приносим свою глубокую благодарность. При цитировании мы ссылаемся на ее письма, хранящиеся в нашем архиве.

³³³ [465]. Повторена в [466].

³³⁴ [465, с.21, 227]. См. также [319, с.238; 320, с.106]. Явно имеется в виду площадь перед участком, то есть в начале (Старо-)Кирочного переулка.

³³⁵ Кувшинская имеет в виду следующую цитату из письма о. Франциска Эмилиана от 17/28 февраля 1703 г.: «О, если бы у меня было больше редкостей, особенно в роде симпатических составов, или любопытных новостей по физике. Светлейший царь весь живет в них. Подобного рода вещей весьма много у господ медиков <...> Пушкин, боярин, второй губернатор города Москвы и управитель патриарших имуществ <...> рассказывал мне, что вся жизнь светлейшего царя обновляется и сердце его прыгает от радости, когда он увидит что-либо подобное или услышит объяснение физических явлений» [465, с.114, 302]. У Кувшинской цитата дана в сокращенном варианте: [319, с.243]. Имеется в виду Иван Алексеевич Мусин-Пушкин (1661-1729). Впрочем, Франциск Эмилиан был не первым, кому пришла в голову идея использования научных и технических знаний как одного из путей проникновения католицизма. Так, Яков Рейтенфельс в эпоху еще в 1674 г. «рекомендовал католическим миссионерам, для приобретения расположения государя, демонстрировать последние новшества механики и математики, к примеру, поднять царь-колокол, лежащий на территории Кремля и привозить с собою книги» на славянском языке [228, с.84; 448, с.11, 19]. Уроженец Курляндии и ревностный католик, Рейтенфельс детально описал шаги, которые надо предпринять, чтобы добиться разрешения публичного католического богослужения в Москве и пребывания там католических священников. Его записка как частного лица так и не была принята во внимание Папским престолом [448], однако то, как в последующие три десятилетия шел этот процесс, доказывает, что у Рейтенфельса был определенный дар предвидения.

³³⁶ [308, с.148]. Запись Корба под 23 мая 1698 (н. ст.), передающая слова дядка Посольского приказа Бориса Михайловича Михайлова: «Третий священник, который получил предписание состоять для исправления духовных треб при венецианских корабельных мастерах, как только сообщит приказу потребные ведомости о том, что дорога его не угрожает никакой опасностью, немедленно получит паспорт на отъезд в Воронеж». Под 28-29 мая: «Дьяк Борис Михайлович обещал было господину послу выхлопотать

из приказа паспорт миссионеру, назначенному состоять при корабельных мастерах, для безопасного и свободного проезда его в Воронеж, но сегодня отказался от своего ходатайства, уверяя, что было бы противно обычаю давать паспорт на вольный проезд лицу, отправляющемуся вовнутрь страны» [308, с.70-71]. Под 3 июня 1699: «Господин Иоанн Казагранде, миссионер, состоявший при венецианских кораблестроителях, был отправлен год тому назад в Воронеж с господином бароном фон Бурхсдорфом, ездившим в Азов. Миссионер этот скончался в Воронеже; тело его, отосланное по царскому приказу в Москву, привезено в тот же месяц и день, в который покойник выехал из города по долгу святой миссии, которую исполнял похвально и в назидание тем, для кого был пастырем» (другими словами, паспорт он все-таки получил в течение 4-5 дней и смог выехать на юг к пастве 2-го либо 3 июня 1698 г.). О Казагранде см. у И.В. Кувшинской [319, с.237]. Захоронение Казагранде не учтено в *Московском некрополе* [385], хотя литературные источники при составлении последнего использовались очень широко. В действительности Ioannes (Giovanni) Casagrande являлся миссионером не императорским, а апостольским — итальянцем. Однако было хорошо известно, что «кого пошлет Рим, того никогда не примет Московия. Господин Иоанн Казагранде блаженной памяти, умерший в Воронеже, никогда не был бы туда допущен, если бы не изменил, по приказанию императора, звания апостольского миссионера». Это строки уже из отчета Гвариента [465, с.200, 373]. О. Франц Эмилиан писал в итоговом отчете о деятельности миссии за 1698-1709 гг.: «С императорским послом господином Гвариентом мы вступили в Московию и в самый день св. мученика Петра достигли Москвы вместе с одним итальянским священником, настоятелем прихода св. Мартина в Вероне, который был послан Венецианской республикой для служения духовным нуждам итальянцев, строивших в Воронеже корабли». Эти строчки относятся к 1698 г. Под следующим 1699 г.: «Когда умер от удара итальянский священник в Воронеже на Дону, то был выезд туда <миссии — Д.Г.> за 112 германских миль <1 миль ≈ 7 верст — Д.Г.>, чтобы итальянцы могли совершить пасхальную исповедь». Из его же письма от 13/23 июня 1699 г.: «Умер находившийся при кораблях клирик-италианец. Я отправляюсь туда на его место, так как еще не прошло время пасхальной исповеди» [465, с.44, 179, 181, 246, 355-357]. Документы о миссии Казагранде из Архива пропаганды Священного престола описал Шмурло [608, с.228-229].

³³⁷ Впрочем, Алексей Толстой сделал это задолго до Мартиросяна (или последний использовал книгу Толстого как исторический источник?). Так, в письме Бориса Голицына, якобы написанном двоюродному брату Василию Голицыну в начале сентября 1689 г., Гордон представлен полковником [551, с.144; 552, с.154]. В действительности, автором «письма» был сам Алексей Толстой. Напоминаем, что полным генералом Гордон стал за два года до этих событий, в сентябре 1687 г.

³³⁸ Под еретиками автор отчета подразумевает протестантов Немецкой слободы.

³³⁹ [465, с.187, 362]. См. также [319, с.249].

³⁴⁰ С гравюрой очень удобно работать на сайте ГМИИ им. А.С. Пушкина, который позволяет дать увеличение, необходимое для выявления деталей [612].

³⁴¹ [553, с.137; 587, с.451; 588, с.120].

³⁴² [465, с.144, 149, 327, 331; 587, с.451; 588, с.120]. См. также [30, с.265-266]. Пример некорректной интерпретации этого документа: «В 1706 г. царь дал разрешение на постройку католической церкви, с условием, что при ней будет школа для русских детей» [236, с.8]: и церковь существовала за два десятилетия до этого, и школа тоже, ну, а правительству страшно не нравилось, что в ней обучаются и русские дети тоже. Не с этим ли связана попытка превратить приходскую католическую школу в гимназию, как уже была гимназия лютеранского пастора Глюка? Гимназия значительно более подконтрольна правительству и имеет меньший конфессиональный «окрас», чем приходская школа.

³⁴³ [465, с.145-146, 327-328]. См. также [30, с.268].

³⁴⁴ Античное название Азовского моря.

³⁴⁵ [323, с.274]. О строительстве костела в 1706 г. см. [404, с.23].

³⁴⁶ Поэтому утверждать, что по записи Куракина костел был построен в июле 1706 г. (как сделано в [228, с.79]) не совсем корректно.

³⁴⁷ О. Илия Броджио писал из Брно своему провинциалу Иоанну Миллеру в Старую Прагу 23 марта 1707 г. (н. ст.): «Царь решительно приглашает большое число отцов-миссионеров в Москву, в которой, благодаря благотворительности москвитян, подаривших много материалов, наши отцы выстроили изящный храм» [465, с.164, 343].

³⁴⁸ Имеется в виду один из создателей ордена иезуитов миссионер Франциск Ксаверий (1506-1552) — святой покровитель Австралии, Борнео, Китая, Индии, Гоа, Японии, Новой Зеландии. Заметим, что смерть «еретика» Лефорты увязывалась иезуитами с днем канонизации Лойолы и Ксаверия — 12 марта (н. ст.). См. [215, с.77-79; 581].

³⁴⁹ Ср. с записью о. Франциска Эмилиана от 23 июня 1699 г.: «Кроме сына господина генерала Гордона я имею много и других, русских учеников» [465, с.33, 236]. То же — в [319, с.242]. По всей видимости, здесь речь идет о Федоре Гордоне.

³⁵⁰ Имеется в виду *Октава Пасхи* — в католической церкви термин, объединяющий Пасхальное воскресенье и следующую за ним Пасхальную неделю. Заканчивается Октава Пасхи в воскресенье, следующее за праздником Пасхи. В 1707 г. пасхальное воскресенье падало на 24 апреля (н. ст.) [556], значит, перезахоронение происходило в последнюю неделю апреля.

³⁵¹ [465, с.188-189, 363-364].

³⁵² [491, с.537-538; 507, с.20; 587, с.450; 588, с.119] и др. По контексту статьи Т.В. Ручинской [507, с.20] можно понять, что католическая церковь Петра и Павла возникла чуть ли не в первые годы существования Ново-немецкой слободы. Полное смешение фактов — у С. Мартиросяна. Он пишет о каменном храме: «Российский самодержец сам заложил камень в его основание и дал некоторую сумму на обустройство римско-католического храма. В 1706 году костел освятили в честь небесных покровителей царя — Святых апостолов Петра и Павла. Теплый кирпичный

Петропавловский костел для зимних служб и Вознесенский летний деревянный храм выглядели довольно непритязательно <...>. Здания обоих костелов простояли в неизменном виде до нашествия наполеоновских войск» [361, с.78]. Иными словами, автор не обратил внимания ни на то, что деревянная церковь сгорела в 1705 г., ни на то, что ни одна из них на этот период не называлась ни Воскресенской, ни Петропавловской. Ну, а что касается поданного в качестве реалий анекдота про Петра I, то царь, судя по всему, к оным отношения не имеет. Если бы Петр заложил камень или дал деньги, это не только нашло бы отражение в письмах иезуитов, но и стало бы в них главной темой. Однако в подсчетах денег, данных на строительство церкви, имя царя не фигурирует [465, с.145-146, 327-328].

³⁵³ Таким образом, в утверждении С. Романюка: «Только при Петре I католику Патрику Гордону удалось получить разрешение построить каменную церковь в Немецкой слободе <...>. Церковь св. апостолов Петра и Павла <...> начала строиться в 1706 г. на пожертвования самого Гордона и многих католиков со всей страны» [502, с.318], — содержится, как минимум, две ошибки: во-первых, на момент своего строительства церковь носила другое название; и, во-вторых, пожертвования были не «самого Гордона», то есть умершего за 7 лет до этого Патрика, а его сына Якова.

³⁵⁴ [295, с.299-300]. Де Бруин о Немецкой слободе в 1702 г.: «Уже несколько лет тому назад проживают здесь также два Немецких Езуита, которые обучают по Латыни многих детей знатного происхождения» [148, с.116; 149, с.109]. Кувшинская, основываясь на письмах иезуитов, считает, что латинская школа (высшая ступень этой школы, где преподавал о. Франциск Эмилиан; в низшей, для маленьких детей, преподавал о. Иоанн Берула) фактически прекратила свое существование в 1705 г., ибо все ученики были забраны на войну [319, с.249]. По сути это верно, но по датам не совсем точно, ибо школа, хотя и потерпела серьезный ущерб, но еще как-то существовала весной 1707 г. О. Иоанн Берула 25 марта (н. ст.) 1707 г.: «<...> храм уже почти готов, а школа все более пустеет <...>. Причиной того, что и моя и другие школы здесь падают, служит военная служба, для которой выхватывают из школы учеников по приказанию государя, не обращая внимания ни на родных, ни на науки» [465, с.164, 343]. О школе см. [30, с.271-283; 144, с.615; 404, с.29; 406, с.56-57; 465, с.21-22, 227; 506, с.589; 553, с.133; 570; 575, с.325; 576, с.78; 577, с.78; 606, с.16]; о П. Гордоне как ее основателе — [235, с.44]. Среди ее учеников в 1707-1710 гг. был Алексей Ладыженский, ставший первым иезуитом из московских дворян. См. о нем [99; 572]. Следует иметь в виду, что первая католическая школа возникла еще во время миссии 1684-1689 гг. и сохранилась даже после изгнания Давида и Тихавского осенью 1689 г. [223, с.130; 232, с.365; 262, с.64-65; 319, с.236-237; 325, с.185; 406, с.55; 506, с.589]. Поэтому школа, существовавшая с рубежа веков — ее прямая наследница, если не та же самая, ибо связь, скорее всего, не прерывалась.

³⁵⁵ К сожалению, ее ссылки не всегда точны. Так, нам не удалось обнаружить в письмах иезуитов одного из тех пассажей, которые она цитирует, в том числе на указанных ею страницах [295, с.171-172].

³⁵⁶ В других местах книги автор указывает на конец 1703 г. [295, с.92, 102]. В литературе присутствует просто 1703 г. без уточнения его частей [277, с.275].

³⁵⁷ Не позже весны 1715 г. вся семья была переведена в Петербург [295, с.102].

³⁵⁸ В. Ковригина не указывает года, однако из отчета католической миссии за 1706 г, цитированного выше, следует, что Игнатий родился в 1704 г. [364, с.188].359 [213; 265, с.222; 276, с.118; 277, с.273-275; 278, с.281-282; 295, с.169; и др.].

³⁶⁰ См. о нем [357; 358, указ., с.567].

³⁶¹ [228, с.79; 323, с.268]. К сожалению, у Дельвига, помимо неточной цитаты, стоит год «1704», в описании же Куракина речь идет о годе его жизни с 20 июля 1703 по 20 июля 1704 г.

³⁶² [184; 375, с.70]. Этот вопрос разбирает С.О. Андросов в статье о Джузеппе Франки, по-видимому, принимавшем участие в найме этих мастеров [101]. О найме этой группы см. [100, с.3; 341, с.10-12].

³⁶³ Поперечный неф в базиликальных и крестообразных в плане храмах, пересекающий под прямым углом основной (продольный) неф и выступающий концами из общей массы сооружения.

³⁶⁴ Ср. с пассажем Брикнера, не знавшего ни писем иезуитов, ни, тем более, начертанных ими планов: «Прах Гордона покоится в той самой католической церкви, которая была построена в 1695 году, как мы видели, под видом надгробной часовни для Гордона и его семейства. В середине этой церкви по лестнице можно спуститься в свод, в котором на надгробном камне находится латинская надпись» [146-196, с.119, 121]. Допускаем, что в склеп Гордонов после постройки каменного храма могло быть два входа: один — в самой церкви, другой — со двора, от католического кладбища. Последний, если даже и сохранялся какое-то время, позднее должен был быть заделан. Не к этим ли работам относятся строки из отчета иезуитов за 1708 г.: «Исправлен и сделан более удобным вход в фамильный склеп Гордонов» [465, с.190, 364] ?

³⁶⁵ Таким образом, утверждение знатока Немецкой слободы В. Ковригиной, что его «усыпальница находилась рядом с храмом» [295, с.71], без указания на то, какой храм имеется в виду — деревянный или каменный, не совсем корректно, ибо справедливо лишь для первого из них, т.е. до 1705 г.

³⁶⁶ [587, с.XLVIII-XLIX]. См. также [30, с.263; 81, с.128; 553, с.129-130].

³⁶⁷ [587, с.455; 588, с.123]. Обратим внимание на слова Ковригиной: «При католическом приходе покровителями являлись итальянский негоциант Ф. Гваскони и шотландец генерал П. Гордон <...>, затем полковник Яков Гордон» [295, с.71]. Учитывая материалы, собранные Цветковым, можно назвать четвертого в этом ряду главу католической общины Немецкой слободы — Федора Гордона.

³⁶⁸ [587, с.456; 588, с.123].

³⁶⁹ [482]. Майор Румянцев — тот самый, который вместе с П.А. Толстым вывозил из Австрии царевича Алексея [553, с.135].

³⁷⁰ Благодарим Искру Шварц за эту информацию и не можем не обратить внимания, что оба дипломата — французского (или франко-савойского) происхождения, хотя и находились во враждебном Франции лагере.

³⁷¹ [53; 116, с.48-50; 574, с.24-27].

³⁷² В одной из последних работ, где обсуждается тема религиозной толерантности в России, изгнание иезуитов ошибочно отнесено к 1718 г. [41, с.530].

³⁷³ [166, стб.1670]. О высылке иезуитов в 1719 г. говорится в [32, с.528; 144, стб.617; 262, с.66; 406, с.57; 570, с.317; 571, с.544; 583, с.29; 606, с.16].

³⁷⁴ [319, с.249]. В [144, стб.616-617] утверждается, скорее всего, ошибочно, что оба находились в Москве до 1719 г.

³⁷⁵ [166, стб.1659-1660]. См. также [28; 553, с.139].

³⁷⁶ [166, стб.1649, 1660, 1670].

³⁷⁷ Конгрегации пропаганды веры Римской курии (ныне Конгрегация Евангелизации народов).

³⁷⁸ [465, с.208-209, 380-381]. Из этого письма ясно, что в марте 1720 г. капуцины добрались лишь до Братиславы. Поэтому встречающееся в литературе утверждение, что «имущество миссии и собрание книг в 1719 г. были переданы священникам из Ордена капуцинов» [319, с.249], не совсем точно: это произойдет на следующий год.

³⁷⁹ Остается пожалеть, что герцог Лирийский (де Лирия), проживший в Москве почти три года, с 1727 по 1730 г., часто бывавший в непосредственной близости от католической церкви и наверняка ее регулярно посещавший, в своих записках [340; 519] почти ничего не пишет о Москве, но лишь о дипломатических и политических сюжетах. А ведь он, как католик, о костеле в Немецкой слободе (которую упоминает лишь один раз, мимоходом) мог бы рассказать многое.

³⁸⁰ [127, с.375]. Этот отрывок резюмирует Толстой [81, с.128-129, 131; 553, с.130, 132] и цитирует Цветаев [588, с.121], однако последний датирует запись 2 марта. В [587, с.153] он исправляет дату на 21 марта, и опять неверно: запись датирована 22 марта.

³⁸¹ [127, с.375; 129, с.157-158].

³⁸² Чтобы это понять и не отнести его к настоящему времени, то есть к 2000 году, когда вышла книга [127], ее читателю надо перелистать полкниги.

³⁸³ [587, с.456-457; 588, с.123-124]. Текст этой копии см. [587, с.LIX-LV; 588, с.129-130].

³⁸⁴ 101 кв. саж. ≈ 471 м²; 37 кв.саж. ≈ 172,6 м². В данной ситуации мы используем старую сажень = 2,16 м, ибо новая, равная 2,1336 м, была принята по закону от 11 октября (ст. ст.) 1835 г.

³⁸⁵ [587, с.459; 588, с.125].

³⁸⁶ Вслед за Цветаевым это повторяет и современный автор: «Приход Свв. Петра и Павла в Нем<ецкой> слободе в нач<але> XIX в. имел два церк<овных> здания — большой “холодный” храм, где службы проводились только в теплое время года, и “теплый” храм (т.е. отапливаемый), где служили зимой. “Теплый” был почти втрое меньше “холодного” и стоял

вдоль межи, алтарем к югу. Неизвестно, какой храм появился раньше, т.е. был изначальной церковью, построенной в 1706. Вероятно, одно из церк-
<овных> зданий выстроили в сер<едине> XVIII в.» [144, стб.618].

³⁸⁷ Это то небольшое, что повторяется в современной литературе. См. [501, п° 8, с.96; 502, с.318]. То же — у С. Мартиросяна, но он ошибочно считает, что холодный храм был старым, деревянным, забывая, что последний сгорел в 1705 г. [361, с.78]. См. также [304, с.312].

³⁸⁸ [587, с.460; 588, с.126-127].

³⁸⁹ [304, с.312; 587, с.461; 588, с.127].

³⁹⁰ И. Кондратьев считает, что новая церковь была «окончена постройкой в 1846 году и в том же году освящена». Комментатор к нему Б.Ю. Иванов корректирует: «Римско-католическая церковь Свв. Апостолов Петра и Павла <...> построена в 1839-1849 годах по проекту архитектора А.О. Жиллярди» [304, с.312, 585]. С. Мартиросян утверждает, что храм был освящен в июле 1849 г. [361, с.79]. Скорее всего, было несколько освящений по мере завершения строительства, и церемония в июле 1849 г. была лишь окончательной, тем более что в путеводителе 1848 г. храм показан уже как действующая новая церковь [504, с.56]. Изображение см. в книге «Москва златоглавая» [384, п° 346, с.161].

³⁹¹ Таким образом, подчеркиваем, что закрыт старый храм был не ранее 1845 г., то есть в середине XIX в., а не в его начале, как иногда утверждается в литературе: [491, с.331].

³⁹² Самое раннее упоминание о Румянцевском музее в связи с надгробием Гордона (1885), которое нам встретилось. Дано, как видим, без указания на источник (вероятно, информация взята из архивного дела). Вполне возможно, что все остальные указания, начиная с И.К. Кондратьева 1893 г. [304, с.312], восходят к тексту Цветаева, ибо ссылок на газеты мы не встречали. Кондратьев пишет и о том, что при разборке храма в 1870 г. «лежавшие под ним гробы были перевезены на иновечерское кладбище, что на Введенских горах» [304, с.312].

³⁹³ 1175 кв.саж. = 5349 м² или ≈ 0,53 га. В данной ситуации мы используем новую сажень = 2,1336 м.

³⁹⁴ [588, с.127-128] и [587, с.461-462]. О том же — в [304, с.312; 361, с.79]. Ниже у Цветаева идет сноска: «*Этими* данными, заимствованными нами из Архива Московской Римско-Католической церкви Апостола Петра и Павла, исправляются указания графа Толстого (I, 130) и проф. Брикнера (*Патрик Гордон*, 138) будто бы старый каменный костел существовал в первоначальном своем виде в пору издания их сочинений, то-есть в 1876 и 1878 годах» [587, с.461-462; 588, с.127]. Замечание важное для читателей, но не совсем верное по существу, ибо, если мы внимательно рассмотрим книгу Толстого, то поймем, что в 1876 г. была издана русская версия сочинения, впервые увидевшего свет в 1863 г. на французском языке [81], а на тот год замечание о костеле вполне соответствовало действительности. Толстой явно видел церковь сам и во французской версии книги описывает ее архитектуру как «примитивную» [81, с.128]. В русском переводе этой характеристики нет [553, с.130]. Сходная история — с комментарием к

дневнику Гордона: «Эта каменная церковь, построенная в Немецкой Слободе, где в то время только и могли находиться храмы иноземных исповеданий, теперь стоит пустая, а для богослужений служит новая, вместо нее построенная» [198-1, с.38]. Читателя легко вводит в заблуждение дата публикации этого текста — 1891 г., он может сделать вывод, что на этот год церковь еще существовала. Ситуация меняется при внимательном рассмотрении, ибо оригинал текста предисловия принадлежал Посселяту и был опубликован на немецком языке в 1849 г., когда церковь еще стояла, но богослужения в ней уже не проводились. Перед нами же лишь русский перевод предисловия 1849 г. Отсутствие комментариев к датам — не единственный дефект издания. Так, например, предисловие к «Дневнику Гордона» [198-1, с.1-46], как и примечания к нему, в ЧИОИДР опубликованы без подписи, а под некоторыми комментариями к основному тексту подпись зашифрована инициалами «С.Б.» (например, в ч.2 на с.198). Согласно И.Ф. Масанову, этим псевдонимом в ЧИОИДР подписывался в 1890-е гг. историк, библиограф и археолог Сергей Алексеевич Белокуров [124; 363]. А как быть с теми сопутствующими текстами, которые не подписаны? Для уточнения их авторства требуется, как минимум, прямое сравнение с оригиналом. Отчасти эта работа уже выполнена. Так, И.Г. Тишин утверждает, что тексту дневника в публикации ЧИОИДР предшествует перевод предисловия Посселята ([549]; инициал Посселята Тишин несколько раз указывает как «И.» вместо «М.Е.»). Это же неявно утверждает Брикнер [146-196, с.95]. А вот что пишет о захоронении Гордона автор предисловия к другой публикации этого дневника, Майков: Патрик Гордон «был погребен в первом каменном храме римско-католической общины, в Москве, *основанном* в 1694 г. самим Гордоном в Немецкой слободе» ([350, с.134]; выделено нами). Как видим, Майков без критики повторяет неосторожный пассаж Голикова [190, с.292], от которого пошло иногда встречающееся утверждение, что каменный костел в Немецкой слободе *был построен* в 1694 г., тогда как это год его *основания*, а не строительства в камне, даже в виде часовни. Что касается Брикнера, то он, конечно, мог оказаться под впечатлением предисловия Посселята к дневнику, который комментировал [146], но скорее всего сам видел церковь до ее разрушения, о котором мог и не знать, ибо после 1867 г. занимал пост в Новороссийском университете, а с 1871 — в Дерптском и до 1878 г. вполне мог более не приезжать в Москву. На последнюю версию наводят его строки, посвященные церкви и процитированные выше [146-196, с.119, 121]. У Толстого информацию без критики и проверки взял А.П. Доброклонский, чья книга впервые была опубликована в 1889 г.: «<...> в Москве появился католический храм в честь апостолов Петра и Павла, уцелевший до настоящего времени» [232, с.366]. Над книгой он работал в Рязани и, по всей видимости, не посчитал нужным проверять указанное утверждение поездкой в Москву, что подтверждает характеристику Доброклонского как историка-фактолога, не способного выйти за пределы документа [232, с.VI] (а значит, осуществить необходимую критику). Его «Руководство по истории Русской церкви» переиздавалось в 1893 и в 2001 г. с повторением этого пассажа без комментариев.

³⁹⁵ В свете этих событий откровенным лицемерием выглядит нынешняя позиция Русской православной церкви в борьбе с католическим влиянием. Для примера — программная статья [299] за подписью протоиерея Максима Козлова, опубликованная в газете «Труд» (тираж — 613 тыс. экз.). Автор отказывает католицизму в праве считаться одной из «исторических религий России», меняет местами понятия «русского» и «российского» и настаивает на вековой толерантности российского государства. Протоиерей обходит полным молчанием как сам факт непрерывного существования католической общины в Москве — уже четвертое столетие, а в Петербурге — с первых лет его основания, так и непрерывное давление, которое эти общины испытывали от православного государства, периодически изгонявшего священников прихода. В Москве власти долго не давали строить костел, который возник явочным порядком, и наконец, по прошествии почти двух столетий, в 1870 г., добились его разрушения, хотя к этому времени храм стал историческим памятником. И русское, и российское государства жесточайшим образом наказывали за отказ от православия, отлавливали в Европе эмигрировавших «ренегатов» (как перешедшего в католичество Алексея Ладыженского в 1735 г. [99; 572]) и даже сжигали их на кострах (как племянника бывшего Великого посла, капитан-поручика Александра Возницына, который погиб в огне в просвещенном Петербурге в 1738 г. [102, с.328; 177; 214, с.124-125; 217, с.508-509, 591; 360; 484; 540]). Очень точно эту ситуацию определила Т.А. Опарина, описывая «реальное воплощение идеологием, сложное переплетение ксенофобии и толерантности» в Московии XVII в.: «Политика всегда исходила из прагматизма (не путать с толерантностью)» [416, с.7, 316], и далее подробно разобрала это понятие применительно к России XVII в. [416, с.46, 341, 351; 415, с.67]. Из ее анализа следует, что в отношении к западноевропейцам (исключая поляков, к которым толерантность не проявлялась в принципе) речь идет не столько о толерантности, сколько об отсутствии гонений (за редчайшим исключением, добавим мы, каковым является сожжение в октябре 1689 г. К. Кульмана и К. Нордермана, приверженцев одной из ветвей радикального протестантизма). А то, что хоть как-то подходило под категорию толерантности, распространялось исключительно на «немцев»-протестантов не радикальных деноминаций. См. на эту тему у В.В. Нечаева [404, с.36-41]. О ксенофобии в России XVII в. как об архетипической оппозиции «свой — чужой» см. у И.Л. Бусевой-Давыдовой [152, с.65-134].

³⁹⁶ «Петра В<еликого>». Расшифровка И. Кувшинской.

³⁹⁷ [287, с.387; 567, с.6, 11]. «Яков Брюс скончался 19 апреля 1735 г. Похоронили его в кирхе Святого Михаила в московской Немецкой слободе. В 1929 г., перед сносом храма, могилы были вскрыты. В одной из них обнаружили останки, облаченные в хорошо сохранившиеся кафтан и камзол. Уцелела и нашивка ордена Андрея Первозванного. По ней определили, что это и есть сам Брюс: в свое время он был награжден высшим российским орденом за участие в Полтавской битве» [615]. Речь идет о лютеранской церкви св. Михаила (Старой обедне) в нынешнем Новокирочном пер. И.Н. Колкина цитирует без ссылок на источники: «Московский губернатор С.А. Салтыков доносил императрице Анне Иоанновне: "...погребение учинено с пушечною и из легкого ружья стрельбою, и погребли его в Немецкой

слободе в Старой Обедни", как называлась лютеранская кирха Святого Михаила на Вознесенской улице» [301, с.476]. При сносе кирхи знамя рода Брюсов, его кафтан с шитой звездой Андрея Первозванного и ботфорты были переданы в Исторический музей [236, с.27; 346].

³⁹⁸ В современной литературе мифы Брюса и Лефорта продолжают развиваться параллельно. Так, Ю.В. Рябинин пишет: «В некоторых источниках говорится, что Лефорт похоронен на Введенском кладбище. Но это неверно. Может, его и перезахоронили бы честь по чести в советские годы — все-таки это не колдун Брюс, а по-настоящему крупная фигура отечественной истории, но <...> могилы Лефорта давно не существовало» [511].

³⁹⁹ Если наши рассуждения имеют под собой основания, то медные таблички, скорее всего, делались после смерти о. Шеена, который служил в церкви до пожара 1812 г. и должен был знать, кто похоронен в крипте.

⁴⁰⁰ Если в XVII в. Женева по определению была кальвинистской, то среди шотландцев были католики, пример чему — Патрик Гордон. Впрочем, и его образ не избежал искажений «с точностью до наоборот». В [46, с.17; 305, с.17] читаем: «Вместе со служившим Петру шотландским генералом Гордоном он <Лефорт — Д.Г.> стоял во главе целой армии гугенотов, сражавшейся в Европе против Турции, преданного вассала королевской Франции». Самому Гордону подобная перспектива могла присниться лишь в страшном сне, тем более, что с Турцией сражались, в основном, не протестанты, а католики: все три страны, составлявшие Священную лигу до 1695 г. — Австрия, Польша и Венеция, а также напрямую ее поддерживавшие — Мальта и Папский престол, — были католическими. В то же время, как протестантские Англия и Голландия не торопились портить отношения с Османской империей. К тому же ранг султана по европейским (и тогда общепризнанным) меркам соответствовал императорскому, и он даже в литературном плане не может быть представлен в качестве вассала короля, т.е. монарха более низкого ранга.

⁴⁰¹ [304, с.312; 587, с.461; 588, с.127].

⁴⁰² Коллекция Российской национальной библиотеки составляет 55 брошюр и листов, вышедших в 1868-1881 и 1888 гг. [408].

⁴⁰³ [501, н° 8, с.96; 502, с.318]. Поэтому ошибочно утверждение Ю. Рябинина, что костел находился «на углу Немецкой улицы и Кирочного переулка» [511]: там стоял другой дом.

⁴⁰⁴ [236, с.24; 502, с.320-321].

⁴⁰⁵ См. карты, приложенные к [89; 90].

⁴⁰⁶ Когда мы обследовали участок в сентябре 2010 г., заводское здание — памятник долгострою конца XX в. — представляло собой уродливый недостроенный бетонный корпус с пустыми глазницами окон. Во время второго осмотра в июне 2012 г. стало понятно, что ситуация изменилась: велась работы, и часть здания со стороны Бауманской улицы (Старокирочный переулок, № 4 и 6) была приведена в порядок, остеклена, устроена навесная облицовка.

⁴⁰⁷ [501, н° 8, с.97; 502, с.318-319]. Указание на принадлежность дома Анне Монс встречается регулярно (например, см. [236, с.10-11; 265, с.220]). По некоторым работам хорошо видно, как из предположений вырастает

миф. Так, в [535, с.104-105] в тексте указано: «Предполагается, что дом Анны Монс находился около кирхи по Старо-Кирочному пер., д. 6», а на следующей странице дана фотография дома с подписью, в которой никаких ноток предположения уже не найти: «Дом Анны Монс <...>».

⁴⁰⁸ [588, с.103-104; 587, с.429-430].

⁴⁰⁹ [136, с.181; 137, с.171; 138, с.185; 503, с.97].

⁴¹⁰ [587, с.250]. И. Соколов, описывая эту историю, перепутал реформатскую кирху с лютеранской [532, с.24-25]: Анна Монс была лютеранкой. А.Н. Толстой в своем романе превратил дом Анны Монс у лютеранской кирхи из деревянного в кирпичный (явно основываясь на легенде о доме) и дату его постройки сдвинул лет на 5-6 — на осень 1699 г. [552, с.334]

⁴¹¹ [304, с.585; 361, с.79; 374; 537; 582].

⁴¹² [385-1, с.318]. Эпитафии приведены без перевода на русский язык.

⁴¹³ Нами были просмотрены, и безрезультатно: *Ведомости московской городской полиции* за июль-август 1870 г.; *Русские ведомости* за май-июнь 1877 г., *Московские губернские ведомости* за май-июнь 1877 г.

⁴¹⁴ [146-193, с.172, 180-181; 190, с.293; 197, с.81, 280, 283, 286, 325; 198-1, с.40-41, 43; 547; 564, с.232; 587, с.400, 421-422; 605, с.448]. Из детей Патрика, умерших в раннем возрасте: Джордж Стивен (24.12.1682/3.1.1683—1/11.11.1684), Джоанна (Дженет; 21.6/1.7.1688-1690), Питер (Петр; 1691-1695; крещен в Москве 7/17.6.1691), Джорж (1693-1694) [547; 197, с.35-36, 177, 277-278, 307; 587, с.407]. Автор предисловия к одной из публикаций дневника Гордона, Майков, утверждал, что первая его жена умерла в 1687 г. (он спутал два путешествия Гордона в Шотландию, после одного из которых Бокховен скончалась) и что второй брак состоялся в 1696 [350, с.133]. Однако с этим не совпадают ни сам факт рождения пятерых детей от второго брака (ср. с датой смерти Патрика Гордона в ноябре 1699), ни дата рождения сына Федора. Все эти вопросы разобрал Брикнер почти за 40 лет до публикации Майкова [146-193, с.180-181].

⁴¹⁵ Из «Писем и бумаг...» понятно, что кто-то из Гордонов на 1707 г. владел двором (домом) во Львове, на котором должен был остановиться в начале года Петр I [455, с.406, 444, XVIII]. Однако определить, какой Гордон имеется в виду, без дополнительной информации не представляется возможным. Допускаем, что речь идет об Александре Гордоне, который в это время находился в плену.

⁴¹⁶ [197, с.60, 81, 137, 164, 271, 283, 286].

⁴¹⁷ [2, с.105; 92, с.167; 119, с.411; 128, с.472; 145, с.579; 179-1, с.383; 187; 198-1, с.10; 210; 211; 240, с.137; 344, с.74; 347, с.95, 129-130; 348, с.107; 349, с.681; 373, с.606; 534, с.419, 435-436; 547; 554, с.616; 564, с.232; 605, с.451].

⁴¹⁸ Поэтому утверждение, что он «поступил на русскую службу в 1696 г. в чине майора» [111, с.190], вызывает сомнение.

⁴¹⁹ [36; 69, с.173; 92, с.167; 111, с.98, 190; 145, с.139; 146-196, с.95-96; 160, с.276, 422, 447, 467, 470, 474; 173, с.432; 174, с.6, 76, 545; 179-1, с.383; 187; 198-1, с.43-44; 198-2, с.237-241; 199; 200; 233, с.7-8; 240, с.137; 300, с.117, 323, 325, 376; 373, с.606; 441, с.111-112; 451, с.342-343; 452, с.284; 455, с.195; 456, с.116, 152, 419, 421, 491; 457, с.668; 458, с.1117; 459, с.555; 460, с.407-

409, 752; 461, с.279, 344, 378, 460, 541, 561; 462, с.235, 545; 533, с.238; 547; 557, с.207; 564, с.232; 605, с.451]. В именном указателе к книге Н.И. Павленко [431, с.282, 583] спутан с Патриком Гордоном, который понижен в чине до генерал-майора. В именных указателях к «Русским пленным...» и к томам 2 и 3 «Писем и бумаг...» спутан с полковником Яковом Гордоном [300, с.313, 386; 452, с.XIII/2; 453, с.XIV/2], на страницах [452, с.102, 105, 109, 487; 453, с.140, 673, 711] говорится о Якове Гордоне и его полке, а не об Александре Гордоне, а на странице [300, с.313] об Александре Гордоне, а не о Якове. В именном указателе к т. 11 «Писем и бумаг...» спутан с подполковником Андреем Гордоном [462, с.381, 649]. 420 [198-2, с.242-244; 454, с.614, 685, 859].

⁴²¹ [233, с.7-8; 300, с.323, 376; 452, с.284; 500, с.444].

⁴²² [452, с.284; 500, с.444].

⁴²³ [233, с.7-8; 300, с.251, 323, 376-377]. И уж точно ошибкой является утверждение С.А. Козлова, что в документе Посольского приказа от 23 апреля / 4 мая 1703 г. о выдаче денег пленным в Стокгольме фигурирует майор Яков Гордон [300, с. 377]. Козлов ссылается на [233, с.7], где ясно указано, что пленный является капитаном.

⁴²⁴ [160, с.467, 512; 233, с.7-8; 300, с.323, 376; 452, с.280; 455, с.195; 462, с.381, 649; 500, с.444].

⁴²⁵ [73; 197, с.28, 117, 186, 229, 276, 296-297, 315 и др.; 198-1, с.41-42; 198-2, с.230-231; 547; 564, с.232, 275; 565, с.241; 605, с.448-449]. Кроме Патрика (см. №11), имел сыновей, которые родились уже в Шотландии: Джеймса (1702 — не ранее 1735), Александра (1708 — не ранее 1730), Джона (1705-?), Чарльза и дочерей — Элизабет и Кэтрин [547; 564, с.275].

⁴²⁶ Утверждение А.В. Шишова, что «Самодержцем Всея Руси Петром Алексеевичем за отцовские заслуги Яков Гордон был возведен в графское достоинство Священной Римской империи» [605, с.450] — нонсенс, ибо это была прерогатива исключительно императора Священной Римской империи. Русский царь мог лишь дать согласие на признание этого титула в России. Не больше смысла и в другом утверждении Шишова про Якова Гордона: «Он стал только бригадиром, то есть “кандидатом” в генералы» [605, с.450]. С этой точки зрения, капитан — это только «кандидат» в майоры, майор — в подполковники и т.п.

⁴²⁷ [36-1, с.99; 146-196, с.95; 160, с.269, 417, 438, 451; 173, с.23, 62, 485; 187; 197, с.93, 103-108, 276, 289, 309 и др.; 198-1, с.41-42; 198-2, с.225-227; 295, с.71, 225; 300, с.251, 376; 308, с.145, 444; 452, с. 407-409; 547; 557, с.440-441; 564, с.232; 565, с.241; 587, с.400; 588, с.84, 118; 605, с.449-450]. В именных указателях к «Русским пленным...» и к томам 2 и 3 «Писем и бумаг...» спутан с полковником Александром Гордоном [300, с.313, 386; 452, с.XIII/2; 453, с.XIV/2] (см. выше).

⁴²⁸ [564, с.275]. В [547] 1739 г. как год смерти Федора Гордона указывается без вопроса.

⁴²⁹ [146-193, с.181; 198-1, с.41, 43; 547; 564, с.232, 275; 565, с.241; 588, с.116].

⁴³⁰ [146-193, с.181; 350, с.133; 431, с.109; 588, с.28-29, 55, 99].

⁴³¹ [190, с.293; 198-1, с.40-45; 198-2, с.227-229; 463, с.263-264, 476, 484, 566, 569; 464, с.55; 533, с.403; 534, с.233; 605, с.450].

⁴³² [29, с.458; 146-196, с.96; 588, с.123]. Судя по всему, именно с сыном Федора связана история сохранения дневников Патрика Гордона. Далее — некоторые цитаты об этом дневнике. Посселят: «В половине прошлого <т.е., XVIII — Д.Г.> столетия только часть его находилась у некоего Гордона, занимавшего место переводчика при адмиралтействе в Петербурге. После его смерти граф Александр Сергеевич Строганов, большой любитель и покровитель наук, купил в 1759 г. у его вдовы дневник Гордона, состоявший только из четырех томов» [198-1, с.10]. Брикнер: «В 1759 году граф Строганов, по предложению академика Г.Ф. Миллера, приобрел значительную часть рукописи дневника от вдовы внука Гордона, бывшего переводчиком при адмиралтействе в Петербурге» [146-193, с.152]. Федосов: «Очевидно, большинство семейных бумаг, в том числе несколько томов “Дневника” перешли к его сыну — скромному петербургскому чиновнику, чье имя нигде не упоминается» [564, с.232, 275]. Все они восходят к записке Г.Ф. Миллера «Известие о начале Преображенского и Семеновского полков Гвардии», дважды опубликованной в 1778 г. (в «Опыте трудов Вольного Российского собрания» и отдельной брошюрой; ныне переиздана [373, с.242-253]): «<...> Журнал, с которого четыре книги у внука его, служившего при Адмиралтействе переводчиком, в 1759 году, по моему способствованию, в Санкт-Петербурге куплены Его Сиятельством Графом Александром Сергеевичем Строгановым и для употребления к пользе общества мне уступлены; а две книги найдены мною в здешней Коллегии Иностранных дел архиве, которые как сюда вошли, не известно, токмо то видно, что при сочинении Азовской истории покойным Господином Профессором Байером употреблены были. Но не достаёт еще двух или трех книг» [373, с.253]. См. также [605, с.450]. А вот из статьи Телицына: «Дневник продал для публикации частному коллекционеру внук Патрика Гордона — тоже Патрик, служивший бухгалтером Петербургской академии наук и переводчиком Адмиралтейств-коллегии»; умер в 1759 г. [547]. Статья Телицына хоть и основательная, но газетная, и ссылки на источники в ней отсутствуют.

⁴³³ А.В. Кобак: «Бывали случаи (не в городах), когда богатых людей в силу их прихоти хоронили в их усадьбах. Например, склеп Полье в Шуваловском парке под СПб. Но и он расположен в 100 м от церкви и как бы составляет с ней единое целое. Такое разрешение было не просто и недешево получить» [291].

⁴³⁴ [197, с.163, 165-166, 168, 172, 201]. $435\ 90\ \text{х}\ 47\ \text{саж} = 194,4\ \text{м}\ \text{х}\ 101,5\ \text{м} = 19\ 735,5\ \text{м}^2$ или $\approx 2\ \text{га}$, они же $4230\ \text{саж}^2$. Если Гордон мерил не *треухаршинной казенной саженью* ($\approx 2,16\ \text{м}$), а *простой, или прямой саженью* ($\approx 1,52\ \text{м}$), которая также широко употреблялась в ту эпоху (именно этой саженью Петр I в апреле 1717 г. измерял высоту собора в Антверпене [528]), то участок оказывается существенно меньше $\approx 9773\ \text{м}^2$, около одного гектара.

⁴³⁶ [231, с.15; 477]. О процессе «укрупнения размеров ряда дворовладений путем скупки соседних» в Немецкой слободе в первой четверти XVIII в. говорит В.А. Ковригина в [293, с.9]. Как видим, этот процесс начался значительно раньше, едва ли не с момента образования слободы.

⁴³⁷ [196, с.127-128; 197, с.81, 240-241].

⁴³⁸ Произошло это 11 декабря 1711 г. (н. ст.) в г. Столпе (ныне — Слупск в Польше), на дороге в Берлин [285, с.804; 520, с.54].

⁴³⁹ [285, с.804; 520, с.52].

⁴⁴⁰ [520, с.55, 57, 60, 260].

⁴⁴¹ Какая-то иконография может находиться в соответствующих музеях. Постановлением правительства Москвы от 25 сентября 1999 г. был образован музей «Лефортово» — один из редких, посвященных историческому району города (это филиал Музея истории Москвы; Крюковская ул., д.23). Однако в его фондах и экспозиции изображений интересующих нас объектов найти не удалось, хотя директор музея В.С. Дельвиг и его коллега Д.А. Безьев дали очень ценные консультации. Они же сообщили, что другой интересовавший нас музей — «Слобода» (создан в 1987 г.; располагался на Бауманской ул.; упоминается в [501, н° 8, с.98]) являлся частным музеем и был закрыт в 2002 или 2003 г.

⁴⁴² Тексты И. Кувшинской взяты целиком или скомпилированы из двух дополняющих друг друга писем [312; 313] с точным сохранением аргументации и не вызвали ее возражений при повторном просмотре рукописи книги.

⁴⁴³ [37; 146; 190; 560; 561].

⁴⁴⁴ [398, н° 106, с.72]. Перепечатка этого анекдота, а также его пересказ в более поздних публикациях встречаются неоднократно. Например: «Соратникам своим, славно послужившим России, Ф.Я. Лефорту, А.С. Шеину, П.И. Гордону, Б.П. Шереметеву Петр хотел поставить надгробные памятники» [351]. См. также [71-2, с.562; 83, с.596; 335, с.362; 394-4, с.338-339; 395, с.302; 396, с. 93-94; 397, с. 595-596; 450, с.147-148; 471-78, с.39-40]. В наше время анекдот получил развитие, и даже возникли разногласия о материале, из которого Петр предполагал соорудить памятники: он «...хотел поручить это итальянским мастерам и даже отправлял в Рим рисунки для воплощения их в мраморе (по другой версии — в бронзе)» [580]. Подробнее об идее Пантеона России, задуманного Петром, см. [450].

⁴⁴⁵ «Петр Великий, приняв намерение сделать чрез искусных скульпторов во Италии надгробные монументы и поставить их в честь: 1. боярину и славному военачальнику Алексею Симеоновичу Шеину, 2. генералу, адмиралу Францу Яковлевичу Лефорту, 3. генералу-фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву, говорил об них тако: “Сии мужи делами и заслугами в России вечныя монументы. Отличны были славою при жизни, отличны будут славою и по смерти. Я соединю моих Тюреннов вместе под покровительство героя С. Александра Невского”. Желание Его величества было поставить монументы в монастыре С. Александра Невского» [393, н° 78, с.90-91].

⁴⁴⁶ Косвенно анекдот Нартова объясняет, почему над могилой Франсуа Лефорта так и не был поставлен памятник: сначала этого не сделал Пьер Лефорт (вспомним о его шестилетнем плене), позднее Петр I решил поставить памятник в другом месте, но не успел.

⁴⁴⁷ Сама эта несбывшаяся возможность породила новый миф, встречающийся в швейцарской историографии. Так, в обширном каталоге выстав-

ки 1996–1997 гг. «Швейцарцы в России...» утверждалось, что прах Лефорта был перенесен в Петербург, в построенный швейцарцем Доменико Трезини Петропавловский собор, где создавался «Пантеон Романовых» [78, с.56]. В [391; 517; 580] это утверждение процитировано или пересказано без ссылок, в [354, с.78] — со ссылкой, в [386] приписано легенде: «легенда гласит, что его перенесли в Петропавловский собор, поближе к могиле Петра Великого». Вот и еще одно фантастическое место перезахоронения.

⁴⁴⁸ Экспертиза Ю.Е. Виноградовой 2004 г. целиком вошла в ее новое заключение.

⁴⁴⁹ Авторы приносят глубокую благодарность всем лицам и организациям, оказывавшим помощь в ходе этой работы. Это М.С. Гузевич, Л.Н. и М.И. Долгоруковы, И.В. Тимофеев (С.-Петербург), N. Chavannes (Женева), р. Patrick Langue, р. Adrien Demoustier (Париж), M.G. Doncel (Барселона), а также *Archive d'État de Genève* и *Institut et Musée des Suisses dans le Monde* (Женева).

И в России (до 31 января 1918 г.), и в Женевском кантоне (до 31 декабря 1700 г.) использовался юлианский календарь, и потому женевцы и кальвинисты Франсуа и Пьер Лефорты датируют свои письма этим стилем. Однако, во избежание ошибок, мы будем давать датировку дробью или указывать стиль.

⁴⁵⁰ Например, см. [569, с.342]. Есть и вариант, предложенный А. Соколовым: после «исключительно весело и особенно шумно» проведенной «немецкой пасхи» у Лефорта «зашалило сердце» [531, с.88]. Даже если исключить тот факт, что никаких данных о сердечном приступе у Лефорта не существует, праздник у него был 22 февраля / 4 марта, умер он 2/12 марта, а Пасха в 1699 г. падала на 9/19 апреля, и праздновать ее Лефорт мог разве что из могилы. Впрочем, как кальвинист, он Пасху скорее всего вообще не отмечал. А. Бабкин, один из тех, кто дал обоснованную критику свидетельству Куракина, утверждал еще в 1976 г., что «Лефорт умер в 42 года, но не от последствий дебоша, а от ранения, которое он получил при падении с лошади во время осады Азова» [113, с.122]. К этой фразе есть два уточнения: Лефорт умер в возрасте 43-х лет, и падение произошло после осады Азова, при возвращении через степь. Близкое описание смерти Лефорта от ран приведено в киноромане И. Прута и Е. Черняк [475, с.208–209], в целом переполненным ошибками. Самый точный диагноз, совпадающий с теми, которые даны в заключениях, приложенных к этой статье, — «une infection généralisée, due à ses blessures <...>», мы находим в книге J.R. Bory [113, с.80]. Впрочем, в швейцарской историографии всегда доминировала мысль, что Лефорт умер от последствий ранения («воспаляются полученные под Азовом раны»; умер от генерализованной инфекции в результате полученных ран — «l'infection généralisée de ses blessures»); иногда во франкоязычных текстах указывается, что причиной смерти была «une fièvre aiguë» = «острая лихорадка», «une fièvre intense» = «сильная (интенсивная) лихорадка» [68, с.41; 78, с.41, 53; 82, с.130; 439, с.53]. Последнее утверждение в своем развитии переросло уже в абсолютно необоснованную версию «тифозной горячки» («fièvre typhoïde») [330, с.75; 521, с.249; 579, с. 6–7; 597,

с.191], «подхваченной во время последней военной компании». Для этого он должен был 2,5 года ходить с тифом!

⁴⁵¹ Текст Валишевского процитирован ниже при описании последнего вечера перед финалом.

⁴⁵² [185, с.15]. См. также: [186–50, с.15–21].

⁴⁵³ Начиная с утверждений, что Лефорт «убедил молодого царя в необходимости строительства новой морской столицы на Балтике» (в марте 1699, когда умер Лефорт, ни о какой новой столице речь еще не шла; что он был создателем «настоящей русской пехоты» и «императорских флотов на Черном море и на Балтике», генералиссимусом и «президентом всех Советов России». При всем уважении к Лефорту мы должны признать преувеличенным даже более мягкое утверждение, что он был основателем русского военно-морского флота [15; 49; 68; 82; 439; 543]. Одним из инициаторов безусловно был, а вот основателем...

⁴⁵⁴ Мы не касаемся некрологий конца XVII в. (например, [66]), где, согласно закону жанра, восхваляется усопший и превозносятся его деяния, а также написанных в XVIII в. работ агиографического характера [172; 190], с которых берут начало многие ошибки. Например, что намерением Лефорта было «заложение Петрополя, перенесение Столицы к Финским водам» или, уже повторявшееся нами утверждение, что он был председателем «всех Советов Петра Великого». Последнее восходит к фантастическому, предельно пышному и отчасти «игровому» титулу Лефорта, который ему был дан перед Великим посольством исключительно с представительскими целями. Часть элементов этого титула отношения к реалиям не имела. И если авторы XVIII в. еще могли принимать их всерьез, то вряд ли то же допустимо для века XX или XXI.

⁴⁵⁵ Например, см. [50; 167; 284, с.81; 378, с.70; 379, с.73; 604, с.86–149] и мн. другие.

⁴⁵⁶ См. об этом в наших работах о Великом посольстве [216; 217].

⁴⁵⁷ Среди прочего была просмотрена и скопирована хранящаяся в Женеве переписка семьи за вторую половину 1690-х гг. Если существуют переводы на русский язык, мы приводим их, а также даем ссылки на сборник документов о Лефорте, вышедший в 2006 г., и учитываем предложенные там переводы. Вполне объективные сведения о ранениях Лефорта и его кончине приведены в [354; 602]. Отсылая читателя к этим двум главам одной книги «Франц Лефорт: Страницы истории», подчеркиваем, что сама книга носит скорее итоговый характер и какие-либо новые материалы по нашей проблеме в ней отсутствуют.

⁴⁵⁸ Цит. по [136, с.201–202; 137, с.194; 138, с.209] со ссылкой на [71–2, с.213–215].

⁴⁵⁹ М.И. Долгоруков в своем заключении допускает сотрясение мозга (см. Приложение 3).

⁴⁶⁰ [112, с.184; 332, н° 62, с.161, 163]. См. также [602, с.46].

⁴⁶¹ [332, н° 62, с.162, 164; 602, с.46].

⁴⁶² [136, с.263–270; 137, с.255–265; 138, с.277–289].

⁴⁶³ См., например: [45, с.102; 51, с.154; 115, с.276-277; 131, с.73; 159, с.93; 176, с.64; 260, с.360; 355-2, с.68; 377, с.14; 378, с.63; 432, с.25; 516, с.181]. А.И. Филошкин [568] договорился до того, что «Лефорт ехал на двух колясках». Предлагаем представить воочию.

⁴⁶⁴ [5, н° 105, 108; 112, с.190; 332, н° 85-87, с.199-201].

⁴⁶⁵ [141, с.8; 142, с.10; 332, н° 81, 150, с. 194-195, 278-279; 471-77-2, с.160; 561, с.264, 494; 562, с.573-575, 610-611]. При посольстве состоял лекарь Яган Триандер [216, с.265].

⁴⁶⁶ [133; 596, с.XCI].

⁴⁶⁷ [5, н° 91; 112, с.184, 186-188; 332, н° 62, с.162-164].

⁴⁶⁸ [141, с.8; 142, с.9; 561, с.264, 494].

⁴⁶⁹ Еще более странно, что Богословский не обратил внимания на работу Шмурло [610, с.78] и на текст в *Памятниках дипломатических сношений* [436, стб. 658-659], где в документе от 21 февраля указывалась предполагаемая дата отъезда посольства — 25 февраля (ст. ст.). Поэтому Соловьев, утверждавший, что отъезд был назначен на февраль 1697 г. [533, с.524.], оказался ближе к истине.

⁴⁷⁰ В этой 40-месячной борьбе с инфекцией таится и ответ на вопрос, была ли его смерть «неожиданной» или «внезапной», как то пишут некоторые авторы ([93, с.242; 105, с.125; 106, с.37; 309, с.367]; близкое утверждение в [597, с.191]). Нет, конечно. Он не раз находился в кризисном состоянии, особенно ранней весной. Другой вопрос, что очередной кризис свел его в могилу за неделю; однако ухудшение состояния началось месяца за 1,5-2 до финальных событий, как то следует из письма Пьера Лефорта от 3/13 февраля 1699 г. (Вариант утверждений: Лефорт умер, «будучи цветущим <...> мужчиной» [86, с.268], хотя в действительности — тяжело больным человеком). См. также у Виноградовой о возможном внесении инфекции при обработке ран.

⁴⁷¹ В окружении Петра людей просто заставляли напиваться. Но у Лефорта было уникальное положение: его заставить не мог никто, а как хозяин и организатор большинства праздников он должен был всегда сохранять контроль над собой. Как ему это удавалось? столь могучий организм, что перерабатывал весь алкоголь? вовремя останавливался? применял какие-то методы? Мы не знаем, но факт остается фактом.

⁴⁷² [112, с.189-190; 332, н° 87, с.200-201].

⁴⁷³ [12, с. 330; 139, с.39; 140, с.43].

⁴⁷⁴ [139, с.66; 140, с.73; 609, с.249].

⁴⁷⁵ В России 1 штоф $\approx$ 1,23 литра («малый штоф» или «десятирековый»); был еще «большой штоф», «осьмериковый», $\approx$ 1,54 л. Но цитата принадлежит прусскому вельможе, а в Пруссии штоф мог достигать $2,43 \div 2,45$ л (1 анкер = 16 штофов = 3,16 рус. ведра; 1 ведро — от 1,23 до 1,24 л в зависимости от эпохи) [42, с.1034-1035; 281, с.252, 256; 447, с.71, 80].

⁴⁷⁶ [139, с.101; 140, с.114-115] со ссылкой на [71-2, прил. IX]. Автор, похоже, слегка преувеличил, ибо штоф — это 1,2 литра. В нашей книге [217, с.167, 677] имя канцлера дано с опечаткой, как «Крейзер». Правильно: «Крейзен».

⁴⁷⁷ Например, Ф. Берхгольц, описывая придворный праздник в Летнем саду 24 июня / 5 июля 1721 г.: «появились дурные предвестники, вселившиеся во всех страх и трепет, а именно человек шесть гвардейских гренадеров, которые несли на носилках большие чаши с самым простым хлебным вином; запах его был так силен, что оставался еще, когда гренадеры уже отошли шагов на сто и поворотили в другую аллею <...> вслед за тем встретили многих господ, которые сильно жаловались на свое горе и никак не могли освободиться от неприятного винного вкуса в горле. <...> я никому не доверял и притворился страдающим еще больше других. Однако ж один плут легко сумел узнать, пил я или нет: он просил меня дохнуть на него. Я отвечал, что <...> давно выполоскал рот водою; но он возразил, что <...> сам целые сутки и более не мог избавиться от этого запаха, который и тогда не уничтожишь, когда накладешь в рот корицы и гвоздики» [127, с.140].

⁴⁷⁸ Франкония — историческая область Германии с давней культурой виноделия; в 1803 г. была разделена между Баварией (куда попала большая часть территории), Вюртембергом и Баденом.

⁴⁷⁹ Рейнские вина (рейнвейн) — в широком смысле вина обоих берегов Рейна, от Базеля до Зибенгебурге, и прилегающих областей (Баден, Эльзас, Рейнгау, Мозель, Наге, Саар, Ара, Нижний Рейн, Рейнгессен с Бергштрассе и Пфальц), в узком — из Рейнгау (правый берег Рейна от Бибрейха до Лорха). Это, в основном, вина белые, за небольшим исключением (так, из марочных красным является вино «Асманнсгаузен», из вин «третьего сорта» — вино из района Лорха) [495]. Таким образом, встречающееся утверждение, что «Вино ренское» — это мозельские вина [472, с.163], сужает термин по отношению к историческим реалиям.⁴⁸⁰ [139, с.66, 72-73; 140, с.80; 609, с.249, 251].

⁴⁸¹ [139, с.250-251; 140, с.281]. Даты — по ст. ст.

⁴⁸² [139, с.254; 140, с.286]. Даты — по ст. ст.

⁴⁸³ Датировки писем по ст. ст. Второе письмо от 27 января 1698 г. — на немецком языке (лишнее свидетельство того, что Петр тогда был в состоянии читать по-немецки), остальные — на латинице по-русски [562, с. 584-587, 592, 609]. Повторена транслитерация, выполненная Устряловым. См. также [139, с.313, 318; 140, с.351, 357].

⁴⁸⁴ В XIX в. в России была в ходу немецкая классификация вин, противопоставлявшая (легкие) столовые вина (leichte Tafelweine) «отборным» (Ausbruchweine) и «букетным» (Bouquetweine), с одной стороны, и «простым» (Arbeiterweine), с другой (ныне употребляются в приготовлении мясных и рыбных блюд). Используя понятие «столовые вина», мы будем учитывать это разделение, как, впрочем, и существующее ныне во Франции, хотя в советскую эпоху под столовыми стали подразумевать и ординарные, и марочные сухие вина, выделяя, быть может, лишь коллекционные («марочные вина особо высокого качества»).

⁴⁸⁵ Поэтому утверждение, что «англески бутель сек», которую Лефорт просит у Петра, является шампанским [592, с.232], лишено каких-либо оснований, тем более что английского шампанского не существует.

⁴⁸⁶ Другие авторы переписывают у них почти дословно и часто без ссылок, напр.: [604, с.144].

⁴⁸⁷ [561, с.262-263]. К этому почти поэтическому описанию имеется значительно более прозаическое примечание: «Басвиль, за ним Голиков (Дополн. Деян. V, 299), Бантыш-Каменский (Словарь, 1847. II.287) и другие пишут, что Лефорт остался в Москве за болезнь: он заболел в четвертый день по отъезде Царя, как очевидно из Корба (с.119), после попойки с посланниками Датским и Бранденбургским». Что касается существа замечания, то предшественники Устрялова были ближе к истине: Лефорт болел уже с января (странно, что Устрялов, знакомый с перепиской семьи, не обратил внимание на письмо Пьера Лефорта от 3/13 февраля 1699 г.) и явно не мог ехать вместе с Петром в Воронеж. И 23 февраля / 5 марта началась не болезнь, а ее финал.

⁴⁸⁸ Обратим внимание на различие переводов. В том, которым пользовался Богословский (изд. Суворина, 1906, с.131-132), есть указание на приятный вечер, в отличие от того перевода, которым пользовались мы.

⁴⁸⁹ [141, с.6; 142, с.8]. Даты — по ст. ст.490 Цит. по [551, с.309; 552, с.330].

⁴⁹¹ В настоящее время эта информация появилась в Википедии [581].

⁴⁹² В нашей работе [215, с.79], к сожалению, допущена опечатка при цитировании письма М. Донсея, в результате чего Папа Григорий XV (занимал престол в 1621-23) превратился в Григория XVI (на престоле в 1831-46).

⁴⁹³ Уточнения к статье Замятина: и папа другой, и канонизация происходила на год ранее.

⁴⁹⁴ Вопросы об авторе спектакля мы здесь не касаемся, хотя определенные соображения имеются. Разрабатывая гипотезу М. Алексеева (см. выше), которая кажется состоятельной, мы обратили внимание на Мозеса Стрингера (Moses Stringer) — поэта, врача и ученого, оказавшегося в окружении Петра I в Англии. Стрингер посвятил Петру целую поэму, которую опубликовал в январе 1698 г., а в марте демонстрировал царю химические опыты. Не он ли был взят Петром на должность «поэта-лауреата» («придворного поэта»? Авторы надеются, что этот вопрос удастся разрешить в ходе сравнительного анализа списков нанятых лиц из архивов Петербурга, Москвы и Воронежа. Эта работа сейчас проводится. В то же время Энтони Кросс считает, что никакой будущий поэт-лауреат с Петром I не уезжал и что этот персонаж появился в ходе дискуссии между драматургом сэром Джоном Ванбру и богословом Джереми Кольером [16, с.23].

⁴⁹⁵ [19; 114, с.17; 115-I, с.442; 115-II, с.286; 190, с.169; 224; 338, с.349; 403, с.46; 505].

⁴⁹⁶ [34, с.75; 228, с.187].

⁴⁹⁷ В нашей работе [215, с.80] при сокращении текста возникла не совсем корректная фраза, из которой можно понять, что сутки тоже длятся лишь до следующего восхода, что, естественно, неверно.

⁴⁹⁸ [7, с.181-182; 86, с.61, 268; 87, с.110; 113, с.122; 114, с.17; 115-I, с.442; 115-II, с.286; 151, с.57; 190, с.169; 263, с.234; 268, с.552; 322, с.76; 505; 539,

с.128; 561, с.263; 597, с.191]. Определенными вариациями этих разночтений можно считать следующие ошибки: Г. Санина, указывавшего, что на начало Великого посольства Лефорт было 35 лет [269, с.13; 514, с.17] (в действительности 41 год); И. Измайловой [263, с. 121], что на момент знакомства с Петром (это 1689 г.) Лефорт было 35 лет (вместо 33-х); А. Лаврентьева [268, с.552], что в 1690 г. Лефорт было 26 лет (вместо 34-х); Д. Бантыш-Каменского, по мнению которого Лефорт родился 1 октября 1654 г., и Л. Бройтмана, называющего 1658 г. [115-I, с.289; 147] (в действительности 2/12 января 1656 г.).

⁴⁹⁹ Комментарий Ю.Е. Виноградовой: ДВС-синдром — диссеминированное (рассеянное) внутрисосудистое свертывание крови, т.е. образование тромбов (в том числе микротромбирование сосудов мозга), что приводит к кровоизлияниям во все органы. Обычное явление в острых ситуациях, которое всегда бывает при сепсисах.

⁵⁰⁰ Это же заключение имелось в публикации 2004 г. [215], однако автор статьи о Лефорте Н.Ф. Азяский, ссылаясь на эту нашу работу, пишет о кончине Лефорта: «Скоропостижно умер от простуды» [334]. Читал ли автор то, на что ссылается?

⁵⁰¹ [136, с.201-202; 137, с.194; 138, с.209]; оригинал и другие переводы: [471-76-12, с.276; 332, н° 48, с.139-141].

⁵⁰² [5, н° 91; 112, с.184, 186; 332, н° 62, с.161-165].

⁵⁰³ [112, с.187-188; 332, н° 66, с.170-172].

⁵⁰⁴ [112, с.189-190; 332, н° 67, с.172-173].

⁵⁰⁵ [243, с.43-44; 332, н° 74, с.179; 562, с.568-569; 602, с.50].

⁵⁰⁶ [332, н° 81, с.194-195; 471-77-2, с.160; 562, с.573-575].

⁵⁰⁷ [112, с.189-190; 332, н° 85, с.198-199].

⁵⁰⁸ [5, н° 105; 332, н° 86, с.199-200]; другой вариант перевода: [471-77-2, с.160; 602, с.52].

⁵⁰⁹ [5, н° 108; 112, с.189-190; 332, н° 87, с.200-202].

⁵¹⁰ [5, н° 111; 113, с.124; 332, н° 89, с.203-205].

⁵¹¹ [136, с.347; 137, с.344; 138, с.372].

⁵¹² [5, н° 113; 113, с.124; 332, н° 96, с.209-211].

⁵¹³ [5, н° 113; 113, с.124-125].

⁵¹⁴ [5, н° 117 bis]; сам рецепт см. в Приложении 2, его анализ — в Приложении 3.

⁵¹⁵ [139, с.66; 140, с.73; 609, с.249].

⁵¹⁶ [5, н° 141]. Другая версия перевода: [332, н° 132, с.260-261].

⁵¹⁷ [139, с.420; 140, с.472].

⁵¹⁸ [332, н° 150, с.278-279; 562, с. 610-611]. При цитировании сохранено написание транскрибирования письма Лефорта, выполненное Н. Устряловым.

⁵¹⁹ [308, с.130-131]. Читая этот текст, надо иметь в виду, что писался он католиком, что жена Лефорта также была католичкой, а сам Лефорт принадлежал к реформатской (кальвинистской) церкви. По этой причине «ви-

дения» Елизаветы Лефорт могли быть спровоцированы убеждением, что умирает еретик, которому единственный путь — в ад, даром, что он ее муж. В любом случае, не стоит беспорядку в комнате, возникшему в ночь смерти хозяина, приписывать сверхъестественные причины. Они могли быть вполне земными, начиная с появления в доме воров.

⁵²⁰ [308, с.234; 561, с.263]. О том же см. [354, с.75].

⁵²¹ Письмо было отправлено 26.2/8.3.1699 в воскресенье, а значит, четверг попадал на 23.2/5.3.1699.

⁵²² Учитывая, когда на широте Москвы в начале марта наступает рассвет, мы как раз и получим время между 2 и 3 часами ночи (утра).

⁵²³ [141, с.8; 142, с.10; 561, с.493-494].

⁵²⁴ По русской системе измерения, указанный час на начало марта соответствует современному 3-му часу ночи (утра), но уже 2 марта.

⁵²⁵ Голицын, владевший латынью, выразился по-научному «febra maligna» («febri maligna» — «злокачественная лихорадка»). Термин этот он, скорее всего, узнал от врачей, как то предположил еще Устрялов. Термин, использованный Корбом, «febri calida» («горячая лихорадка»), ближе к русскому слову «горячка» [561, с.263].

⁵²⁶ [141, с.8; 142, с.10; 561, с.264, 494].

⁵²⁷ [141, с.8; 142, с.10] со ссылкой на [71-2, с.519]; [5, n° 179; 8, с.58-59].

⁵²⁸ Заметим, что за латинским названием «hedera terrestris» скрывается распространенное и хорошо знакомое многим вьющееся растение, которое можно встретить практически в любом саду — земляной плющ.

⁵²⁹ Оригиналы всех четырех заключений хранятся в архиве авторов.

ИСТОЧНИКИ*

1. *Adelung F., von.* Kritisch-Literärische übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind, von Friedrich v. Adelung <...>: Eines grossen Demidowschen Preises gewürdigt. Bd.2. SPb., 1846. (VIII, 430) S. (Repr.: Amsterdam: N. Israel, 1960).
2. *Amburger Erik.* Die Anwerbung ausländischer Fachkräfte für die Wirtschaft Russlands vom 15. bis ins 19. Jahrhundert. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1968. 200 S. (Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe I: Giessener Abhandlungen aus Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens. Bd. 42).
3. *Amburger Erik.* Die weiteren Schicksale der alten Einwohnerschaft der Moskauer Ausländer-Sloboda seit der Zeit Peters I // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd.20, H.3. 1972, Sept. S.412-426.
4. Archives d'État de Genève. Le Fort: Archives de familles. I ser. Nouveau Fonds. Dos. 28: Mémoires sur le Général Le Fort. 118 p.; Dos. 25: [Papiers divers, y compris: Anecdotes concernant la vie du Grand Amiral Le Fort..., 16 p.], etc.
5. Archives d'État de Genève. Le Fort: Archives de familles. I ser. Nouveau Fonds. Dos. 26 et 27. Lettres № 1-221.
6. *Avril Philippe (Le Père).* Voyage en divers Etats d'Europe et d'Asie entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine. Contenant Plusieurs Remarques curieuses de Physique, de Geographie, d'Hydrographie & d'Histoire. Avec une Description de la grande Tartarie, & des differens Peuples qui l'habitent. Paris : Jean Boudot, 1693. [26], 342, [2] p. (Сканированная версия в Интернете: <http://books.google.ru/books?id=IAcPAAAAQAAJ&printsec=frontcover&dq=Avril+Philippe&source=bl&ots=fjr7VnkTHu&sig=wfsS6MwAHv172nSXaGYnPo7jeo&hl=ru&sa=X&ei=MGZvUKrhDYjL0QXBIAE&ved=0CDAQ6AEwAA>).
7. *Babkine André.* Les débuts de la flotte russe vus par le premier amiral russe // Annales de l'Association canadienne-française pour l'avancement des sciences: Compte-rendu. Vol.41. 1974. P.181-187.

*Сокращения

БРЭ	— Большая российская энциклопедия
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения (СПб)
РНБ	— Российская национальная библиотека (СПб.)
СИЭ	— Советская историческая энциклопедия
ЧИОИДР	— Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете /Под заведыванием Е.В. Барсова
BPU	— Bibliothèque publique et universitaire, Ville de Genève (Genève)

Почти все работы описаны *de visu*. Те несколько книг, которые (или копии которых) мы не держали в руках, но библиографические описания которых посчитали необходимым дать для информации, помечены знаком «N.V.».

8. *Babkine André*. Les lettres de Russie du Général Pierre Lefort / Éd. *A. Babkine* // Canadian-American Slavic Studies = Revue canadienne-américaine d'études slaves. Vol.10, n° 1. 1976, Spring. P.47-73.
9. *Baron Samuel H.* Die Ursprünge der *Nemeckaja Sloboda* // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht 11.-17. Jahrhundert. München: Wilhelm Fink Verlag, 1989. S.217-237. (West-Östliche Spiegelungen. Reihe B, Bd.1).
10. *Baron Samuel H.* The Origins of Seventeenth-Century Moscow's *Nemeckaja Sloboda* // California Slavic Studies. Vol.5. 1970. P.1-17.
11. *Bassville, de*. Précis historique sur la vie et les exploits de François Le Fort, Citoyen de Genève, Général et Grand Amiral de Russie, Vice-Roi du Nowogorod et principal Ministre de Pierre-Le-Grand Empereur de Moscovie. A Genève, Chez Paul Barde, Imprimeur-Libraire. Et se trouve à Paris Chez Laurent, Libraire, rue de Tournon, M.DCC.LXXXIV [1784]. XV, [1], 208 p. (2-е изд., NV: *Idem*. Précis historique sur la vie et les oeuvres de François Le Fort, citoyen de Genève, général et grand amiral de Russie, vice-roi du Nowgorod et principal Ministre de Pierre-le-Grand. Seconde éd., corrigée des fautes de la première. Lausanne: Chez F. Grasset, 1786. 172 p.).
12. *Blomberg, baron Ch.J., de*. Description de la Livonie, avec une Relation de l'origine, du progrès, et de la décadence de l'Ordre Teutonique. Des révolutions, qui sont arrivées en ce Pays jusqu'à nôtre temps, avec les guerres, que les Polonois, les Suedois, & les Moscovites ont eües ensemble pour cette Province; On y décrit les duchez de Courlande, & de Semigalle, & la province de Pilten; Enfin on y trouve le voyage de l'auteur de Livonie en Hollande l'an 1698 ; Avec quelques remarques sur la Prusse, Brandenbourg, Hanover, Hesse et plusieurs autres Cours d'Allemagne / Trad. française. Utrecht: Chès Guillaume van Poolsum, 1705. [6], 394 p.
13. *Bory Jean-René*. Histoire de la Russie et de ses relations avec la Suisse. Pregny-Genève: [INRHRSE], 1999. 296 p.
14. *Conrad-Lütt Barbara*. Hochachtung und Mißtrauen: Aus den Berichten der Diplomaten des Moskauer Staates // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht 11.-17. Jahrhundert. München: Wilhelm Fink Verlag, 1989. S.149-178. (West-Östliche Spiegelungen. Reihe B, Bd.1).
15. *Couchepin P.* Fondation pour l'Histoire des Suisses dans le Monde: Château de penthes: [La plaquette sur la fondation]. Pregny-Chambésy (Genève), [2001, été]. 40 p.
16. *Cross A.G.* Peter the Great Through British Eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698. Cambridge: Cambridge UP, 2000. xii, 172 p.
17. *Dalton H.* Geschichte der Reformierten Kirche in Rußland: Kirchenhistorische Studie / von *Herman Dalton*. Gotha: Rudolf Besser, 1865. XII, 272 S.
18. *David Georgius, S.J.* Status modernus Magnae Russiae seu Moscoviae (1690) / Ed. with introd. and explanatory index by *A.V. Florovskij*. London; The Hague; Paris: Mouton & Co., 1965. 135 p. (Slavistic Printings and Reprintings. № 54).
19. *Davydova O., Pavlova J.* De grote gezanten Lefort, Golovin, Woznitsyn // Россия и Нидерланды в конце XVII века: К 300-летию пребывания Петра I и Вели-

- кого посольства в Нидерландах в 1697-1698 годах: [Материалы конференции учащихся старших классов школ Санкт-Петербурга, март 1995 г.] = Rusland en Nederland aan het einde van de zeventiende eeuw: Ter ere van de 300e verjaardag van het bezoek van Peter I en het Grote Gezantschap aan Nederland in 1697-1698: [Verhandelingen van Petersburgse scholieren van hogere klassen voorgelezen in de conferentie in maart 1995] / ГЭ; под ред. *А.С. Заблоцкой, В.Я. Снеговской*. СПб.: Славия, 1995. С.96-98.
20. De Dantzick, le 5 Avril 1699 // Gazette de France. 1699, 25.04. № 17. P.65-66.
  21. De Moscou, le 24 Mars 1699 // Mercure historique et politique (La Haye). 1699, may. P.582-585.
  22. De Warsovie, le 13 Avril 1699 // Gazette [de France]. 1699, 9.05. № 19. P.73.
  23. *Deane John*. A Letter from Moscow to the Marquess of Carmarthen, Relating to the Czar of Muscovy's Forwardness in his Great Navy, &c. Since His Return Home / [Publ. by] *W.F. Ryan* // The Mariner's Mirror. Vol.69, n° 1. 1983. P.85-87. (Оригинал, NV: *Idem*. [Dated from Moscow 8 March 1698/9 O.S.] / Publish'd by His Lordship's <Carmarthen> Permission. London: Tim. Goodwin, 1699, 18 April. [1] f.).
  24. *Di Salvo Maria*. Florence, Amsterdam, Moscou: An Italian Merchant in Peter the Great's Time // Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century = Россия и Нидерланды в XVIII веке / Ed. E. Waagemans. Groningen: NOS, 1998. P.87-95. (Baltic Studies. № 5). (Réed.: *Idem* // *Maria Di Salvo*. Italia, Russia e mondo slavo: Studi filologici e letterari / A cura di *Alberto, Maria Cristina Bragone, Giovanna Brogi Bercoff, Laura Rossi*. Firenze: Firenze University Press, 2011. P.136-144. (Biblioteca di Studi Slavistici. № 17)).
  25. *Di Salvo Maria*. The 'Italian' Nemetskaia Sloboda // Slavonic & East European Review. Vol.88, n° 1-2. 2010. P.96-109. (Réed.: *Idem* // *Maria Di Salvo*. Italia, Russia e mondo slavo <...>. Firenze: Firenze University Press, 2011. P.155-169. (Biblioteca di Studi Slavistici. № 17)).
  26. Dictionnaire des Journaux: 1680-1789 / Sous. la dir. de *J. Sgard*. 2 t. Paris: Universitas, 1991. (558), (559-1209) p. — (Версия в Интернете: <http://c18.net/dp/index.php>).
  27. *Doncel Manuel G.* Lettre datée par 30 janvier 2004 à Irina Gouzévitch. 3 f. — (Manuscrit. Архив Д.Г.).
  28. *Faggionato Rafaella*. La causa del cattolicesimo romano nella Russia di Caterina II // Settecento Russo e Italiano: Atti del Convegno: Una finestra sull'Italia — Tra Italia e Russia, nel Settecento (Genova, 25-26 novembre 1999, Facoltà di Lingue e Letterature Straniere) / A cura di *Maria Luisa Dodero e Maria Cristina Bragone*. Milano: MG Print on Demand; Massimo Valdina Coffee House Adv., 2002. P.121-155.
  29. *Fechner A.W.* Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau: zum dreihundertjährigen Jubiläum der Evangelisch-Lutherischen St. Michaelis-Gemeinde. 2 Bd. Moskau: I. Deubner, 1876.
  30. *Florovskij A.V.* Čeští jesuité na Rusi: Jesuité české provincie a slovanský východ. Praha: Nakladatelství Vyšehrad v Praze, 1941. 468 p.
  31. *Florovskij A.V.* Introduction Georgius David and his Works // *Georgius David, S.J.* Status modernus Magnae Russiae seu Moscoviae (1690). London;

- The Hague; Paris: Mouton & Co., 1965. P.7-35. (Slavistic printings and reprintings. № 54).
32. *Florovskij A.V.* Prameny k ruským dějinám doby Petra Velikého v ěeských archivech a sbírkách / Přeložila D. Culková // Sborník archivních prací (Praha). Vol.18, n° 2. 1968. P.513-543.
  33. *Forster Leonard.* Quirinus Kuhlmann in Moscow 1699: An Unnoticed Account // Germano-Slavica. Vol.2, n° 5. 1978, Spring. P.317-323.
  34. *Galiffe J.A.* Le Fort // *J.A. Galiffe.* Notices généalogiques sur les familles genevoises depuis les premiers temps jusqu'à nos jours. T.1. Genève: Slatkine, 1976. P.55-76.
  35. *Gautier Lucien.* L'église évangélique réformée de Moscou: 1629-1901 // Bulletin historique et littéraire de la Société de l'histoire du protestantisme français. 1907. № 56. P.5-16. (Версия в Интернете: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k65797j.image>).
  - 35a. *Gonneau Pierre, Lavrov Aleksandr.* Des Rhôs à la Russie : Histoire de l'Europe orientale : v.730 – 1689. Paris : PUF, 2012. 687 p.
  36. *Gordon Alexander.* The History of Peter the Great, Emperor of Russia. 2 vol. Aberdeen: F. Douglas and W. Murray, 1755. — (Сканированная версия в Интернете: http://books.google.fr/books?id=k9YvAAAAYAAJ&printsec=frontcover&dq=Alexander+Gordon+%22The+History+of+Peter+the+Great%22&source=bl&ots=TBbNKXwA5f&sig=fAV5QqWuYO8Pj386pUjQJzRDGw&hl=fr&ei=ZTMjTZuSLtKu8QPk3smIBQ&sa=X&oi=book_result&ct=result&resnum=3&ved=0CC0Q6AEwAg#v=onepage&q&f=false).
  37. *Gordon Patrick.* Tagebuch des General' Patrick Gordon, während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661, und seines Aufenthaltes in Russland vom Jahre 1661 bis 1699 / Hrsg. *M.A. Obolenski* (Bd.1), *Moritz Posselt* (Bd.1-3). 3 Bd. M. (Bd.1); SPb. (Bd.2-3): R.F.Rühler in Leipzig, 1849-52. ([4], LXIX, 672), ([10], XVIII, 735, [8]), ([2], VI, 417, 117) S.
  38. Gordon, Patrick // The New Encyclopædia Britannica: Micropædia. Vol.5. 15th ed. London [et al.], 1993(?). P.370.
  39. Gordon, Patrick // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Vol.13. Gulf Breeze (Fl.): Academic International Press, 1979. P.49-50.
  40. *Gougkaeva Elena.* Ami de Pierre le Grand: В России создан киносценарий о Лефорте = La Russie prépare un film sur la vie du Genevois Lefort // Tribune des Arts = Трибуна искусств (Genève). № 239. 1996, mai. P.9.
  41. *Hamburg G.M.* Religious Toleration in Russian Thought, 1520-1825 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* Vol.13, n° 3. 2012, Summer. P.515-559.
  42. Hütte: Справочная книга для инженеров, архитекторов, механиков и студентов, с дополнениями для русских техников / Под ред. Г.Л. Зандберга. 8-е изд. в 3-х ч., перераб., исп. и значит. доп. М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1912. V, [5], 1083 с.
  43. *Huussen jr. A.H.* The relations between the Classis of the Reformed Church at Amsterdam and the Congregations in Muscovy during the 17th century // Russians and Dutchmen: Proceedings of the Conference on the Relations between Russian and the Netherlands from the 16th to the 20th century. Groningen, 1993. P.135-158. (Baltic Studies. Bd.2).
  44. *Kämmerer J.* Rußland und die Hugenotten im 18. Jahrhundert: 1689-1789. Wiesbaden: In Kommission bei Otto Harrassowitz, 1978. 181 S. (Schriften zur Geistesgeschichte des Östlichen Europa. Bd.13).
  45. *Kersten Kurt.* Pierre le Grand = Peter der Grosse / Trad. de l'allemand par *P. Genty.* Paris: Albin Michel, 1939. 317 p. (NV: Ориг.: Peter der Grosse, vom Wesen und von den Ursachen historischer Grösse. Amsterdam: Querido Verl., 1935. 400 S.; 2-е изд.: Peter der Grosse, von der Fragwürdigkeit historischer Grösse. Neuaufl. Nürnberg: Nest-Verlag, 1951. 332 S.).
  46. *Kopanev N.A.* Ils servirent leur patrie par l'épée et la plume // Швейцария – Россия: Россия – Швейцария: Века любви и забвения = Suisse – Russie: Des siècles d'amour et d'oubli: 1680-2006. Wabern; Lausanne: Benteli Verlag; Musée historique de Lausanne, 2006. P.17-24.
  47. *Kornienko Julie.* Les Euler: une famille dans la communauté franco-allemande réformée à Pétersbourg au XVIIIe siècle: Mémoire de master en sciences sociales (mention histoire) / sous la direction de Dominique Bourel et de Denis Crouzet. Paris: Université Paris-Sorbonne, 2012. 159 p.
  48. *Krindatsch Aleksej D.* Protestanten und Lutheraner in Rußland — gestern und heute // Osteuropa. 1995, Juni. № 6. S.523-537.
  49. Le Fort // Dictionnaire Historique & Biographique de la Suisse. T.4. Neuchatel, 1928. P.488.
  50. Lefort, Franz Jacob / *M.L. Luby* // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Vol.19. Gulf Breeze (Fl., USA): Academic International Press, 1981. P.120-122.
  51. *Le Fort Henri.* Notice généalogique et historique sur la Famille Le Fort de Genève. Genève: Impr. Albert Kundig, 1920. 204 p., 24 pl. h.t.
  52. *Le Fort, syndic Louis.* Mémoires pour servir à l'histoire du Général et Grand Amiral Le Fort. [Genève], 1732. 56 f. — (Manuscrit. BPU. Ms Fr. 1015).
  53. *Lewitter Lucjan Ryszard.* Poland, Russia and the Treaty of Vienna of 5 January 1719 // The Historical Journal. Vol. 13, n° 1. 1970. P.3-30. (<http://www.jstor.org/discover/10.2307/2637820?uid=3738016&uid=2129&uid=2&uid=70&uid=4&sid=47699018295147>).
  54. *Liechtenhan Francine Dominique.* Les trois christianismes et la Russie: les voyageurs occidentaux face à l'Eglise orthodoxe russe (XVe-XVIIIe siècle). Paris: CNRS Editions, impr. 2002. 207 p.
  55. *Mauvillon, Éléazar de.* Histoire de Pierre I. surnommé Le Grand, empereur de toutes les Russies, Roi de Sibirie, de Casan, d'Astracan, Grand duc de Moscovie, &c. &c. &c.; Enrichie de plans de batailles & de médailles. Amsterdam; Leipzig: Arkstée; Merkus, 1742. [10], 492 p.
  56. Mémoires concernant l'histoire et la vie du Général et Grand Amiral François Le Fort. [Genève], 1732. 118 p. — (Manuscrit. BPU. Ms Fr. 1013).
  57. Mémoires pour l'histoire de Russie par Voltaire. T.3. № 29: [Материалы о смерти Лефорта]. F.208-217. — (РНБ, Библиотека Вольтера).
  58. *Monsenor.* Порезвимся напоследок, покойнички? // Livejournal. — (<http://monsenor.livejournal.com/2805.html>). (15.7.2011).
  59. Moscou den 23 Maert // Amsterdamse [Saturdaegse] Courant. 1699, 28 April. № 50. P.4.

60. Moscovie: De Moscou le 24 Mars // [Gazette d'Amsterdam] Avec privilège de Nos Seigneurs Les Etats de Hollande & de West-frise. 1699, 30 Avril. № 35. P.[1-2] ([171-172]?).
61. Moscovie: De Moscou le 18 Mars // Idem. 1699, 23 Avril. № 33. P.[1] ([161]?).
62. Moscovien: Moskou den 25 Maert // Amsterdamse [Donderdaegse] Courant. 1699, 2 May. № 52. P.1.
63. *Mottley John*. The History of the Life of Peter the First, Emperor of Russia, containing, A Discription of Russia or Moscovy, Siberia, Crim Tartary, &c. with An Account of the Government, Religion, Ceremonies and Superstitions, Customs, Manners and Dress of the Inhabitants, Also, The Birth and Rise of the Empress Catharine, with the Crimes and Trial of the Czarewitz, Son of Peter I. London: Printed and sold by the booksellers in Town and Country, MDCCXXXIX (1739). 387 [i.e. 389], [3] p.
64. Nouvelles de Moscovie // Nouvelles de divers endroits. 1699, 10/20 May. № 37. P.[2].
65. Nouvelles de Neuchatel. III. // Mercure historique et politique (La Haye). 1699, Avril. P.461-462.
66. Nouvelles extraordinaires d'Amsterdam le 30 Avril. 1699 // [Gazette d'Amsterdam] Avec privilège de Nos Seigneurs Les Etats de Hollande & de West-frise. 1699, 30 Avril. 1 35. P.[5] (175?).
67. Particularités sur la vie du Général Le Fort. [Genève, 1732?]. 56 p. — (Manuscrit. BPU. Ms Fr. 1014).
68. *Pedrazzi D.M.* François Le Fort: 1656-1699: Créateur de la marine militaire russe et précurseur du service des Suisses en Russie // Revue Militaire Suisse. 2002. № 9. P.35-42.
69. *Perry John*. The State of Russia under the Present Czar. London: Benjamin Tooke, 1716. [10], 280 p., [1] f. de dépl. (Repr.: London: Frank Cass, 1967).
70. *Pierre le Grand*. Journal de Pierre le Grand depuis l'année 1698 jusqu'à la conclusion de la paix de Neustadt / Trad. de l'original russe; éd. M. Schtscherbatow. Berlin: G.J. Decker, 1773. 501 p.
71. *Posselt Moritz*. Der General und Admiral Franz Lefort: Sein Leben und seine Zeit: Ein Beitrag zur Geschichte Peter's des Grossen. 2 Bd. Frankfurt am Main: Buchhandlung Von Zozef Baer, 1866. (XLIV, 573), (613) S.
72. *Rétat Pierre*. La Gazette d'Amsterdam: Miroir de l'Europe au XVIIIe siècle. Oxford: Voltaire Foundation, 2001. vii, 295 p.
73. Riksarkivet (Stockholm). Schirrens samling. Originalhandlingar 13. Passage-rarlistor 1698-99. 2 f.
74. *Ryzenkov M.R.* Lefort // *Лефорт Ф.* Сборник материалов и документов. М.: Древлехранилище, 2006. С.17-25.
75. *Sgard Jean*. La dynastie des Tronchin Dubreuil // C'est la faute à Voltaire, c'est la faute à Rousseau: Recueil anniversaire pour Jean-Daniel Candaux / Textes réunis et édités par Roger Durand. Genève: Droz, 1997. P.13-20.
76. *Stumphius Ludovicus Hermannus (Ludwig Hermann)*. Lyk-Reeden over Eccles. VIII. vers 8. Gedaan voor een Doorluchtige en Volkrijke Versameling in de Duytse Sloboda voor Moscou. Op den elfden Maart 1699. Oude Styl. Ter gelegentheit van de Begraffenisse van wylen Syn Excellentie De Illustre, Hoog-Edele en Manhafte Heer Franciscus Le Fort, Admiraal Generaal van Syn Zaarce Majesteyt, ende onlangs Eerste Ambassadeur aan verscheydene voornaame Hoven van Europa, &c. / Ende nu in d't licht gegeven door *Ludovicus Hermannus Stumphius*, Ecclesiast. Moscov. Amsterdam: Gerardus Borstius, 1699. 19 p.
77. *Stumphius Ludwig Hermann*. Eine Begräbniss-Rede gehalten gehalten vor einer Durchlauchten und Volkreichen Versammlung in der teutschen Sloboda vor Mosco den II Martii Anno 1700 (lire 1699). Bey der Leich-Begängniss Seiner Excell. Weyland des Hoch- und Wihlgebohrnen, Hoch-Edlen und Mannhaften Herrn Franciscus Le Fort Seiner Czarischen Majestät Admiral, General und unlängst an verschiedene Europäische voenehmste Höfe ersten Ambassadeurs. Aus dem Prediger Salomon 8.v.8, ans Licht gegeben durch Herm. Stumphius Predigern daselbst Und auf vieler Vormehmen Begehren ins Teutsche übersetzt. Berlin bei Gottfr. Schlechtigern, [1700 ?]. 4°. — N.V.
78. Suisses en Russie de Pierre le Grand à Alexandre Ier: La constructon de Saint-Pétersbourg de Trezzini à Adamini: Une exposition placée sous le Haut Patronage du Conseil de l'Europe: [Catalogue de l'Exposition, Château de Penthes, 5 octobre 1996 — 2 février 1997] / Sous la dir. de *J.R. Bory*; composition de *J. de Timowska, N. Chavannes, C. Bory*. Pregny-Genève: [INRHRSE], 1996-97. 388 p.; Helvetia Peregrina. № 80: Idem. Pregny-Genève: [INRHRSE], 1996. 196 p.
79. *Sytova Alla*. Le Loubok: L'imagerie populaire russe XVIIe – XIXe siècles / Comment. E. Itkina, E. Michina, N. Roudakova... [et al.]. Leningrad: Aurora, 1984. 15, [5] p., 178 f. de pl.
80. *Tollin Henri*. Le refuge huguenot en Russie: Moscou et Saint-Pétersbourg: 1689-1728 // Bulletin historique et littéraire de la Société de l'histoire du protestantisme français. 1895. № 44. P.206-212. (Версия в Интернете: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k65785j.image>).
81. *Tolstoy Dmitry*. Le Catholicisme romain en Russie: Études historiques. Paris: Dentu, 1863. IV, 490 p.
82. Voyage annuel 1990: Croisière d'étude en mer Baltique / Réd. *V. Juillerat*. [Pregny-Genève, 1990]. 212 p.
83. *Vulliémien Louis*. Pierre le Grand et l'amiral Lefort // Bibliothèque universelle et Revue suisse. 1867, juill.-sept. T.29. P.321-351, 558-596; T.30. P.57-77. (Отд. изд.: Lausanne: Impr. Georges Bridel, 1867. 95 p.).
84. *Weber Friedrich Christian*. Nouveaux mémoires sur l'état présent de la Grande Russie ou Moscovia. 2 t. T.1er où l'on traite du gouvernement civil et ecclésiastique de ce pays, des troupes de terre et de mer du Czar, de ses finances, et de la manière dont il les a réglées... de tout ce qui s'est passé de plus remarquable dans sa cour, surtout par rapport au feu Czarewitz, depuis l'année 1714 jusqu'en 1720 / Trad. fr. de P. Malassis, jésuite. Paris: Chez Pissot, 1725. (xxiv, 338 [pour 448]) p.
85. *Августин (Никитин)*, архимандрит. Франция и Россия: от Людовика XIII до Петра I // Мера (СПб.: Глагол). 1995 (год выхода: 1996). № 4. С.71-83.

86. *Агранцев И.* Александр Меншиков: Царевич без трона. СПб.: Нева, 2005. 352 с., [16] с. ил. (Тайны великих).
87. *Агранцев И.* Петр Великий — хан-крестоносец?: По материалам А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского. М.: Яуза; Эксмо, 2005. 542 с.
88. *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений, Фридриха Аделунга, увечанное Большою Демидовскою наградою / Пер. с нем. А. Клеванова // ЧИОИДР. 1864. Кн.4. С.169-264.
89. Адрес-календарь города Москвы (с планом города) на 1885 г. М.: Суворин, 1885. 628 с.
90. Адрес-календарь города Москвы (с планом города) на 1890 г. М.: Суворин, 1890. 1091 с.
91. Адрес-справочник г. Москвы на 1897 г. М.: Суворин, 1897. Разн. паг.
92. Азбучный указатель имен русских деятелей для «Русского биографического словаря». Ч.1: А-Л. СПб., 1887. [6], 507 с. (Сб. ИРИО. Т.60; Репринт: М.: Аспект Пресс, 2003).
93. *Александров Ю.Н.* Звучное имя — Лефортово: 24-26 сентября в Москве пройдет празднование 300-летия основания историко-культурного комплекса «Лефортово» // Наше наследие. 1999. № 50-51. С.242-243.
94. *Алексеев В.Н. = Alekseev V.N., Миклашевская Е.П. = Miklashevskaya E.P., Цепляева М.С. = Zeplyaeva M.S.* Немецкая слобода на Яузе: История в лицах = Deutsche Siedlung an der Jausa: verkürzte Geschichte. М.: Наука, 2004. 325 с.
95. *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи: XVIII век — первая половина XIX века. М.: Наука, 1982. 863 с. (Литературное наследство. Т.91).
96. *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа: XVII — первая четверть XVIII века. М.: Наука, 1976. 455 с.
97. *Андреев А.Н.* Квакеры на Западе и в России: XVIII век // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С.165-177.
98. *Андреев А.Н.* Православно-протестантские отношения в России в XVIII веке // Вопросы истории. 2012. № 8. С.83-95.
99. *Андреев А.Н.* Русский иезуит А.Ю. Ладыженский: Неисследованная страница в истории русского католицизма XVIII столетия // Отечественная история. 2008. № 3. С.143-154.
100. *Андросов С.О.* Джузеппе Франки и его контакты с Россией в петровское время // Петровское время в лицах — [1999]: Краткое содержание докладов научных чтений / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во ГЭ, 1999. С.3-5.
101. *Андросов С.О.* Джузеппе Франки и его свидетельство о России петровского времени // Russica Romana: Estratto / Istituti editoriali poligrafici internazionali (Pisa; Roma). Vol.5. 1998. С.61-72.
102. *Анисимов Е.* Россия без Петра. СПб.: Лениздат, 1994. 496 с.
103. *Анисов Лев.* Восшествие на престол: Борьба латинских иезуитов и протестантов за Московский православный престол: Опыт исследования: [Семья Государя; Внук Государя; Восшествие на престол: Повести]. М.: Паломник, 2000. 464 с.
104. Арбатский мотив: [фильм] / Реж. Б. Бушмелев. 2 серии. М.: Киностудия «Союзтелефильм», 1990.
105. *Аронова А.А.* Русская архитектурная практика начала XVIII века в свете голландских впечатлений Великого посольства // Петр Великий — реформатор России / Отв. ред. Н.С. Владимирская. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль», 2001. С.125-133. (Материалы и исследования / ГИКМЗ «Московский Кремль». [Вып.] 13).
106. *Аронова А.А.* Русская архитектурная практика начала XVIII века в свете голландских впечатлений Великого посольства // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества: [Россия-Голландия]. Вып. 1 / Под ред. Г.В. Вилинбахова, Н.П. Копаневой; ГЭ; СПФ Архива РАН. СПб.: Европейский Дом, 2003. С.36-49.
107. *Артамонов М.* Введенские горы. М.: Моск. рабочий, 1993. 203 с. (Московский некрополь).
108. *Артамонов М.* Московский некрополь. М.: Столица, 1995. 430 с.
109. Архив Введенского кладбища (Москва). Книга регистрации умерших: 1861-1872. 182 с.
110. Архив Введенского кладбища (Москва). Книга регистрации умерших: 1876-1884. 463-482, 218 с.
111. Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса / Публ. подгот. С.В. Ефимов, Л.К. Маковская; науч. ред. В.М. Крылов; ВИМАИВиВС; Дом-музей Я.В. Брюса в Глинках. Т. 2: Письма Я.В. Брюса: 1705-1706. СПб.; Щёлково: Б-ка журнала «Щёлково», 2005. 208 с.
112. *Бабкин А.* Новые документы о Петре Первом / Предисл., сост., перев. А. Бабкина // The New Review = Новый журнал (Нью Йорк). Кн.158. 1985. С.174-194.
113. *Бабкин А.* Письма Франца и Петра Лефортов о «Великом Посольстве» // Вопросы истории. 1976. № 4. С.120-132.
114. *Бантыш-Каменский Д.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов с 48 портретами. Ч.1. СПб.: В тип. III Деп-та Мин-ва гос. имуществ, 1840. [6], VI, 314, [2] с. (Репр.: М.: Культура, 1991; Переизд.: Он же. Российские генералиссимусы и генерал-фельдмаршалы. М.: Аст; Минск: Харвест, 2005. 832 с., [16] л.ил.).
115. *Бантыш-Каменский Д.* Словарь достопамятных людей Русской земли. 3 ч. СПб., 1847.
116. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России: по 1800 год / [Под наблюд. и с дополн. С.А. Белокурова; вступ. Ф. Бюлера]; Изд-е Комиссии печатания Гос. грамот и договоров при Моск. гл. архиве МИД. Ч.1: Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894. X, [6], 303 с.
117. *Бантыш-Каменский Н.Н.* То же. Ч.2: Германия и Италия. Там же, 1896. VIII, 271 с.
118. *Баранская Н.В.* «Края Москвы, края родные...» // Жизнь и лира / Сост. Е.Ф. Никитина. М.: Книга, 1970. С.5-28.
119. *Бассевич Г.Ф.* Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого: [1713-1725] / Пер. с нем. И.Ф. Аммона // Юность державы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С.325-436. (Текст по изд.: Русский архив. 1865. Изд-е 2-е. Кн.3. Стб.93-274).
120. Бауманская улица // Википедия. — (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).

121. Бахрушин С.В. Население Москвы в XVI веке // Известия АН СССР. Сер. ист. и филос. Т.4, № 3. 1947, май-июнь. С.201-219.
122. Безотосный В. «...Всяких немцов на воеводство не посылать»: Иноземцы в Москве // Родина. 1997. № 9. С.51-55.
123. Белокуров С.А. О Посольском приказе. М.: Изд-е ИОИДР, 1906. 170 с.
124. Белокуров, Сергей Алексеевич // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии. Т.2. М.: БРЭ, 1992. С.754; [То же] // Большая энциклопедия / Под. ред. С.Н. Южакова. Т.4. СПб.: Просвещение, [1901]. С.218-219.
125. Белявский М.Т. Память нужна живым // История СССР. 1972, май-июнь. № 3. С.173-189.
126. Беляев Л.А. Новые сведения об иностранцах в Москве XVI-XVII вв. // Древняя Русь и Запад: Науч. конф.: Кн. резюме. М.: Наследие, 1996. С.151-153.
127. Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721-1725 / Пер. с нем. И.Ф. Аммона // Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С.105-502. — (Текст по изд.: Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год. Изд. 2-е. Ч.1-2. М., 1858-60).
128. Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721-1725: Окончание / Пер. с нем. И.Ф. Аммона // Юность державы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С.1-324, 453-511. (Текст по изд.: Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год. Изд. 2-е. Ч.3-4. М., 1862).
129. Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год / Пер. с нем. И. Аммон. Ч. 2: 1722-й год. М., 1858. 358 с.
130. Беспярых Ю.Н. = *Bespiatykh Yu.N.* Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII века: Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмалм = *Utländska källor i Rysslands historia under första fjärdedelen av 1700-talet: Ch. Whitworth, G. Grund, L.J. Ehrenmalm.* СПб.: Блиц, 1998. 480 с.
131. Бестужев Н.А. Опыт истории российского флота (1825) / Подгот. к изд. И.А. Лившиц и Г.Е. Павлова; науч. ред. С.Б. Окунь. Л.: Судпромгиз, 1961. 172 с.
132. Биография Лефорта Франца Яковлевича // Великие люди: жизнеописания и биографии. — (<http://www.biografuru.ru/>).
133. Блументрост Лаврентий Алферович // РБС. Т.: Бетанкур-Бякстер. СПб., 1908. С.101-102.
134. Бобровский П.О. История 13го Лейб Гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет: 1642-1892 / Сост. Генерального штаба ген.-лейт. П.О. Бобровский. Париж: «Отторженная возврати», 1942. 202 с.
135. Богданов А.П. Василий Васильевич Голицын // «Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI-XVII веков / Сост. Н. Рогожин. М.: Междунар. отнош., 1989. С.179-228, 237-239.
136. Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии / Под ред. В.И. Лебедева. Т.1: Детство, юность, азовские походы: 30 мая 1672 — 6 марта 1697 г. / Подгот. к печ., примеч. к илл., указат. Н.А. Баклановой. М.: ОГИЗ Госсоцэкиздат, 1940. 436 с. (Репр.: The Hague-Paris: Mouton; Vaduz: Europe Printing, 1969. (Slavic Printings and Reprintings / Ed. by G.H. van Schooneveld; Indiana University. № 205/1)).
137. Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т.1: Детство, юность, Азовские походы: 30 мая 1672 — 6 марта 1697 г. / Отв. ред. С.О. Шмидт; подгот. текста А.В. Мельникова. М.: Наука, 2005. 534 с.
138. Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т.1: Детство, юность, азовские походы: 30 мая 1672—6 марта 1697 г. М.: Центрполиграф, 2007. 478 с.
139. Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии / Под ред. В.И. Лебедева. Т.2, ч.1-2: Первое заграничное путешествие: 9 марта 1697—25 августа 1698 г. / Подгот. к печ., примеч. к илл., указатели Н.А. Баклановой. М.: ОГИЗ-Соцэкгиз, 1941. 624 с. (Репр.: The Hague-Paris: Mouton; Vaduz: Europe Printing, 1969. (Slavic Printings and Reprintings / Ed. by G.H. van Schooneveld; Indiana University. № 205/2)).
140. Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т.2, ч.1-2: Первое заграничное путешествие: 9 марта 1697—25 августа 1698 г. М.: Центрполиграф, 2007. 702 с.
141. Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии / Под ред. В.И. Лебедева. Т.4: Русско-датский союз; Керченский поход; Дипломатическая подготовка Северной войны; Реформы и преобразовательные планы 1699-1700 г.г.; Начало войны Дании и Польши со Швецией и приготовления Петра к Северной войне: 1699-1701. [М.]: ОГИЗ, Госполитиздат, 1948. 514 с. (Репр.: The Hague-Paris: Mouton; Vaduz: Europe Printing, 1969. (Slavic Printings and Reprintings / Ed. by G.H. van Schooneveld; Indiana University). № 205/4).
142. Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т.4: Русско-датский союз; Керченский поход; Дипломатическая подготовка Северной войны; Реформы и преобразовательные планы 1699-1700 г.г.; Начало войны Дании и Польши со Швецией и приготовления Петра к Северной войне: 1699-1700. М.: Центрполиграф, 2007. 544 с.
143. Богдавленский С.К. Московская Немецкая слобода // Известия АН СССР. 1947. № 3. С.220-232.
144. Москва / А.Ю. Бодэ // Католическая энциклопедия. Т.3. М.: Изд-во францисканцев «Научная книга», 2007. С.610-625.
145. Брикнер А.Г. История Петра Великого. М.: Терра, 1991. 686, VIII, 27 с. (Репр. с изд.: СПб.: Изд-е А.С. Суворина, 1882).
146. Брикнер А.Г. Патрик Гордон и его дневник // ЖМНП. 1877. Ч.193. Отд.2, с.151-193; Ч.194. Отд.2, с.33-63; Ч.195. Отд.2, с.149-173; 1878. Ч.196. Отд.2, с.86-127; Ч.197. Отд.2, с.203-246. (Отд. отт.: СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1878. [2], 182, [2] с.).
147. Бройтман Л.И. Петр I в Нижней Саксонии // Петербургские чтения 98-99: Петербург и Россия: Материалы энциклопедич. библиотеки «Санкт-Петербург-2003» = Petersburg Reading 97: Petersburg and Russia: Materials of the Encyclopedic Library «St. Petersburg-2003» / Пред. редсов. Т.А. Славина; Асс. исследователей С.-Петербурга. СПб.: Блиц, 1999. С.43-47.
148. Бруин, Корнелий де. Путешествие через Московию Корнелия де Бруина / Пер. с фр. П.П. Барсова; [ред. и примеч. О.М. Бодянского]. М., 1872-73. VII, 292, XIX с. (ЧИОИДР. 1872. Кн.1-4; 1873, генв.-март. Кн.1).
149. Бруин, Корнелий де. Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю.А. Лимонова. Л.: Лениздат, 1989. С.17-188, 529-535. (Страницы истории Отечества).

150. Бундин Ю. Русские триумфы. М.; СПб.: Специальная лит-ра; Тихвин: Алаборг, 2005. 128 с.
151. Буровский А. Россия, которая могла бы быть. М.: ОЛМА-Пресс; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2005. 510 с. (Неизвестная Россия).
152. Бусева-Давыдова И.Л. Культура и искусство в эпоху перемен: Россия семнадцатого столетия. М.: Индрик, 2008. 283 с., [80] с. табл..
153. Бычкова М.Е. Николаас Витсен о русской церкви и патриархе Никоне // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. статей. М.: Наука, 1990. С.293-298.
154. Вагеманс Эммануэль = *Waegemans Emmanuel*. Петр Великий на землях Бельгии = Peter de Grote in de Oostenrijkse Nederlanden / Рус. пер. В. Ронина. Antwerpen: Benerus, 1998. 363 с.
155. Вагеманс Эммануэль. Петр Великий в Бельгии. СПб.: Гиперион, 2007. 229, [3] с.
156. Валишевский К. Петр Великий / Предисл., подгот. текста и коммент. С. Москаленко. М.: Триллер, 1993 [1994]. 573 с.
157. Валишевский К. Петр Великий: Воспитание, личность: По новым источникам. [М.]: Сфинкс, 1911. 423 с.
158. Василий Жуковский. Марьяна роша (Старинное предание) // Лаборатория Фантастики. (<http://fantlab.ru/work132405>) (14.9.2012).
159. Васильев В. «На опасной высоте... стоял непоколебимо...»: К 340-летию со дня рождения первого российского адмирала Ф.Я. Лефорта // Морской сборник. 1996. № 1. С.91-94.
160. Ватейшвили Д.Л. Грузия и европейские страны: Очерки истории взаимоотношений XIII—XIX века: В 3-х т. Т.2: Побратим Петра Великого: Жизнь и деятельность Александра Багратиони. М.: Наука, 2003. 840 с.
161. Введенское кладбище // Москва: Энциклопедия. М.: СЭ, 1980. С.166.
162. Введенское кладбище, «Введенские горы» // Москва: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1998. С.160-161.
163. Введенское кладбище; Лефорт, Франц Яковлевич; Гордон, Патрик // Википедия. — (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).
164. Введенское кладбище, Москва. — (<http://www.vgd.ru/CEMETRY/VVDNSK/vvdnsk.htm>); Введенское кладбище — ГУП Ритуал. — (<http://mosritual.ru/mesta-zahoroneniya/vvedenskoe-kladbische>); Лефорт, Франц Яковлевич. — (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>); Введенское кладбище. — (<http://otvety.mail.ru/question/24230949/>); Введенское (Немецкое) кладбище. — (<http://wikimapia.org/53317/ru/>); и мн.др. (15.7. 2011).
165. Введенское кладбище: Путеводитель: [Буклет] / ГУП Ритуал. М., [2009]. [16] с.
166. Вебер Ф.Х. Записки Вебера / Пер. с нем.; предисл. П. Барсова // Русский архив. 1872. Вып.6, 7, 9. Стб.1057-1168, 1334-1457, 1613-1704.
167. Века А.В. История России. Минск: Харвест; М.: Аст, 2003. С.423.
168. Верховская Н.П. Москва: 1799-1811 // Здесь жил Пушкин: Пушкинские места Советского Союза: Очерки / Общ. ред. А.М. Гордина, М.М. Калаушина. Л.: Лениздат, 1963. С.17-40.
169. Верховский П.В. Учреждение Духовной Коллегии и Духовный регламент: К вопросу об отношении церкви и государства в России: Исследование в области истории русского церковного права / По определению Совета Имп. Варшавского ун-та. Т.1: Исследование. Ростов-на-Дону, 1916. CLXXVIII, 687 с.
170. Виланд Б. Новая Немецкая слобода в историографии // Из архива тверских историков: Сб. научных трудов. Вып.2: История России до середины XIX века / Тверской гос. ун-т. Тверь: [Б.и.], 2000. С.43-62.
171. Вильгельм А.Ф., Вильгельм К.А. Немцы в истории России: Люди и события. М.: Общественная Академия наук российских немцев, 2003. 874 с.
172. Виноградов И.И. Житие Франца Яковлевича Лефорта, Российского Генерала // Житие Франца Яковлевича Лефорта, Российского Генерала и Описание жизни нижегородского купца Козьмы Минина / [И.И. Виноградов, Н. Ильинский]. СПб., 1799. 144 с.
173. Витворт Ч. Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе, Чарльза Витворта, с 1704 г. по 1708 г. СПб., 1884. VIII, 496 с. (Сб.ИРИО. Т.39).
174. Витворт Ч. Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе, Чарльза Витворта и секретаря его Вейсброда с 1708 г. по 1711 г. СПб., 1886. XII, 558 с. (Сб.ИРИО. Т.50).
175. Витсен Николаас = *Witsen Nicolaas*. Путешествие в Московию: 1664-1665: Дневник = *Moscovische reyse: 1664-1665: Journaal en aantekeningen* / Пер. со староголл. В.Г. Трисман; предисл. Р.И. Максимовой и В.Г. Трисман. СПб.: Symposium, 1996. 272 с.
176. Водарский Я.Е. Петр I // Вопросы истории. 1993. № 6. С.59-78.
177. Возницын, Александр // Еврейская энциклопедия. Т.5. СПб.: Изд. Об-ва для научных еврейских изданий; Брокгауз и Ефрон, [1909]. Стб.688; Анна Иоанновна // Там же. Т.2. Стб.593; Возницын Александр // Российская еврейская энциклопедия. Изд. 2-е, испр. и доп. Т.1. М.: Эпос, 1994. С.236-237; Возницыны / В.Руммель // Энциклопедический словарь: Брокгауз и Ефрон: Биографии. Т.3. М.: БРЭ, 1993. С.434.
178. Волков М.Я. Ревнители православия и светская власть в 80-х годах XVII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. статей / Отв. ред. А.И. Клибанов. М.: Наука, 1990. С.261-275.
179. Волков С.В. Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. 2 т. М.: Центрполиграф, 2009. (756)(830) с.
180. Волович Н.М. Пушкинские места Москвы и Подмосковья. М.: Моск. рабочий, 1979. 229, [3] с.
181. Воскобойников В. Летопись Москвы: История города в датах. М.: ОГИ, 2007. 302, [2] с.
182. «Вот некоторые дополнительные сведения...» // Русские ведомости. 1870, 21.08. № 179. С.2.
183. Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1908 г. М.: Суворин, 1908. Ч.3, с.471; Ч.4, стб.123, 300.
184. Гатова Т.А. Из истории декоративной скульптуры Москвы начала XVIII в. // Русское искусство XVIII века: Мат-лы и исследования / Под ред. Т.В. Алексеевой. М.: Наука, 1973. С.31-44.
185. Гельбиг, Г. фон. Русские избранники / Пер. В.А. Бильбасова. М.: Военная книга, 1999. 310 с. (Интернет: Российские мемуары XVIII века: <http://mikhail.narod.ru/Catalog.htm>).
186. Гельбиг, Г. фон. Русские избранники и случайные люди [в XVIII-м веке] / Составил Георг фон-Гельбиг, секр. Саксонского посольства при дворе Ека-

- терины П, 1787-1796, [Тюбинген, 1809]; Пер. с нем., [предисл.] и примеч. В.Б.<ильбасова> // РС. 1886. Т.50. С.1-180; Т.51. С.1-20; Т.52. С.1-24; 1887. Т.53. С.299-329, 533-550; Т.54. С.35-46; Т.56. С.1-30, 425-444.
187. Гистория Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / Сост. Т.С. Майкова; [Под общ. ред.] А.А. Преображенского. 2 вып. М.: Кругъ, 2004. (632), (655) с. (Памятники исторической мысли).
188. Глюк (Глик), Иоганн-Эрнст / О. Жукова // РБС. Т.: Герберский-Гогенлоэ. М.: Изд-е ИРИО, 1916. С.391-393.
189. Голиков И.И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. Т.5, содержащий в себе продолжение Дополнения к первому тому оных Деяний. М.: В Университ. тип., 1791. XVI, 353 с.
190. Голиков И.И. Историческое изображение жизни и всех дел славного женеваца Франца Яковлевича (Франциска Иакова) Лефорта, Первого любимца Петра Великого, Первого Российскаго Генерал-Адмирала, Первого из иностранных Его Министра и в советах Его Президента, Полковника выборного своего имени полку, Генерала выборных же пехотных войск, Наместника Великого Нова-Города, чрезвычайнаго и полномочнаго Посла при многих Европейских Дворах, и Сослужебника Его, подобно же посвятившаго себя службе Отечества нашего, знаменитаго шотландца войск Его же Величества генерала аншефа Патрика Гордона, известного у нас под именем Петра Ивановича Гордона. М.: В Университ. тип., 1800. XVI, 307, [3] с.
191. Голованов Я. Первомай // Комсомольская правда. 1994, 30.04. № 74. С.2.
192. Голубинский А.А. Письмо к Д. Гузевичу от 29.09. 2012. — (Рукопись. Архив Д.Г.)
193. Гольденберг Л.А., Постников А.В. Петровские геодезисты и первый печатный план Москвы. Москва: Недра, 1990. 160 с.
194. Гончар Павел. История Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня в Москве // Московское Объединение Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня. — (http://www.mosadvent.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=148:historymoscow&catid=56:history&Itemid=139).
195. Гордон П. Дневник = Diary / Пер., ст. и прим. Д.Г. Федосова. [Т.1]: 1635-1659. М.: Наука, 2000. 272, [8] с.
196. Гордон П. Дневник = Diary / Пер., ст. и прим. Д.Г. Федосова. [Т.3]: 1677-1678. М.: Наука, 2005. 233, [7] с.
197. Гордон П. Дневник = Diary / Пер., ст. и прим. Д.Г. Федосова. [Т.4]: 1684-1689. М.: Наука, 2009. 336, [8] с.
198. Гордон П. Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его шведской и польской служб от 1655 до 1661 г. и во время его пребывания в России от 1661 до 1699 гг. / В первый раз изданный в полном виде князем М.А. Оболенским и доктором философии М.Е. Поселтом; пер. с нем. М.Н. Салтыковой; [публ. приложений С.А. Белокурова]. Ч.1-2. М.: Унив. тип., 1891-1892. (236), (246) с. (ЧИОИДР. 1891-92. Кн.159, 162, 163).
199. Гордон, Александр Александрович // Военная энциклопедия. Т.8. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. С.399.
200. Гордон, Александр Александрович // Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т.2. СПб.: Экополис и культура, 1996. С.56; Гордон, Александр // Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон: Биографии. Т.4. М.: БРЭ, 1993. С.249-250; Гордон, Александр // Большая энциклопедия. 4-е изд. со стереотипов. Т.7. СПб.: Просвещение, [1904]. С.249.
201. Гордон Патрик // Москва: Энциклопедия. М.: СЭ, 1980. С.210.
202. Гордон Патрик Леопольд // Москва: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1980. С.225.
203. Гордон, Патрик (Пётр Иванович) // Военная энциклопедия. Т.8. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. С.399-400.
204. Гордон, Патрик (Пётр Иванович) // Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т.2. СПб.: Экополис и культура, 1996. С.56-57.
205. Гордон (Gordon) Патрик / В.М. Горобець // Енциклопедія Історії України. Т.2. Київ: Наукова думка, 2004. С.163.
206. Гордон (Gordon) Патрик (Пётр Иванович) // БСЭ. Изд. 3-е. Т.7. М.: СЭ, 1972. С.78-79.
207. Гордон (Gordon) Патрик (Пётр Иванович) / В.А. Рыбин // Отечественная история: История с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. Т.1. М.: БРЭ, 1994. С.591-592.
208. Гордон (Gordon) Пётр Иванович (Патрик) / Д.Г. Федосов // БРЭ. Т.7. М.: БРЭ, 2007. С.428-429.
209. Гордон (Патрик Gordon) // Энциклопедический словарь. Т.9 (п/т.17). СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1893. С.220; Гордон, Патрик // Новый энциклопедический словарь. Т.14. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1914(?). Стб.197-198; Гордон, Патрик // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 12-е стереотип. изд. Т.15. М.: РБИ Грант, 1938. Стб.474; Гордон, Патрик // БСЭ. [Изд. 1-е]. Т.17. М.: СЭ, 1930. Стб.693-694; Гордон, Патрик // БСЭ. Изд. 2-е. Т.12. М.: БСЭ, 1952. С.75; Гордон, Патрик // Большая энциклопедия. 4-е изд. со стереотипов. Т.7. СПб.: Просвещение, [1904]. С.249; Гордон (Gordon), Патрик // СИЭ. Т.4. М.: СЭ, 1963. С.539; Гордон, Патрик // Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон: Биографии. Т.4. М.: БРЭ, 1993. С.250.
210. Гордон, Томас // Военная энциклопедия. Т.8. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. С.400.
211. Гордон, Томас // Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т.2. СПб.: Экополис и культура, 1996. С.57; Гордон <...> Томас // Энциклопедический словарь. Т.9 (п/т.17). СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1893. С.219; Гордон, Томас // Большая энциклопедия. 4-е изд. со стереотипов. Т.7. СПб.: Просвещение, [1904]. С.249; Гордон, Патрик // Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон: Биографии. Т.4. М.: БРЭ, 1993. С.250.
212. Госпитальный мост; Лефортовский мост // Москва: Энциклопедия. М.: СЭ, 1980. С.223, 375.
213. Грабарь И.Э. Московская архитектура начала XVIII века // Русская архитектура первой половины XVIII века: Исследования и материала / Под ред. И.Э. Грабаря. М.: Госиздат лит-ры по стр-ву и арх-ре, 1954. С.15-38.
214. Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. М.: Наука, 1964. 168 с.
215. Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Болезнь и смерть Франсуа Лефорта // Петровское время в лицах — 2004: Материалы научной конференции / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во ГЭ, 2004. С.63-106.

216. *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство. СПб.: Феникс, 2003. 312 с. (Корни Петербурга).
217. *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697-1698 = La Grande ambassade: 1697-1698: La charnière des époques, ou Le Début du chemin. СПб.: Дм. Буланин, 2008. 696 с.
218. *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Европейский петровский миф // Петровское время в лицах — 2012: Материалы научной конференции СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 10 с. (Труды Государственного Эрмитажа). — В печати.
219. *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Захоронение полковника Гордона на Введенском кладбище в Москве // Петровское время в лицах — 2011: К 30-летию Отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1982-2011): Материалы научной конференции. СПб.: Изд-во ГЭ, 2011. С.92-100. (Труды Государственного Эрмитажа. Т.58).
220. *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697-2006 / Науч. ред. Э. Вагеманс. СПб.: Феникс; Дм. Буланин, 2008. 911 р.
221. *Гузевич Д.Ю.* Мемориальная доска XVII века // Известия Саратовского университета. Н.с., т. 11. Сер.: История; Междунар. отнош., вып.2, ч.2. 2011. С.18-22.
222. *Давид Иржи.* Сказание о Великой России / [Предисл. А. Мыльников] // Неделя. 1967. № 49. С.6.
223. *Давид Иржи.* Современное состояние Великой России, или Московии // Вопросы истории. 1968. № 1. С.126-132; № 3. С.92-97; № 4. С.138-147. (См. также [466]).
224. *Давыдова О., Павлова Е.* Великие послы Франц Лефорт, Федор Головин, Прокофий Возницын // Россия и Нидерланды в конце XVII века: К 300-летию пребывания Петра I и Великого посольства в Нидерландах в 1697-1698 годах: [Материалы конференции учащихся старших классов школ Санкт-Петербурга, март 1995 г.] = Rusland en Nederland aan het einde van de zeventiende eeuw: Ter ere van de 300e verjaardag van het bezoek van Peter I en het Grote Gezantschap aan Nederland in 1697-1698: [Verhandelingen van Petersburgse scholieren van hogere klassen voorgelezen in de conferentie in maart 1995] / ГЭ; под ред. А.С. Заблоцкой, В.Я. Снеговской. СПб.: Славия, 1995. С.8-10, 96-98.
225. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртине. 4-е испр. и значит. доп. изд. Т.4. СПб.; М.: Изд-е т-ва М.О. Вольф, 1914. 1592 стб., 4, 1597-1619 с. (Repr. by JUH).
226. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. 4-е перераб. и доп. изд. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
227. *Дворянские роды Российской империи: 1721-1917 = The Families of the Nobility of the Russian Empire.* Т.1: Князья = Princes / Под ред. С.В. Думина; авт.-сост. П. Гребельский, С. Думин, кн. Г. Апакидзе и др. СПб.: Вести, 1993. 344 с.
228. *Дельвиг В.С.* Влияние иноземцев из Западной Европы на развитие российского общества в 1652-1740 гг.: На примере Новой немецкой слободы и Лефортова в Москве: Монография на основе кандидатской диссертации, защищенной в Ивановском государственном университете в 2011 г. / Рос. гос. торгово-экономич. ун-т; науч. ред. И.О. Князький. М., 2011. 218 с.
229. *Демкин А.В.* Западноевропейские купцы и их товары в России XVII века / Сост. и авт. введ. А.В. Демкин. М.: ИРИ РАН, 1992. 117, [2] с.
230. *Дженкарелли Эльвира.* Справка о документах по истории отношений между Италией и Россией, хранящихся в некоторых государственных архивах Италии // Россия и Италия: Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений. М.: Наука, 1968. С.407-452.
231. *Дизендорф В.Ф.* Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования: 1652-1917 / Сост. В.Ф. Дизендорф. М.: МФД; Материк, 2006. 780, [4] с.
232. *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М.: Крутицкое Патриаршее подворье; Об-во любителей церковной истории; [изд. дом «Грааль»], 2001. X, 936 с. (Мат-лы по истории Русской Церкви. Кн.25).
233. *Долгова С.Р.* «А паче всего слезно просим милости, незабвенны мы были о свободе своей...»: Русские пленные в Швеции в годы Северной войны: 1700-1721 // Исторический архив. 2009. № 3. С.4-13.
234. *Долгова С.Р.* Шведские пленные в Москве в 1700-1709 гг. // Шведы в Москве: Материалы российско-шведской научной конференции (Москва, 1-2 июня 2000 года). М.: РГГУ, 2002. С.45-49.
235. *Долгова С.Р., Лантева Т.А.* Россия и Британия: XVI-XIX века = Russia and Britain: XVI-XIX centuries. М.: Древлехранилище, 2007. 115 с.
236. *Домашнева Н.А.* Немецкая слобода на Яузе, 1652-2002: 350 лет: Трудом и талантом. М.: Триада, 2002. 48 с.
237. *Дрбоглав Д.А.* Камни рассказывают: Эпиграфические латинские памятники: XV — первая половина XVII в.: Москва, Серпухов, Астрахань. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1988. 79 с.
238. *Древние единицы измерения* // Академик. — (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/68929>); То же // Википедия. — (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).
239. *Дроздова О.Ю.* Франц Лефорт // *Павленко Н., Дроздова О., Колкина И.* Сратники Петра. М.: Молодая гвардия, 2001. С.13-68, 478-482. (ЖЗЛ. Вып.1006[806]).
240. *Дьюкс П.* Абердин, Абердинский университет и Россия: 1495-1995 гг. / Пер. Л. Бондаревской // Европейский альманах: История, традиция, культура: 1993. М.: Наука, 1993. С.136-138.
241. *Евангелическо-лютеранская церковь / А. Бобылев, Г. Штриккер* // Немцы в России: Энциклопедия = Die Deutschen Russlands: Enzyklopädie. М.: ЭРН, 1999. С.750-757.
242. *Ее звали Мария* // Труд-7. 1999, 9.07. № 124. С.23.
243. *Елаин С.* История русского флота: Период Азовский: Приложение. Ч.1. СПб.: В тип. Гогенфельдена и К°, 1864. XIX, 513 с.
244. *Епифанов П.П.* Происки Ватикана и Юрий Крижанич // Вопросы истории. 1953. № 10. С.18-36.
245. *Желябужский И.А.* Дневные записки // Рождение Империи / Сост. А. Либман, С. Шокарев; послесл., указат., глоссарий С. Шокарева. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С.259-358, 427-502.
246. *Желябужский И.А.* Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 / [Публ.] Д. Языкова. СПб.: В тип. Имп. Росс. акад., 1840. IV, 314, [34] с.
247. *Желябужский И.А.* Записки Ивана Афанасьевича Желябужского // Записки русских людей: События времен Петра Великого / Изд. Н. Сахаровым.

- СПб.: Тип. Сахарова, 1841. [6], 120, 113–116 с.; Дневные записки И.А. Желябужского / [Публ. и пред.] Д. Языкова // РА. 1910. Кн.3, п° 9. С.5–154; *Желябужский И.А.* Записки // Россию поднял на дыбы... Т.1. М.: Молодая гвардия, 1987. С.391–460, 559–562.
248. *Жуковский В.А.* Марына Роща // *В.А. Жуковский.* Сочинения в стихах и прозе / Под ред. П.А. Ефремова. Изд-е 10-е, испр. и доп. СПб.: Изд-е И. Глазунова, 1901. С.817–824.
249. *Заболотских Б.* Русская гравюра. М.: Аутопан, [1997]. 239 с.
250. Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты / Подгот. текстов *Р.Б. Мюллер*; под ред. *Н.Е. Носова*. Л.: Наука, 1986. 261, [3] с. (Законодательные памятники русского централизованного государства XV–XVII веков).
251. Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Комментарий / Авт. коммент. *Ю.Г. Алексеев, А.И. Копанев, Р.Б. Мюллер* и др.; под ред. *Н.Е. Носова и В.М. Панеяха*. Л.: Наука, 1987. 260, [4] с. (Законодательные памятники русского централизованного государства XV –XVII веков).
252. Заметка // Наше время (Москва). 1862, 10.11. № 243. С.970.
253. *Замятин Г.* К вопросу о связи русского театра начала XVIII в. с немецким // Известия АН СССР (Л.). VII сер.: Отд-ние обществ. наук. 1933. № 10. С.769–804.
254. *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России: Эпоха Петра I. М.: РОССПЭН, 1996. 347 с.
255. *Звягинцев Е.* Слободы иностранцев в Москве XVII века // Исторический журнал. 1944. № 2/3. С.81–86.
256. *Зицер Э. = Zitser Ernest A.* Царство преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого = Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 238 с.
257. *Знаменский П.В.* История русской церкви: Учебное руководство. Изд. 9-е, испр. Paris: Bibliothèque Slave de Paris; Центр русских исследований в Медоне; Москва: Крутицкое Патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 2000. 461, [3] с.
258. *Золотов Ю.М.* Две надписи московских немцев // Советская археология. 1963. № 3. С.249–251.
259. *Зюсс В.* Чему и как учили в немецких школах России: Начало XVIII столетия – 1917 год. СПб.: Росток, 2007. 520 с.
260. *Иверсен Ю.Б.* Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. Т.1. СПб., 1877. 441 с., [29] л. ил.
261. *Избрант Идес Е., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай: 1692–1695 / Вступ. статья, перев. и коммент. *М.И. Казанина*. М.: Наука, 1967. 404 с.
262. *Извеков Д.* Отношения русского правительства к католической пропаганде в первой половине XVIII века // ЖМНП. Ч.151. 1870. С.61–74.
263. *Измайлова И.А.* Петр I: Убийство императора? СПб.: Издат. дом «Нева», 2004. 320 с., [16] с. ил. (Тайны великих). (I ч. конволюта под одной суперобл.: *Измайлова И.А., Красиков В.А.* Петр I Великий).
264. *Илизаров С.С.* Герард Фридрих Миллер – первый исследователь Москвы и Московского края // Академик Г.Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и Московской провинции / Подгот. текста, статья *С.С. Илизарова*. М.: Янус, 1996. С.5–44.
265. *Ильин М.А.* Москва. М.: Искусство, 1963. 513, [3] с.
266. Иноземные слободы // БСЭ. 2-е изд. Т.18. М.: БСЭ, 1953. С.172–173; Иноземные слободы // *И.С. Бакулин* // БСЭ. 3-е изд. Т.10. М.: СЭ, 1972. С.287; То же // СИЭ. Т.6. М.: СЭ, 1965. Стб.41–42.
267. Иностранцы о древней Москве: [Очерки] / Сост. *М.М. Сухман*. М.: Столица, 1991. 427, [3] с. (Москва XV–XVII веков)
268. Исторический лексикон: История в лицах и событиях: XVII век / *В.А. Артамонов, В.И. Буганов, А.В. Лаврентьев* и др.; пред. редсов. *Ю.С. Осипов*. М.: Академкнига-Учебник; Знание, 2006. 800 с.
269. История внешней политики России: XVIII век: От Северной войны до войн России против Наполеона / *Г.А. Санин* и др. [2-е изд.]. М.: Междунар. отнош., 2000. 304 с. (История внешней политики России: Конец XV в.–1917 г.: [В 5-ти т.]. [Т.2]).
270. История Москвы: [Хрестоматия]. Т.2: Вторая столица Российской империи: конец XVII –начало XX в. / Сост. *М.М. Горинов*. М.: Международный дом сотрудничества; Мосгорархив, 1997. 496 с.
271. История Москвы: В 6 т. Т.1: Период феодализма: XII–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 777 с.
272. История Москвы: В 6 т. Т.2: Период феодализма: XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 742 с.
273. История Москвы: В 6 т. Т.3: Период разложения крепостного строя. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 870, [2] с.
274. История Москвы: В 6 т. Т.4: Период промышленного капитализма. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 952 с.
275. История православия и русского атеизма: Краткий справочник-путеводитель / Отв. ред. *С.И. Ковалев*; Музей истории религии и атеизма АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 162 с.
276. История русского искусства. Т.1: Искусство X –первой половины XIX века / Под ред. *М.М. Раковой и И.В. Рязанцева*. М.: Изобразит. иск-во, 1979. 360 с.
277. История русского искусства / *Н.И. Брунов, А.И. Власюк, А.И. Каплун* и др.; гл. ред. *С.В. Бессонов*. М.: Госиздат по стр-ву и арх-ре, 1956. 611, [5] с.
278. История русской архитектуры: Учеб. для вузов / *В.И. Пилявский, Т.А. Славина, А.А. Тиц* и др. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Стройиздат, 1994. 600 с.
279. История: Малый Трехсвятительский переулок, дом 3: Центральная баптистская церковь. – (<http://mosday.ru/forum/viewtopic.php?p=14452&sid=a9cb29d584e0d41c96c54eale7f07901>).
280. *Калинин А.* Явился некто в белых ризах из Амстердама // Комсомольская правда. 1994, 27.04. № 73. С.3.
281. *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская метрология. Изд. 2-е. М.: Высш. шк., 1975. 325, [3] с.
282. *Капитонов А.П.* Репатриация шведских военнопленных из России после окончания Северной войны 1700–1721 гг. // Россия и Швеция в средневековое и новое время: архивное и музейное наследие: Доклады и сообщения участников международной научной конференции, приуроченной к рабо-

- те в Государственном Историческом музее выставки «Орел и Лев. Россия и Швеция в XVII веке» 15-17 мая 2001 г. М.: ГМИ, 2002. С.238-262.
283. *Карамзин Н.М.* Записка о достопримечательностях Москвы // Москва в описаниях XVIII века / Подгот. текста, статьи *С.С. Илизарова*, коммент. *И.Р. Грининой, С.С. Илизарова*. М.: Янус-К, 1997. С.287-297.
  284. *Кафенгауз Б.Б.* Россия при Петре Первом. М.: Учпедгиз, 1955. 176 с.
  285. *Кейзерлинг, Г.И. фон.* Георг Иоганн фон-Кейзерлинг: Представитель короля прусского при дворе Петра Великого: [Депеши]: 1707 // Русская старина. Т.5, № 6. 1872. С.803-844.
  286. *Кирпичников А.Н.* Россия XVII века в рисунках голландского путешественника Николааса Витсена. СПб.: Славия, 1995. 207 с.
  287. *Кирюхин А.В.* Тот самый кудесник Брюс. М.: Аграф, 2003. 400 с.
  288. *Ключевский В.О.* Курс русской истории, часть IV // *В.О. Ключевский*. Сочинения в 9 т. Т.4. М.: Мысль, 1989. 400 с.
  289. *Ключевский В.О.* Петр Великий среди своих сотрудников // *В.О. Ключевский*. Сочинения в 9 т. Т.8: Статьи. М.: Мысль, 1990. С.375-408.
  290. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг.: Лит.-издат. отдел [Наркомпроса], 1918. 333 с.
  291. *Кобак А.В.* [Переписка с Д.Ю. Гузевичем по поводу поисков мемориальной доски, посвященной Н. Витсену, а также по поводу иноверческих кладбищ и традиций захоронения в России]. 5 писем. 2010, ноябрь — 2011, декабрь. — (Архив Д.Г.).
  292. *Ковригина В.А.* Иноземное население Москвы конца XVII — первой четверти XVIII в.: Особенности быта // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время: XI—XVIII вв.: Проблемы культуры и культурного наследия: Доклады Третьей научной конференции (Муром, 17-20 мая 2000 г.). М.: Древлехранилище, 2003. С.238-248.
  293. *Ковригина В.А.* Иноземное население Москвы конца XVII — первой четверти XVIII вв.: По материалам Немецкой слободы: Автореф. дисс. ... канд. ист. н. / МГУ, Ист. фак-т. М., 1991. 24 с.
  294. *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы // Немцы в России: Люди и судьбы: Сб. ст. = Die Deutschen in Russland: Menschen und Schicksale. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С.7-17.
  295. *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII — первой четверти XVIII вв. М.: Археографический центр, 1998. 438 с. (Исследования по русской истории. Вып.9).
  296. *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и её роль в русско-немецких контактах первой половины XVIII века / Русские и немцы в XVIII веке: Встреча культур = Russen und Deutsche im XVIII. Jahrhundert: Die Begegnung der Kulturen. М.: Наука, 2000. С.189-202.
  297. *Ковригина В.А.* Немецкие преподаватели в системе образования Москвы первой четверти XVIII в. // Немцы в общественной и культурной жизни Москвы: XVI—начало XX века: Мат.-лы Междунар. науч. конф. (15-16 февраля 1999 г.) / Отв. ред. *Ю.А. Петров*; ГИМ; Посольство ФРГ в Москве. М.: [ГИМ], 1999. С.35-41.
  298. *Ковригина В.А.* Немцы в ремесле и промышленности Москвы второй половины XVII—первой половины XVIII в. // Немцы в России: Российско-немецкий диалог = Die Deutschen in Russland: Russisch-Deutsche Dialog. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С.339-350.
  299. *Козлов, протоиерей Максим.* Ошиблись адресом: «Корешки» и «вершки» собственно русского католицизма // Труд. 2002, 20.09. № 168. С.5.
  300. *Козлов С.А.* Русские пленные Великой Северной войны: 1700-1721 = Russian prisoners in the Great Northern War: 1700-1721. СПб.: Историч. иллюстрация, 2011. 413, [3] с.
  301. *Колкина И.Н.* Яков Вилимович Брюс // *Павленко Н., Дроздова О., Колкина И.* Сопратники Петра. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 433-476, 491-493. (ЖЗЛ. Вып.1006[806]).
  302. *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне / Сочинение Самуэля Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича, 1667 // Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1997. С.185-229.
  303. *Кондаков Н.* Они были первыми // Морской флот. 1997. № 10. С.41.
  304. *Кондратьев И.К.* Седая старина Москвы: Исторический обзор и полный указатель ее достопамятностей: соборов, монастырей, церквей, стен, дворцов, памятников, общественных зданий, мостов, площадей, улиц, слобод, урочищ, кладбищ, и проч., и проч. с подробным историческим описанием основания Москвы и очерком ее замечательных окрестностей / Комментар. и указат. *Б.Ю. Иванова*. Изд. 2-ое стереотип. М.: Цитадель, 1999. 702, [2] с. (Предьд. изд-я, N.V.: М.: И.А. Морозов, 1893. 686, VI с.; М.: Воениздат, 1996. 527 с.).
  305. *Копанев Н.А.* Служили отчеству шпагой и пером // Швейцария—Russie: Россия—Швейцария: Века любви и забвения = Suisse — Russie: des siècles d'amour et d'oubli: 1680-2006. Wabern; Lausanne: Benteli Verlag; Musée historique de Lausanne, 2006. С.17-24.
  306. *Корб И.Г.* Главные события из внутреннего быта москвитян / Пер. с лат. *Б. Женева, М. Семевского* // Рождение Империи. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С.187-258.
  307. *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московское ... Игнатия Христофора де Гвариент и Ралл ... к царю Петру Алексеевичу в 1678 <Так!> году // Иностранцы о древней Москве: Москва XV-XVII веков. М.: Столица, 1991. С.402.
  308. *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом / Пер. с лат. *Б. Женева, М. Семевского* // Рождение Империи. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С.25-168. (Текст по изд.: То же. М.: ИОИДР, 1867).
  309. *Красиков В.А.* Неизвестная война Петра Великого. СПб.: Нева, 2005. 480 с. (Секретные материалы). (II ч. конволюта под одной суперобл.: *Измайлова И.А., Красиков В.А.* Петр I Великий).
  310. *Красножжен М.* Иноверцы на Руси. Т.1: Положение неправославных христиан в России. 3-е испр. и доп. изд. [Юрьев: Тип. К. Матисена, 1902]. 202 с. (Приложение к: Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1902. № 6).

311. *Кувшинская И.В.* Католический храм Немецкой слободы // Архнадзор. 2011, 25.04. — (<http://www.archnadzor.ru/2011/04/25/katolicheskij-hram-nemetskoj-slobody/#more-7339>).
312. *Кувшинская И.В.* Рецензия на рукопись книги: Дмитрий Гузевич. Франсуа Лефорт и Патрик Гордон: смерть, погребение и судьба захоронений. Санкт-Петербург, 2012. — (Рукопись. Архив Д.Г.)
313. *Кувшинская И.В.* Письмо к Д. Гузевичу от 20.12. 2011. — (Рукопись. Архив Д.Г.)
314. *Кувшинская И.В.* Письмо к Д. Гузевичу от 22.12. 2011. — (Рукопись. Архив Д.Г.)
315. *Кувшинская И.В.* Письмо к Д. Гузевичу от 24.05. 2012. — (Рукопись. Архив Д.Г.)
316. *Кувшинская И.В.* Письмо к Д. Гузевичу от 26.05. 2012. — (Рукопись. Архив Д.Г.)
317. *Кувшинская И.В.* Два письма к Д. Гузевичу от 4.10. 2012. — (Рукопись. Архив Д.Г.)
318. *Кувшинская И.В.* Два письма к Д. Гузевичу от 5.10. 2012. — (Рукопись. Архив Д.Г.)
- 318а. *Кувшинская И.В.* Письмо к Д. Гузевичу от 29.12. 2012. — (Рукопись. Архив Д.Г.)
319. *Кувшинская И.В.* «Сад императорских миссионеров»: Материалы по истории Латинской школы в Немецкой слободе // Аристей = Aristestas. Т.4. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2011. С.234-251.
320. *Кувшинская И.В.* Труды и дни императорской миссии: Католический храм Немецкой слободы на рубеже XVII-XVIII веков // Архитектурное наследство. № 56. 2012. С.103-116. (В печати)
321. *Кульман Квири (Kuhlman)* // РБС. Т.: Кнаппе-Кюхельбекер. СПб.: Изд. ИРИО, 1914. С.545-547. (Репр.: М.: Аспект пресс, 1995).
322. *Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче: 1682-1694 гг. / Соч. кн. Б.И. Куракина, [написанное в Гаге и Париже в 1723-1727 гг.] // Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн.1. СПб.: Рус. старина, 1890. С.39-78.
323. *Куракин Б.И.* Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная: 1676 — июля 20 1709. Карзбат, 1706 // Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн.1. СПб.: Рус. старина, 1890. С.241-287.
324. *Кучумов В.А.* Москва и Рим: Русское латинство // Независимая газета. 1992, 24.1. № 248. С.5.
325. *Кучумов В.А.* Первая католическая миссия в Москве в 1684-1689 гг.: По мемуарам Иржи Давида // Древняя Русь и Запад: Науч. конф.: Кн. резюме. М.: Наследие, 1996. С.183-186.
326. *Лавров А.С.* Василий Васильевич Голицын // Вопросы истории. 1998. № 5. С.61-72.
327. *Лантева Л.П.* Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века; Примечания // Вопросы истории. 1970. № 1. С.103-105, 124-126.
328. *Лебедев Амфиан.* Вновь открытые полемические сочинения XVII века против лютеран / Предисл. [и публ.] А. Лебедева // ЧИОИДР. 1884. Кн. 3, отдел. II: Мат-лы историко-литературные. VI, 32 с.
329. *Лебедев Амфиан.* [Рец.]: Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. Историческое исследование Дм. Цветаева. Москва. 1890 // ЖМНП. Ч.280. 1883, март. Критика и библ., с.175-228.
330. *Лебедев Г.С.* Франц Лефорт, подготовка Северной войны и военно-градо-строительные предпосылки Петербурга: Архангельск, Азов, Новгород // Кровь, порох, лавры: Войны России в эпоху барокко: 1700-1762: Сб. мат-в Всерос. науч. конф. Вып.1. СПб.: [ВИМАИВиВС], 2002. С.75-77.
331. *Лермонтов М.Ю.* Панорама Москвы // М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений: В 4 т. [Т.4]: Проза. М.: Правда, 1969. С.114-118. (Библиотека «Огонек»).
332. *Лефорт Ф.* = *Lefort F.* Сборник материалов и документов = Resueil de documents / Отв. ред. Е.Е. Лыкова; сост. Т.А. Лантева, Т.Б. Соловьева; [авторск. колл.] А.А. Воробьев, Ю.Д., И.Д. и Д.Ю. Гузевичи, М.Р. Рыженков, Е.Е. Рычаловский, Э. Тейро. М.: Древлехранилище, 2006. 568 с.
333. Лефорт (Lefort) Франц Яковлевич [23.12.1655(2.1.1656), Женева, — 2(12).3.1699, Москва] // БСЭ. 3-е изд. Т.14. М.: СЭ, 1973. С.389; Лефорт Франц Як. (1655/56-99) // Советский энциклопедический словарь. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: СЭ, 1989. С.715; Лефорт Франц Яковлевич (1655/56-1699) // Отечество: История, люди, регионы России: Энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 1999. С.328; Лефорт Франц Яковлевич (1655/56-1699) // Всемирный биографический энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 2000. С.426; Лефорт Франц Яковлевич (1655-1699) // Морская энциклопедия. — (<http://volna-parus.ru/lefort.html>); Лефорт Франц Яковлевич (1655/56-1699) // Русская история. — (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/9606/%D0%9B%D0%95%D0%A4%D0%9E%D0%A0%D0%A2>); Лефорт Франц Яковлевич // Большой энциклопедический словарь (2000). — (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/178702>). (15.7.2011).
334. Лефорт (Lefort) Франц Яковлевич / *Н.Ф. Азяский* // БРЭ. Т.17. М.: БРЭ, 2010. С.356.
335. Лефорт, Франц Яковлевич / *В. Корсакова* // РБС. Т.: Лабзина-Ляшенко. СПб.: Изд. ИРИО, 1914. С. 347-362. (Репр.: М.: Аспект пресс, 1996).
336. Лефорт Франц Яковлевич // Москва: Энциклопедия. М.: СЭ, 1980. С.223.
337. Лефорт Франц Яковлевич / *Ю.Н. Лубченков* // Москва: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1998. С.443.
338. Лефорт, Франц Яковлевич // Русский энциклопедический словарь, издаваемый *И.Н. Березиным*. Т.1. СПб., 1874. С.349-350.
339. *Лимонов Ю.А.* Россия в западноевропейских сочинениях XV-XVII вв. // Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986. С.3-16. (Б-ка «Страницы истории отечества»).
340. *Лирийский, герцог.* Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986. С.189-260. (Б-ка «Страницы истории отечества»).
341. *Лисаевич И.И.* Доменико Трезини. Л.: Лениздат, 1986. 221, [3] с. (Зодчие нашего города).
342. *Логунова М.О.* Печальные ритуалы императорской России. М.; СПб.: Центр-полиграф; Русская тройка, 2011. 269, [2] с.
343. *Лотман Ю.М.* Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова // Из истории русской культуры. Т.IV: XVIII — начало XIX века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С.637-656.
344. *Лурье В.* Морской биографический словарь: Деятели Российского флота XVIII века. СПб.: Выбор, 2005. 352 с.
345. *Любецкий С.М.* Старина Москвы и русского народа в историческом отно-

- шении с бытовой жизнью русских; Московские окрестности / Предисл. *Е.Н. Савиновой*. М.: ГПИБ России, 2008. 588, [2] с.
346. Лютеранская церковь Святого Михаила (Москва) // Википедия. (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).
347. Мазур Т.П. Автографы Петра Великого в фондах РГА ВМФ: Каталог / Отв. ред. *Х. ван Конингсбрюгге*; науч. ред. *В.С. Соболев*. СПб.: Ольга, 2002. 152 с.
348. *Мазур Т.П.* Аннотированный реестр описей фондов: 1696-1917 = Annotated Register of Inventories of the Funds: 1696-1917 / РГА ВМФ. СПб.: Блиц, 1996. 510, [2] с.
349. *Мазур Т.П.* Жизнь и деятельность адмирала Корнелиуса Крюйса: Каталог документов РГАВМФ / Отв. ред. *Ханс ван Конингсбрюгге*. СПб.: РГА ВМФ, 2008. 703, [1] с.
350. *Майков П.М.* Дневник Патрика Гордона: Предисловие // Русская старина. Т.165, н° 1. 1916, янв. С.129-139.
351. *Майкова Т.С.* Петр I и «Гистория Свейской войны» // Россия в период реформ Петра I. М.: Наука, 1973. С.106.
352. *Макарий, митрополит Московский и Коломенский.* История русской церкви. Т.ХI: Патриаршество в России, кн. II. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1882. 628 с.
353. *Макаров Б.С.* Голландцы в России в первой половине XVIII века: Лексикон. СПб.; Гронинген: НРЦ, 2009. 286 с.
354. *Малафеева С.Л.* Последние дни // Франц Лефорт: Страницы истории / Сост. *С.Л. Малафеева*. М.: Мосгорархив, 1999. С. 40-79.
355. *Малинин С.Н.* Тень Лефорта: Записки бывшего архивиста // Московский журнал. 1991. № 2. С.64-70; № 3. С.39-44.
356. *Малинин С.Н.* Загадки старого дворца. — (http://dl.biblion.realin.ru/text/35_Sibirskaya_Pravoslavnaia_gazeta/Disk_staryj/INTERNET/Gazety_i_zhurnaly/MosJour9/mj9_9.htm). (15.7.2011).
357. *Малиновский К.В.* Джованни Франни Франческо Росси — «первый мастер штукатурного искусства» в России // ПВВЛ—[1999]. СПб.: Изд-во ГЭ, 1999. С. 37-40.
358. *Малиновский К.В.* Санкт-Петербург XVIII века. СПб.: Крива, 2008. 573, [3] с.
359. *Манько А.В.* Великих посольских дел оберегатель: Политическая биография князя В.В. Голицына. М.: Аграф, 2007. 208 с.
360. *Маркон И.Ю.* Дело о сожжении отставного морского флота капитан-поручика Александра Возницына за отпадение в еврейскую веру и Бороха Лейбова за соращение его. СПб., 1910. 48 с. (Прил. к «Пережитому»).
361. *Мартиросян С. = Martirosjan S.* Немецкие адреса старой Москвы: История на почтовых открытках = Deutsche Ansichten von Moskau: Geschichte in Postkarten / Посольство ФРГ. М.: [Б.и.], 2006. 157 с.
362. Марьяна Роща (район Москвы) // Википедия. — (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).
363. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 3 т. Т.2-3. М.: Всесоюзн. кн. палата, 1948. С.307.
364. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: [в 4 т.]. [2-е изд.]. Т.3-4. М.: Изд-во Всесоюзн. кн. палаты, 1958-1960.
365. *Мейерберг Августин.* Альбом Мейерберга: Виды и бытовые картины России XVII века: Объяснительные примечания к рисункам / Составлены *Ф. Аделунгом*, вновь просмотрены и дополнены *А.М. Ловягиным*. СПб.: Изд-е А.С. Суворина, 1903. XVIII, 189, [1] с.
366. *Мейерберг А.* Альбом Мейерберга: Виды и бытовые картины России XVII века: Рисунки дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинника в натуральную величину, с приложением карты пути цесарского посольства 1661-62 гг. [СПб.]: Изд-е А.С. Суворина, 1903. 13 с., [58] л. илл. (Версии в Интернете: http://narod.ru/disk_54929625001.7ab37792c337f7bca067385da19f312a/Albom%20Mejerberga%20-%20pdf.zip.html; <http://narod.ru/disk54929540001.add497dd3ded038a08434cc62accb117/Albom%20Mejerberga%20-%20jpeg.zip.html>).
367. *Мейерберг А.* Рисунки к путешествию по России Римско-Императорского посланника барона Мейерберга в 1661 и 1662 годах, представляющие виды, народные обычаи, одеяния, портреты и т.п. / Изданы Федором Аделунгом. СПб., 1827. [4] с., 1 л. фронт., 64 л. илл. (Версия в Интернете: <http://www.runivers.ru/bookreader/book58857/#page/2/mode/1up>).
368. *Мейерберг А.* Путешествие в Московию барона Августа Мейерберга, члена Императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом // Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1997. С.43-230.
369. *Мельгунов С.П.* Религиозно-общественные движения XVII-XVIII в.в. в России. М.: Задруга, 1922. 194 с.
370. Место встречи изменить нельзя // Википедия (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).
371. *Миклашевская Е.П., Андреева В.И., Соколов В.Б., Цепляева М.С.* Лефортово: История, люди и судьбы / Под общ. ред. Е.П. Миклашевской. М.: Издательский дом МЭИ, 2007. 438 с.
372. *Миллер Г.Ф.* Москва // Академик Г.Ф. Миллер — первый исследователь Москвы и Московской провинции / Подгот. текста, статья С.С. Илизарова. М.: Янус, 1996. С.47-56. (Впервые опубли. в: *Миллер Г.Ф.* Географический лексикон Российского государства <...>. М., 1773. С.182-194. — N.V.).
373. *Миллер Г.Ф.* Избранные труды = Selected Works / Составление, статья, примеч. С.С. Илизарова. М.: Янус-К; Московские учебники, 2006. 813, [3] с. (Москва: Памятники научной мысли).
374. Милютинский переулок // Википедия. (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>) (13.9.2012).
375. *Михайлов А.* Подмокловская ротонда и классические веяния в искусстве петровского времени // Искусство. 1985. № 9. С. 64-70.
376. Могилы Лефорта на Введенском кладбище нет / Администрация кладбища. 2007, 6.08. — (<http://news.mail.ru/society/1396483/>).
377. *Могильников В.А., Шеин А.Г.* Первый русский генералиссимус Алексей Семёнович Шеин: К 350-летию со дня рождения. М.: Промиздат, 2003. 28 с.
378. *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. 4-е изд., стереотип. М.:

- Междунар. отнош., 1991. 448 с. (3-е изд. М.: МО, 1990. 448 с.; 1-е изд. Там же, 1984. 440 с. (Б-ка «Внешняя политика, дипломатия»)).
379. *Молчанов Н.Н.* Петр I. М.: Алгоритм-книга; Эксмо, 2003. 480 с. (Политические биографии). (История в лицах и фактах).
  380. *Моров А.Г.* Три века русской сцены. Кн.1. М.: Просвещение, 1978. 320 с.
  381. *Мосияш С.* Фельдмаршал Борис Шереметев: Исторический роман. [2-е изд.]. М.: Астрель; АСТ, 2002. 528 с. (Золотая библиотека исторического романа: Сподвижники и фавориты).
  382. Москва в истории и литературе: Сборник / Сост. *М. Коваленский*. М.: ГПИБ России, 2009. 304, [2] с. (Москва и москвичи: Из века в век).
  383. Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского <...> / [*И.Г. Гурьянов*]. Ч.3. М.: В тип. С. Селивановского, 1831. VII, 416 с.
  384. Москва златоглавая: Памятники религиозного зодчества Москвы в прошлом и настоящем = Les Eglises de Moscou. Москва: [Б.и.], 1979; Paris: YMCA-Press, 1980. [4], XVI, [7], 162, [1] с. (Montage réalisé a Moscou en 1979).
  385. Московский некрополь / *В.И. Саитов*; [издатель] Вел. кн. Николай Михайлович. 3 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907-1908.
  386. Московский парадиз. — (<http://www.pravoslavie.ru/jurnal/31124.htm>).
  387. *Мулюкин А.* Иностранцы свободных профессий в Московском государстве // ЖМНП. Н.с., ч.17. 1908, окт. С.307-352.
  388. *Мулюкин А.* О свободе приезда иностранцев в Московское государство // ЖМНП. Н.с., ч.15. 1908, май. С. 57-81.
  389. *Мыльников А.С.* Свидетельство иностранного наблюдателя о жизни русского государства конца XVII века // Вопросы истории. 1968. № 1. С.121-125. (См. также [233; 466]).
  390. Надгробия Введенского кладбища: Сб. статей / Под ред. *Ю.Н. Соловьевой*. М.: Волслов, 2004. 88 с.
  391. Найдена могила Лефортова? // Программа «Российские Династии». — (<http://gpo.ru/node/602>). (7.10.2012).
  392. «Нам сообщают...» // Русские ведомости. 1870, 6.08. № 168. С.2.
  393. *Нартов А.А.* Рассказы о Петре Великом: По авторской рукописи / Подгот. текста, прилож., вступ. ст. *П.А. Кротова*. СПб.: Историч. иллюстрация, 2001. 160 с.
  394. *Нартов А.К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Москвитянин. Ч.2, n° 4. С.324-343; Ч.4, n° 8. С.441-475.
  395. *Нартов А.К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий: Воспоминания, дневниковые записи, анекдоты / Сост., вступ. ст., примеч. *Е.В. Анисимова*. СПб.: Пушкинский фонд; Париж, М., Нью-Йорк: Третья волна; [М.]: Внешсигма, 1993. С.249-326.
  396. *Нартов А.К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий в русской литературе: Воспоминания, оценки, образ. СПб.: Геликон-Плюс, 2009. С.48-114.
  397. *Нартов А.К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Россию поднял на дыбы / Сост., послесл., сопроводит. мат-лы Н.И. Павленко. Т.2. М.: Мол. гв., 1987. С.525-625.
  398. *Нартов А.К.* Рассказы Нартова о Петре Великом / Публ. и пред. *Л.Н. Майкова*. СПб.: Тип. Имп. АН, 1891. XX, 138 с. (Сб.ОРЯС. Т.52, n°8. Repr.: Nendeln; Liechtenstein: Kraus repr. Ltd, 1966).
  399. *Невилль, де ла.* Записки о Московии / Предисл., подгот. текста, перев., коммент. *А.С. Лаврова*; отв. ред. *В.Д. Назаров, Ю.П. Малинин*; Центр гуманитарного образования «Петр Великий» МФТИ; ИРИ РАН. М.-Долгопрудный: Аллегро-пресс, 1996. 304 с. (Россия и российское общество глазами иностранцев: XV-XIX вв. Вып.1).
  400. Немецкая слобода // БСЭ. 2-е изд. Т.29. М.: БСЭ, 1954. С.402; То же // БСЭ. 3-е изд. Т.17. М.: СЭ, 1974. С.451; То же // СИЭ. Т.10. М.: СЭ, 1967. Стб.112.
  401. Ненцы / *В.И. Васильев* // Народы России: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1994. С.249-253; То же // Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: БРЭ, 2000. С.375-377.
  402. *Нефедов С.А.* Реформы середины XVII века: Попытка модернизации России по голландскому образцу // Западноевропейские специалисты в России XV-XVII веков: Тезисы докладов научной конференции (Москва, 24-25 сентября 2002 года) / Под общ. ред. *А.К. Левыкина*. М.: [ГИКМЗ «Московский Кремль»], 2002. С.40-43.
  403. *Нехачин И.* Ядро истории государя Петра Великого первого императора Всероссийского, с присовокуплением описания монумента, воздвигнутого в память сему Отцу Отечества Екатериною II Великою; И с краткою Историею сына Его, царевича Алексея Петровича / Со. *Ив. Н.х.ч.н.* М.: Изданием Ивана Водопьянова, Вольная типография А. Решетникова, 1795. 447 с.
  404. *Нечаев В.В.* Иноземские слободы в Москве в XVI и XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем: Роскошно-иллюстрированное издание памяти историка Москвы И.Е. Забелина. Т.4. М.: Образование, [1910]. С.18-43.
  405. *Николаев С.И.* Рыцарская идея в похоронном обряде петровской эпохи // Из истории русской культуры. Т.3: XVII—начало XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С.584-594. (2-е изд.: М.: Языки русской культуры, 2000. С.584-594. (Язык; Семиотика; Культура)).
  406. *Никонов В.* Русская православная церковь и Рим // Журнал Московской патриархии. 1947. № 7. С.45-60.
  407. *Ничик В.М.* Антицерковные ереси и вольнодумство конца XVII — начала XVIII в.: Кружки Дмитрия Тверитинова и Квирина Кульмана // Русская мысль в век Просвещения / *Н.Ф. Уткина, В.М. Ничик, П.С. Шкуринов* и др. М.: Наука, 1991. С.26-38.
  408. Новейшие приращения Московского публичного музея: [Коллекции брошюр и летучих листов]. М., 15.3.1868 — 24.3.1888. 2 вып. без n°n°; № [1], 28.10.1869 — № 51, 28.1.1881; 2 вып. без n°n° (18.11.1881, 24.3.1888). (Некоторые номера являются оттисками из газет «Голос» и «Московские ведомости»).
  409. *Новикова Г.Л., Кутасов П.А.* Музей истории «Лефортово»: Путеводитель / Ред. Г.М. Отвагина. М.: Музей истории Москвы, 2006. 36 с.
  410. Новый путеводитель по Москве, первопрестольной столице Государства Российского <...>. Ч.2. М.: В университ. тип., 1833. XI, 394 с.
  411. О надписях на гробовых камнях в Марьиной роше / *Л.С.* // Вестник Европы. 1830, дек. Ч.23-24. С.220-228.

412. Об открытии гробницы Леофорта в Москве // Калужские губернские ведомости. 1870, 22.08. № 34. Ч. неоф., с.530.
413. Объекты культурного наследия: Памятники. – (<http://reestr.answerpro.ru/monument/?page=19&order=5&desc=1>). (15.7.2011).
414. *Олеарий Адам*. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., перев., примеч. и указат. А.М. Ловягина. СПб.: Изд-е А.С. Суворина, 1906. XXVIII, 582 с.
415. *Опарина Т.А.* Воссоздание Немецкой слободы и проблема переименования иностранцев-христиан в России // Патриарх Никон и его время: Сб. науч. тр. М.: [ГИМ], 2004. С.65-107. (Труды ГИМ. Вып. 139).
416. *Опарина Т.А.* Иноземцы в России XVI-XVII вв. Кн.1. М.: Пресс-Традиция, 2007. 383 с.
417. *Опарина Т.А.* Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV-XVII веках: Сб. материалов конференций 2002-2004 гг. М.: Древлехранилище, 2006. С.141-173.
418. *Опарина Т.А.* Русский человек и его православная вера глазами европейцев: Вторая половина XVI – XVII вв. // Иноземцы в России в XV-XVII веках: Сб. материалов конференций 2002-2004 гг. М.: Древлехранилище, 2006. С.215-225.
419. *Опарина Т.А., Орленко С.П.* Указы 1627 и 1652 годов против «некрещенных иноземцев» // Отечественная история. 2005. № 1. С.22-39.
420. Описание Московии при Реляциях гр. Карлейля / Пер. с фр. с предисл. и примеч. *И. Фр. Павловского* // Историческая библиотека. 1879. № 5. С.1-46.
421. Описание погребения блаженной памяти Императора Николая I-го, с присовокуплением исторического очерка погребений царей и императоров всероссийских и некоторых других европейских государей (с 47 рисунками): 5 марта 1855 г. СПб.: В тип. Journal de Saint-Petersbourg, 1856. [4], 129, X с. (Сканированная копия: <http://www.prlib.ru/Lib/pages/item.aspx?itemid=6037>; См. также: <http://sales-books.by.ru/page09.htm#fune>, <http://sales-books.by.ru/fune.htm>, <http://sales-books.by.ru/fune01.htm>).
422. *Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века: Правовой статус и реальное положение. М.: Древлехранилище, 2004. 341, [3] с.
423. *Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы и русские горожане в XVII веке: По неопубликованным источникам РГАДА // Славяноведение. 2002. № 2. С.69-81.
424. *Орленко С.П.* «Немцы» и московское правительство в XVII веке // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры: Материалы научной конференции 2000 / ГИМЗ «Московский Кремль». М., 2001. С.15-26.
425. *Орленко С.П.* Патриарх Никон и «немцы некрещеные» // Патриарх Никон и его время: Сб. науч. тр. М.: [ГИМ], 2004. С.54-64. (Труды ГИМ. Вып. 139).
426. *Орленко С.П.* Правовой статус выходцев из Западной Европы в России XVII века // Вопросы истории. 2000. № 6. С.137-141.
427. *Орфелин З.* Житие и славные дела Петра Великого, самодержца Всероссийского, с предположением краткой географической и политической истории о Российском государстве, впервые на Славенском языке изданное в Венеции; а ныне вновь с пополнением и поправлением как самой истории, так и с предложением некоторых Славено-сербских слов на Российской, с грави-

- рванными планами батальи и взятых крепостей, и на все великия действия медалями напечатано. Печатано иждивением купцов, Санктпетербургскаго Сергия Копнина и Иркутскаго Ивана Байбородина. [З-е изд.]. 2 ч. СПб.: при Императорской Академии наук, 1774. ([25], 367), (333, 111) с.
428. От Рейна до Камчатки / к 300-летию со дня рождения акад. Г.Ф. Миллера: каталог выставки / сост. Е.Е. Рычаловский. М.: Древлехранилище, 2005. 195 с. (<http://www.rusarchives.ru/events/exhibitions/miller.shtml>).
429. Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1870-1872 г. М., 1873. 163 с.; То же, за 1873-1875 г. М., 1877. 151 с.; То же, за 1876-1878 г. М., 1879. 162 с.; То же, за 1879-1882 г. М., 1884. 159 с.; То же, за 1883-1885 г. М., 1886. 147 с.
430. Охтенский Ф.А. Город Москва // Москва в описаниях XVIII века / Подгот. текста, статьи С.С. Илизарова, коммент. И.Р. Грининой, С.С. Илизарова. М.: Янус-К, 1997. С.110-154.
431. Павленко Н.И. Петр Великий. [2-е изд.]. М.: Мысль, 1994. 592 с. (1-е изд.: То же. Там же, 1990. 592 с. (Библиотечная серия)).
432. Павленко Н.И. Петр Первый и его время: Книга для учащихся средних и старших классов. Изд. 2-е, доп. М.: Просвещение, 1989. 176 с. (1-е изд.: 1983).
433. Палаты Анны Монс (Ван-дер-Гульста) в Старокирочном переулке. — (<http://www.liveinternet.ru/users/nadynrom/post107681183/>).
434. Палаты Анны Монс (Ван-дер-Гульста) в Старокирочном переулке: Вандализм 20-летней давности. — (http://www.google.ru/imgres?imgurl=http://img-fotki.yandex.ru/get/3000/serf02020.b/0_2142e_de21d50e_L.jpg&imgrefurl=http://community.livejournal.com/arhiv_palat/114861.html&usq=__GVTjMZiN-Bkmuo8pzTrqGQMU9qY=&h=500&w=341&sz=49&hl=ru&start=1&itbs=1&tbnid=wx0tso5hxHJeXR0M:&tbnh=130&tbnw=89&prev=/images%3Fq%3D%25D0%259F%25D0%25B0%25D0%25D0%25BB%25D0%25B0%25D1%2582%25D1%258B%25D0%2590%25D0%25BD%25D0%25B0%25B0%25D0%25BE%25D0%25B0%25D1%2581%25B0%25C%25D0%2592%25D0%25B0%25D0%25BD%25D0%25B4%25D0%25B5%25D1%2580%25D0%2593%25D1%2583%25D0%25BB%25D1%258C%25D1%2581%25D1%2582%25D0%25B0%29%26h1%3Druc%26sa%3DG%26gbv%3D2%26tbs%3Disch:1).
435. Памятники дипломатических сношений с Римскою империею. Т.6: С 1682 по 1685 год. СПб., 1862. [6] с., 1718 стб. (Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными / По Высоч. повелению изданное Пм отделением Собств. Е.И.В. канцелярии).
436. Памятники дипломатических сношений с Римскою империею. Т.8: С 1695 по 1699 год. СПб., 1867. [3] л., 1414, 164 стб. (То же).
437. Памятники дипломатических сношений с Римскою империею. Т.9: С 1698 по 1699 год. СПб., 1868. [3] л., 1230 стб. (То же).
438. Пасхалия / В.В. Серафимов // Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. Т.2. М.: БРЭ, 1995. С.311-314.

439. *Педрацини Д.М.* Франц Лефорт (1656-1699), создатель российского Военно-Морского флота, первооткрыватель пути швейцарцев на службу в Россию / Пер. *Е.М. Тархановой* // Швейцарцы в Петербурге. СПб.: Петерб. ин-т печати, 2002. С.46-55.
440. Перенесение мощей благоверного князя Александра Невского (1724). — (<http://www.calend.ru/holidays/0/0/1458/>).
441. *Перри Дж.* Состояние России при нынешнем царе / Соч. капитана Джона Перри; пер. с англ. княжны *О.М. Дондуковой-Корсаковой*; предисл. М. Семевского. М.: ИОИДР, 1871. viii, 196 с. (ЧИОИДР. 1871. Кн.1. С.1-38; Кн.2. С.39-196; имеется отд. отт.).
442. Петр Великий. Журнал или поденная записка, блаженныя и вечнодостойныя памяти государя имп. Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира: Напечатан с обретающихся в Кабинетной архиве списков, правленных собственно рукою Его Императорского Величества / Кн. *М. Шербаков*. Ч.1. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1770. 460 с.
443. Пётр Великий: Анекдоты, в основном, о нём и о его времени. // Исторические анекдоты от старого ворчуна. Вып. 16. — (http://www.abhoc.com/arc_an/2010_02/533/).
444. Петр Великий и Москва: 300-летию Великого посольства Петра I в Западную Европу посвящается: Каталог выставки / Науч. ред. и сост. *И.М. Курилина*; ГИКМЗ «Московский Кремль»; ГТГ; ГИМ. М.: Красная площадь, 1998. 192 с.
445. Петр I и Голландия: Русско-голландские художественные и научные связи: К 300-летию Великого посольства = Peter the Great & Holland: Russian-Dutch artistic & scientific contacts: Dedicated to the 300th anniversary of the Great Embassy. СПб.: Славия = Slavia art books, 1996. 184 p.
446. *Петросьян А.А.* Шотландский наставник Петра I и его «Дневник» // Вопросы истории. 1994. № 9. С.162.
447. *Петрушевский Ф.* Краткая европейская метрология, или Описание главных мер, весов и монет, в Европе ныне употребляемых. Изд. 2-е, испр. СПб.: В тип. Праца, 1845. 122, [2] с.
448. *Пирлинг П.* Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса / Тексты документов перевел Алексей Станкевич // ЧИОИДР. 1906. Кн.4 (219), мат-лы иностр. С.1-24.
449. *Пирлинг П.* Французский иезуит в Москве в XVII столетии // Русская старина. Т.111, № 9. 1902. С.473-483.
450. *Пирютко Ю.М.* Идея Петра: Пантеон России // Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов: Санкт-Петербург, 9-11 июня 2010 года. СПб.: Европейский Дом, 2011. С.145-150.
451. Письма и бумаги Императора Петра Великого / Под ред. *А.Ф. Бычкова*. Т.1: 1688-1701. СПб.: Гос. типогр., 1887. XXIII, XXXII, 888, LIII с.
452. Письма и бумаги Императора Петра Великого / [Под ред. *А.Ф. Бычкова*]. Т.2: 1702-1703. СПб.: Гос. типогр., 1889. XXIII, 721, LXII с.
453. Письма и бумаги Императора Петра Великого / [Под ред. *А.Ф. Бычкова*]. Т.3: 1704-1705. СПб.: Гос. типогр., 1893. XXXI, 1065, LX с.
454. Письма и бумаги Императора Петра Великого / [Под ред. *А.Ф. Бычкова*]. Т.4, [ч.1-2]: 1706. СПб.: Гос. типогр., 1900. XXXIV, 1259, CXIV, [2] с.
455. Письма и бумаги Императора Петра Великого / [Под ред. *И.А. Бычкова*]. Т.5: 1707, январь-июнь. СПб.: Гос. типогр., 1907. XVI, 764, LXXXII, [1] с.
456. Письма и бумаги императора Петра Великого / [Под ред. *И.А. Бычкова*]. Т.7, вып.1: Январь-июнь 1708. Пг.: Первая гос. тип., 1918. [4], 640 с.
457. Письма и бумаги императора Петра Великого / Ред. *А.И. Андреев*. Т.7, вып.2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. V, [3], 641-933 с.
458. Письма и бумаги императора Петра Великого / Ред. *А.И. Андреев*. Т.8, вып.1, 2: Июль-декабрь 1708. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1951. 1178, [2] с.
459. Письма и бумаги императора Петра Великого / Ред. *Б.Б. Кафенгауз*. Т.9, вып.1, 2: Январь-декабрь 1709. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1952. 1620 с.
460. Письма и бумаги императора Петра Великого / Ред. *Б.Б. Кафенгауз*. Т.10: Январь-декабрь 1710. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 869, [2] с.
461. Письма и бумаги императора Петра Великого / Под ред. *Б.Б. Кафенгауза, А.И. Андреева, Л.А. Никифорова*. Т.11, вып.1: Январь-12 июля 1711 года. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 605, [2] с.
462. Письма и бумаги императора Петра Великого / Под ред. *Б.Б. Кафенгауза, А.И. Андреева, Л.А. Никифорова*. Т.11, вып.2: Июль-декабрь 1711 года. М.: Изд-во АН СССР, 1964. 742, [2] с.
463. Письма и бумаги императора Петра Великого / Под ред. *Л.Г. Бескровного, Б.Б. Кафенгауза, Л.А. Никифорова*. Т.12, вып.1: Январь-июнь 1712 г. М.: Наука, 1975. 588, [2] с.
464. Письма и бумаги императора Петра Великого / Под ред. *Л.Г. Бескровного, Б.Б. Кафенгауза, Л.А. Никифорова, Е.П. Подъяпольской*. Т.12, вып.2: Июль-декабрь 1712 г. М.: Наука, 1977. 629, [2] с.
465. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века / [Под ред. *М.О. Кояловича*; Латинск. оригинал. подгот. к изд. *Ф. Дворским*; пер. *Виноградова*]. СПб., 1904. III, 382, 11 с. (Repr.: Hague: Europe printing, 1965. Russian reprint series / Ed. by A.V. Solov'ev). (См. также [466]).
466. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века; Иржи Давид. Современное состояние Великой России, или Московии / Подгот. к изд. *А.И. Цепковым*. Рязань: Александрия, 2010 [т.е. 2009]. 336 с. (Источники истории).
467. *Платонов С.Ф.* Москва и Запад. Берлин: Обелиск, 1926. 155, [5] с.
468. *Платонов С.Ф.* Москва и Запад; Борис Годунов. Москва: Богородицкий печатник, 1999. 283, [3] с. (Памятники русской исторической мысли)
469. *Послыхалин А.* Шведские военнопленные времен Северной войны 1700-1721 годов в Москве и Подмоскovie // Шелково. 2009. № 3-4. С.2-25
470. Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. Рязань: Александрия, 2008. 560 с. (Источники истории).
471. [*Поссельт М.*]. Генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт: Его жизнь и время / Пред., [перев. и коммент.?] Т<урунова Я.Н.>* // Военный сборник. 1870. Т.74, кн.7-8. Отд.1, с.5-34, 221-251; Т.75, кн.9-10. Отд.1, с.5-32, 203-236; Т.76, кн.11-12. Отд.1, с.5-32, 243-278; 1871. Т.77, кн.1-2. Отд.1, с.5-37, 153- 187; Т.78, кн.3. Отд.1, с.5-40.

* Имя публикатора, скрывшегося за инициалом «Т.», установлено нами по 2-му изданию словаря Масанова [364-3, с.149; 364-4, с.478]: педагог Яков Николаевич Турунов (1811 — 17.1.1873), использовавший этот псевдоним, в 1860 — 70-х гг. сотрудничал в «Военном сборнике».

472. *Похлёбкин В.В.* История водки. М.: Интер-Версо; Междунар. отнош., 1991. 285 с.
473. Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова / Изд-е подгот. *Т.А. Базарова, Ю.Б. Фомина*; СПбИИ РАН; Ин-т Петра Великого. Ч.3: 1715-1723. СПб.: Мирь, 2011. 413 с. (Новые источники по истории России эпохи Петра Великого).
474. Походный журнал 1698 года: Журнал 206 года. 2-е изд. СПб., 1911. 64 с.
475. *Прут И.Л., Черняк Е.Е.* Франсуа Лефорт: Кино-телероман. Иерусалим: Филобиблон, 1996. 212 с.
476. ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи). Т.1. М., 1830. № 1: Уложение, гл. XIX, ст.40. С.114.
477. Там же. № 85: Об отводе земли под строение в Немецкой слободе, от 4.10.1652/7161. С.273.
478. ПСЗРИ. Т.3. М., 1830. № 1331: Грамота, данная по ходатайству бывшего в Москве Чрезвычайного Прусского посла Чаплича. — О дозволении приезжать в Россию и селиться Французским Эмигрантам Евангелической веры, от 21.1.1689/7197. С.8-9.
479. ПСЗРИ. Т.3. М., 1830. № 1351: Именной, объявленный иезуитам, Ксендзам Давиду и Товию — О немедленном выезде им из Москвы, за распространение соблазнительных и вредных толкований, противных учению Восточной Церкви, от 2.10.1689/7198. С.39-40.
480. Там же. № 1358: Грамота Новгородскому Воеводе Боярину Князю Петру Прозоровскому — О сожжении в Москве еретика иноземца Квирина Кульмана и найденных у него развратных книг и писем, о наблюдении впредь более осторожности при распросах приезжающих в Россию иностранцев и о непуске никого из них в Москву без Царского на то указа, от 29.10.1689/7198. С.46-47.
481. Там же. № 1388: О дозволении быть в Москве при одном Ксендзе другому, с тем, чтоб они никаких противностей вере Грекороссийской не чинили, и чтоб под их именем не проживали в Москве Езуиты, от 1690/7199. С.86-87.
482. ПСЗРИ. Т.5. М., 1830. № 3356: Именной, Майору Румянцеву — О высылке Иезуитов за границу, от 18.4.1719. С.694.
483. ПСЗРИ. Т.7. М., 1830. № 4323: Именной, объявленный Преосвященным Феодосием Синоду — О непогребении мертвых кроме знатных персон, внутрь городов и об отвозе оных в монастыри и к приходским церквам за город, от 10.10.1723. С.130.
484. ПСЗРИ. Т.10. № 7612: О сожжении флота Капитан-Лейтенанта Возницына, за отпадение от Христианской веры, а Жида Бороха за превращение онаго Капитана в Жидовский закон, от 3.03.1738. С.556-560.
485. ПСЗРИ. Т.12. М., 1830. № 9512: Именной, данный Сенату — Об отводе в Москве за мещанскою слободою места в поле для кладбища, от 2.7.1748. С.873.
486. ПСЗРИ. Т.15. М., 1830. № 11568: Именной, объявленный Сенату Генерал-Прокурором Глебовым. — О бытии в Москве в Немецкой слободе Католическому, Лютеранскому и Реформатскому кладбищам в прежних при церквях их имеющих местах, от 11.6.1762. С.1039.
487. ПСЗРИ. Т.19. М., 1830. № 13696: Сенатский — О предосторожностях от заразной болезни, от 11.11.1771. С.371-376.
488. *Пуччо Джанни = Ruscio Gianni.* Все флаги в гости будут к нам: Вклад иностранцев в развитие России = Una mano dal mondo: La presenza straniera in Russia / Пер. с ит. В. Виноградовой и М. Талалая. СПб.: Alexandria, 2008. 231, [8] с.
489. *Разоренова Н.В.* Ближайшее Подмосковье в XVII — XVIII вв. // Русский город: Исследования и материалы. Вып. 2. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1979. С.141-160.
490. Рассказы и анекдоты про Петра Великого: Русский Архив, 1883, 2, 4; 1884, 6; 1889, 11 // Русский архив: Избранные страницы. Вып.1. Новосибирск: Русская беседа, 1994. С.95-200.
491. *Рахматуллин Р.* Две Москвы, или Метафизика столицы. М.: АСТ; Олимп, 2009. 702, [2] с.
492. *Рахматуллин Р.* Облюбование Москвы: Топография, социология и метафизика любовного мифа. М.: КРПА «Олимп»; Астрель, 2009. 350 с.
493. *Рахматуллин Р.* Промышленная архитектура: [Палаты Анны Монс] // Архнадзор. 2010, 2.04. 8 с. — (<http://www.archnadzor.ru/2010/04/02/promyshlennaya-arhitektura/>). (Текст опубликован в «Известиях»).
494. *Рейтенфельс Яков.* Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии (Падуа, 1680 г.) // Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1997. С.231-406.
495. Рейские вина // Большая энциклопедия / Под. ред. *С.Н. Южакова*. Т.16. СПб.: Просвещение, [1904]. С.238-239.
496. Рейхель Иоганн-Готфрид / *Н. Мичатск* // РБС. Т.: Рейтерн-Рольцберг. Пг., 1918. С.29-31; Рост Иван Акимович / *В.В. Бобынин* // РБС. Т.: Романова-Рясовский. Пг., 1918. С.305-308.
497. *Реполайнен Н.В., Соловьева Ю.Н., Солюс М.С.* Усыпальницы Введенского кладбища: Сохранившиеся к началу XXI в. М.: Волслов, 2001. 76 с.
498. Рихтер, Вильгельм Михайлович / *Н. Кульбин*; Рихтер, Михаил Вильгельмович / *А. Петров* // РБС. Т.: Рейтерн-Рольцберг. СПб.: Изд-е ИРИО, 1913. С.244-247. (Репр.: М.: Аспект-пресс, 1998); Рихтер, Вильгельм Михайлович / *Ф. Петров* // Немцы в России: Энциклопедия. Т.3. М.: ЭРН, 2006. С.308-309.
499. *Роде Андрей.* Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году, составленное посольским секретарем Андреем Роде // Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1997. С.9-42.
500. Рождение Империи / Сост. *А. Либермана, С. Шокарева*; послесл., указат., глоссарий *С. Шокарева*. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. 544 с.
501. *Романюк С.* Немецкая слобода // Наука и жизнь. 1997. № 8. С.92-100; № 10. С.92-99.
502. *Романюк С.К.* Москва за Садовым кольцом: [Энциклопедия]. М.: АСТ; Астрель, 2007. 896 с.
503. Россия-Британия: К 450-летию установления дипломатических отношений = Russia-Britain: To Commemorate the 450th Anniversary of Diplomatic Relations: [Каталог выставки] / Под общ. ред. *А.К. Левыкина*; отв. ред. *О.В. Дмитриева*; сост. *С.П. Орленко*; авт. каталожных опис. *Г.М. Рогачёв, Д.А. Диментман, Л.М. Гаврилова* и др. М.: Максим Светланов; [Музеи Моск. Кремля], 2003. 271 с.

504. *Рудольф М.* Москва с топографическим указанием всей ее местности и окрестностей: Подробная справочная книжка для приезжающих и живущих в столице <...> в трех частях (с планом Москвы). Ч.1. М.: В тип. Александра Семена, 1848. 181 с.
505. Русская портретная галерея: Собрание портретов замечательных русских людей, начиная с XVIII века с краткими их биографиями. [Вып. 12]. СПб.: А.С. Суворин, [1886]-1887. С.1-2.
506. Русские католики в Москве в конце XVII столетия / *А. Б-инь* // Исторический вестник. Т.25, № 9. 1886. С.588-599.
507. *Ручинская Т.В.* Немецкая слобода в Москве: Образная концепция // Архитектура и строительство России. 1992. № 10. С.20-24.
508. *Руцинский Л.П.* Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. М.: ИОИДР, 1871. 335 с.
509. *Рыженков М.Р.* Лефорты // Ф. Лефорты. Сборник материалов и документов. М.: Древлехранилище, 2006. С.8-16.
510. *Рыженков М.Р.* Франц Лефорты — друг и наставник Петра Великого // Военно-исторический журнал. 2007. № 3. С.62.
511. *Рябинин Ю.В.* Жизнь московских кладбищ: История и современность. М.: РИПОЛ классик, 2006. 234 с. — (Версия в Интернете: http://www.mos-ritual.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=744&Itemid=101).
512. *Савельева Е.А.* Введение // Книги из собрания Андрея Андреевича Винюса: Каталог / Сост. *Е.А. Савельева*. СПб.: БАН; Альфарет, 2008. С.7-32. (Серия «Мемориальный проект»).
513. Самодийцы // Википедия. — (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).
514. *Санин Г.А.* Петр I — дипломат: Великое посольство и Ништадтский мир // Российская дипломатия в портретах. М.: Междунар. отнош., 1992. С.14-48.
515. *Сахаров И.П.* [Предисловие к Запискам Петра Ивановича Гордона] // Записки русских людей: события времен Петра Великого / [Предисл.] *И.П. Сахарова* [Ч.1]. СПб.: Тип. Н. Сахарова, 1841. С.95-97/IV паг.
516. *Сахновский Н.Н.* Первый отечественный генералиссимус // Вопросы истории. 1987. № 7. С.178-182.
517. *Свешникова Е.* Найдена могила Лефорты? // MKRU. 2007, 5.08. — (<http://www.mk.ru/print/articles/89073-naydena-mogila-leforta.html>; <http://www.mk.ru/blogs/MK/2007/08/05/society/304605/>).
518. *Свешникова Е.* Письмо к Д.Ю. Гузевичу из МК. Москва, 31.3.2010. 1 л. — (Архив Д.Г.).
519. [Семевский М.И.]. Сказания иноземцев о России XVIII века: Записки герцога де-Лириа // Русская старина. Т.8, №7. 1873. С.28-40
520. *Семевский М.И.* Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс: 1692-1724: Очерки и рассказы из русской истории XVIII в. Изд. 2-е, пересмотр. и доп. СПб., 1884. III, 345 с. (Репр. переизд.: [То же]: Очерк из русской истории XVIII века. Л.: Худож. лит-ра, 1990).
521. *Скрицкий Н.В.* Флагманы Петра Великого. М.: АСТ; Ермак, 2004. 560 с. (Военно-историческая библиотека).
522. *Скрынников Р.Г.* Крест и корона: Церковь и государство на Руси IX-XVII вв. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 460, [3] с.
523. Словарь русского языка: В 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР. 2-е изд., испр. и доп. 4 т. М.: Русский язык, 1984.
524. *Снегирев В.* Иноземские слободы; Новая Немецкая слобода // Он же. Московские слободы. М.: Моск. рабочий, 1947. С.127-146.
525. *Снегирев И.М.* Дневник Ивана Михайловича Снегирева / С предисл. *А.А. Титова*. Т.1: 1822-1852. М., 1904. 506 с.
526. *Снегирев И.М.* О начале и распространении лютеранских и реформатских церквей в Москве // Москвитянин. 1843. Ч.4, № 11. С.270-280.
527. *Снегирев И.М.* О начале и распространении лютеранских и реформатских церквей в Москве // Православное обозрение. Т.9. 1862, сент. С.29-49.
528. Собор Антверпенской Богоматери / *Э. Вагеманс*, доп. *Д. Гузевича* // Свод петровских памятников и памятных мест Европы. Вып. 1. СПб., 2013. 2 с. (В редподготовке). — (Версия в Интернете: <http://spp.lfond.spb.ru/europe/memorials/045>).
529. Соборное уложение 1649 года: Текст и комментарии / Подгот. текста *Л.И. Ивиной*; коммент. *Г.В. Абрамовича, А.Г. Манькова* (рук. авт. колл.), *Б.Н. Миронова* и др. Л.: Наука, 1987. 446, [2] с. (Законодательные памятники русского централизованного государства XV-XVII веков).
530. «Совершенная виктория»: К 300-летию Полтавского сражения: Каталог выставки / Гос. Эрмитаж; ГИКМЗ «Московский Кремль». СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. 400 с.
531. *Соколов А.* Меншиков: Исторический роман. М.: Астрель; АСТ, 2001. 512 с. (Сподвижники и фавориты; Издательский проект «Россия»).
532. *Соколов И.* Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках. М.: Тип. Э.Лисснера и Ю. Романа, 1880. VIII, 450, 76 с.
533. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен, тома 15-16 // *С.М. Соловьев*. Сочинения в 18 кн. Кн.8. М.: Мысль, 1993. 640 с.
534. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен, тома 17-18 // *С.М. Соловьев*. Сочинения в 18 кн. Кн.9. М.: Мысль, 1993. 672 с.
535. *Соловьева Ю.Н.* Москва ушедшая: Исторический путеводитель с использованием сведений из адресной книги «Вся Москва». М.: Прессинг, 1993. 234 с.
536. [Солодовников А.А.]. Сокровища Введенских гор // Надежда (Франкфурт-на-Майне). 1983. № 9. С.217-254.
537. *Сорокин В.* По Москве исторической: Памятные места Большой и Малой Лубянки и прилегающих переулков // Наука и жизнь. 1995. № 12. С.136-143, цв. вкл., с.6-7.
538. Старокирочный переулок // Википедия. — (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).
539. *Степанов А.И.* Швейцарцы в России и русские в Швейцарии // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С.120-151.
540. *Стоклицкая-Терешкович В.* Евреи в России при Петре Великом и его ближайших преемниках / Публ. *А. Зельцера* и *Г. Казовского* // Вестник Еврейского ун-та в Москве. 1994/5754. № 1(5). С.172-214.
541. *Стрейс Ян.* Третье путешествие по Лифляндии, Московии, Татарии, Персии и другим странам // Московия и Европа. М.: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 2000. С.311-468.
542. *Таннер Бернгард.* Описание путешествия Польского посольства в Москву в 1678 году / Пер. с лат., примеч. и прилож. *И. Ивакина* // ЧИОИДР. 1891.

- Кн.3 (158), разд. III: Мат-лы иностр. XI, 203 с.
543. *Тарханова Е.* Швейцарцы в Петербурге = Schweizer in Sankt-Petersburg = Suisses a Saint-Petersbourg = Svizzeri à San Pietroburgo / Ген. консульство Швейцарии. СПб.: Петерб. ин-т печати, 2003. [8] с.
  544. *Тастевен Ф.И.* Французы-кальвинисты в России // Русский архив. 1910. Т.1, № 4. С.629-644.
  545. *Татишвили В.И.* Грузины в Москве: Исторический очерк: 1653-1722. Тбилиси: Заря Востока, 1959. 247 с.
  546. *Таценко Т.Н.* Гамбург и евангелическо-лютеранские общины Санкт-Петербурга // Санкт-Петербург—Гамбург: Балтийские побратимы = St. Petersburg—Hamburg: Partnerstädte im Ostseeraum. СПб.: Европейский Дом, 2007. С.131-147.
  547. *Телицын В.* Гордоны — шотландские и русские // Известия. 2005, 17.06. № 101. С.44.
  548. *Тиме Г.А.* Якоб Беме в России // Немцы в России: Встречи на перекрестке культур / Отв. ред. *Д. Дальманн, Г. Смагина.* СПб.: Росток, 2011. С.313-321.
  549. *Тишин И.Г.* Дневник Патрика Гордона // Советские архивы. 1969. № 2. С.110-112.
  550. *Токарев М.* Нет жизни проще, чем в Марьиной роше! // Москва и москвичи. 2007. № 5-6. — (Версия в Интернете: <http://www.m-mos.ru/2007/02/20.htm>).
  551. *Толстой А.Н.* Петр Первый: Роман. М.: Советский писатель, 1958. 660 с.
  552. *Толстой А.Н.* Петр Первый: Роман / Послесл. и коммент. *Н.И. Павленко.* М.: Современник, 1993. 731, [3] с.
  553. *Толстой, гр. Д.А.* Римский католицизм в России: Историческое исследование. СПб.: Изд-е и тип. В.Ф. Демакова, 1876. VIII, 537, [1] с.
  554. Труды и дни Александра Даниловича Меншикова: Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716-1720, 1726-1727 гг. / Публ. *С.Р. Долговой, Т.А. Лаптевой.* М.: Рос. фонд культуры; РГАДА; Росс. архив, 2004. 648 с.
  555. *Туманский Ф.* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Государя Императора Петра Великого. Ч.2. СПб.: Шнор, 1787. 335 с.
  556. 1707 // Wikipedia. — (<http://fr.wikipedia.org/wiki/1707>); Октава Пасхи // Википедия. — (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).
  557. Указы, письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1873. 23, 565, 59 с. (Сборник ИРИО. Т.11).
  558. *Уланов В.Я.* Западное влияние в Московском государстве // Три века: Россия от Смуты до нашего времени: Историч. сб. / Под ред. *В.В. Калаша.* Т.2: XVII век, вторая половина. М.: ГИС, 1991. С.39-76. (Репр.; ориг.: М.: Изд-е Т-ва И.Д. Сытина, 1912).
  559. Улица Казакова (Москва); Улица Радио (Москва); Храм Вознесения на Гороховом поле // Википедия. <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (29.9.2012).
  560. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т.2: Потешные и азовские походы. СПб., 1858. 582, [7] с.
  561. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т.3: Путешествие и разрыв со Швецией. СПб., 1858. 652, [9] с.
  562. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т.4, ч.1: Битва под Нарвою и начало побед. СПб., 1863. [4], 611, VIII с.
  563. *Усыскин Л.* Первый пиарщик земли Российской // Top-Manager (СПб.). 2004, сент. № 9. С.72-79.
  564. *Федосов Д.Г.* Летопись русского шотландца; Родословная Гордонов оф Хэддо и Охлухрис: Главные ветви // *Гордон П.* Дневник = Diary / Пер., ст. и прим. *Д.Г. Федосова.* [Т.1]: 1635-1659. М.: Наука, 2000. С.229-245, 274-275. — (Версия в Интернете: <http://www.vostlit.narod.ru/Texts/rus13/Gordon/pred.htm>).
  565. *Федосов Д.Г.* От Киева до Преображенского // *Гордон П.* Дневник = Diary / Пер., ст. и прим. *Д.Г. Федосова.* [Т.4]: 1684-1689. М.: Наука, 2009. С.232-266.
  566. *Фельдман Д.З.* О роли выкrestов в следствии и суде над патриархом Никоном: По материалам РГАДА // Памяти Лукичева: Сб. статей по истории и источниковедению. М.: Древлехранилище, 2006. С.466-482.
  567. *Филимон А.Н.* Яков Брюс. М.: Чистые воды, 2003. 459 с.
  568. *Филлюшкин А.И.* Празднование азовской победы 1696 г. // Воронеж — колыбель Российского военно-морского флота: Тезисы докладов и сообщений республиканской научной конференции, посвященной 300-летию Русского военно-морского флота: Воронеж, 16-18 мая 1996 г. / Отв. ред. *А.Н. Акиншин;* Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 1996. С.26-28.
  569. *Фирсов Н.Н.* Петр I Великий, Московский царь и император Всероссийский: Личная характеристика // Петр Великий: Pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С.337-354. (2-е изд.: 2003. С.387-404).
  570. *Флоровский А.В.* Латинские школы в России в эпоху Петра I // XVIII век. Сб.5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С.316-335.
  571. *Флоровский А.В.* Материалы по русской истории эпохи Петра I в чешских архивах и собраниях документов // Sbornik archivnich prací (Praha). Vol.18, № 2. 1968. P.543-546.
  572. *Флоровский А.В.* Первый иезуит из московских дворян // Acta Academiae Velehradensis (Olomouc). Vol.19. 1948. P.249-256.
  573. *Флоровский А.В.* Первый русский печатный букварь для иностранцев // Труды Отдела древнерусской лит-ры Института русской литературы (М.; Л.). Т.17. 1961. P.482-494.
  574. *Флоровский А.В.* Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого // Acta Universitatis Carolinae: Historica (Prague). Т.2. 1955. С.1-38.
  575. *Флоровский Г., прот.* Противоречия XVII века // Из истории русской культуры. Т.3: XVII—начало XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С.300-329. (2-е изд.: М.: Языки русской культуры, 2000. С.300-329. (Язык; Семиотика; Культура)).
  576. *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж: YMCA-Press, 1937. 574 с.
  577. *Флоровский Георгий, прот.* Пути русского богословия / Предисл. *прот. И. Мейендорфа.* 3-е изд. Париж: YMCA-Press, 1983. 599, [3] с.
  578. *Форстен Г.* Бранденбург и Москва 1688-1700 г. // ЖМНП. 1905. Ч.362. С.61-87.
  579. Франц Лефорт — ближайший сподвижник Петра Великого: Международная выставка: 17-30 ноября 1999, Михайловский замок = François Le Fort — proche compagnon de Pierre le Grand: Exposition internationale: 17-30 novembre 1999, Château Mikhaïlovski: [Буклет]. СПб.: Петерб. ин-т печати, 1999. [8] с.

580. Франц Лефорт: Страницы истории // Победа.ru. — (<http://www.pobeda.ru/content/view/1004/>; то же: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=420056>, <http://www.pobeda.ru/biblioteka/lefort.html>). (15.7.2011).
581. Франциск Ксаверий // Википедия. — (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>). (15.7.2011).
582. Храм Святых Апостолов Петра и Павла (Москва) // Википедия. (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>) (13.9.2012).
583. Хронологическая таблица по истории Русской православной церкви от основания Русской миссионной митрополии до настоящего времени: 861–1997 годы. [Б.м., 1997]. 64 с.
584. Хронология российской истории: Энциклопедический справочник = Les grandes dates de la Russie et de l'U.R.S.S. / Под рук. *Франсиса Конта*. М.: Международные отношения, 1994. 303 с.
585. *Хьюз Линдси*. Царевна Софья. СПб.: Гранд, 2001. 411 с. (Перевод с: Hughes Lindsey. Sophia — Regent of Russia: 1657–1704. New Haven; London: Yale University press, 1990).
586. *Цветаев Д.* Вероисповедное положение протестантских купцов в России в XVI и XVII веках. М.: В университ. тип., 1885. 50 с.
587. *Цветаев Д.* Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М.: В университ. тип., 1886. [8], 462, LIX с.
588. *Цветаев Д.* История сооружения первого костела в Москве. М.: В университ. тип., 1885. 130 с.
589. *Цветаев Д.* Памятники к истории протестантизма в России. Ч.1. М.: ИОИДР, 1883–1884. XXI, 245 с. (ЧИОИДР. 1883. Кн.3. С. XXI, 1–150; 1884. Кн.3. С.151–245; имеется отд. отт.).
590. *Цветаев Д.* Положение протестантов в России до Петра Великого // ЖМНП. Ч.229, n° 9. 1883. Отд. 2, с.66–99; № 10. Отд.2, с.183–207.
591. *Цветаев Д.* Протестантизм и протестанты в России до эпохи преобразований: Историческое исследование. М.: Университетская тип., 1890. VIII, 782, II с..
592. *Цветков С.* Петр I: 1672–1725: Беллетризованная биография. М.: Центрполиграф, 2001. 586 с. (Новый взгляд на историю); То же. [2-е изд.]. Там же, 2005. 591 с. (Исторические портреты).
593. *Цяловский М.А.* Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: 1799–1826. Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Наука, 1991. 784 с.
594. Часовни // Христианство: Энциклопедический словарь: в 3 т. Т.3. М.: БРЭ, 1995. С.227–228.
595. Черкасский, князь Иван Борисович / *В. Бенешевич*; Черкасский, князь Михаил Яковлевич / *Н. Тычино*; Черкасский, князь Яков Куденетович / *В. Бенешевич* // РБС. Т.: Чаадаев-Швитков. СПб., 1905. С.212–224. (Репр.: М.: Аспект-пресс, 2000).
596. *Чистович Я.* История первых медицинских школ в России. СПб., 1883. V, 662, CCCLXX с.
597. *Чистякова С.А.* История Петра Великого. Репр. изд. М.: Буклет, 1992. 512, [9], IV с. (Авт. указан ошибочно: *А.С. Чистяков*). (NV: Ориг.: [2-е изд.]. СПб.; М.: М.О. Вольф, 1903. 512, IV с.).
598. *Шамаро А.* Прихоть впечатлительной императрицы // Наука и религия. 1991. № 11. С.61–63, IV обл.
599. *Шамаро А.* Тайны старинного кладбища // Наука и религия. 1965. № 7. С.74–80.
600. *Шаркова И.С.* К истории русско-итальянских экономических связей в XVII в. // Средние века: Сборник. Вып. 35. М.: Наука, 1972. С.233–239.
601. *Шаркова И.С.* Россия и Италия: Торговые отношения XV — первой четверти XVIII в. Л.: Наука, 1981. 208 с.
602. *Шаханов А.Н.* Азовские походы // Франц Лефорт: Страницы истории / Сост. С.Л. Малафеева. М.: Мосгорархив, 1999. С. 42–55.
603. *Шебалдина Г.В.* Московские перекрестки полтавских пленников // Шведы в Москве: Материалы российско-шведской научной конференции (Москва, 1–2 июня 2000 года). М.: РГГУ, 2002. С.50–61.
604. *Шишов А.В.* Знаменитые иностранцы на службе России. М.: Центрполиграф, 2001. 620 с. (Россия забытая и неизвестная: Государственные деятели и полководцы).
605. *Шишов А.В.* Патрик Гордон: Четырех царей слуга: Исторический роман. М.: Астрель; АСТ, 2002. 464 с. (Золотая библиотека исторического романа: Сподвижники и фавориты).
606. *Шлаfli Д.* Иезуиты в России в царствование Екатерины II, Павла I и Александра I // Родина. 1993. № 12. С.16–19.
607. *Шлейссингер Г.А.* Полное описание России // Вопросы истории. 1970. № 1. С.105–124.
608. *Шмурло Е.* Россия и Италия. Т.4. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. 337 с.
609. *Шмурло Е.Ф.* = *Schmourlo E.* Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого = Recueil des documents et matériaux se rapportant à l'histoire du règne du Tsar Pierre le Grand / Собрал *Е. Шмурло* = Publié par *E. Schmourlo*. Юрьев, 1898–1903. XLV, 723 с. (Annexe: Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1898, n° 5 — 1903, n° 6). ([2е изд.]: *Idem*. Т.1: 1693–1700. Юрьев (Youriev, Dorpat): В тип. К. Маттисена, 1903. XLV, 728 с. (Отг. из Приложений к УЗИЮУ за 1898–1903, но с новыми титульными листами)).
610. *Шмурло Е.Ф.* Критические заметки по истории Петра Великого // ЖМНП. 1900, май. Ч. 329. С.54–95.
611. *Шокарев С.* Россия в царствование Алексея Михайловича глазами иностранцев; Указатель имен // Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1997. С.407–504.
612. Шхонебек (Схонебек) Адриан и ученики // Гравюра в России XVIII — первой половины XIX столетия / ГМИИ им. А.С. Пушкина. (http://www.russianprints.ru/printmakers/sh/schoonebeck_adrian/golovin_house1.shtml).
613. *Юст Юль.* Записки Юста Юля, датского посланника при русском дворе: 1709–1711 / Перевел с датск. *Ю.Н. Шербачев* // Русский архив. 1892. Кн.1, вып.3. С.273–304; Кн.2, вып.5. С.35–74; Вып.7. С.319–333; Кн.3, вып.9. С.5–48; Вып.11. С.241–262.
614. *Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Виниус: 1641–1716. М.: Наука, 2007. 560 с.
615. Яков Брюс хранит свои тайны и после смерти? // Правда.ru. 13.6.2010. — (<http://www.pravda.ru/society/313750-0/#>).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Научное издание

**Дмитрий Юрьевич
ГУЗЕВИЧ**

**ЗАХОРОНЕНИЯ
ЛЕФОРТА И ГОРДОНА:
могилы, кладбища, церкви
♦
Мифы и реалии**

Директор издательства
Е.Н. Кальщиков

Оформление, оригинал-макет
Татьяны Николаевой

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60х88/16.
Бумага офсетная Печать офсетная.
Печ.л. ??????. Тираж 500 экз.
Заказ №

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 15, оф. 53
Тел./факс: (812) 579-02-85, e-mail: evrodom2006@list.ru